

Величко Андрей
Викторович

Хроники старого
мага

Книга 1

Молодой маг, только что окончивший магическую академию, отправляется на службу в имперскую армию. Тихое, спокойное место службы оказывается в центре пограничной войны. Приходится быстро взрослеть. Боги играют и веселятся, а люди плачут.

Disciples: Хроники старого мага I

Унывная осень в Пакмарских горах. Холодный воздух, сползающий с горных вершин, сталкивается с сырими ветрами, дующими с морского побережья. От столкновения влаги и холода на склонах гор образуются низкие облака и густые туманы, сплошной пеленой закрывающие свет небесного светила. Осень на склонах Пакмарских гор всегда связана с холодной росой на камнях и скудных травах, туманной мглой и ледяной моросью. Нет, сильных дождей здесь никогда не бывает. Ветер сносит облака в долины, где они и проливаются обильными дождями, превращая пашни и луга в сплошное вязкое грязевое покрытие, а дороги в непролазные болота. После прошедшей ярмарки, продажи урожая, жизнь замирает. Люди ютятся в своих жилищах, ожидая заморозков и наблюдая за буйством природы. В эти дни они подвержены унынию, печали и радостного ожидания. Ибо упавшие сегодня дожди, на следующий год обернутся обильными урожаями. У подножия же гор это уныние природы достигает своей максимальной силы. В тех горах, удобно расположившись на небольшом плато, стоит могучий древний замок, стены которого выложены из красного гранита. Двенадцать башен, встроенные в стены гордо своими острыми крышами устремлены к небу. В центре замка находится ещё одна, самая высокая башня. Замок расположен на вершине каменистого холма. Широкой петлёй подножие этого холма огибают тихая речушка, стекающая с гор. Хозяева этого замка не напрасно потрудились, очищая склоны холма от деревьев и кустарников, создав круто возвышающееся, открытое пространство, облегчающее защитникам крепости не только обзор, но и стрельбу по атакующим. Однако уже двести лет желающих атаковать эту крепость не находилось, ибо вершину холма венчал не замок местного властителя, а могучая Академия Магических искусств Фродос. По ту сторону реки окрестные холмы и склоны гор были густо засажены диким лесом. Единственная дорога вела к замку, проехав по которой путник упирался в подъёмный мост, перекинутый через русло. Эта дорога была единственным безопасным путём в замок, огражденная не только придорожной живой изгородью, но и заклятиями. Надёжней любой охраны леса были заселены опасными монстрами, выведенные самими магами. И лишь на дорогу им не было хода. Поэтому никому не приходило в голову, идти к замку через лес.

Осенью леса и местность вокруг замка особенно живописны. Но сейчас на улице ночь, дождь льёт по-осеннему из мрачных облаков, нависших над замком. Этой ночью замок погружён во тьму, и лишь огоньки фонарей охраны, перемещающихся по крепостным стенам, говорят, что замок обитаем, и живёт своей жизнью. Узкие окна замка вертикальными чёрными зрачками смотрят на окружающий мир. В одной из боковых башен, под самой крышей тускло горит одинокое окошко. Мало кому постороннему известно, что это светится окошко жилой комнаты наставника юных волшебников, расположенной над спальнями учеников. И в ней сидит одинокий старик. Конечно же, это был волшебник, наставник. Годы оставили на нём свой отпечаток. Старая поношенная мантия из толстой шерстяной ткани покрывала его худое тело. Его голову венчала шапка длинных седых волос, стянутых на затылке шнурком в «конский хвост», лицо, иссеченное сетью морщин и мелких шрамов, снизу обрамляла коротко подстриженная седая борода. Простой деревянный посох, лишённый всяких украшений, стоял в углу комнаты в стойке, расположенной справа от письменного стола. На спинке стула висела остроконечная, широкополая шляпа зелёного

цвета. Несмотря на позднюю ночь, старик сидел за столом. Комнату освещала единственная свеча, стоявшая на подсвечнике в левом углу стола. Склонившись над столом, сощурился глазами, старик старательно выводил буквы на большом листе пергамента. Старика звали Невил. В углу его стола скопилось уже немало таких же пергаментов, исписанных аккуратным подчерком.

Да, Невил — это я. Дописав строку и поставив точку, я распрямил спину и потянулся. В такие осенние дождливые ночи мне не спится. Как же ноют кости старого оборотня. Это я о себе. Если я не сплю, то хочу проводить это время с пользой, так как времени у меня осталось мало. Только и осталось, что ожидать неизбежное. Надеюсь, мне хватит сил и времени передать мои знания и опыт своим ученикам. Похоже, это последняя группа, которую я воспитываю. Даже её, совет магов не хотел мне доверять, опасаясь, что я не доживу до их выпуска, а сменять наставника в ходе обучения не разумно. А ещё на меня возложили обязанность описать историю моей жизни. Каждый маг, прошедший путь, подобный моему, должен оставить такой труд. Это помогает хронистам обобщать опыт в сфере магии, что позволит совершенствовать заклятия и тактику их использования. Вы уже знаете легенды обо мне. Так вот — это правда, но это всё взгляд со стороны. Сам же я видел всё и воспринимал по-другому. На этих страницах я постараюсь изложить всю правду, как бы ни было неприятно вспоминать.

Великие войны

Больше двадцати лет прошло с тех пор, как закончилась последняя Великая война. Потоки крови омыли земли Невендаара, пролитые в Великих битвах. Гномы с большим трудом отстаивали свои земли. С большим трудом они сумели вернуть себе Великие руны, давшие защиту их землям. Однако потеря многих мастеров не позволило им обрести могущества и власть над всеми землями Невендаара. Эльфы, воспрянувшие было при возвращении своего бога Галеана, потеряли волю к победе после того, как сын богини нежити Мортис Лакхаан обезглавил их бога, лишив его физического воплощения. А территории на границе Империи и эльфийских кланов были отравлены его ядом. После свершения мести над Галеаном, Мортис успокоилась, и неестественное подобие жизни оставило тела её слуг, и те пали на землю, из которой поднялись. Бетрезен с трудом сумел сохранить свою жизнь. Однако был очень сильно ослаблен, поэтому войска Империи под руководством Эмри Амбрисельского смогли с помощью магии Всевышнего загнать его обратно в ад. Победив слуг Бетрезена, Империя вернула мир этим землям.

Что значит жизнь для бога, или самой Смерти, жизнь человека решается игрой в кости, которую ведут боги. Боги играют на человеческие жизни и решают их судьбу. И только кость определяет способы их гибели, и один лишь Хмурый Жнец по имени Смерть исполняет решение брошенной кости.

Карта 1 Магом становятся

Победа Империи в последней войне принесла мир Невендаару на долгие двадцать лет. Земля медленно заживляла свои раны. Люди отстроили свои города и распахали заброшенные хлебные пашни. Они стали забывать голод и страх, охвативший Империю в те страшные годы. Император Эмри и его двор всё больше и больше стали погружаться в праздность, проводя своё время в пирах, балах и охоте. Но там, куда приходит праздность,

приходит и беда. Изгнанные были демоны, снова оживились на границах Империи. Воздействуя на баронов, они внушают им желание обрести независимость от власти Императора. Бароны в поисках своей независимости ищут союзников среди нечеловеческих рас. Для обретения мощи многие из них обратились к тёмной магии. И хотя в центре Империи установился прочный мир, на окраинах продолжает идти война.

Я был странным всегда. Никогда не походил на других детей, с которыми я провел детство в своем маленьком городке. Мне было десять лет, когда к нам в городок приехали волшебники, проводящие отбор детей по их способностям. Именно они и определили, что у меня есть способности волшебника. Это изменило мою жизнь. Таких как я они выкупали у родителей, чтобы отдать на обучение в Академию Магических искусств. Империя высоко ценит каждого ребёнка с магическими способностями. Родители продали меня. Наверное, они испытали радость, когда я покинул их дом, одним ртом меньше. Цинично, но справедливо для семьи, в которой двенадцать детей, тем более, если ребёнок — чудик. Совершив длинное путешествие на телеге, я оказался в замке Фродос. Меня отдали на обучение, старому маразматiku. Это был злобный старикашка по имени Хаттон, вечно одетый в свою старую, поношенную и сильно выцветшую мантию зелёного цвета, выдавшую и лучшие времена. Он постоянно носил остроконечную широкополую фетровую шляпу зелёного цвета, как принадлежность к касте волшебников. Его лицо было изрезано глубокими шрамами и морщинами, нижней частью укрытое длиной седой бородой. Лысый, с оттопыренными ушами, он смотрел на мир и учеников злобными глазами карего цвета. Как и положено магу он носил посох — символ своей власти. Узнав больше о мире волшебников, я был разочарован. К нам в Академию приходили именитые волшебники. Их посохи поражали воображение: сделанные из дорогих пород дерева, украшенные тонкой резьбой, инкрустацией из золота, серебра, слоновой кости и драгоценных камней. Такой посох был мечтой любого начинающего волшебника. Посох нашего наставника был просто деревянный с металлической трубчатой насадкой снизу, общей длиной чуть выше его роста, дубовый, лишённый всяких украшений, вместо орнамента иссечённый зарубками от сабель, мечей и топоров. Неприятной чертой общения с нашим наставником было то, что этот посох чаще прикладывался к нашим спинам, чем к земле у его ног. За любую провинность нам доставалось палочных ударов. При этом он не забывал читать нотации, что было особо тяжело переносить. Все годы обучения в Академии для меня были сплошным кошмаром. Много позже, вспоминая об этой поре своей жизни, я был очень благодарен наставнику. Несмотря на свою злобность и жестокость, он сумел забить в нас знания и способности, которые впоследствии много раз спасали мою жизнь. Иногда мне хочется, вернуться в то время, чтобы забрать все свои обидные слова, сказанные наставнику, и попросить прощения. А вспоминая ошибки, совершённые мной, жалею, что он так мало меня бил. Но подошёл конец моих мучений в Академии Магических искусств. Настал день, когда после успешных экзаменов, мне выдали мой первый, вожделенный посох и шляпу, как символы моей власти и принадлежности к касте волшебников. Верховный наставник Академии Магических искусств Архимаг Ринсвинд прочитал нам напутственную речь и отпустил в жизнь.

Пришло время определить меня по месту службы. Империя не только отбирала нас в касту волшебников, оплачивала наше обучение, но и распределяла на магические должности, на которых мы должны были служить ей. Именно тогда я столкнулся с социальным неравенством нашего мира. Юные волшебники, происходящие из благородных

волшебных семейств, получили самые желанные магические должности при дворах императора и его баронов. А меня послали служить в армию Империи.

Часть 1

Прибыв на границу Империи, я оказался в маленьком военном городке недалеко от города Тругард, обустроенном просто, но надёжно. Там я попал в руки офицера, распределявшего бойцов по отрядам. Я долго сидел на призывном пункте, ожидая, когда за мной приедет офицер, в отряде которого мне суждено продолжить свою службу. Всё это так не походило на видения из моих мечтаний. Когда я уже совсем отчаялся, наконец-таки приехал капитан роты пограничной стражи. Мне велели собраться и выйти во двор. Во дворе я наблюдал сцену, как капитан передал распределяющему офицеру кошель с монетами. Офицер одной рукой ковырял зубочисткой во рту, второй взял протянутый ему кошель, встряхнул, послушал звон монет, оценил вес кошель, и ушёл, благодушно улыбаясь. Так я понял, что меня продали в рабство этому капитану. Капитан поманил меня пальцем к себе. Некоторое время он осматривал меня с головы до ног. Видимо, мой вид ему понравился. Вид же капитана произвёл на меня удручающее впечатление. Передо мной стоял явно боевой, матёрый офицер, прошедший множество битв. Рыцарь до мозга костей. Наездник на пегасах. Надёжные, хорошо подогнанные доспехи синего цвета носили следы неоднократного ремонта. Почти квадратное лицо с гладко выбритым подбородком и копной густых волос с проседью было загорелым от постоянного нахождения на улице, и усеяно многочисленными шрамами. Один из шрамов рассекал лицо вертикально сверху вниз, проходя через левый глаз. Теперь этот глаз смотрел жутким бельмом на окружающий мир, как напоминание о неудачной магической операции по лечению. Осмотрев меня, капитан растянул свой рот больше похожий на грубый уродливый шрам в подобие улыбки. У него во рту по линии большого шрама не хватало двух передних верхних зубов, что произвело на меня особо жуткое впечатление. При этом, пытаясь улыбнуться, он издал неприятный хрюкающий звук. Наверное, он хотел со мной подружиться, однако напугал меня этим ещё сильнее. Мои колени подогнулись, от страха я чуть не упал на землю. Улыбаясь, капитан протянул ко мне руку на уровне моей головы. Моё состояние удручало то, что я не мог понять, или он хочет меня похлопать по плечу, или убить этим движением. К счастью, он схватил меня за плечо и поволок с заплетающимися ногами к выходу. Так я поступил на службу в пограничную стражу.

Во дворе, куда меня выволок рыцарь, стояла большая крытая повозка. Такие повозки используют в армии для перевозки военного имущества и личного состава, который идёт в бой на своих двоих. Возле повозки нас ожидало восемь человек. Двое из них были явно опытными войнами, об этом говорили шрамы, украшавшие их лица, и расслабленные позы. Остальные шестеро были новобранцами сквайрами. Я слышал о них. Молодые солдаты, только что окончившие боевую подготовку в военной школе. Судя по количеству новобранцев отряд, в который нас направляли, понёс боевые потери, которые теперь они пытались восполнить. Юные сквайры стояли напряжённо. Все как на подбор высокие, светловолосые, голубоглазые, они казались братьями близнецами взятые из одной семьи. Одеты они были в одинаковые коричневые костюмы своей школы. На их фоне я казался себе маленьким гномиком. Под одеждой угадывались их крепкие мускулы, выгодно показывающие их по сравнению с моей тощей фигуркой. Капитан вскочил в седло своего пегаса. Уже находясь в седле, он подал команду на погрузку. До этого мне не приходилось слышать военных команд. Это было невообразимая смесь рыка и нечленораздельной речи.

Пока я стоял в недоумении, остальные уже сообразили, что от них требуют. К несчастью, я оказался ближе всех к входу в повозку. Я мешал остальным погрузиться, поэтому один из юных сквайров схватил меня за шиворот моей мантии и попытался отшвырнуть в сторону. Его остановил бывалый воин. Он перехватил руку сквайра, и, удерживая железным захватом, сообщил, что у них не принято обижать других членов отряда, в том числе и магов.

— Мы все находимся в одной ж. пе. Твоя жизнь в бою будет зависеть от того, как ты ладишь с другими членами отряда, а он — воин ткнул в меня корявым пальцем — будет латать твои дырки.

Сказав это, он отпустил сквайра и улыбнулся. От его улыбки пробирала дрожь, через его лицо почти горизонтально проходил шрам как раз через рот. Видимо это был удар меча. Маг залечил рану, сохранив шрам. И теперь этот шрам как бы дополнял его рот, правый угол которого загибался вверх, а левый вниз, делая его лицо похожим на гротескную маску. Пока я испытывал трепет от общения с первым воином, второй схватил меня за шиворот и зашвырнул в повозку, не особо напрягаясь. Я оглянулся, лицо второго было не лучше первого. Природа наградила этого человека огромным носом, а превратности войны пробили этот нос насквозь гоблинской стрелой. Если бы это была орочья стрела, воин остался бы без носа, но тонкая длинная гоблинская стрелка оставила на носу нашего воина рваные шрамы по обе его стороны. Маг, проводящий операцию по извлечению стрелы, был не очень опытен в области эстетики. Поэтому жертвы его операций щеголяли страшными, уродливыми шрамами. Общаться со вторым воином мне не хотелось. Усердно работая руками и ногами, я заполз внутрь повозки, одновременно втягивая за собой свои вещи. Следом за мной забрались сквайры, последним влез первый воин с изуродованным ртом, а воин с пробитым носом занял место на козлах, готовясь управлять лошадьми. Дверь повозки захлопнулась, и мы двинулись в путь.

Повозка была крепкая, с бортами из толстых досок, брезентовой крышей, но лишённая всяких удобств. Оси колёс непосредственно крепились к днищу повозки, от чего мы чувствовали на себе каждую кочку. Сиденья тоже не были предусмотрены. Повозка до половины была завалено сеном, являвшимся также и фуражом для лошадей. С трудом примостившись, мы стойко переносили этот путь, слушая байки, которые нам рассказывал воин с разорванным ртом. Постепенно мы узнали о жизни в подразделении, в котором нам предстояло служить. От него мы узнали и о том, как подразделение понесло потери, которые они собирались восполнить нами.

***

Есть боги, которым очень везёт в игре, выбрасывая кости, они постоянно выигрывают. В данный момент времени таким был бог, которого мы называем Всевышний. Конечно, бывало, что он проигрывал, но всегда незначительно. А впоследствии отыгрывался. За десятилетия он почти полностью разорил других богов. Сытая жизнь пошла ему не на пользу. Когда-то стройный и величественный, он располнел и местами даже обрюзг. И, конечно же, он стал небрежен. Сегодня за игральным столом он наголову разбил бога зеленокожих Моргота. И уже когда битвы были окончены, потребовалась ещё раз сбросить кости, чтобы определить судьбу выживших бойцов. Сонно позёвывая, Всевышний тряхнул стаканчик с костями и высыпал их на стол. Кости должны были определить судьбу одного дальнего гарнизона. Полсотни кубических костей рассыпались по столу. Все выпали

благополучным число вверх. Улыбка расплзлась по лицу Всевышнего.

— Опять удачно.

Бог Моргот насупился, только что две сотни его лучших боевых единиц были сметены со стола Хмурым Жнецом. Скрипнув зубами, он тихо проворчал проклятье. В тот же миг лицо Всевышнего перекосилось от напряжения. Какое-то мгновение он пытался сдержать свой порыв, но это ему не удалось. Все присутствующие с напряжением ждали развязки. И спустя мгновение Всевышний, содрогнувшись всем телом, громко чихнул. При этом содрогнулся не только он сам, но и стол, за которым он сидел. Кости подпрыгнули. Время замедлилось, и все присутствующие с интересом наблюдали, как кости медленно опадали на стол. Знаки на костях теперь изменились. Первой числом смерти вверх упала кость мага, а затем ещё шесть костей простых воинов. На лице всех присутствующих, кроме лица Всевышнего, отобразилось злорадство.

— Ты... — лицо Всевышнего обратилось к Морготу, выражая крайнее бешенство.

Моргот, улыбаясь, развёл руками, как бы показывая свою непричастность к произошедшему. Из угла комнаты вынырнула тёмная тень и материализовалась возле стола в высокую фигуру в балахоне с головой, покрытой капюшоном. Наступило молчание. Приход Смерти всегда нервировал присутствующих. Протянув из-под балахона костлявую руку, Хмурый Жнец смахнул со стола семь неудачно павших костей Всевышнего.

Так пали кости. Смерть отправился выполнять свои обязанности.

***

Воин со шрамом вокруг рта был прекрасным рассказчиком. Слушая его, я представлял произошедшее, будто сам присутствовал на месте. История одновременно была жуткая и поучительная.

Дело было так. Прошлой осенью орки и гоблины, в поисках новых мест для обитания, пересекли границы Империи и стали заселять её пограничные рубежи, углубляясь на нашу территорию. Проблема усугублялась тем, что они стали разорять человеческие поселения и убивать людей. Их пограничная сотня под командованием сотника Рогволда, получила приказ перебить всех орков и гоблинов, очистив от них эту территорию. Правда, сотней их отряд можно было назвать с большой натяжкой. С тех пор как закончились Великие Войны, в войсках наблюдался сильный некомплект личного состава. Поэтому отряд насчитывал чуть больше пятидесяти человек. Свою задачу отряд выполнил очень хорошо. Орки и гоблины были разбиты, остатки бежали обратно за реку, являющуюся пограничным рубежом Империи. Война с зеленокожими длилась до весны. Поздней весной они вернулись в свои казармы и смогли по-человечески отоспаться. Капитан дал им возможность отдохнуть, и поэтому следующие несколько дней они проводили в кабаках и борделях, кроме тех, кому не повезло выходить в наряды и патрули. Здесь и произошла вся эта неприятность. Шестеро перепивших солдат, поспорили, сможет ли их ротный маг выжить после удара мечом. Глубина удара не оговаривалась. Мнение самого мага никого не интересовало. К несчастью, именно в этот момент магу приспичило зайти в кабак, промочить горло кружечкой пива. Едва переступив порог, он столкнулся с этими пьяными солдатами. Без всякого предупреждения ему нанесли удар мечом и разрубили его тело от плеча до пояса. Маг упал на землю и забился в конвульсиях. Кровь обильно хлестала из его раны. Спустя несколько мгновений он истёк кровью и умер. Никому не пришлось в голову оказать ему помощь. Стоя

над телом мёртвого мага, пьяные солдаты смеялись, тыкая друг в друга пальцами. При этом они громко сообщали, кто проиграл в этом пари.

Хмурый Жнец вошёл в таверну, как всегда, через стену. На полу лежал истекающий кровью маг, его время вышло. Жнец приблизился, душа мага отделилась от тела и встала над ним. Лицо этой души в посмертии выражало сильное удивление «за что?». Шестеро солдат смеялись над изувеченным магом. Жнеца всегда удивляли человеческие эмоции. Проведя с людьми бесчисленное количество лет, он так и не смог их освоить и понять. Грань миров истончалась для этих солдат. Подражая человеческому смеху, Жнец издал ряд непонятных ему звуков: «Ха, Ха, Ха». Получилось мрачно. Смех солдат оборвался. Они все дружно повернули головы в сторону Жнеца. Теперь они его видели. Смерть с интересом наблюдал, как прямо на его глазах трезвеют эти солдаты. В этот момент в таверну вошёл капитан Рогволд. Он мгновенно оценил ситуацию. Солдаты только стали поворачиваться в сторону вошедшего капитана, когда он издал нечленораздельный рык, перемешанный со словами ненормативной лексики. Прежде чем кто-то сумел пошевелиться, капитан выхватил из ножен меч и взмахнул им, срубив сразу три головы. Продолжая нецензурно выражаться, он стал гоняться за оставшимися тремя идиотами, убивая их поочерёдно. Срезав с них кошельки, он покинул таверну со словами: «Мля, придётся платить за мага». Смерть так и не понял, какому Мля надо заплатить за мага, если тот ничего не пил и не ел, но он пришёл не для того, что бы понимать, а для того, что бы выполнить свою работу. Повернув к себе лезвие косы, он прикоснулся к нему своим костяным пальцем. Лезвие засветилось бледным, синеватым светом. Взмахнув всего лишь один раз, Смерть перерезал нити жизней всех семерых убитых. Души убитых медленно растаяли в этом мире, переходя в мир иной.

***

Незаметно за разговорами мы доехали до расположения воинского гарнизона. Услышанное произвело на меня удручающее впечатление. Конечно, нас готовили к военной или гражданской службе, и рассказывали разные истории. Но эта повергла меня в шок. Можно было представить, какие нравы царят в этом подразделении. Моё сознание рисовало мне ужасные картины событий, которые могли со мной случиться. Мои сослуживцы казались мне ужасными монстрами, истребляющие всё на своём пути, не щадящие даже друг друга, регулярно убивающие собственных магов в виде жертвы. Стоит ли удивляться, что к моменту въезда в крепость, я представлял собой весьма жалкое зрелище. Я путался в собственных одежде и вещах, и не мог выбраться из повозки. Видя моё беспомощное состояние, сквайры выволокли меня под руки из повозки наружу. Оглядевшись вокруг и осознав, что мы доехали до места моего жертвоприношения, я впал в ступор и практически терял сознание. Во дворе находилось два десятка бойцов, которые занимались воинскими упражнениями с оружием. Заметив, что во двор въехала повозка с новобранцами, они прекратили свои занятия и стали подходить к повозке. Чем ближе они подходили, тем дурнее мне становилось. Казалось, что сейчас меня начнут резать мечами. Капитан перелетел прямо через крепостную стену и приземлился посреди двора. Спрыгнув на землю со своего пегаса, он потрепал своего летучего скакуна за холку, погладил его нос и сунул ему что-то в рот. Подбежавший слуга забрал поводья пегаса у капитана и повёл благородное животное в конюшни. Улыбающийся капитан, всем своим видом показывающий удовольствие этого дня, медленно повернулся в нашу сторону. Взглянув на нас, его улыбка

медленно сползла и сменилась удивлением.

— Джокер, что это наши новобранцы такие бледные?

Я оглянулся. Не только я один находился в подавленном и запуганном состоянии. Сквайры-новобранцы выглядели не лучше меня.

— Ну, капитан, я их немного развлёк рассказами о нашей жизни.

— Поточнее.

Джокер замялся и стал перетаптываться с место на место. Капитан пошёл на него, пристально сверля его единственным глазом.

— Я рассказал, как мы потеряли мага и этих...

Я услышал утробный рёв, издаваемый капитаном. Джокер весь сжался. В последующие пять минут капитан произнёс длинную речь, почти полностью состоящую из ненормативной лексики. Лишь небольшое количество слов им сказанных были мне известны. Но общий смысл я понял. Я глянул на молодых сквайров. Их настроение явно улучшилось, теперь их лица выражали крайний восторг. Не надо было быть мудрецом, чтобы понять — капитан стал их кумиром. Похоже, я единственный в компании вновь прибывших не разделял общий восторг. Закончив тираду, капитан глянул через плечо назад.

— Раймус, проверь новобранцев.

Старый опытный рыцарь, который несколько минут назад руководил упражнениями мечников во дворе, кивнул головой. Не произнося ни слова, он пристально посмотрел на новобранцев, протянул руку и поманил их к себе пальцем. Сквайры повиновались и, двигаясь друг за другом, отправились к месту занятий. Капитан перевёл взгляд на меня, направил на меня палец и сказал:

— Ты идёшь за мной.

Указательный символ руки перешёл в манящее движение. Не давая больше никаких указаний, капитан развернулся и зашагал в сторону зданий. Я безропотно отправился за ним. Мы миновали площадь с тренирующимися на ней бойцами, прошли мимо здания казармы, канцелярии и направились к зданию, которое можно было назвать хозблоком. Чуть в стороне виднелось одноэтажное здание техслужбы. Судя по выставленным снаружи здания изделиям, внутри здания помещались кузница, слесарная, столярная и кожевенная мастерские. Здание хозблока было разделено на две части: слева находились лазарет, аптека и комната импровизированного храма; справа находились прачечная, швейная мастерская и химическая лаборатория. Не дойдя до здания несколько шагов, капитан остановился, вытянул руку и указал на одну из башен, пристроенную к крепостной стене и сказал:

— Магическая башня, там ты будешь жить.

Переведя руку в другом направлении, он указал на одноэтажную постройку и добавил:

— Столовая, там ты будешь питаться.

После этого он ввёл меня внутрь здания. Оказавшись в полутёмном помещении, я временно перестал видеть направления движения. Некоторое время я двигался за силуэтом капитана. Однако запахи, разносящиеся вокруг, безошибочно указали мне конечную цель нашего пути. Мы шли в сторону больничного крыла. Прежде чем распахнулась дверь в комнату, я уже знал, что меня ждёт.

В комнате находилось два десятка кроватей. Стены комнаты были грубо окрашены белой краской. Четыре окна давали достаточно света, в дневное время комната не нуждалась в дополнительных светильниках. Дальняя часть комнаты была огорожена шторкой, сейчас она было открыта. За этой шторкой находилась операционная комната. Семь из двадцати

кроватей сейчас были заняты. Раненые бойцы при нашем появлении приподняли головы и посмотрели на нас. Старая нянечка, ходившая между кроватей, обернулась в нашем направлении. На её лице отразилась улыбка, она как бы говорила нам «наконец-то».

— Это твоё место работы — проговорил капитан — были стычки с гоблинами. Бойцам нужна твоя помощь.

Проговорив это, капитан ушёл, оставив меня посреди комнаты. Я втянул в себя воздух. Пахло лекарствами, застарелым потом, не мытыми телами, гноем и испражнениями. Помимо этого, моя сущность мага улавливала эманации боли и страха. Сейчас к ним добавились чувства надежды. Только дураку кажется, что маг живёт среди роз и благовоний. Нет, жизнь мага проходит именно среди таких запахов и эманаций. Если бы мир не знал боли, то он не нуждался бы в нас.

Я медленно двинулся по проходу вдоль больничных кроватей. С каждым шагом я всё больше и больше распрямлял спину. Однажды я слышал, как крестьяне говорили, что ровная, горделивая осанка волшебников появилась от раздутого самомнения, презрения к простым людям и высокомерия. Я внутренне улыбнулся. Возможно, что где-то это и так, но не в нашем случае. Стройная осанка нужна для контроля наших чувств и эмоций. На памяти всплывали слова наставника: «Единственное чего должен бояться волшебник — это потеря контроля над собой! Выпрями спину, прими ровную осанку, придай своему лицу спокойное выражение лица. Понижай градус эмоций. Ты увидишь, как твои мысли успокоятся. Только в таком состоянии ты должен совершать свои действия!» Я встрепенулся. Мысли о наставнике были не очень приятны. Однако я попытался выполнить его наставления. По мере того, как я приближался к кроватям больных, мои мысли успокаивались.

Первое, что я должен был совершить — выбрать больных, которых надо лечить первыми. «Лёгких оставь на потом. Сначала определи тяжелых, а среди них определи тех, кто умрет первым и можно ли его спасти. Сколько на это потребуется времени, — вновь зазвучал голос в моей голове. — Соотнеси время, нужное для лечения этого больного, со временем, нужного для лечения остальных тяжелых. Это тяжёлый выбор, но его придётся пройти. Так ты спасёшь максимально возможное количество людей». Я знал, что это время придёт. Теперь я стоял перед таким выбором.

Медленно шагая, я прошел мимо кроватей с ранеными бойцами. Оглядел их с головы до ног. Всевышний милостив! Никто из раненых не собирался умирать. Раны были разной степени тяжести, но я мог лечить их не спеша. Раненые провожали меня настороженными взглядами. Отчётливо чувствовалось их напряженное ожидание. В палате установилась тишина. Все ждали моего слова. Я волновался, но это не мешало мне чувствовать их эмоции и состояние. Глядящие со стороны думают, что у мага есть «третий глаз», способности к ясновидению. Конечно, у нас такая способность есть, именно по ней и отбирают магов. Но наше обучение включало умение определить состояние больного без сверхспособностей. Общий вид, запах, звуки, издаваемые людьми, цвет их тел и испражнений.

Вновь всплыли слова наставника: «Распахни мозг. Отбрось предубеждения. Не считай себя непогрешимым. Будь готов принять свои ошибки. Воспринимать впечатления надо чистым рассудком. Дай мозгу найти нужное решение». Я остановился возле койки, ближайшей к операционной. С высоты своего роста я оглядел больного. Невысокий, худощавый боец средних лет, ладно сложенный. Он лежал на спине, глядя на меня серыми глазами. Тёмнорусые волосы, давно не мытые, сосульками свисали ему на лоб до самых глаз, опускаясь густой копной до основания шеи. Его лицо с правильными чертами одновременно

выражало боль, страх и надежду. Его руки, вытянутые по швам, судорожно сжимали покрытие матраса. Ноги были спрятаны под одеялом, но вполне отчётливо были видны. Левая нога была слегка вывернута под неудобным углом относительно оси ноги и имела утолщение в области колена. Я втянул запах носом. Немытое тело, запах свежей крови, потихоньку сочащейся в повязки, лёгкий запах гноя. Моё сознание нарисовало мне рану от копья с широким наконечником, пробившим ногу вблизи коленного сустава. Рана была не тяжёлая, но были повреждены связки, а занесённая грязь стала вызывать нагноения. Дело было не тяжёлым. Надо было решаться.

Я поискал глазами нянечку. Полноватая, престарелая женщина поспешила ко мне. Встретившись с ней глазами, я произнёс:

— Будем готовить его к операции, — подумав, я добавил. — Хорошо бы позвать пару крепких ребят в помощь.

Конечно, говорил я это больше для себя. Нельзя было ожидать помощи в непонятной ситуации от неизвестных людей. Однако не успел я договорить, как бабуля резко повернулась по-военному на каблуках и быстрым шагом отправилась к двери. Пока я приходил в себя, она вышла за дверь. Во дворе раздались громкие команды, сказанные ею. Послышались ответные крики, приказы. Разобрать слова мне не удалось, но общую суть я понял. А ещё до меня стало доходить понимание того, что здесь в военном городке команды отдаёт не только капитан. Похоже, что каждый командует в своей области, и это никого не удивляет. Не прошло и минуты, а в дверь стали проталкиваться два здоровых тела. Я сглотнул разом образовавшуюся слюну. Говоря о крепких ребятах, я не подозревал, что настолько. Для меня дверь была большой, прямо парадной. Но эти вошли, сильно пригнув головы и шаркнув плечами о косяки. От этого дверной проём жалобно заскрипел. Войдя, они расправили плечи, показывая себя, и радостно улыбнулись.

Похоже, они считали эту работу развлечением. Мои ноги стали непроизвольно подкашиваться. Следом в дверь проскользнула нянечка. На их фоне она казалась маленькой. Оглядев комнату и двух красавцев, она громко гаркнула на них. Удивительное дело, но плечи красавцев сразу поникли, и сами они как бы уменьшились в размерах. Она стала отдавать им команды. Пояса красавцев вместе с мечами полетели на крайнюю кровать. С удивлением я осознал, что на каждом поясе было по два меча, помимо сумок и мелочёвки.

Мы достали носилки. Красавцы, под руководством нянечки, переложили раненого на них и перенесли в операционную. Там они переложили его на стол. Предоставленный самому себе, я занялся приготовлением. Закатав рукава и надев медицинский фартук, я с ожесточением отмывал свои руки. Конечно, мне доводилось проводить сращивание ран в разных условиях, но если была возможность, то предпочитал чистоту. Этому меня научил наставник. Вспомнив о нём и науке, преподанной мне, я невольно поёжился. У меня внезапно зачесалась спина между лопаток, то место, куда он мне бил посохом за плохо промытые руки. Сколько было слёз и обид? Но всё в прошлом. Я развернулся к столу.

Раненый лежал, вцепившись руками в края стола. Он был бледнее обычного, но пытался сохранять бодрый вид. Пора было начинать. Я подошёл к столу.

— Мне нужно, чтобы вы держали его, пока я буду сращивать рану.

Говорил я вежливо. Мои помощники не сдвинулись с места. Судя по их лицам, подобное обращение было для них в диковинку.

— Где держать то надо? — спросила нянечка.

— Вот здесь, за ноги, возле коленей и за плечи. — Проговорил я, смутившись.

Я потыкал пальцами на теле больного. Нянечка кивнула головой и повернула лицо к красавцам. Её глаза опасно сузились, челюсть выдвинулась вперёд, рот приоткрылся, но ничего сказать она не успела. Красавцы рванулись к столу с огромной скоростью, напугав меня и заставив попятиться. В мгновение ока раненый оказался прижат к столу столь сильно, что даже захрипел. Сомневаюсь, что у него были шансы вырваться из этих рук. Я успокоил себя и шагнул к столу. Настал мой момент истины.

Я подошёл к голове раненого и положил левую руку ему на лоб. Вторую руку я поднёс ему ко рту. В правой руке у меня находился небольшой деревянный черенок, очищенный от коры.

— Закуси, будет легче.

Раненый повиновался. И черенок переключался из моей руки в его рот. При этом его рот растянулся чуть не до ушей, а зубы намертво закусали дерево поперёк рта. После этого мой путь закончился напротив его левой ноги.

Я напряг свою волю. Всеми силами души я старался успокоить свои эмоции. В голову, как назло, лезли разные мысли. Приходилось тратить много усилий для того, чтобы очистить свой мозг. Моё тело было напряжено, несмотря на все попытки расслабиться. Хвала Всевышнему, что это была не первая моя операция. Руки не дрожали.

Требовалось для начала снять повязки. В Академии нас учили сберечь перевязочный материал. Это правило сохранялось и строго поддерживалось со времён Великих войн, когда ткани для повязок постоянно не хватало. Это правило вбивали в нас с самого первого дня обучения. Взяв тазик с тёплой водой, я намочил в нём небольшой платок, видимо специально используемый для этой цели. Мокрую ткань я наложил сверху на засохшую корку повязки. От моего прикосновения раненый дернулся. Его лицо перекошилось, и он глухо зарычал. Это было для меня что-то новое. Обычно пациенты госпиталей, в которых нам приходилось работать во время обучения, стонали, плакали и даже громко вопили. Рык был для меня новостью. Его глаза впились в меня. На них отразились недобрые намерения.

— Спокойно. — Сказал я больше для себя, чем для него. — Ничего страшного не происходит.

При этих моих словах нянечка оказалась возле его головы. Схватив его за небритый подбородок, на котором проступала недельная щетина, она развернула его лицо к себе.

— Ну? — сказала она, глянув в его глаза.

Раненный сразу же обмяк. Его голова откинулась на подушку, а пальцы ещё крепче вцепились в края стола, натянув ткань так, что казалось, будто она сейчас порвется. Я продолжал смачивать повязку, перемещая по ней мокрую ткань. Я чувствовал, как под моими пальцами засохшая корка на повязке постепенно размокает и становится мягче. Конечно, опытный маг сразу определяет, когда повязка размокнет и её можно будет снять, не причиняя пострадавшему сильной боли. Но мой опыт был недостаточен, и я мог рассчитывать лишь на везение. Я размачивал повязку до тех пор, пока из-под неё вместе с водой не стала вытекать кровь. Пора, решил я. Отжав воду с ткани, я уложил её в чашку рядом с тазиком. Развязав скрепляющий узел, я стал разматывать повязку, сразу же скручивая её в валик. Ткань была мокрая, местами пропитана скользкими, неприятными на ощупь комками размокшей крови. По мере разматывания кровь текла обильнее. Запахло гноем, застарелой свернувшейся кровью. Я снял последний слой повязки. Нянечка своевременно подала мне ведёрко, в которое я и скинул валик. Открылась рана. Зрелище было неприятное. Да я угадал. Широкий, заостренный наконечник пронзил ногу воина.

После чего противник провернул копьё в ране, разорвав ткани ноги и перерезав сухожилия. В углах раны расположились засохшие сгустки крови. В разрезе раны виднелись углубления, разорванные сухожилия. Ткани были воспалены. Их, конечно, промыли и стянули, но грязь и зараза успели проникнуть в рану. В глубине раны виднелась белая кость. Во всём этом великолепии сочилась кровь, разбавленная водой.

Теперь предстояло излечить раненного. Для начала следовало очистить рану от попавшей грязи, сгустков старой крови и накопившегося гноя. С инструментального стола я взял металлическую чашку. Поднес её к ране и приставил к ноге чуть ниже неё. Теперь предстояло сделать нечто несовместимое для обычного человека. Нужно было расслабить мозг и сконцентрировать сознание, расслоить духовную оболочку при включённом зрачке иного видения. Назвался магом — умею. Этому тебя и учили. Я напрягался изо всех сил, достигая этого состояния. Этот мир не захотел меня отпускать. Было сложно. В голову сразу начали лезть посторонние мысли. Мой нос нестерпимо зачесался, а мышцы на спине между лопаток внезапно скрутило спазмом, и они заныли. Однако опыт таких переходов уже брал своё. Мир расширялся и одновременно сжимался в тугую глобулу, как бы это ни казалось парадоксальным. Предметы, окружавшие меня, наполнились красками и ароматами, которых ранее не было. Краски мира наполнились ароматами, а запахи обрели цвет. Свет стал осязаемым и материальным. Мысленно я мог прикоснуться к нему. Мне казалось, что моё тело выросло в размере, будто моя голова стала огромной. Казалось, будто мои руки выросли в объёме, а предметы в них уменьшились. Я испытывал чувство уменьшения веса, будто меня раздувало как шарик, который зажиточные горожане носят в руках на праздниках. Было ощущение, что чувствительность рук и тела снизилась, но это было не так. Тело давало полный объём чувств, а ещё к ним присоединились чувства иного видения. Язык человека слишком беден, чтобы объяснить мои чувства в тот миг. Наставники много раз пытались разъяснить мне природу и ощущения этого состояния, но лишь оказавшись в нём, пройдя этот путь, я понял их слова. И даже то, о чём они не могли сказать.

Я потянулся к больной конечности. Это только простому человеку кажется, что у него одно тело. Как объяснить ему, что у него в данной точке пространства присутствует сразу семь тел. Зрелище было впечатляющее. Каждое тело в той или иной мере копировало все остальные тела. Изменение в одном из тел отражалось в остальных телах. Хорошо, что изменения в остальных телах происходило не мгновенно, а спустя определённый срок. Этим и пользовались маги при излечении больных и раненных. Я видел рану в физической оболочке, но она ещё не отразилась в энергетических оболочках. При излечении нужно провести обратный процесс: нужно заставить тело произвести изменения от здоровой энергетической оболочки в повреждённую физическую оболочку. И для этого сначала нужно убрать гниль, порожденную отмирающими клетками организма. Иным видением я ощущал гниль как большое темное пятно в здоровых тканях организма. Видение было таким, будто какое-то живое существо свило себе гнездо на повреждённой ноге воина, пытаюсь проникнуть своими щупальцами вглубь ноги и далее в тело. А те щупальца, что не были погружены в тело жертвы, медленно извивались в воздухе, рассеивая вокруг тёмные пятна запаха. Надо было извлечь этого паразита из тела.

Простому человеку кажется, что при лечении маг проводит странный обряд. Иногда просто идиотский. Думайте что хотите, но мои действия всегда рациональны. Я никогда не старался пустить пыль в глаза, напустить мистики. Я держал миску левой рукой. Пальцами правой руки я прикоснулся к донцу чашки. Обряд начался. Я видел, как от донца чаши и до

моих пальцев протянулась светлая полоса энергии. Стараясь не совершать резких движений, я потянул эту полосу к паразиту. Казалось, будто я размазываю пальцами белую краску по поверхности, вот только этой поверхности не было. Полоса тянулась по воздуху. Осторожно я коснулся паразита и вдавил полосу немного вглубь его. Щупальца паразита попытались обвить мою руку. Я сделал усилие и мысленно потянул паразита из тела больного. Щупальца сразу соскользнули с моих пальцев и тут же прилипли к белой полосе. Я усилил тягу. Щупальца паразита вытянулись и коснулись дна чаши. Гниль начала перетекать из тела в чашу. Я отчётливо видел все поврежденные ткани. Я стал расслаивать тело, переводя гниль в энергетическую оболочку из физической формы. Потеряв связь с физической оболочкой, гниль стала обильно вытягиваться из тела и по белой полосе перетекать на дно чашки. Щупальца паразита стали вытягиваться из больной ноги. Покинув тело, гниль снова переходила в физическую составляющую. Вокруг стал распространяться сильный запах гниющей плоти. С каждым мгновением запах усиливался. Было видно, как скривились лица моих помощников. Как нянечка сморщила лицо в брезгливой гримасе и зажала нос и рот рукой. Мои ощущения подсказали мне, что моё лицо тоже искривилось, но тягу я не ослабил.

Я заметил, что по мере удаления паразита из тела раненого бойца, аура воина менялась от синевато-серой до сине-красной с серыми участками. Воин испытывал боль. И чем дальше, тем больше. Раздался скрип деревянного черенка, разгрызаемого зубами. Его тело стало выгибаться дугой. Он стал биться в руках воинов, исполняющих роль моих помощников. Его лицо перекосилось от испытываемой боли. С уголков губ по щекам потекла слюна. Глаза приобретали бешенное, затравленное выражение, но звуков он не издавал. Когда красного цвета стало много, он стал отделяться от тела и пульсирующими каплями утекать в пространство. Человек терял энергию. Не ослабляя тяги, я создал ментальную сеть и набросил на воина. Энергию следовало собрать и использовать. На память пришли слова наставника: «Настоящий маг должен обладать определённой долей цинизма и жестокости. При лечении больной человек в любом случае потеряет часть своей энергии. Ты должен собрать её и использовать для усиления воздействия. Лечи больного его же собственной энергией, его же собственной болью. Маг, излечивающий только собственными запасами силы, быстро приводит своё тело к истощению. Излечив одного человека безболезненно, ты можешь обречь сотни других больных на гибель».

Эманации боли — сильнейший источник силы. Известны случаи, когда маги намеренно причиняли больному боль и подвергали наказанию для лечения. Боль не обязательно должна была быть физической. Особенно омерзительным в моём понимании было причинение боли невиновным людям для получения энергии при излечении особей правящих династий. Неужели когда-нибудь и я опущусь до такого? Пока что я не брал от больного больше силы, чем было нужно для излечения его самого. Кажется, я вздрогнул и отвлёкся. Тяга ослабла. Белая полоса начала истаивать. Я вновь сконцентрировался, отогнав ненужную мысль. Полоса вновь засияла, а паразит пошёл быстрее. Мысленно я потянул к себе плавающие в ментальной сети капельки боли. Надо было скопить комок побольше.

Постепенно чаша наполнялась жидкостью с плавающими в ней комками старой свернувшейся крови, гноя и кусочками отторгнутой плоти. Я испытал облегчение, когда последние нити щупалец паразита покинули плоть больного и упали в чашу. Полоса втянулась туда же. Теперь можно было убрать чашу подальше от этого места. Помимо неаппетитного вида, содержимое сильно донимало нас запахом, от которого уже начинали слезиться глаза. Нянечка подала мне ведро для отходов, и я слил в него содержимое чаши.

Саму чашу я тоже отдал ей. Нянечка сполоснула чашу водой, слила содержимое в то же ведро. После протерла чашу тампоном, смоченным в растворе щёлочи. Пора было приступать к лечению.

Обе мои руки были свободны. Одну из рук я наложил на ногу больного чуть выше колена. Слегка сжал ногу, чтобы отвлечь внимание пациента от моих действий. Теперь я должен проникнуть своей рукой в тело раненого. Конечно, физически это невозможно. Плоть не пропустит меня. Нельзя расположить в одной точке физического пространства материю двух разных предметов. В данном случае моей руки и ноги раненого. Но в том-то и дело, что физически я проникать не буду. Меня учили расслаивать слои реальности. Не навсегда, но на небольшой промежуток времени я могу переместить плоть своей руки в энергетический спектр реальности. Теоретически это можно сделать с любой частью своего тела. Великие волшебники не раз демонстрировали нам фокусы. Они мгновенно расслаивали реальность, пропуская через своё тело разные предметы, будь то мечи или стрелы. Извлекали из себя кинжалы, и на месте удара не оставалось ран. Могли проходить сквозь двери или стены. Это делалось столь быстро и виртуозно, что мы всегда приходили в полный восторг. Но наше обучение не предполагало такой глубокой подготовки. Нас готовили по упрощенной и укороченной программе. Дальнейшей подготовкой мы должны были заниматься сами. Результаты зависели только от таланта самого волшебника. И всегда после каждой такой демонстрации нам внушали, что ни при каких условиях, кроме спасения собственной жизни, нам нельзя открывать свои вновь приобретённые способности простым людям — не волшебникам. Показав им свои способности, можно добиться всего что угодно — от страха и ненависти, до зависти и жажды наживы. Известно много случаев, когда волшебники погибали именно от этого. Поэтому волшебное сообщество сообщило правителям людей, что они обладают способностью проникать только в живую плоть рукой для излечения, утаив остальное. Но, даже зная о способности к развитию этих возможностей своего тела, большинство магов не спешили совершенствоваться. Обрётённые в школе способности их вполне устраивали. Ими они пользовались на протяжении всей жизни. А жизнь у боевых магов оказывалась часто очень короткой, чтобы развиваться. Впрочем, как и у большинства воинов. Маги, попавшие на службу в центральные области империи, ещё могли рассчитывать дожить до старости. Но сытая жизнь редко способствовала их развитию.

Теперь я должен проникнуть в плоть раненого, переведя свою руку в энергетический спектр. Процедура крайне неприятная, как для воина, так и для меня. В определённой степени болезненная для нас обоих. Глядя на свою руку вторым видением, я стал переводить руку в энергетический спектр. Казалось, будто плоть перетекает из этой реальности в параллельную. Плоть руки истаявала в физическом мире до тех пор, пока не осталась лишь её видимость. Рука, перешедшая на энергетический уровень, стала немедленно менять оттенок своей ауры с голубоватого на красный. Ощущение было такое, будто руку поместили под горячую воду. Рецепторы руки стали испускать сигналы боли. Всё моё естество воспротивилось этому акту, требуя немедленно прекратить насилие над собой. Я плотно сжал губы, контролируя сигналы тела. Легче не стало, но переход я завершил. Теперь надо было погрузить руку в тело раненого и завершить лечение как можно быстрее, сократив агонию для себя и для него. Я стал вводить руку в тело больного. Сначала нужно было срастить связки. Второе видение позволяло мне видеть концы оборванных сухожилий. Я настойчиво повёл руку к ним, намериваясь пальцами прикоснуться к ним. На всём протяжении движения моей руки в его теле, аура плоти больного менялась на красную.

Раненый забился в руках моих помощников. Он пытался вырваться, но его крепко держали. Мысленно я поблагодарил помогавших мне красавцев. Когда-то наставник в качестве познания ввел свою руку мне в живот на уровне солнечного сплетения. Ощущение боли было почти запредельным. Казалось, будто в меня вонзили раскалённое железо и поворачивают внутри тела. Если мои ощущения и война совпадали, то его нежелание это терпеть понятно. Я старался сделать работу быстрее. Прикоснувшись к концам разорванных сухожилий, я повёл от них белые полосы к местам их закреплений к кости. Как только я закрепил полосы к намеченным местам, сразу же стал выводить руку из плоти. Теперь требовалось стянуть разорванные связки. Я напрягся изо всех сил. Белые линии стали утолщаться. Сначала они натянулись как канаты, а после стали сокращаться в длину, одновременно увеличиваясь в ширину. Послышался скрип разгрызаемого черенка. Помощники прикладывали немалые усилия для удержания раненого. Рука горела. Даже возвращенная в нашу реальность, она продолжала чувствовать боль. Говорят, что некоторые волшебники во время больших сражений лечили раны так часто, что их руки покрывались ожогами. Боль не утихла. Хотелось самому всё бросить, убежать, упасть на землю и забиться в конвульсиях. Найти емкость с холодной водой и окунуть в неё руку. Но я сдержал порыв. Позже. Я неукротимо сжимал белые полосы. Наконец концы порванных связок и сухожилий соединились вместе. Теперь они выглядели так, как им положено. Спасибо наставнику. Он заставил меня выучить анатомию. Сколько было боли и слёз? Но результат того стоил. Белые полосы превратились в сплошные белые пятна, размазанные по местам стыков. Теперь требовалось их срастить. Магическая связка не вечна.

Я направил своё внимание на рой красных капель боли, плавающих в моей ментальной сети. Их количество явно прибавилось. Теперь надо было их использовать. Я усилием воли потянул их к себе, создав мысленную дорожку к ране. Я задал программу и наблюдал, как она исполняется. Я наблюдал как соединительные клетки ткани — фибробласты — синтезируют коллаген и эластин, соединительные белки организма. Видел, как белковые волокна укладываются вдоль соединений магических связок, заполняя травмированную зону. Красные капли боли врывались в рану и впитывались тканями. Конечно, в обычных условиях на заживление раны требуются недели лечения. Но здесь и сейчас, при моём воздействии и целенаправленном потоке жизненной энергии, это происходило в разы быстрее.

Мне пришлось ещё дважды погрузить руку в тело раненого. Один раз для того, чтобы срастить мышечные волокна, другой раз — стянуть кожу. Воин дал мне энергии с избытком. Я мог гордиться своей работой. Под коленом воина образовалась тоненькая извилистая ниточка шрама. Такими тоненькими шрамами восторгался ещё мой наставник. Он не зря приложил столько усилий на моё обучение. Теперь я и сам испытывал гордость за этот шрам. Я протёр тканью ногу воина в месте ранения, удаляя остатки крови и сукровицы.

— Готово, — сказал я. — Можно отпускать.

Мои помощники медленно отпустили воина. Воин продолжал лежать на столе. Его вид был изможденный и опарашенный. Глаза были широко раскрыты. Нянечка оказалась возле его головы и подёрнула за деревянный черенок, зажатый у него во рту. Челюсти воина разжались, и черенок спокойно вышел наружу. Всё ещё ошеломлённый воин медленно сполз со стола на землю. Он встал ногами на землю, опираясь на здоровую ногу и пробуя встать излеченной ногой. Он держался за стол и при этом трогал пол пальцами ноги, всё ещё не доверяя ей.

— А ты быстро, — вмешалась нянечка. — И пяти минут не прошло. Всё сделал сразу.

— Что тянуть? — спросил я, опуская правую руку в чашу с водой, в которой до этого мочил ткань. — Сразу излечил и отпустил. Даже шрама почти не видно.

Я горделиво выпрямился. Мои помощники разминались по другую сторону стола, пили воду (я надеюсь). Я испытывал радостное удовольствие от проделанной работы и остывающей руки. Внезапно излеченный мною воин встrepенулся.

— Как это нет шрама?

Он стал лихорадочно задирать штанину, успевшую опуститься. Задрав её чуть выше колена, он стал взволнованно осматривать и ощупывать свою ногу.

— Шрама нет! — завизжал он. — Ты мог оставить мне шрам?

Я удивлённо застыл. Впервые в жизни мне предъявляли такую претензию. Обычно дело было с точностью до наоборот. Пациенты госпиталей требовали убрать шрамы, во что бы то ни стало. Объяснения, что шрам и так максимально аккуратный и тонкий настолько, что почти незаметен, делу не помогали.

— Ты слышишь? — продолжал вопить воин. — Сделай мне шрам!

При этом он пытался допрыгать до меня, несмотря на онемение ноги. Не знаю, чем бы закончилась эта сцена, удайся ему это. Первой пришла в себя нянечка. Обогнув стол, она встала у него на пути.

— Агх! — вырвалось у воина из горла, когда она протянула руку и вцепилась ему в мочку уха.

Воин попытался было стряхнуть с себя старую женщину, но два красавца внезапно напряглись. После этого воин присмирел и позволил вывести себя за дверь.

— Две недели сильно не напрягай ногу! — крикнул я в след воину, спохватившись.

— А мой шрам?

— Переживёшь, — грубо ответила нянечка. — Вещи в кладовке. Заберёшь у ключника.

— Мне бы твои проблемы. — Внезапно подал голос высокий черноволосый мужчина, лежащий на больничной кровати. Его голова была плотно замотана повязками, из-под которых виднелся небритый подбородок и единственный левый глаз.

Нянечка грубо вытолкала излеченного воина за дверь. Пройдя по палате, она вернулась вновь к операционному столу.

— Зачем им шрамы? — спросил я ошарашено.

— Они ими хвастаются друг перед другом. Постарайся им оставлять шрамы, если не хочешь нажить врагов.

Я кивнул головой. В ней уже давно вертелась мысль. Видимо кивок помог ей сформироваться.

— Скажи, уважаемая, — задал я вопрос — а как лечил прежний маг? Если у меня быстро, то, что делал он?

Я поглядел на свою правую руку.

— Ну, он никуда не спешил. Обычно вычищал раны, сращивал сухожилия и мышцы, а остальному позволял зарастить самостоятельно. После лечения у мага, воины ещё несколько дней носили повязки. Поэтому и шрамы у них порой жутковатые. Как срослось, так и срослось. Но им нравится.

Она обвила рукой палату, показывая воинов, лежащих в постелях.

— Отдохнёшь? — спросила она меня.

Я оглянулся на окна. День шёл к закату.

— Нет. — Я поглядел ей в глаза. — Хочу излечить сегодня больше бойцов. И отпустить их.

— С кого начнём?

— С него. — Я указал на черноволосого воина с замотанным лицом.

Дальше всё пошло по накатанной. Из семи человек, лежавших в больничном крыле, пятеро получили ранения в конечности. И уже к вечеру они ушли в казарму, унеся на себе повязки. Ещё один получил скользящий удар копьём по рёбрам, и, с недовольным видом, остался лежать в палате в гордом одиночестве. Черноволосый воин с забинтованным лицом получил две гоблинских стрелы в правую часть лица. Удар пришёлся на излёте. Воин сразу же выдернул их из себя, но стрелы занесли заразу. Воспалился глаз. Почему-то воин считал эту рану плохой, и попросил сделать шрам максимально незаметным. Я выполнил его просьбу.

Под конец работы к нам зашёл один из молодых сквайров, с которыми я приехал. За первый же прошедший день он умудрился получить рану в правую кисть руки. Пока я залечивал ему руку, он сидел смиренно и смущенно. Как оказалось, это был тот самый сквайр, который хотел отшвырнуть меня с дороги в повозку. Срастив кости и ткани, я наложил повязку, чтобы сохранить для него шрам.

— Ты на меня не в обиде? — спросил он, пряча глаза.

— Нет, — ответил я — недопонимание — обычная вещь. Я ожидал чего-то подобного. Хорошо, что обошлось по-доброму, без драки. Будь по-другому — можно было бы и обижаться. А так — просто глупость.

Он кивнул. Наверное, в его глазах воина, не обученного философии и психологии, я выглядел мудрецом. Хлопнул меня дружески по плечу, от чего мои колени подогнулись, и я едва устоял на ногах. Развернулся по-военному на каблуках и вышел из палаты.

Солнце постепенно клонилось к закату. Скоро должен был состояться ужин. Я ждал. День вымотал меня. Операции, беготня, поездка, оформление у коменданта с получением «кормовых». И вот теперь я полный солдат. В смысле маг, приписанный к этому гарнизону. Я ещё не успел полностью освоиться с этой мыслью. За один день столько произошло. Я сидел на лавочке, недалеко от входа в лазарет. Очень удобно рядом с лавочкой находилась большая деревянная бочка, в которую во время дождя по водостокам стекала дождевая вода с крыш. Правая ладонь ещё гудела. Поэтому я невольно погрузил её в воду. От удовольствия я прикрыл глаза. Рядом раздались шаги. Шла женщина, молодая, с излишком массы. Я открыл глаза. Моё чутьё меня не подвело. Женщина была молодой, полноватой, светловолосой. Она была одета в поношенное, но ещё крепкое шерстяное платье, одетое поверх льняной рубашки. Волосы были заплетены в косу, а на голове была надета шляпка, положенная замужним женщинам. Мой взгляд скользнул на её правое запястье. На запястье был пристёгнут свободный кожаный браслет с нашитыми на нём стеклянными бусинками. Такое украшение носили замужние женщины. Она остановилась возле скамейки рядом со мной.

— Так это ты будешь новым волшебником? — спросила она.

Резкость и прямота вопроса породили во мне желание ответить столь же резко, или с ехидцей. Но я сдержался. Она не виновата, что выросла и живёт в армейском гарнизоне, а не при имперском дворе с манерами.

— Это так, — ответил я — чем могу быть полезным?

Она помедлила. Было видно, что она пытается собраться с духом и спросить у меня о чем-то. Я ждал.

— Прежний маг тоже любил сидеть на этом месте и купать руку в этой бочке. Для вас что, здесь намазано?

Я стал испытывать раздражение, но ничего не сказал. Я ждал продолжение. Ей было что-то от меня надо, и я хотел узнать, что это. Она продолжала переминать кисти рук, сжимала губы и, наконец, решилась.

— Я слышала, что ты — она ещё раз вдохнула — хорошо залечиваешь шрамы...

Я взгляделся внимательней в её лицо, пытаюсь рассмотреть его не только спереди, но и с боков. С правой стороны её лица, от виска до самой шеи по щеке вился грубый корявый шрам, выступающий на полпальца от поверхности лица. Я не хотел знать, чем и как был оставлен этот шрам.

— Прямо сейчас? — спросил я.

Она кивнула головой. При этом её лицо из розового стало превращаться в пунцовое. Я отряхнул руку и поднялся.

Мы вошли в здание хозчасти. Я принялся лихорадочно бегать по комнатам, стучаться и отыскивать старую нянечку. Оставаться с этой молодой женщиной наедине мне не хотелось. Наставник рассказывал о подобных случаях. Ревность мужей нельзя недооценивать. Завести себе врага в лице ревнивого мужа я не хотел. В одной из комнат рядом с лазаретом мы обнаружили нянечку. Она занималась уборкой.

— Тётя Вера, — начал я. — помогите, пожалуйста. Мне нужен ассистент при операции.

Конечно, я лукавил. В ассистенте я не нуждался, но мне нужен был свидетель. Я вкратце описал ситуацию. Когда я закончил, моё лицо было столь же пунцовым, как и у молодой дамы. Я лишь надеялся, что внутри помещения это не сильно заметно. Я зря расстраивался. Нянечка оказалась женщиной опытной и понятливой.

Менее чем через пять минут мы втроём оказались в операционной и задёрнули шторку. При свете вечернего светила, освещавшего операционную через окно, я занялся лечением. Сама операция была не сложна. С помощью скальпеля я срезал гипертрофический выступ рубца. Сразу же наводил белую полосу магического шва и заставлял ткани стягиваться. Заставлял фибробласты вырабатывать коллаген и эластин, заполнявшие пространство магического шва. Конечно, я не мог удалить шрам полностью, но мог сделать его тонким и почти незаметным. На протяжении всей операции женщина ни разу не вздрогнула и не закричала. Хотя я отчётливо чувствовал её боль и страх. Это помогло мне сделать швы очень тонкими. Глядя на неё, я мог собой гордиться. Когда всё закончилось, я подал ей зеркало. Женщина осмотрела себя, потрогала рукой шрам. Я ожидал разного: крики радости, вопли негодования, скупые и фальшивые слова благодарности. Однако вместо всего этого женщина просто заплакала. Она встала со стула, на котором сидела и, не попрощавшись, выбежала из лазарета.

Я стоял в ступоре посреди операционной. Напротив меня, потупив глаза, стояла наша нянечка. На операционном столе остались лежать две серебряные монеты небольшого достоинства. Поскольку я не клал на стол монеты, стало ясно, что их оставила женщина. Возможно, это были все её накопления на данный момент. Мне стало неловко. Я взял одну из монет наугад, не глядя на её достоинство, и протянул нянечке. Она глянула на монету и качнула головой отрицательно.

— Это твои деньги. — Сказала она. — Ты их честно заработал.

Она демонстративно отвернулась.

— Но я сделал это не ради денег — в моем голосе прозвучали смущение и отчаяние.

Я взял обе монеты в руку. Что-то было в поведении няни неправильное, из-за чего она отказывалась брать эти деньги. За окном послышался звон небольшого гонга, извещающего начало ужина для всех свободных от наряда людей. Нянечка обернулась и посмотрела на меня растерянного, стоящего посреди комнаты с двумя монетами в руках.

— Пойдём, — сказала мне няня, — поедим и посмотрим...

Она не договорила. Скорым шагом она вышла из комнаты. Я не стал ждать повторного приглашения. Сунув монеты в карман своей мантии, я поспешил следом.

Мы пересекли двор. Приблизились к входу в столовую. Около двери толпилась весёлая толпа воинов. С шумом и весельем они просачивались в столовую. Мы прошли внутрь вместе с ними. Хотя на их фоне мы с нянечкой казались маленькими, никому не пришло в голову оттереть нас в сторону. Мы подошли к раздаточному столу. Я взял разнос и столовые приборы. На разнос я поставил кружку с травяным чаем и чашку с овощным рагу. Двигаясь за нянечкой, я уселся на свободное место за столом. Произнеся короткую молитву, я подцепил ложкой кусок рагу. Понюхав аромат, отправил содержимое ложки в рот. Конечно, рагу не было изысканно приготовленным, зато очень вкусным. На раздаточном столе были и другие блюда. Вероятно, их следовало попробовать. Но сегодня я больше ничего не хотел. День утомил меня. Мне хотелось, чтобы он закончился.

Я медленно поедая кусочки рагу, стараясь разжёвывать их как можно тщательнее. Рядом сидела нянечка. Обхватив ладонями кружку с травяным чаем, она маленькими глотками пила горьковатый напиток. Вокруг царил веселье, сыпались шуточки. Громко смеялись сквайры, обсуждая выходки своих друзей во время тренировки. Ветераны вспоминали забавные сцены из своей боевой практики. Похоже, что я единственный был чужим на этом празднике жизни. Мне было безразлично. Усталость за день накопилась до такой степени, что, не съев даже половины своего рагу, я уже начал мечтать об отдыхе. Внезапно я осознал, что ещё даже не был в магической башне, не видел места своего теперешнего проживания. Мысли о своём месте, кровати и отдыхе стали заполнять меня. Я продолжал мерно есть, но уже в ожидании окончания ужина. Внезапно я поймал себя на мысли, что большинство воинов украдкой поглядывают на меня. В этих взглядах был интерес. Но было в них ещё что-то помимо праздного любопытства.

В воздухе ощущалось какое-то напряжение. Возможно, они ждали чего-то необычного. Я испытал лёгкое удивление. В первый раз видят мага? Или может, в первый раз видят меня? Конечно, большинство видели меня мельком в момент приезда. Но чутьё подсказало, что здесь есть что-то ещё. Я ждал этого «что-то». Всё разрешилось, когда распахнулась дверь, и в неё вошёл разъярённый молодой воин, который волок за собой молодку, излеченную мною сегодня. Стало ясно, что для меня ужин окончен. Я мрачно рассмотрел остатки рагу на дне тарелки и отодвинул её в сторону. Глотнул немного горьковатого травянистого чая. Горячий настой обжёг мой язык и нёбо, но я не обратил на это внимание. Оглядев помещение, воин направился к моему столу. Молодая женщина последовала следом, удерживаемая мужчиной за локоть. Он остановился напротив меня по другую сторону стола. Его лицо перекашивала злорадия. Ткнув в меня указательным пальцем, он заорал.

— Ты... — похоже, избыток эмоций мешал ему говорить.

— Я, — меня тоже стала заполнять злость. Сказывалась усталость, мешавшая мне рассуждать здраво и контролировать эмоции. — Есть проблемы?

— Ты... излечил её?!

В зале мгновенно наступила тишина. Все взоры обратились на нас. Я почувствовал себя

стоящим на сцене. В воздухе повисло напряжение. Люди напряглись. Рядом со стуком на стол опустилась кружка с остатками чая.

— Да это так, — заговорила нянечка жёстким, твёрдым голосом — он лечил её, и я была там.

Общий вид воина говорил о его готовности к агрессии. Я внутренне напрягся. Он был много крупнее меня, нависал надо мной горой мышц. Но усталость и неконтролируемая злость уже брали своё. «Ну, напади, — думал я — у меня как раз для такого случая приготовлена пара крайне неприятных заклятий». Я представил, как, получив ожог лица, воин будет кричать и кататься по полу столовой. Куда ты пойдёшь лечиться? Ко мне. А уж я заставлю тебя кричать и корчиться, прежде чем излечу. Неосознанно злорадная улыбка растянула моё лицо. Я ждал.

— Ты взял с неё деньги. — Продолжил он. Видимо это был его последний аргумент.

Я сунул руку в карман, пошарил в нём и выложил на стол две серебряные монеты, выдвинув их на середину стола. Спутать я не мог, других денег у меня на руках пока не было.

— Я сделал это не ради денег. — Сказал я с нажимом.

Видимо он считал, что я поступил плохо, приняв деньги. Я же не понимал, почему взять деньги за свою работу плохо? Тишина, повисшая в воздухе, казалось, начала звенеть. Мы смотрели друг другу в лицо и тяжело дышали. Он сдался первым и отвёл глаза. Похоже, что больше ему нечего было мне предъявить. Он стал отодвигаться. В зале раздались одобрительные шумы, но напряжение ещё не спало.

— Ты знал? — спросил воин.

— О чём? — ответил я.

Разъяснений не последовало. Воин медленно повернулся к выходу. Однако уйти ему не дали. Группа воинов за одним центральным столом расступилась, и я увидел капитана, сидящего за ними. Его вид выражал напряжение и раздражение одновременно.

— Хедин! — окликнул он.

Воин, стоявший передо мной, оглянулся и увидел капитана. Единственный глаз капитана светился яростью. В руках капитана была зажата серебряная ложка, рукояткой которой он постукивал по столу. Их взгляды встретились, и воин вздрогнул. Хотя капитан не держал в руках оружия, воин не чувствовал себя в безопасности. Внезапно я осознал, что ложка в руках капитана может пролететь через половину зала и воткнуться в воина не хуже боевого метательного ножа. Воин попятился, его взгляд стал бегающим. Капитан вытянул палец в сторону моего стола. Не надо быть мудрецом, чтобы понять, что он показывает не на меня, а на стол, на котором лежали деньги. Хедин оглянулся, но к деньгам прикоснуться не стал. Какое-то время он стоял молча. Потом снял с пояса свой кошель и вынул из него две серебряные монеты. Повернувшись, он отдал их женщине.

— Хедин! — вновь послышался голос капитана.

Хедин достал из кошельки ещё две монеты и отдал их женщине.

— Хедин, я всё вижу и обо всём узнаю, — сказал напоследок капитан и отвёл глаза.

Воины снова закрыли капитана. В столовой вновь появился шум, послышался смех и разговоры ни о чём. Казалось, что все забыли об этом инциденте. Никто не смотрел на меня. Воин и женщина медленно покинули столовую. Что на меня нашло? Мне было немного стыдно от того, что я не сдержался и вёл себя грубо. Я придвинул к себе кружку чая и стал пить мелкими глотками, пытаюсь вернуть себе спокойствие.

— А ты ничего! — обратилась ко мне нянечка. — Кто был твой наставник?

Я слегка опешил от неожиданного обращения и ответил раньше, чем успел обдумать ответ.

— Х... Хаттон.

— Это такой не высокий, бритый налысо, жилистый мужичок с небольшой бородкой?

— Ну... да. Только он теперь старый, и борода у него длиннее. Вы его знали?

— Да.

Взгляд нянечки стал задумчивым и романтичным, слегка погруженным в себя. Было видно, что она на мгновение погрузилась в воспоминания.

— Мы встречались во времена «Великих Войн». Служили в одном отряде. Славный был маг. Сильный и быстрый. После его ударов сквайрам оставалось лишь добить выживших. Когда враги узнавали о приближении нашего отряда, то всегда старались сбежать с поля боя. Славные были времена, — она осмотрела свои руки — И мы были моложе.

Немного помолчав, она продолжила.

— Страшные были времена. Враги шли со всех сторон. Вырезали целые города. Люди голодали. А бароны стали воевать друг с другом, разрывая страну на части, вместо того чтобы сплотиться и изгнать захватчиков. Эмри Амбрисельский был единственным, кто думал не о личной выгоде, а о защите Империи. Он объединил вокруг себя много сторонников и повел войну на освобождение земель Империи. Наш отряд тогда был много больше. Мы постоянно двигались, каждую ночь спали на новом месте. Каждый день были битвы, а иногда и по две за день.

Она снова взяла кружку и отпила из неё чай. Я слушал затаив дыхание. Раннее я и не знал, что у моего наставника было боевое прошлое. Мне казалось, что он всегда сидел в замке Академии и издевался над учениками. Тем временем нянечка продолжила.

— Сколько было убитых! Мы не успевали их хоронить. Тогда Хаттон предложил сжигать, чтобы пресечь распространение болезней и проклятий. На многих убитых маги демонов и нежити накладывали заклятия. По мере разложения трупа, земля вокруг пропитывалась ядом и умирала. Ничего не росло. После войны волшебникам пришлось сильно постараться, чтобы вернуть этой земле способность к плодородию. Сожжённые трупы болезней и проклятий не распространяли. Мы заворачивали трупы в мешковину, обливали маслом и поджигали. Многие старые воины и сейчас хотят, чтобы после смерти их подвергли огненному погребению. А в то время погребальные костры горели день и ночь. Дым застилал небеса. Много было горя.

Она вновь отпила чай из стакана.

— Сколько было раненых! После каждого боя над лагерями стоял стон. Невозможно было пройти. Не хватало кроватей, раненых клали прямо на землю. Иногда даже без всякой подкладки. Раненые постоянно мучились и часто умирали от ран, потери крови, от ожогов, от яда в ранах и проклятий. Каждый маг, способный лечить, был на вес золота. И всё равно, магов не хватало. А Хаттон. Как он лечил. Виртуоз. Он вытаскивал людей из самых безнадежных ситуаций. Бойцы нашего отряда, даже умирая, до последнего момента звали Хаттона. Такова была их вера в него. Это часто продлеvalo их агонию, и Хаттон успевал их спасти. Наш капитан был тогда совсем мальчишкой, ещё моложе тех сквайров, что прибыли сегодня. Он обязан Хаттону жизнью.

Я оглянулся. В просвет между плечами воинов виднелась русая голова капитана.

— Капитану на сборном пункте «сватали» другого мага. Из благородных. Но узнав, что у них есть воспитанник Хаттона, он выбрал тебя. Хотя у него теперь будут проблемы со

старшими офицерами.

Мои брови поползли вверх.

— Это что, такое выгодное место в плане карьеры? — спросил я и пальцем обвёл вокруг, подразумевая пограничную крепость.

— Ну, для тебя возможно нет. А вот для мага из благородного семейства очень даже да. Лет пять в пограничной крепости дадут ему определённый боевой опыт. А потом можно и в столицу поехать, делать карьеру.

Она улыбнулась. Я задумался. До этого момента я никогда не задумывался об этом. Как-то времени не хватало. Ну, конечно. Маги, имеющие боевой опыт, делали карьеру при дворе значительно быстрее, чем те, кого сразу после школы родственники пристроили на «тёплые места». У меня богатых и влиятельных родственников не было. Поэтому, если я здесь приживусь, для меня это станет вершиной моей карьеры. А вот для мага из благородных...

— Мой город разорили, дом сожгли. — Меж тем продолжила нянечка. — И это сделали не нежить или демоны, а бароны в борьбе за власть. Муж погиб, из детей лишь один сын остался, да соседского мальчишку-сироту забрала. Прибилась к отряду Хаттона. За ранеными ходила. Мальчишки при обозе помогали. Только здесь безопасно и было. Однажды мои мальчишки заболели, подхватили чуму от демонов. Думала, что всё, не будет больше детей. Сгорали как свечки. Хаттон тогда долго думал, смотрел, ходил взад-вперёд. А потом сварил зелье и заговорил его. Заставил всех пить, и сам отпил, чтобы пример подать. Те, кто это зелье пил, после излечились. И мальчишки поднялись. А потом их ни один яд, ни одна болячка больше взять не смогла. А без болячек они и вымахали. — Она мотнула головой и взглядом указала на двух красавцев, которые сегодня помогали мне во время операций. — При Хаттоне они и первый боевой опыт получили.

Она вновь отпила чай из кружки. Какое-то время молчала. Потом взглянула на меня.

— Ты тоже хорошо лечишь. Он хорошо тебя учил.

Я вздрогнул. Мои мысли невольно унесли меня в моё прошлое.

***

Это произошло четыре года назад. Мне тогда было тринадцать. За спиной было три года непрерывного обучения и труда. Отдых давали только по выходным. Часто мы использовали выходной для того, чтобы отоспаться. От постоянной зубрёжки и тренировок ребята просто валились с ног. Разного рода энергетика и усилители памяти были очень популярны. При этом их нельзя было купить, только изготовить. Наставники всячески поощряли изготовление этих веществ самостоятельно, и при этом наказывали, если ты использовал чужое зелье. Длинная череда беспробудных серых будней. Неудивительно, что мы баловали всевозможную живность, прижившуюся в нашем замке.

Ученики учились с разной степенью способностей. Но наставники требовали знаний и способностей по всем изучаемым дисциплинам. Я легко осваивал географию (мечтал путешествовать), анатомию людей и животных, хирургию, психологию, философию, нумерологию, руны, травологию, зельеварение, демонологию, нежитиведение, фехтование посохом, ясновидение, заклинания. Но были для меня предметы очень трудные. Такими стали трансфигурация и расслоение реальности, без которых невозможно лечение с проникновением в плоть пациента. Несмотря на усиленные тренировки и помощь наставника, результатов не было. Между тем неотвратимо приближались проходные

экзамены. Мы знали, что тот, кто не сможет сдать эти экзамены, будет отчислен и навсегда покинет нас. Только маги из благородных семейств могли рассчитывать остаться на ещё один год, для повторного обучения. Для меня это было недоступно. Наша группа за время обучения с момента своего создания уменьшилась на треть. Быть чудиком в мире людей и стать магом — вещи не всегда совместимые. Я старался изо всех сил, но чем дальше шло время, тем сильнее меня захватывало отчаяние. Временами хотелось выть и плакать от отчаяния, лечь на землю и умереть, чтобы не видеть своего поражения. В тот момент казалось, что выхода нет.

Именно в этот самый тяжкий для меня момент я и нашёл его. Маленький, живой комочек меха. Видимо он потерял мать. Он жалобно скулил, лёжа на земле под крыльцом входа в библиотеку. Он был также одинок и несчастен, как и я. Я подобрал его. Маленький щенок неизвестной породы. Я назвал его Шарик. Он вполне оправдывал это имя. Какое-то время своей жизни я делил с ним свой скудный паёк. Он был моим другом, а я его. Он давал мне ласку и стал радостным лучиком в моей жизни. Отчаяние всё глубже поглощало меня. Мечты стать магом с каждым днём становились всё призрачнее. Я мечтал путешествовать, и как только осознал, что буду изгнан, мечты о дороге стали всё чаще посещать меня. Я представлял, как буду идти по дороге вместе с моим другом-собакой. Как увижу новые земли, новые лица. Посмотрю города и замки, которые видел только на картинках. В один из таких моментов мои мечтания были прерваны появлением наставника.

Я сидел на крыльце входа в спальное помещение. На моих руках резвился щенок. Я так увлёкся, что не заметил появления наставника. Только когда его тень пала на меня, я проявил беспокойство. Но было поздно. Я с ужасом наблюдал, как в его руке появился нож. Блеснув на солнце, нож совершил короткое движение по дуге и с чавкающим звуком погрузился в тело моего Шарика. Раздался громкий визг щенка, перешедший в хрипящие, булькающие звуки. Кровь мелкими брызгами оросила моё лицо, потекла мне на одежду. Я впал в ступор. Ужас от происходящего почти полностью парализовал меня и лишил способности думать. Щенок ещё барахтался в моих руках, но жизнь быстро покидала его. Я поднял свои глаза на наставника. Моё зрение замутилось от набегающих слёз.

— Лечи его, или он умрёт.

Голос наставника звучал для меня неестественно, как будто он говорил из другого мира. Я продолжал сидеть, а жизнь Шарика утекала из моих рук. Наставник с размаха влепил мне оплеуху. Я полетел на землю вместе с собачкой.

— Лечи его, или он умрёт!

Ещё громче и резче повторил наставник. Я очнулся и начал шевелиться. Я должен был проникнуть в тело Шарика и стянуть разорванные ткани его тела. Рядом со мной умирало самое дорогое для меня существо на свете. Я обязан был его спасти. Именно тогда мне впервые удалось провести расслоение реальности. Переход был для меня крайне болезненным. Боль обожгла меня с чудовищной силой. Казалось, весь мир залит огнём и моей болью. Нет, рядом я чувствовал боль моего друга. Я ввёл руку в его тело. Навёл магические связки и потянул плоть на соединение воедино. Заставил плоть срастись. К концу операции я был весь заляпан кровью. Руку жгло огнём. Всё тело покрылось липким, вонючим потом. Но главного я достиг. Шарик был жив. Рана была заращена. Наставник оттянул меня за волосы от несчастного щенка и оглядел мою работу.

— Ах ты, безмозглый выкидыш паршивой ослицы! — завопил он. — Разве тебя не учили анатомии? Из-за твоей дурости щенок будет всю оставшуюся жизнь волочить ноги и хрипеть

при попытке дышать.

Посох взвился над его головой и опустился на мою спину. Раз, два, три. От боли мир окрасился в красные цвета. Я не успел заметить, когда у наставника вновь в руке появился нож. Взмах, чавкающий звук удара, визг едва живого щенка. Он схватил меня за волосы и швырнул к умирающему щенку.

— Перелечивай! — злобно зарычал он. — И чтоб как положено.

Второй раз расслоение далось намного легче. Я залечивал щенка, попутно вспоминая курс анатомии животных. Я укладывал кости, связки, мышечные ткани и кожаные покрытия строго по указаниям пособия. Я уже не плакал. Под конец мне даже стало это нравиться. Наставник осмотрел мою работу и остался доволен результатом. Он коснулся наверху посоха земли в клумбе, а после взмахнул им, описав широкую петлю в направлении меня. Сразу после этого вся кровь Шарика с меня и моей одежды поднялась в воздух. Собравшись в рой кровавых капель, она по дуге устремилась к клумбе и там впиталась в землю.

Развернувшись, наставник ушёл, оставив меня наедине с Шариком и моими мыслями. Щенок едва шевелился. Я отнёс его к чашке с водой. Мне пришлось держать его на руках, чтобы он смог напиться. Несколько дней щенки отлёживались, приходя в себя после этой жестокой процедуры. Я кормил его с рук и ухаживал за ним. Я испытывал боль за щенка, ненависть к наставнику за жестокость. Но ярче всего ко мне пришло понимание. Наставник всегда говорил нам: «Чтобы что-то совершить в магии, нужно это что-то очень сильно захотеть». И только теперь я начал понимать, насколько сильно надо это хотеть. Я смог излечить щенка только потому, что хотел спасти единственное для меня самое дорогое существо на свете.

Через несколько дней после этого я сдавал проходные экзамены. В нашей группе я был единственным, кто блестяще справился с поставленной задачей. Я внезапно оказался лучшим в группе. Лишь немногие смогли приблизиться к моим показателям. Большинство едва смогли выполнить это задание и сдать экзамен. Многие из них уже мысленно попрощались со мной, и мой успех их просто шокировал. Не только учеников, но и других наставников. Наставник доказал свою способность преподавать. Ни один из его учеников не провалил этот экзамен. А он оказался самым сложным из всего, что нам пришлось изучать. Далее нам приходилось больше заниматься практикой, чем изучать новые дисциплины.

Спасибо тебе Шарик. Хоть и не долго, но ты был моим другом. Он погиб через несколько дней после сдачи экзаменов. В тот день у нас проходили занятия по фехтованию посохом. Нас заставляли до седьмого пота вращать посох во всех направлениях. Мы перемещались строем, выполняя по команде движения посохом, блоки и удары во всех плоскостях. Когда-то маги не использовали посох для рукопашного боя, полагаясь только на магию. Но во время «Великих Войн» это изменилось. То, что было хорошо для мелких стычек и поединков, оказалось непригодным для большой войны и массовых сражений. Маг, уставший или истощивший свой магический запас, становился лёгкой добычей для обычного мечника. Оставшиеся в живых были вынуждены опуститься до обычной грубой силы. Маги стали изучать фехтование, делая упор на работу с посохом. Но известны маги, которые не брезговали и мечом. Это отразилось в учебной программе нашей Академии. Площадка для занятий по фехтованию была разделена на участки, отделённые друг от друга невысокой каменной оградой высотой примерно по грудь взрослому человеку. На соседней площадке старшие ученики последнего года подготовки занимались изучением стрельбы молнией из посоха. Они сгрудились на одном конце стрельбища, а на противоположной стороне

площадки расположили каменный столб высотой примерно со среднего человека. От частого использования столб был местами выщерблен, в некоторых местах оплавлен и закопчён. Вместе со старшими учениками на стрельбище находился их наставник. Это был опытный волшебник, чей возраст находился на излёте зрелости. Плотный сбитый мужчина, опоясанный широким кожаным ремнём. Короткий ёжик каштановых волос, выглядывавших из-под шляпы, был обильно покрыт проседью. Короткая густая борода и густые брови создавали образ строгости. Он громко выкрикивал имена своих учеников. Эти ученики по очереди выходили вперёд и производили выстрел. Шарик к этому моменту окреп, и с радостным лаем носился по территории замка. Обычно он не убегал далеко от нашей группы, и поэтому я не беспокоился. Видимо это судьба. Я так и не узнал, что за нелёгкая понесла его на площадку для стрельбы. Один из учеников должен был произвести выстрел и тщательно к этому готовился. За его спиной стоял ещё один юноша, ожидавший своей очереди. Стрельба из посоха требует высокой концентрации внимания. Требуется усилие воли для создания ионного следа в воздухе, и такое же усилие для создания ионного следа в земле, для получения «энергетического кольца», по которому будет пущен разряд молнии. Появление Шарика отвлекло внимание ученика. Он перевел внимание на животное, и ионный след изменил своё направление. Непроизвольно он разрядил посох. Разряд молнии ударил Шарика. Это взрослого человека такой разряд может только обжечь, но для маленькой собачки это был смертельный приговор.

Мы отрабатывали переход, когда после очередного выстрела разрядом молнии раздался громкий собачий визг. Наступила тишина, нарушаемая только громкими, жалобными собачьими воплями. В моих глазах потемнело. Я пошатнулся. Чувство было такое, будто что-то оборвалось внутри меня. Этот крик Шарика сообщил мне о его смерти. Я нарушил строй и бросился к забору, отделявшему нас от стрельбища. Сзади раздался грозный крик Хаттона, призывающий меня обратно. Но я не послушал. Умирал мой друг, и я, совсем обезумев, шёл ему на помощь. Для старика Хаттон проявил большую резвость. Он умудрился догнать меня у забора. Я уже пытался перелезть забор, когда меня догнал удар посохом сверху вниз. Я скатился со стены на нашу сторону площадки.

— Это Шарик! — закричал я, хотя и понимал, что него это пустой звук.

— Даже если это будет твой сын, ты обязан выполнять команды. Иначе количество жертв может стать запредельным.

Крики Шарика постепенно затихали. Я бросил взгляд на него. Удар молнии разорвал его почти пополам. Тело было сильно обожжено. От боли он обезумел и пытался уползти от места боли, оставляя за собой кровавую полосу. Живот был разорван, его внутренности волочились за ним. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять простую истину: я не мог ему помочь. Со стороны площадки для стрельбы вдруг раздалось новые звуки. Юноша, произведший выстрел, и его друг, стоявший сразу за ним, разразились истеричным хохотом. Я и Хаттон повернули головы в сторону них. Юноши смотрели исключительно на Шарика и смеялись. Видимо вид умирающей в страшных мучениях собачки их рассмешил. Я почувствовал, как напрягся Хаттон. Его верхняя губа угрожающе приподнялась.

— Том!

Закричал он. Но в этом не было необходимости. Наставник старших учеников уже двигался в сторону весельчаков. Крик Хаттона только предупредил их. Они повернулись, но защититься не успевали. Наставник нанёс им два удара посохом, после которых один упал ничком на землю, а второго опрокинуло на колени. Перехватив посох ближе к навершию,

наподобие двуручного меча, наставник начал наносить им сильные, хлёсткие удары. Он бил их до тех пор, пока они не перестали шевелиться. Хаттон перепрыгнул через забор и направился к собачке. Все замерли. Наставник Том перестал бить учеников. Оказавшись над собачкой, еще продолжавшей шевелиться, Хаттон направил наверх посоха на собачку. Его губы зашевелились. Наверх осветилось зеленоватым светом. С него начала отделяться зелёная дымка и оседать на землю. Наставник проследил, чтобы дымка покрыла всю собачку и её кровавый след. Собачка сразу перестала шевелиться и скулить. Она была мертва, только вдохнув этот дым. Сразу после этого тело собачки стало разлагаться и чернеть. Я видел, как с неё сползла плоть и обуглилась, обуглились её кости, а потом рассыпались в прах. На площадке не осталось ни собачки, ни её крови. Дымок впитался в землю, убив на этом месте растительность. Эта прогалина осталась на долгие годы.

Наставник вернулся на нашу площадку. Мне уже нечего было терять, и я осмелился задать вопрос.

— Учитель, за что их? — и показал на весельчаков.

— За удовольствие от чужих страданий. — Ответил он таким тоном, будто сказал что-то само собой разумеющееся.

Я задумался. В моей голове промелькнули все жестокие наказания, применённые ко мне и другим ученикам.

— Учитель, но ведь вы тоже совершаете жестокость! В чем разница?

— Жестокость и удовольствие от чужой боли — вещи разные. Мы жестоки по необходимости. А разница — в остроте скальпеля. — Он протянул руку в сторону прогалины и, пресекая следующий вопрос, сказал. — А это то, чему вас учат противостоять.

Он заорал, возвращая нас в строй. Мы продолжили занятия. За эту выходку и покидание строя я был строго наказан.

Уже отбывая наказание, выполняя тяжёлую работу по кухне, я узнал о наказании, понесённом нашими весельчаками. После того, как их привели в чувство, наставник Том приказал им самостоятельно излечиться. Их посадили в карцер. На этом их наказание не закончилось. На следующий день их отвезли в город. Там на них наложили заклятие по временному лишению магических способностей. Раздев почти до нога, их привязали к позорному столбу. В течение суток горожане со смехом развлекались тем, что кидались в них кусками лошадиного навоза. После того, как их сняли и отмыли, они ещё несколько дней пахли навозом. Мне было жаль Шарика. Но, представив себя на месте этих ребят, осознав всю тяжесть унижения и позора, которому их подвергли, я спросил себя, а стоит ли жизнь собаки такого наказания? Я спросил об этом наставника, и получил ответ.

— Главная заповедь Спасителя: «Не делай другому того, чего не хочешь, чтобы сделали с тобой!» В рядах волшебников это правило действует особенно сильно. Эти двое посмеялись над чужой болью. Их самих заставили испытать боль и осмеяние. За время существования Магической Академии мы накопили достаточно способов доведения знаний до ума. Не помогает слово, доводим через физическое воздействие. Этим ещё повезло. Могли ведь просто изгнать, лишив магических способностей.

***

Я вздрогнул и оглянулся. Картины памяти промелькнули передо мной в одно мгновение. Я тряхнул голову, отгоняя видение. Рядом сидела Нянечка.

— Да. — Сказал я, — Он хорошо нас учил.

Я отпил чая из кружки. Позволил себе насладиться его вкусом, удержав глоток отвара во рту. О вкусах не спорят, но вкус чая для меня, это одно из маленьких наслаждений этого мира. Проглотив чай, я мысленно проводил поток жидкости, текущий к желудку по пищеводу. Я оглянулся на нянечку. Она медленно отпивала чай из кружки, держа её двумя руками. Её глаза были прикрыты. Было ощущение, будто она погружена в свои воспоминания. Я ждал, стараясь не нарушать её покоя. Наконец, она отставила кружку и открыла глаза.

— Тётя Вера, — заговорил я, стараясь, чтобы мой голос был максимально вежливым, — я хотел бы прояснить ситуацию с Хедином и ...

Она понимающе кивнула. Далее, пока мы пили чай, она рассказала мне историю Хедина и его любви. Тем более что я оказался в неё втянут.

Несколько лет назад молодой воин Хедин, будучи ещё сквайром, прибыл в гарнизон для несения службы. Здесь он встретил местную красавицу Хельгу. Всё своё время, свободное от службы и битв, Хедин занимался тем, что пытался ухаживать за юной красавицей. Однако не преуспел в этом. Хельга осознавала свою красоту и воздействие на мужчин. Она привыкла к вниманию со стороны других мужчин, обитателей крепости. Она привыкла, что все её выходки для неё сходят с рук. Ухаживания Хедина польстили ей. Она решила поиграть с ним, и вела себя с ним, то ласково, то грубо, то нежно, то прохладно. Ей доставляло удовольствие доводить его до отчаяния. Пришёл момент, когда Хедин признался ей в любви. И тогда Хельга рассмеялась ему в лицо. Она сказала, что не любит его. Она лишь играла им. Что он в её глазах — ничтожество. Она никогда не свяжет с ним свою жизнь. Пока она говорила, Хедин пришёл в состояние ярости. Гнев мешал ему думать. Он не нашёл, что ей сказать, потому решил просто уйти. Но Хельга ещё не насладились его страданиями. Желание ощущать свою власть над мужчинами пересилило в ней здравомыслие. Она преградила ему путь. Глядя ему в расстроенные глаза, она продолжала смеяться и оскорблять его. Именно тогда Хедин и совершил поступок, запятнавший его честь. В гневе он оттолкнул её от себя в сторону. Силу он не рассчитал, и Хельга, потеряв равновесие, упала на землю. Беда лишь в том, что упала она неудачно, прямо на деревянные колья, сложенные стопкой и подготовленные для установки ограды. Тогда она и повредила лицо. Предыдущий маг залечил рану, но он не умел так исправлять шрамы, как я. С тех пор она потеряла свою красоту. Капитан не позволил другим воинам расправиться с Хедином. Он приказал Хедину жениться на Хельге, чтобы исправить свою вину. С тех пор прошли годы. Хельга родила Хедину трех малышей. Чувствуя свою вину, Хедин в битвах рвался навстречу Смерти, лез в самую гущу сражения, в самые опасные места. Но Смерть обходил его стороной. Часто именно его отвага приносила отряду победу в самых безнадежных ситуациях. Так продолжалось до тех пор, пока не появился я.

— Хедин любит Хельгу. Он боится её потерять. Когда ты исправил её лицо, сделал шрамы практически незаметными, он испугался, что Хельга уйдёт от него. Поэтому и такая агрессия. — Она улыбнулась — Не беспокойся, капитан не позволит причинить тебе вред.

— А Хельга? — Я почему-то беспокоился о Хедине.

— Вряд ли она уйдёт от Хедина. Прижились они. Да и дети её удержат.

К этому моменту мы постепенно допили свой чай. Люди стали потихоньку расходиться.

— Пора и нам идти. — Сказала нянечка. Она указала на монеты, всё ещё лежащие на столе. — Деньги заberi, ты их честно заработал.

Я сгрёб монеты со стола. К этому моменту столовая почти опустела. Люди расходились по своим делам. Стали подтягиваться бойцы, сменённые со своих постов. Нянечка двинулась к выходу. Стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, я последовал за ней. Затылком я чувствовал, как меня провожают любопытные взгляды. Но окликать меня никто не спешил. Мы миновали дверной проём, едва разминувшись с воином, идущим в столовую. Вечерний воздух становился прохладным. Солнце опускалось, и было уже почти над самым горизонтом. Внезапно я осознал, что сегодня ещё не был в собственной комнате на вершине магической башни. Я поискал глазами башню и впервые взглянул на неё с интересом. Как-то не приходила мне в голову мысль, что теперь это моё место отдыха. Что там меня ждёт? От этих мыслей меня оторвала нянечка.

— До завтра. — Сказала она. — Тебя с утра будить?

На мгновение я задумался. День был тяжёлый и хлопотный. Поэтому я так и не решил, каковы будут наши отношения. Кто из нас будет подчиняться кому. Хотя... Я никогда не был особо жаждущим власти. Нянечка всегда была хозяйкой лазарета, а мы, маги, постоянно менялись. Пожалуй, меня устраивала её власть на этой территории. Во время операции, конечно, буду командовать я, а в остальном...

— А как здесь обозначают утро?

— Дают удар в гонг в шесть утра. — удивлённо ответила она.

— Тогда, пожалуй, не надо. Попробую подняться сам. Если через час после гонга меня не будет в лазарете, тогда прошу меня разбудить.

Я развернулся и направился в сторону башни. Пересёк двор. Пришлось обойти выставленные рядами бочки и штабеля досок. Бочки, судя по запаху, были заполнены водой, смолой и дёгтем. Похоже, что в этой части крепости хранился запас для починки внутренних строений. К магической башне вела узкая тропинка. Ошибиться было нельзя. Похоже, это был единственный путь, которым пользовались. По обе стороны от тропинки лежал слой пыли, а сквозь камни мостовой прорастала скупая трава. Если центральную часть площади ещё выметали и утаптывали, то этой частью пользовались по необходимости. Лучи заходящего солнца отбрасывали длинные тени, но тропу было хорошо видно. И в конечном итоге эта тропа привела меня к входу в башню.

Я некоторое время осматривал эту дверь и само строение. Башня была не велика. Лишь немногим выше сторожевых башен, встроены в стены крепости. Кладка стены была старая. Местами связующий раствор осыпался, делая каменные блоки видимыми более чётко. Однако заклятия, заложенные в стены при строительстве, удерживали камни от рассыпания. Были видны свежие заплатки из раствора, замазанные в щели. Но при всём при этом было не похоже, что башня готовится рухнуть. Сам вид здания как бы говорил о том, что башня пережила не одного «хозяина». Маги, жившие в ней, чувствовали себя здесь на «временном поселении», потому о башне особо не заботились. Поэтому здание пришло в такой обветшалый вид. Дверь, ведущая внутрь, была маленькой. Никто её даже изначально не готовил для «парадных выходов». Толстые доски двери были прошиты по контуру и друг к другу железными полосами. Были видны заклёпки. Доски двери уже давно рассохлись и пошли трещинами. Но было не заметно, чтобы дверь готовилась развалиться. На двери не было видно всяческого замка или замочной скважины. Вместо рукояти виднелось железное кольцо на петле. По другую сторону от рукояти виднелись самые обычные дверные петли. Ничего необычного. Я полагал, что дверь должна как-то запираться. Стоял я в растерянности от того, что не мог понять какой замок использован в данном случае. Возможно, что и

магический. Мне было известно несколько запирающих заклятий. Проблема была в том, что если ты используешь не то заклятие, то дверь блокировалась, и открыть её мог после этого только наложивший заклятие. Я смотрел на дверь обычным и вторым зрением, пытаюсь отыскать отпечатки запирающих заклятий, но не находил. От чего начинал беспокоиться. Меня не предупреждали об этом. Поколебавшись ещё немного, я решил просто открыть дверь. Будь что будет. Я протянул руку и взялся за кольцо. После чего осторожно потянул дверь на себя. Неожиданно дверь легко поддалась. Приоткрыв дверь немного, я с удивлением уставился на неё. Внутри я также не замечал следов ловушки. Никто не прятал магию от простых людей? Я был в лёгком шоке.

— Ну, и дурак же ты. — Сказал я вслух сам себе.

Конечно, это же не город, а всего лишь маленький гарнизон. Здесь ты единственный маг, и никому нет дела до твоих колдовских «штучек». Ещё раз, оглядев поверхность стены магической башни, я дал себе зарок, что если приживусь здесь, обязательно отремонтирую эту башню. Пусть я и не самый лучший маг в области строительства, но для данной задачи моих способностей должно хватить. С такими мыслями я вошёл внутрь башни.

Оказавшись внутри, я на какое-то время потерял ориентацию из-за наступившей темноты. Дверь за мной тихо закрывалась под собственным весом, отрезая последние лучики света. Я прикоснулся рукой к навершию посоха и прочитал заклятие:

— Люмос.

Навершие посоха осветилось бледным светом. Посох светил не далеко, давая небольшой круг освещённого пространства. Я шагнул вперёд, вглядываясь в окружение. Ранее мне никогда не приходилось бывать в башнях магов. Об их строении я знал лишь по картинкам в книгах. Было интересно увидеть одну такую в реальности. Стены, похоже, были толстыми, потому что внутри помещение было небольшим, округлым. На мой взгляд — десять-двенадцать шагов в диаметре. Начиная от входа, во все стороны вдоль стен стояли старые шкафы, заваленные различным хламом. Угадывались стойки с пробирками и колбами. Остатки связок различных засушенных растений, уже осыпавшихся от времени. Какими-то непонятными предметами под стеклянными колпаками. Дал себе зарок после прибраться здесь. В центре помещения был установлен толстый деревянный столб. Обвиваясь вокруг него, вверх уходила винтовая лестница. Я поднял посох и глаза вверх, чтобы осмотреть потолок. Я ожидал увидеть настил из брёвен, но увиденное меня удивило и порадовало. На высоте примерно в два моих роста стены плавно переходили в каменный купол из массивных блоков. Похоже, что здание строили на века. В центре потолка, на высоте около двух моих ростов в потолке зияло круглое отверстие, в которое уходили столб с обвивающей его лестницей. Мне, похоже, надо было подниматься туда. Опустив посох вниз, я осмотрел пол под ногами. Толстый ковёр пыли покрывал этот пол. От двери к лестнице по пыли была протоптана дорожка следов. Похоже, что это был единственный путь, которым здесь пользовались. Я лишь подивился неряшливости предыдущих «хозяев» башни. Заклятие очищения помещения от пыли было не самым сложным. Неужели было так сложно навести здесь хоть видимость порядка? Я двинулся по протоптанной тропинке к лестнице.

Подъём по лестнице утомлял меня постоянным движением вокруг столба. Я поднимался вверх и левой рукой держался за столб, держа в правой руке посох со светящимся навершием. Что поделаться, перила предусмотрены не были. Ступени были не очень широкими, но один человек мог идти по ним вполне комфортно. А вот разойтись двоим, если один шёл сверху, а второй снизу, было невозможно. Понимаю, так сделали,

чтобы затруднить подъём захватчикам, атакующим башню. Один человек, стоящий возле отверстия наверху с копьём или посохом, мог сдерживать целый отряд. С такими мыслями я и преодолел вход на второй этаж.

Комната на втором этаже была по размеру столь же небольшой, как и на первом. Как и в комнате на первом этаже стены были заставлены шкафами. В отличие от первой комнаты в шкафах лежали фолианты книг, а в отдельных нишах шкафов располагались свитки, накрученные на деревянные катушки. Так же лежал слой пыли, в которой отпечатались шаги. Большинство книг и свитков покрывал слой пыли. Похоже, что ими давно не пользовались. Но на некоторых книгах слой пыли был не столь большим. Мне стало интересно, какие книги и заклятия чаще всего пользовал прежний маг. При этом мне стало печально, что библиотека — главная ценность мага — содержалась в таком плохом состоянии. На высоте в два моих роста комната оканчивалась куполом потолка. Уже не давая себе зарок, я продолжил подъём. Круглое отверстие потолка закрывала деревянная вставка, в которой был вделан люк, открывающийся вверх. Наконец, я преодолел последний участок лестницы и толкнул крышку люка. Она легко поддалась и открылась, явив ещё один тёмный провал. Медленно я всунул в люк сначала навершие посоха, а потом уже и голову. Так я оказался в жилом помещении.

Я вошёл, оглядываясь по сторонам. Комната, как и предыдущие, была круглой. Но было и отличие. Поверх камня на полу было настелено деревянное покрытие. Доски были подогнаны друг к другу так плотно, что между ними даже спустя много лет не образовалось щелей. Через центр комнаты также проходил столб с лестницей, уходя в купольный потолок на высоте в полтора моих роста. Это, видимо, было сделано для сбережения тепла в зимнее время. Отверстие в потолке тоже было закрыто деревянной пробкой с люком. В стенах комнаты в направлении на все четыре стороны света были прорезаны узкие, вертикальные щели окон. Сквозь них проходило достаточно света, чтобы разглядеть комнату без дополнительного освещения. В промежутках между окон стояла незамысловатая мебель. На северо-западной стороне стоял большой плательный шкаф без дверок. Он был почти пуст. В нём висела старая поношенная одежда. Наверное, она принадлежала погибшему магу. Надо будет от неё избавиться, но это позже. На полке для шляп валялась смятая старая шляпа и, как мне показалось, шарф. В нижней части шкафа стоял сундук, покрытый пледом. На северо-восточной стороне стоял небольшой камин, выложенный из камня. Очаг был окружён железной решёткой, а сверху над ним свисала железная цепь с крюком, на который, как правило, подвешивался котёл. Труба выходила куда-то наружу. Возле очага на небольшом столике стоял деревянный бочонок для воды, закрытый деревянной крышкой. На ней стояла кружка. На юго-западной стороне стояла простая кровать без всяческих излишеств и украшений. Кровать, как и положено для мага, была жёсткой. На деревянный настил, расположенный между ножками кровати, укладывался толстый шерстяной плед. Поверх было наброшено лоскутное одеяло. Толстый тканевый валик у изголовья, видимо, заменял подушку. Достижение. В Академии Волшебства мы пользовались деревянными брусками. На юго-восточной стороне комнаты стоял старый стол, сейчас заваленный бумагами и свитками. На нём виднелись чертёжные инструменты. Прямо над столом на крюке, вделанном в стену, висел масляный фонарь. Вполне даже неплохой светильник. Рядом со столом стояло два табурета. Я внезапно спросил себя: «А для кого второй?» И усмехнулся этой мысли. Возле стола стояла подставка для посоха. Она была пуста. Академия старается не разбрасываться магическими артефактами. После смерти мага Академия

присылает посыльного из отдела архивариуса, который собирает магические инструменты, принадлежащие магу. Будь то посох, жезл, магическая палочка, волшебные кольца или иные артефакты. Всё это описывается и сдаётся на хранение в обширный архив Академии. Так повелось со времён Великих Войн. Изготовление посоха требует и времени, и ресурсов. Остальные артефакты волшебник изготавливает сам или заказывает у того, кто может это сделать лучше него. В те времена вновь обученным магам часто выдавали посохи уже погибших волшебников. И всё равно, посохов не хватало. Волшебникам приходилось заниматься лекарством, не участвуя в боях, ожидая пока ему выдадут посох. Это означало, что для того, чтобы ты обрел способность обороняться в бою, какой-то другой маг должен умереть. Или же можешь умереть ты, будучи незащищённым. Меня это не коснулось, но во время обучения нам часто рассказывали о погибших волшебниках, перечисляли имена, подчёркивая, как нам повезло иметь посохи. Подчёркивали о необходимости их беречь. Подставка была пуста. Посох уже востребовали. Значит и другие артефакты здесь искать нет смысла.

Лестница уходила в потолок. Мне стало интересно, что же находится выше? Я продолжил двигаться вверх. Дойдя до люка, я легонько толкнул его. Люк поддался, но плохо и со скрипом. Похоже, что этим путём давно не пользовались. Об этом же говорил слой пыли на верхних ступенях лестницы. Я толкнул сильнее. На меня посыпалась пыль и кусочки ржавчины. Но всё-таки я попал на самый верх. Я оказался в маленькой, круглой комнатке, не более пяти шагов в диаметре. Пол был деревянный. Напротив люка находилась дверь, открывавшаяся наружу. В противоположной стороне стоял старый деревянный шкаф. Сбоку к нему была прислонена обшарпанная тренога. По другую сторону шкафа стояла табуретка. На полке шкафа лежал сильно запылённый предмет, в котором с большим трудом угадывался старый телескоп. Я надеялся, что это телескоп. Настолько старый, что таких уже никто не изготавливал. Я вышел в комнату из люка.

Смотреть было особо не на что. Я прошёл к двери и толкнул её. Она открылась со скрипом. Я оглянулся. Столб, проходящий через всю башню снизу доверху, заканчивался в верхней комнате на уровне моей груди. Я шагнул вперёд и оказался на верхней площадке башни. Комнатка, из которой я вышел, находилась в центре этой площадки. Она имела деревянный потолок и сверху это строение венчала деревянная, остrokонечная крыша, покрытая черепицей. Площадка по краю имела каменный парапет с поднимающимися вверх зубцами. Между парапетом и центральным строением была площадка, огибавшая кольцом стены комнаты. Пол был слегка покатым. Вдоль парапета по полу был проложен каменный лоток. По нему дождевая вода вытекала наружу башни. Это происходило через отверстия на западной и восточной сторонах. С северной стороны была видна крепостная стена. Я подошел к краю парапета, чтобы выглянуть наружу. От крепостной стены к башне был протянут каменный, арочный мост. По моим прикидкам он упирался в сплошную стену на высоте ниже моих окон примерно с мой рост. Я глянул вниз. Снаружи к стене от моста до уровня парапета башни была приставлена деревянная лестница. Задумка строителей была понятна. Если враги ворвутся на стены крепости, защитники по мосту могут отступить к магической башне и влезть наверх по лестнице, скинув её потом вниз. А если открыть окно в моей комнате (я уже считал эту комнату своей), то можно вести стрельбу вдоль моста, отгоняя нападающих. Да и сама стена с высоты крыши башни как на ладони.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом. Пора было возвращаться в комнату. Я осмотрелся ещё раз. А ведь хорошая обсерватория может получиться. В ясную ночь. Но не

сегодня. Сегодня будем спать. Я прошёл внутрь маленькой постройки и закрыл дверь. Спустился вниз по лестнице и закрыл люк. В комнате стоял полумрак. Свет давал только мой посох. Пора было зажечь светильник и готовиться ко сну. Мой первый день в крепости подошёл к концу.

Я разделся. Уложил вещи на свои места. Поставил табурет на люк, чтобы его нельзя было открыть незаметно. Табурет обязательно бы опрокинулся и загремел. Я надеялся, что мой сон не будет слишком крепким. Пора было выполнить одно упражнение. В нашей Академии оно называлось «Релаксация». Сложное название, но означает оно — расслабление. Не знаю как кому, но для меня это упражнение гарантировало сон. Я лёг по удобнее, чтобы тело лежало на кровати без напряжения. Закрыл глаза. Стал расслаблять мышцы. Вспомнился наставник. Когда он обучал нас, то в качестве образа предлагал использовать верёвку. Он сначала натягивал её так, что она стала похожа на натянутую струну. Потом он её отпустил, и она провисла. А потом он бросил её на землю, и она приняла форму грунта, на котором лежала. Так он предлагал нам расслаблять мышцы, до уровня провисшей верёвки, а тело до уровня верёвки, лежащей на земле. Сейчас я пытался приложить этот образ к своему телу. Опыт брал своё, тело подчинялось. Сложнее было расслабить лицо и глаза, но и это удалось. Я потратил силы на успокоения сердцебиения и дыхания. После этого надо было очистить мозг от всех мыслей, не касающихся расслабления тела. Как всегда помог образ. Я сконцентрировался на образе тихого водного омута. Мысленно я превратил тело в воду и успокоил её движение. Представил как вся грязь и муть оседает на дно, выбрав в качестве дна прямую кишку. Увидел, как вода стала чистой и прозрачной. Это было сложно. В своих мыслях я был в воде и был водой. Вода нагрелась от солнечных лучей, и моё тело нагрелось как вода. Я плавал в воде. Где-то здесь я потерял связь с миром, ушёл в свои сновидения.

За столом шла напряжённая игра. За большим столом сидели почти все боги этого мира. На этом столе была расстелена карта Невендаара. Боги по очереди брали стаканчик для игральные кости. На стол выставлялись фигурки и сбрасывались кости. Сегодня основными игроками были Галлеан — Бог эльфийского народа, и Бетрезен — Бог демонических сил. Оба развоплощённые и ослабленные предыдущей войной. Но, тем не менее, их способность влиять на судьбы своих народов продолжала оставаться в виде голосов провидцев. Проблемой Галлеана было то, что эльфы отличались меньшим уровнем дисциплины, а их моральный уровень упал намного сильнее, чем у демонов. Бетрезен сделал ставку на орков. Не слишком умные, сильные и агрессивные орки легко поддались влиянию демонических эмиссаров. После окончания войны численность орков сильно возросла. Участия в прошедших Великих войнах они не принимали, а потому больших потерь не понесли. Им нужны были новые территории для поселений. Активный отпор давали только люди и гномы. Демоны заключили с зеленокожими взаимовыгодное соглашение. Они пропускали через свои территории их отряды и использовали орков против людей и эльфов, постоянно тревожа их границы и ослабляя армию. Для ускоренного перемещения маги демонов создали несколько порталов в различных частях Невендаара. Фишки орочьих отрядов продвигались вглубь эльфийской территории. И если в лесистой местности эльфы с трудом, но сдерживали натиск орков, то в болотистой и гористой местности у орков проявлялось изрядное превосходство. Увеличивать численность отрядов Бетрезену помогал портал на южной стороне болот вблизи города Солема.

Галлеан нервничал. Столкновение эльфов с нежитью в прошедших Великих Войнах сильно проредило ряды в войсках. Не хватало стрелков, было мало бойцов, но более всего не хватало магов. Эльфы были сильны и неукротимы на поле битвы, но самый великий их недостаток был связан не с воинскими способностями. За своё долголетие эльфы заплатили низкой рождаемостью и длительным периодом детства. Прошлые войны извели почти всех волшебников, а те, что остались, обладали низким уровнем знания и способностей. Была утрачена библиотека магических знаний эльфийского народа. Были потеряны многие исконные территории. А после завершения Великих Войн возвращение этих земель осложнялось низкой численностью населения и нежеланием жить на осквернённых нежитью землях.

Бог Моргот, сидевший рядом с Бетрезеном, небрежным жестом вытащил из грубой деревянной коробки горсть мелких предметов и высыпал их на стол. Это оказались грубо слепленные из глины фигурки, в которых с трудом угадывались черты зеленокожих гоблинов. Он тряхнул стаканчик с костями и высыпал их на стол. Все кости легли на стол вверх удачными числами. Улыбка растянула лицо Моргота. Осталась мелочь. Бетрезен взял свои кости, скинул в стаканчик и, встряхнув, высыпал на стол. На карте вблизи города Солема вспыхнула звезда. Прямо под звездой находилось странное сооружение, похожее на грубый плоский кусок глины с воткнутым в него кольцом. Фигурки гоблинов исчезли из угла Моргота и перенеслись к городу Солема. Моргот улыбался, остановить этот отряд было некому.

Стаканчик перекочевал к богине варваров Фрее. Фрея была полной противоположностью Всевышнего. Красавица, одетая в одеяние из шкур лисиц и волков,

выглядела одновременно хрупкой и женственной, но при этом воинственной. Фрея взяла стаканчик и вложила в него кости. Она долго и напряжённо трясла стакан. На её земли недавно вторглись войска из степей кочевых гоблинов. Люди всё активнее выдавливали их со своих территорий. В поисках безопасности они пытались мигрировать на Север. Здесь они наткнулись на человеческие поселения варваров. Варвары оказывали ожесточённое сопротивление, но гоблинов было неизмеримо больше. Гибель даже небольшого числа боевых единиц сильно усложняло оборону. Гоблины размножались необычайно быстро, а бороться с ними было трудно. Кости покатались на стол. Все напряглись в ожидании. Кости легли не сильно хорошо. Будут битвы, но потерь не предвиделось. Это устраивало Фрею.

Стаканчик перекочевал к Вотану. Одновременно Галлеан и Бетрезен поёжились. Многочисленные племена гномов много раз доставляли неприятности им обоим. Именно Вотану оба Бога были обязаны своим поражением и развоплощением. Если не прямо, то наверняка косвенно. Вторжение в земли Вотана далось им очень дорого. Всевышний поглядывал на Вотана с напряжением и затаённой яростью. Уже много раз за прошедшие века он сбрасывал кости в надежде заманить хоть одно из гномьих племён в Пакмарские горы, протянувшиеся почти через всю Империю от границ с эльфами до истоков реки Вандон. Само сердце Империи людей. Именно отсюда Империя стала разрастаться во все стороны. Приманить гномов в эту горную гряду, было мечтой Всевышнего. Ещё бы! Гномьи доспехи и оружие были не в пример прочнее людских, и даже спустя многие годы они не покрывались ржавчиной. Однако кости всегда выпадали неудачно. Вотан не хотел отпускать гномов из-под своей опеки. Вотан встряхнул стаканчик. Кости покатались по столу. Цифры пали ровно. Ни побед, ни поражений. Вотан в прошлых Войнах потерял меньше всего, остальные Боги старались не связываться с ним.

Стаканчик взял Галлеан. Его руки заметно дрожали. Все и так понимали, что у него почти не осталось боевых фигур, не говоря о магах. Да и что это за маги? Прежние эльфийские волшебники поражали воображение своими способностями. Но где они? Пали под натиском орд нежити. И кто же возглавил эти орды? Галлеан невольно поёжился. Он оглянулся. Его прежняя жена Солонизель, нынче богиня нежити Мортис, сидела за столом, оглядывая происходящее равнодушным взглядом. Уже долгое время она пропускала ход. Вот кто действительно мог бы его уничтожить. И его эльфов. Но бездействовала. Галлеан подозревал, что это не его заслуга. Скорее её сдерживала память о некогда принадлежавшем ей народе. Не нападала сама, но и не мешала другим. Земли, нынче принадлежавшие ей, раньше принадлежали эльфам. Сегодня это были пустоши.

Галлеан встряхнул кости. То, что происходило в его мозгу, было крайне противоречивым. С одной стороны он молился, а с другой ругался. Он уже давно потерял надежду призвать удачу, но всё равно продолжал бороться. В Солеме находился маленький боевой отряд. Это было всё, что можно было собрать. Кости должны были решить его судьбу. Кости легли неудачно. Выпала смерть в дороге. Печально, совсем немного не хватило. На другом конце стола Бетрезен и Моргот злорадно улыбнулись.

В углу материализовалась тень. Смерть прошёл в мир Богов. Улыбки мгновенно исчезли с лиц присутствующих. Все смертны. Даже боги. Но никто не боится Смерти больше, чем Бог. Смерть двинулся к столу. Галлеан обречённо наблюдал за его приближением. Костлявая рука вынырнула из складок балахона и потянулась к фигуркам. Смерть не дотянулся лишь немного.

Его опередил Всевышний. Вынув из кармана маленькую фигурку, он поставил её на

стол. Это была фигурка мага. Наступила тишина. Всевышний взял стаканчик и вложил в него три кости. Дорога, жизнь и судьба эльфийского отряда, на помощь которому он отправлял мага. Кости покатались. Живой и невредимый — пала первая кость. Победа и спасение — пала вторая кость. Дорога. Все с напряжением смотрели на кость. Кость катилась по столу, подминая стыки и трещины. И в одной из таких трещин кость встала. Да. Провалившись в трещину, кость встала на ребро. Все с удивлением уставились на неё. Такое случалось и ранее, но случай был чрезвычайно редким. Назревало что-то необычайное. Галлеан приподнялся, чтобы увидеть результат.

— «Полёт» и «Огонь» — с удивлением произнёс Галлеан, — что это значит?

Моргот и Бетрезен переглянулись. В отличие от Галлеана они уже сообразили, что это означает.

— Не дойдёт — решительно заявил Моргот и, перевернув деревянный ящик, вытряхнул на стол все имеющиеся в нём фигурки орков и гоблинов.

— Уничтожу — тихо проговорил Бетрезен и поставил на карту две фигурки. Это были две изящно и богато одетые фигуры людей. В битву вступали бароны, тщательно сберегаемый козырь.

***

Меня разбудил звук гонга. Часовой на сигнальной башне шесть раз ударил колотушкой в круглую бронзовую пластину, подвешенную на бревне в центре смотровой площадки. Состояние у меня было сонное, но тело, приученное к дисциплине за много лет обучения, уже поднималось само. Я ещё зевал, а мысли так и не хотели возвращаться из мира грёз, но я заученными движениями уже натягивал на себя одежду. Мантию я пока одевать не стал. Как и шляпу. Эту процедуру следовало проводить, имея на себе минимум одежды. Подошёл к столу и выпил кружку воды. Ночью я потерял воду, надо было это восполнить. Поставив кружку на стол, я перешёл на свободное пространство. Я стоял почти в центре комнаты, одетый лишь в нательную рубашку, штаны и башмаки.

Я развёл руки в стороны и выполнил глубокий вдох. Выдох. Я втянул живот и начал сгибаться, продолжая выдыхать воздух. Когда мои руки коснулись пола, я задержал дыхание и медленно сосчитал про себя до десяти. Только после этого я сделал вдох. Выполнил задержку на четыре секунды. В глазах прояснилось. Только теперь моё сознание проснулось окончательно. Я был в этом мире. Пора было выполнить зарядку на день. Многие пренебрегают этим занятием. Наставник много раз говорил: «Многие маги пренебрежительно относятся к зарядке. А зря! Ты не только должен пробудить разум, но и постараться пробудить тело. Разминка — это своего рода совещание военачальников перед битвой. Они решают, как им двигать войска. Также и твой мозг должен провести «совещание» с мускулами твоего тела, чтобы они знали, как им подчиняться командам разума».

Я собирался командовать своим телом настолько, насколько возможно. Мне не хотелось выполнять зарядку. Моё тело воспротивилось и жалобно заныло, требуя прекратить издевательства, прося оставить его в покое. Но я не собирался его слушать. В такие моменты мне приходила на ум другое изречение наставника: «Каждый из нас триедин. Нас составляют: разум, жизненная энергия и кусок мяса, которое мы именуем телом. Каждая из этих частей пытается командовать тобой. Если контроль берёт жизненная сила, то ты

становишься рабом своих эмоций, рабом перепадов своего настроения. Таким человеком легко управлять извне, он поддаётся внушениям. Твоё тело — это инертная материя. Её цель — покой. И как следствие — смерть, как проявление высшего покоя. Если хочешь жить, то нельзя поддаваться похотям тела. Стремись взять его под контроль. Всегда спрашивай себя: «Кто командует здесь — Я, как проявление разума, или тело, являющееся куском мяса и костей?»

Простолюдины всегда подчиняются своему телу и эмоциям в своих поступках. Печально. Но многие воины и маги, подвергающие себя дисциплине в той или иной степени, презирают простолюдинов. Этому подвержены даже некоторые великие волшебники. Презрение порождает высокомерие и чувство избранности. Наставник всегда строго пресекал такие мысли. По его мнению, это всегда приводило к падению. Мы живём среди простых людей, живём за счёт простых людей, именно они нас кормят. Многие из нас происходят из простого народа. Хотя высокородные и чистокровные и относятся к ним презрительно. Наставник говорил, что к простому народу надо относиться с состраданием и сочувствием, как к больным или неполноценным, лишённым магических способностей. Они не виноваты, что не получили должного воспитания.

Из слов наставника я понял простую мысль: меня от простолюдинов отделяет лишь приверженность к дисциплине. Не рост и мускулы, как у воинов. Не ясновидение и способности к магии. А именно дисциплина! Отказавшись от неё, я быстро потеряю свои способности. Стану «больным или неполноценным» по словам моего наставника. А этого я допускать не хотел. Поэтому я не собирался подчиняться похотям своего тела или всплескам эмоций. Я делал зарядку, я подчинялся расписанию.

Я проводил вращательные движения в суставах частями тела поочерёдно, продвигаясь сверху вниз. Наставник утверждал, что это самый безопасный способ вести разминку тела. Некоторые малограмотные люди выполняют разминку маховыми или рывковыми движениями. По мнению наставника — это могло привести к повреждению тела. Своего опыта у меня было недостаточно, поэтому я не старался оспаривать утверждения наставника. Я строго им следовал. Голова, плечи, локти, запястья, сжимание пальцев, наклоны в пояснице... Я следовал заданной наставником программе. Тазобедренные составы, колени, стопы. Я остановился и мысленно осмотрел своё тело. В суставах наблюдалось лёгкое гудение пробуждаемых органов. Пора дать нагрузку.

Я встал прямо и расслабился. Поднял руки к груди и сложил ладони в молитвенном положении. Стараясь дышать животом, я совершил вдох. Задержал дыхание. Совершил выдох, одновременно втягивая живот и опуская руки вниз перед собой, не сгибая тело. Задержал дыхание. Я стремился, чтобы задержка на выдохе была длиннее задержки на вдохе примерно вдвое.

Снова сделал вдох и прогнулся назад, вытянув руки над головой. Задержался в этом положении с задержкой дыхания. Выдох с втягиванием живота и одновременно сгибание вперёд. Я вёл руки настолько медленно, чтобы в конце выдоха коснуться земли руками. Я опёрся руками о землю возле ног.

Снова вдох и вытянул назад правую ногу, приседая на левую ногу. Поставил правую ногу на землю позади себя, приняв позицию «наездника». Сделал задержку.

Выдох. Втягивая живот, я переставил левую ногу рядом с правой и принял позицию «горы». При этом я распрямил ноги, а руки вытянул над головой в прямую линию с телом, подняв ягодицы вверх. Сделал задержку.

Сделал вдох и принял позицию «планка». Придав своему телу прямую линию от пяток до макушки и упираясь руками в землю. Сделал задержку.

При выдохе я согнул руки и прижался к земле. Сделал задержку.

С вдохом я перешёл в позицию «кобры», распрямив руки и выгнув назад спину. Сделал задержку.

С выдохом вернулся в позицию «горы». Сделал задержку.

На вдохе я подтянул вперёд правую ногу и поставил её возле рук, приняв позицию «наездника». Сделал задержку.

С выдохом я подтянул левую ногу к правой ноге и поднял ягодицы вверх, приняв позицию наклона к ногам. Сделал задержку.

На вдохе я разогнул тело и перешёл в позицию прогиба назад, вытянув руки над головой. Сделал задержку.

С выдохом я перешёл в исходную молитвенную позицию. Сделал задержку.

Это упражнение у нас называлось «Приветствие солнца». Поэтическое название, но я относился к нему прагматически. После окончания одного цикла упражнения, продолжил выполнять его дальше. Я выполнил десять циклов.

Какое-то время я стоял прямо, закрыв глаза, и дышал, успокаивая тело. Понимаю. Многие, узнав о моём пристрастии к этому упражнению, презрительно усмехнутся. Это было не самое сложное упражнение из всего арсенала магов. Смейтесь. Кого как, а меня Академия научила ценить простоту. Простоту в одежде, простоту в еде, физических упражнениях, магических заклятиях и, конечно, в общении. Я не старался, в отличие от других, усложнять свою жизнь. Некоторые представители древних магических родов в Академии практиковали собственные системы упражнений. Я не видел в этом нужды, поскольку особого превосходства физической формы эти упражнения не давали. Для них они давали только чувство собственной значительности, превосходства над всеми остальными. Печально, что и остальные ученики, неблагородного происхождения, пытались выделяться подобным способом. Также я не стремился при выполнении упражнения соблюдать хоть какой-то мистический ряд цифр. Ни при задержке дыхания, ни при повторении циклов. Я всегда отталкивался только от состояния своего тела.

Я подождал, пока моё дыхание успокоится, и мир в глазах обретёт устойчивость. Я окончательно проснулся, а тело было наполнено упругой энергией. Но прежде, чем окончательно приступить к этому дню, надо было выполнить ещё два упражнения. Многие люди, и волшебники в том числе, недооценивают их. Но без них нет самой магии.

Первое упражнение у нас называется «Дыхание животом с визуализацией». Я принял удобную позицию. Встал прямо, стопы ног на ширине плеч. Расслабил все лишние мышцы. Наложил правую руку на центр Воды, находящийся чуть ниже пупа в глубине тела, под слоем мышц. Левую руку я наложил поверх правой руки. Теперь я пытался очистить свой разум, избавляясь от назойливых мыслей. Как только мне это удалось, я начал дышать. Выдох через рот на четыре счёта, задержка на два счёта, вдох через нос на четыре счёта. Я старался дышать равномерно, без рывков и резких переходов. При выдохе я нажимал рукой на свой живот, при вдохе отпускал руки, давая животу расслабиться и наполниться. Это только люди думают, что мы дышим просто воздухом. Нет, это не так. Только маг, обладающий вторым зрением, видит, что помимо воздуха вокруг нас распространена легкая, невидимая субстанция. Она выглядит как лёгкая дымка. Иногда плотная, иногда лёгкая и едва уловимая, но присутствующая везде. Это то, что в обиходе волшебников получило

название светлой жизненной силы. Эта субстанция соединяет все живые существа в нашем мире, даёт им силы и поддерживает жизнь. Она порождается землёй. Жизнь прекращается, когда тело теряет способность принимать и проводить через себя жизненную силу, или когда накапливает слишком много темной мёртвой силы. Маг может продлевать свою жизнь, избавляясь от тёмной силы и поддерживая проводимость тела для светлой жизненной силы. Выдыхая, я усилием воли выдавливал из себя темную жизненную силу, которая впитывается землёй. Вдыхая, я втягивал в себя светлую жизненную силу, позволяя силе впитаться в центре Воды. Данное упражнение возможно только при полном отсутствии посторонних мыслей. Существуют, конечно, и более сложные упражнения, но я никогда не стремился усложнять свою жизнь. Я выполнил дыхание 35 раз. Наставники рекомендовали в зависимости от состояния выполнять это упражнение от 30 до 40 раз. Поэтому я остановился на середине.

Пора было приступать к визуализации. Наставники говорили: «разум подчиняет себе тело». То, что мы о себе думаем, то и получаем. Тело отзывается на образ. Наставник учил при выполнении упражнения визуализации представлять в своём сознании образ себя здорового и цветущего, а если есть больные органы, то представлять эти органы только здоровыми. Я закрыл глаза, чтобы внешние образы не отвлекали меня. При этом я продолжал дышать. Я стал перебирать свои органы по очереди, создавая в своём сознании образы здоровых органов, здорового тела. Я старался, чтобы образы были максимально реалистичными. Закончив полный обзор своего тела, я закончил и упражнение.

Второе упражнение называлось «Концентрация». Каждый волшебник, практикующий это упражнение, использует свой собственный объект для концентрации. Ничего сложного в этом упражнении нет. Нужно сесть, расположив удобно своё тело. Расслабить все лишние мышцы. Удаляете из головы лишние мысли. При выполнении упражнения нельзя шевелиться. Направляете своё внимание на объект внимания и смотрите, не моргая в течение всего времени упражнения. Лично я использую для этого упражнения лист бумаги, с нарисованной на нём точкой размером с горошину. Расположив лист на столе, на расстоянии вытянутой руки, я направил своё внимание на объект концентрации, при этом я продолжал дышать как в предыдущем упражнении. Насчитав пятьдесят дыхательных циклов, я прекратил упражнение.

Пора приступать к жизни.

Для начала требовалось обновить запасы воды, а то вчера не было времени. Та, что я выпил утром, сильно отдавала затхлостью. Пить её было можно, но неприятно. Ещё надо было опорожнить ночной горшок. Я задумался. Выходя вчера из повозки, я глянул в открытые ворота крепости. В пол версте от стен я видел кустарник в стороне от дороги. Похоже, что не ягодный. Значит, там нет возможности кого-то облить отходами. Нельзя же сливать куда попало? Я открыл крышку бочонка и выставил перед собой ночной горшок. Взяв посох и направив на них, я сосредоточился. Взмахнув посохом, я произнёс короткое заклятие. Содержимое бочонка и ночного горшка исчезло. Точнее сказать перенеслось на полверсты за пределы крепости. Законы этого мира нельзя нарушить. Это нам внушали долгие годы обучения. Если где-то что-то взялось, значит, оно откуда-то исчезло. И наоборот. Нельзя создать из ничего что-то. Я представил, что в кустах кто-то сидел, и его окатило отходами с высоты моей башни прямо из воздуха. Мне показалось это забавным, и я усмехнулся. Заклятие было родственным трансгрессированию. Вот только переместить инертный, неживой объект не в пример проще, чем живое существо, а тем более себя.

***

На улице вечерело. Солнце клонилось к закату. Отряд гоблинов-разведчиков тихонько подобрался к опушке леса. Их лохматые плащи с вшитыми ветками и листьями прекрасно маскировали от нечаянных глаз. Они ползли медленно, тщательно вглядываясь и вслушиваясь в окружающее пространство. Чисто вымытые тела и особые мази начисто перебивали их запах. Не только людишкам, но даже собакам не отыскать их.

Кхарог был опытейшим разведчиком. Много раз он ходил по вражеской территории. Он научился передвигаться столь искусно, что даже птицы и звери не реагировали на него. Он вёл свой отряд тайными тропами. Хозяин хотел знать как можно больше о подходах к крепости, снабжении, численности гарнизона. Кхарог был уверен, что выполнит задание незаметно для всех и вернётся с донесением. Мысленно он уже пересчитывал серебряные монеты и перекачивал их среди пальцев, получая от этого истинное удовольствие. Много монет, которые обещали ему за выполнение этого задания. Уверенность была столь высока, что он позволил себе насладиться мечтами дольше обычного. Не уйдут монеты, а сейчас надо выполнить задание. Прежде, чем солнце склонилось за горизонт, он облюбовал для наблюдательного пункта отдельно стоящий густой куст недалеко от дороги. Похоже не ягодный. Значит, никто не подумает подойти поближе. Достаточно густой, чтобы успешно замаскироваться. До крепости от куста не более чем полверсты. Будет удобно наблюдать. Осталось выждать. Эти людишки вырубали все кусты и деревья вокруг крепости на расстоянии в пятьсот саженей. Они не оставили ничего густого в округе, пригодного для маскировки или укрытия при атаке. Но этот куст они оставили неосторожно целым. Кхарог улыбнулся. Теперь им придётся за это поплатиться. С наступлением темноты Кхарог осторожно ползком двинулся в сторону куста. Своих спутников он оставил на опушке. Молодые и неопытные они не обладали достаточным терпением и наблюдательностью для выполнения этого задания. Они могли его выдать неосторожным движением. Для многих это был первый выход. Брать он их не хотел, но совет настоял. Молодёжь должна получать опыт. Он это понимал, но подвергать себя опасности не хотел. Эту часть задания он выполнит один. Он двигался медленно, руками ощупывая пространство перед собой на случай ловушек, разбросанных сухих веток или сигнальной проволоки. За годы войны люди научились хитрости, но он наверняка хитрее и ловчее. Он давно научился обходить такие опасности. Иногда ему удавалось обойти даже несложную магическую ловушку. Движения его были незаметны. Со стороны казалось, что это ветер колышет травы. Только маги людей теперь могли его обнаружить. Но этого он не боялся. Пока не было войны, маги людей расслаблены, заняты другими делами. Задание будет лёгким. Было уже далеко за полночь, когда он, наконец, добрался до куста. Искушение вползти под куст стало очень сильным, но он пересилил себя. Даже замедлил движение. Он медленно ощупал пальцами каждый прутик и каждую ветку, которой мог прикоснуться. Подозрение, что куст могли намеренно оставить как приманку для таких, как он, внезапно посетило его. Он стал вдвое осторожнее. Он напрягал уши и нюх, пытаясь определить опасность или присутствие диких животных. Но чувства давали только обычную картинку. Наконец, он заполз под куст полностью. Теперь осталось дожидаться утра. Он расслабился и погрузился в тревожную полудрёму.

Первый же луч восходящего солнца разбудил его. Тело оставалось расслабленным, но внутренне он напрягся. Прежде, чем разлепить глаза, он напряг уши, пытаясь уловить хоть

малейший намёк на опасность. Понюхал воздух. Вроде ничего не изменилось. Только после этого он позволил себе открыть глаза. В воздухе разносилась тишина, нарушаемая только птичьими трелями. Природа пробуждалась после ночи. Дикие звери радовались началу нового дня и окончания ночи, пережив которую, они не стали чьим-то обедом. Вокруг стояла обычная трель, не нарушаемая звуками опасности. Можно было расслабиться. Поблизости не было посторонних. Птицы и звери — самые лучшие часовые. Кхарог внутренне улыбнулся. Он осторожно приподнял голову и повёл взглядом вокруг. Нельзя считать себя в безопасности. Возможно, что ты не один здесь самый умный. Дорога и пространство вокруг были слабо освещены. Крепость ещё была погружена во тьму, и лишь верхушки башен выделялись на фоне серого неба. Маленькие точки огней медленно перемещались по стенам крепости. Он сосчитал шесть точек. Значит, по этой стороне крепости перемещаются шесть часовых. Он постарался запомнить маршруты. Он осмотрел себя. Маскировка была выбрана удачно. Он сливался с окружающей природой. Даже вблизи его можно было принять за обычный земляной покров, с валяющимися поверх него ветками и листьями. Было темно, но зоркий взгляд Кхарога уже нашёл изъян в маскировке. Из-под левой полы плаща торчал носок его сапога. Медленно, стараясь не совершать резких движений, он втянул ногу под плащ. Лежать было неудобно, но он привык. Это даже хорошо. Неудобная поза размывала его очертания, затрудняло обнаружение. Он натянул капюшон на голову и приник к земле, слившись с окружающим ландшафтом. Смотреть на мир он будет только через жидкую ткань капюшона. Это затемняет видимость, но маскирует блеск глаз. Под капюшоном можно даже немного поворачивать голову незаметно для остальных. Он расслабил тело, постаравшись отключить все мускулы. Дышать он будет исключительно медленно и животом. Для этого под животом он оставил небольшое пространство. Воевать он будет исключительно умом и памятью. Только идиоты считают, что разведчики только тем и заняты, что стреляют из луков и машут ножами. Кхарог в своем племени считался неплохим бойцом, и даже свирепым, но эту глупость он оставлял другим. Только поэтому он и стал отличным разведчиком. За все свои выходы он ни разу не встретил в схватки с врагом. Теперь оставалось только полагаться на своё зрение и память. Он уже начал составлять песню. Всё, что он сегодня увидит, станет словами этой песни. Он будет петь её про себя много раз от начала и до конца, вплетая в неё всё новые и новые строки. И так до тех пор, пока не выучит её наизусть. Именно её он споёт Хозяину, перед тем как получит монеты. А потом её запишут, а он её забудет. Теперь оставалось только ждать.

Прошёл почти час после рассвета, когда на башне шесть раз пробил гонг. Если он правильно помнит, то именно сейчас крепость начнёт просыпаться. На стенах стало увеличиваться число народа. Это понятно. Ночью похолодало и на земле выпала роса. Внутри крепости ещё темно и сыро, а потому люди тянутся на стены, чтобы согреться в лучах утреннего солнца. Кхарог вплёл в песню ещё одну строку. Народу прибывало.

Похоже, что вся крепость собралась на стенах. Хорошо, что он выбрал восточную сторону крепости. Он обежал взглядом крепость, стараясь сосчитать обитателей крепости. Около двух сотен вместе с детьми и женщинами. Он вплёл в песню ещё одну строку. Хозяин будет доволен. Рассвело достаточно, чтобы рассмотреть крепость полностью. Кхарог стал вплетать в песню строки о расположении крепости, валах, рвах, стенах и башнях, указывая их расположение и высоту.

Напевая про себя песню, Кхарог всё больше впадал в благодушное настроение. Он не обнаружен, собрал данные. Осталось посчитать въезжающие и отъезжающие подводы. И это

его благодушное состояние было прервано в один миг. Сначала с неба на него пролилась вода объёмом около ведра, а следом его окатило человеческими испражнениями. Он съёжился. Никогда ещё за всё время его выходов с ним не приключалось ничего подобного.

Будь проклят человеческий маг. Он его обнаружил. Только он мог устроить нечто подобное. Задание провалено, можно не сомневаться. Чувство обиды и разочарования постигло опытного разведчика. Маг мог его убить или сообщить стражам о его местоположении. Но он предпочёл нечто более жестокое и омерзительное. Он облил Кхарога испражнениями на глазах всей крепости. Кхарог представил, как люди хохочут над ним. Ему стало больно и обидно. Такому унижению его ещё никогда не подвергали. В тот миг человеческие испражнения казались ему по запаху более омерзительными, чем испражнения троллей. Кхарог поднялся и медленно направился в сторону леса. Его уже не волновало, видят ли его охранники на стенах. Догонят? Убьют? Пусть лучше убьют, чем такое унижение. В тот миг Кхарог готов был сам покончить с собой. Горка серебряных монет, ублажавшая его всё это утро, медленно растаяла перед его мысленным взором.

***

Стражник Кром честно отстоял свою ночную стражу на стене. Ничего подозрительного не произошло. После рассвета воздух стал наполняться радостным предчувствием нового дня. Шесть раз пробил гонг. На стену стали подтягиваться едва проснувшиеся люди. После холодной и сырой ночи было приятно согреться в лучах утреннего солнца. Стали собираться солдаты, их жены и дети. Появился капитан. Он потянулся и вдохнул воздух всей грудью. Летом, когда не было войны, а крепости не угрожала опасность, капитан предпочитал проводить утреннюю зарядку на стене, а не внутри крепости на площадке. В этой процедуре предпочитало поучаствовать всё население крепости, кроме беременных женщин и часовых, находящихся на страже. Такое ограничение ввёл сам капитан, и оно соблюдалось неукоснительно.

Капитан гаркнул, и люди стали собираться в группу. Именно в этот момент это и произошло. Над одиноким густым кустарником, находящимся в полуверсте от крепости, раздался непонятный звук. В воздух взвилась стая птиц, поднявших гвалт. Почти одновременно с этим от земли отделилась бесформенная низенькая фигурка и зашагала в сторону леса. Кром на мгновение замер, но рефлексy, привитые за годы службы, сработали, как и положено. Он поднял тревогу. Зарядка была прервана в один миг. Капитан стал отдавать приказы. Стена почти мгновенно опустела. Люди разбежались по своим местам. Во дворе формировался отряд преследования. Люди вооружались, седлали лошадей, выводили собак. Через несколько минут отряд выехал через главные ворота и кинулся в преследование. На месте они обнаружили мокрое пятно, обрамлявшее лёжку разведчика, и стойкий запах испражнений. К этому моменту разведчик уже скрылся в лесу. Но собаки уверенно шли по запаху. Отряд прошёл по следу до самой реки. Здесь собаки потеряли след.

Отряд разведчиков был изгнан. Но он оставил тревожное состояние для всех обитателей крепости. Стало ясно, что короткий период мира заканчивается.

***

Конечно, я знал, где в крепости находится колодец. Я мог наполнить бочонок

магическим путём, тем же, каким только что опорожнил емкости. Носить воду на себе очень не хотелось. Но годы обучения в Академии приучили меня не сильно полагаться на магию. Наставник всегда говорил, что делать нужно то, чего тебе больше всего не хочется. Только так можно было сохранить свою способность к выживанию. Я вспомнил, что внизу, на нижнем этаже башни, среди других вещей видел два ведра с коромыслом. Живот сразу свело судорогой. Вспомнилось, как мы таскали воду ведрами в Академии по каменной лестнице, ведущей от источника в верхние палаты. Мне очень не хотелось этого делать. Значит, именно это я должен был сделать сейчас. Я открыл люк. Не надевая мантию, я спустился вниз по лестнице. Я нашёл ведра и коромысло там, где и ожидал их увидеть. Повесив коромысло с ведрами на плечо, я вышел во двор и направился к колодцу. Во дворе спешно собирался отряд всадников с собаками. Это слегка удивило меня. Но я не придавал этому значения. Медленно я прошествовал к колодцу. У колодца переговаривались две женщины. Не вдаваясь в подробности их разговора, я наполнил себе ведро. И только тогда до меня дошло, что они говорят о какой-то тревоге. Благодушие сразу спало с меня. Вот и началась боевая часть моей службы. Схватив ведро на коромысло и водрузив их себе на плечи, я направился к башне. Я сконцентрировался на подъёме по лестнице. Не надо забывать, что у лестницы отсутствовали перила, а упасть с лестницы мне не хотелось. Наконец, я пересёк люк своего этажа. Перелив воду в бочонок, я сразу же стал одевать мантию. Надев пояс с поясными сумками, я почувствовал себя вполне готовым. Прихватив шляпу и посох, я направился в столовую. Было время завтрака, и я надеялся получить там последние сведения по поводу утренней тревоги.

Перед входом в столовую собралась уже толпа народа. Однако я ожидал больше народа. Я прислушался. Люди говорили об утренней тревоге, лазутчике, обнаруженном бдительной стражей, погоне. Вроде как капитан приказал пока не напрягаться. Лазутчик ещё не армия. Однако посты усилил, отправил интенданта проверять запасы. Капитан воин бывалый, ждёт худшего. Наверняка станет готовить крепость к осаде. Наверняка пошлёт в столицу сообщение о шпионе.

Я слушал людей. При этом сам находился в состоянии ступора. Конечно, сидя в безопасности далеко в Академии, мы все представляли, как поведём себя на войне. Каждый представлял себя героем и решительным человеком. Но вот я оказался даже не на войне, а так, рядом. И мой мозг спасовал. Я понимал, что должен что-то предпринять, но разум отказывался соображать. Я просто стоял и смотрел на окружающих людей, как будто они должны были за меня принять решение. О чём я? Такие как они, наоборот ожидают принятия решений от мне подобных. В их глазах я хоть и небольшой, но начальник. Так я и дождался звона гонга, оповещающего начала завтрака. Вместе с толпой солдат я вошел в столовую. Взяв чай и какую-то булку, я отправился к столу. Пища не шла в рот. Она показалась мне абсолютно безвкусной. Но к концу обеда я принял решение. Раз я в таких делах малоопытен, то надо найти капитана и получить распоряжения.

Приняв решение, я отправил посуду в мойку и направился к выходу. Но в таких случаях говорят: «На ловца и зверь бежит». На выходе из столовой я столкнулся с капитаном. Мгновение назад я представлял, как буду бодро и храбро разговаривать с ним, но, увидев его, я оробел. Мысли выветрились из моей головы. Осталась лишь одна, напоминающая, что я должен с ним поговорить. Вот только о чём?

— К... Капитан... — начал я.

Капитан не дал мне договорить.

— Тебя-то я и искал. Подготовь лазарет, проверь запасы лекарств, набор инструментов, перевязочного материала. Возможно поступление раненых и больных. Если начнётся заварушка, будет приток беженцев. Их тоже надо будет лечить. Занимайся. Времени может быть очень мало.

Сказав это, он выпустил меня наружу. Оказавшись снаружи, я не спешил уйти. Я прислушался. Капитан, оказавшись за дверью, начал отдавать приказы. Я удивился, насколько эти приказы были разносторонние. Неужели можно держать столько в своей голове? Это же надо осмысливать ситуацию со всех сторон, о большинстве которых я даже не подозревал. Не люблю быть обузой. Хочу научиться думать, как он. Развернувшись, я направился в сторону лазарета.

Если честно, то моё посещение лазарета было чисто символическим. Нянечка уже наводила в нём полный порядок. Я исключительно формально проверил наличие хирургического инструмента по списку и на исправность. Придаться было не к чему. Даже вчерашние повязки были уже отстираны и высушены, свёрнуты в рулончики и уложены в закрытые коробочки. Нянечка была настоящим сокровищем для лазарета. Больше времени я потратил на изучение списка медикаментов и их срока годности. Этим я сильно удивил Тётю Веру. Оказалось, что прежние маги никогда не занимались подобными вещами. При необходимости они только изготавливали зелья, но никогда не заботились об их наличии в лазарете, оставляя это нянечкам. Напоследок я зашёл в кладовую и проверил наличие вязанок засушенных трав и прочих ингредиентов. Здесь мне тоже было делать нечего. Конечно, сложных и дорогих ингредиентов здесь не было, но для изготовления простых и часто используемых лекарств, всё было в достатке.

***

Кхарог вбежал на опушку леса. Он знал, что именно здесь он оставил свой отряд. Поначалу он не увидел никого, но спутники уже его опознали и зашевелились. Все здесь. Он испытал облегчение. Отчаяние уже отступало. Верх брал холодный расчет. Кхарог видел, как носы его спутников задёргались, а лица стали искривляться от омерзения. Не дав им опомниться, он заговорил:

— Меня обнаружил человеческий маг. Он пометил меня для собак — он надеялся, это как-то объяснит им причину неприятного запаха, — скоро здесь будут преследователи. Разбежаться на тридцать шагов в разные стороны и влезть на деревья, замаскироваться. Ваша задача — сосчитать въезжающие и выезжающие подводы в крепость. Лично вскрыю глотку каждому, если задание не выполните. Я уведу погоню. Встреча в условленном месте.

Не дожидаясь ответа, он рванул по тропе в сторону реки. Только там можно сбить со следа собак и смыть этот мерзкий запах. Его не волновало, выполнят ли они его приказ. Если их поймают, это задержит преследователей. А позже, через пару дней, он вернётся и закончит работу. Если же они выполняют задание, это сэкономит несколько дней работы. Осталось только убежать. Он напрягался изо всех сил. Он бежал, мысленно напрягаясь в попытке вспомнить дорогу, и осматривая путь, избегая опасности. Не хватало только оступиться. Даже не сломав ногу, он задержится, а сейчас каждое мгновение дорого.

Он с трудом затормозил, внезапно выскочив из-за кустарника к воде. То, что надо. Быстро огляделся. Сердце бешено колотилось, он задыхался, мысли прыгали и путались. Но рефлекс уже делал своё дело. Рядом с берегом плавало сломленное дерево. Не большое,

как раз удержать его на плаву и замаскировать. Он столкнул его в воду, вытащил на глубокое место. Поднырнув снизу, он пристегнул себя к нему ремнём. Сверху между ветвей натянул свой мокрый плащ. Маскировка не ахти какая, но у него не было лучшей. Медленно двигая ногами, он поплыл прочь от берега. Голову он оставил над поверхностью, прикрыв капюшоном. Так он мог видеть происходящее. Он успел вовремя. Едва дерево подхватило течение стремнины, из леса выметнулся отряд всадников. Кхарог замер и даже перестал дышать. Всадники рассыпались по берегу. Половина переплыла реку вместе с собаками и стали обыскивать другой берег. Потом они отправились вдоль реки вверх по течению. Никто не посмотрел на одинокое плывущее по течению реки дерево с кусками торфа и тины. Кхарог сделал вдох. У него ещё будет возможность выполнить это задание. А человеческий то маг не прост, очень даже не прост. Надо предупредить Хозяина.

Кхарог вышел к условленному месту. Это была пещера в склоне небольшого каменистого холма, поросшего кустарником. Одежда была ещё очень мокрой. Он создал из веток каркас, по форме напоминающий человека, и натянул на него плащ. Перед ним он развёл костёр. Со стороны казалось, что у костра греется человек. Рядом на ветках он развесил остальную свою одежду и сапоги для просушки. На нём осталась только рубашка и штаны. Из оружия он взял только нож. Лук и тетивы к нему размокли, и их нельзя было использовать, а без них стрелы — бесполезные вещи. Надо было подождать, пока они высохнут. Он вышел из пещеры и затаился в густом кустарнике, чуть выше по склону. Ноги болели от ходьбы босиком, но это было меньше из зол. Он очень надеялся, что вода в реке смыла запах человеческих испражнений. Он стал ждать. Остатки одежды высохнут на нём.

Было уже за полночь, когда на тропинке около пещеры послышались звуки. Вскоре он увидел движение. Чья-то бесформенная фигура шла по направлению к пещере. Кхарог внутренне напрягся. Идущий абсолютно не таился. Он подошёл к пещере и попытался протиснуться внутрь. Кхарог убедился, что больше никого не видно и не слышно, и прыгнул прямо на спину незнакомца. Незнакомец споткнулся и упал на землю. Кхарог приставил нож к его горлу и зашипел на гоблинском языке, требуя назвать пароль. Ему ответили. Кхарог выпустил его. Это был один из его спутников.

— Я что, не учил тебя ходить? — Зашипел Кхарог. — Я же мог тебя убить.

— Я думал, всё закончилось, теперь можно... — залепетал тот.

— А если бы в пещере был кто-то другой? Об осторожности надо думать всегда. — Он выпустил молодого разведчика. — Где остальные?

Из лепетаний спутника Кхарог понял, что тот в точности выполнил его задание. Взобрался на дерево, замаскировался, притаился. Люди рыскали прямо под ним, но не нашли его. Об остальных он не знает. Кхарог сообщил, что прежде они дождутся возвращения остальных. Он отправил молодого воина в засаду с луком на другую сторону дороги. Тот замаскировался. Скоро Кхарог уже и сам не мог определить, где тот находится. Через два часа вернулся второй воин, а ещё через час третий. От него они узнали, что четвёртый, последний воин, был убит и подобран людьми. Он неудачно выбрал дерево для маскировки и наблюдательного пункта. Там оказалось гнездо, и он потревожил птиц. Те его и выдали. Люди рассмотрели его и подстрелили из луков. Если он был жив после попадания стрел, то наверняка разбился при падении. Кхарог никогда не испытывал чувство жалости или вины. Смерть молодого разведчика его устраивала. Не сможет выдать. Только после этого он их выслушал. Все данные, изложенные ими, он вложил в строки своей песни. Поход можно считать удачным. Данные собраны, потери минимальны. Пора возвращаться.

***

Я вернулся в башню. Если ситуация осложнялась, то времени для работы было очень мало. При свете дня башня выглядела ещё более старой и дряхлой, чем ночью. Моё первое впечатление было верным. Башня нуждалась в ремонте. Но для начала в уборке и настройке на неё. Без этого отремонтировать вряд ли удастся. Я сделал круг вдоль башенной стены. Мне было страшно не только что-то делать, но и даже просто думать об этом. Здесь нужен был маг более сильный и опытный, чем я. А я?

Я нашёл деревянный колышек и открыл дверь. Я надеялся подпереть её им. Немного повозившись, мне это удалось. Осторожно я вошёл в башню. Работы предстояло много. Интересно. А как с ней справлялись другие маги? Я оглянулся. Недалеко от входа стояло несколько пустых бочек. Бочки были старые и разошедшиеся. Похоже, что их давно не использовали. Ну, вот и ёмкость под мусор. А если что, всегда можно вытряхнуть за ворота крепости. Я подошёл к бочке. Осторожно, чтобы не разбить бочку, я прикоснулся концом посоха к внутренней её стенке. Связь установлена. Я вошёл в башню. Для начала неплохо было бы убрать многолетний слой пыли. Я повёл посохом вокруг себя и очертил жестом пространство нижнего зала. При этом я произнёс простое, но эффективное заклятие. Это заклятие не являлось чем-то гениальным или выдающимся. Ему обучают на первом же году обучения в Академии. Магическая уборка — не такое уж и сложное дело, но весьма часто встречающаяся. После маги из благородных родов перекладывали это занятие на плечи других, младших волшебников, отдавая предпочтение более благородным занятиям. Я слышал, что некоторые из них даже забывали это заклятие. Печально. Надеюсь, меня эта участь не постигнет. Я наблюдал, как в помещении возник лёгкий ветерок. Как он начал вихриться возле земли, превращаясь в маленький торнадо. Видел, как пыль стала затягиваться им. Она поднималась всё выше, кружась в воздушном вихре. Вихрь пошёл гулять по полу помещения, собирая в себя всё больше и больше пыли. Стало видно, что пыль перемещается по этой воздушной трубе, а конец этой трубы погружён в выбранную мною бочку. Вихрь двигался по помещению, подчиняясь приказам моего посоха. Вскоре всё большее и большее пространство пола оказывалось очищенным от пыли. Пыль отскакивала полностью, обнажая изначальную чистоту пола. С удивлением я узнал, что пол на первом этаже был не земляным, а выложен каменной плиткой, уложенной в хаотичном порядке, но плотно подогнанной друг к другу. Я переместил вихрь на шкафы. Достоинство этого заклятия в том, что оно снимало только пыль с предметов, не трогая их самих.

Вещи, открывшиеся мне, были не самые приятные. При дневном свете остатки сушёных вязанок оказались различными видами ядовитых растений. Правда уже иссохшие и потерявшие свои ядовитые свойства. Видимо, один из живших здесь магов, баловался изготовлением разных ядов. Насколько я помню, изготовление ядов в Империи каралось законом, если вы не имели официального разрешения на это. Некоторые яды использовались в медицине в малых дозах, поэтому маги Академии изготавливали такие яды под контролем имперских наблюдателей. Но всем остальным это запрещалось. Поэтому яды можно было достать на черном рынке из-под полы, и за большие деньги. Не помню, чтобы кто-то говорил, что пограничные маги имеют на это право. Надо уточнить. Если же нет, то понятно, почему пробирки хранятся здесь, а не в химической лаборатории. Это же объясняло наличие здесь колб и реторт. В углу я разглядел небольшую, старую горелку.

Интересно, она рабочая? А если нет, то можно ли отремонтировать? Под стеклянными колпаками оказались засушенные головы гоблинов, змей и даже орка. Это что? Военные трофеи? Фу-фу. Мне такие подарки не нужны. Кажется, я сказал это вслух. Я понял это, когда сзади раздалось девичье хихиканье. Я обернулся. На пороге стояла девчушка лет двенадцати. За ней стояли ещё два мальчика пяти-шести лет. Они глядели на меня с интересом, но с опаской. Общие семейные признаки, отпечатанные на их лицах, показали, что передо мной стоит сестра и два её брата.

— Что-то нужно?

— Не-а, — сказала девчушка — мы видели, как ты творишь магию и пришли посмотреть. Интересно.

Наверное, да. В их размеренной спокойной жизни было мало развлечений. А чего я ждал? Для них я тоже своего рода развлечение. Я решил не прогонять их.

— Ладно, оставайтесь, но так, чтобы не пострадать. Если скажу отойти, значит отойдёте. И ничего не трогать. Это может быть опасно.

Они с готовностью кивнули головами. Вот только было в их взглядах что-то такое, говорящее мне, что слушаться они не будут.

Одно из больших старых вёдер оказалось предназначенным для мусора. Его там накопилось много. Было не похоже, что его вообще когда-то выкидывали. На дне мусор вообще спрессовался. Я не стал тратить магию на перемещение этого мусора из ведра. Просто донёс мусор до выбранной мною бочки и опрокинул в неё. Пришлось постучать по дну и поскрести найденной веткой, чтобы очистить это ведро. Не знаю, будь оно живым, сказало бы оно мне спасибо? Детишки бегали за мной стараясь рассмотреть, что я делаю. Я старался их обходить, чтобы не задевать. Дело пошло веселее. Они не помогали мне, но создавали компанию. Это повышало настроение мне. Выкидывать инструменты и инвентарь я не стал. Всё может пригодиться. Но ведро стало заполняться остатками растений, битым стеклом (увы, не весь инвентарь пережил долгое хранение), а также всевозможным мусором, оставленным на полках или возле них. Колпаки было выкидывать жалко, но вот их содержимое я с огромной брезгливостью скинул в ведро. Пришлось несколько раз сбегать к бочке. Хорошо, что она была большая и, даже изрядно вычистив мусор из башни, я не смог заполнить её даже на четверть. Мебель была старая, разохшаяся. Во многих местах с неё слезла лакировка. В некоторых местах она требовала ремонта. Но я оставил это до лучших времён. Нет времени. Я постарался расставить вещи на мебели так, чтобы они все были на виду, и их было легче найти. Тут же в отдельный шкаф я поставил бытовой инвентарь: ведра, коромысло, лопаты, лом, совок и метла. Я испытал определённый азарт, увидев метлу, но она оказалась обычной, не изготовленной для полётов. Пусть стоит, может и пригодиться. Хорошо, когда работаешь в компании. Незаметно время пролетело. Я очнулся, когда гонг отзвонил двенадцать ударов. Полдень? Я оглянулся.

Скоро должен быть обед, а я успел убрать только первый этаж. А если что-то стряслось. Выпроводив детей из башни и прикрыв дверь, я отправился в лазарет. Лазарет встретил меня тишиной. Только тётя Вера, сидя на стульчике, предавалась вязанию. Увидев меня, она удивлённо подняла брови.

— Что-то надо?

— Вообще-то я сам хотел узнать, не случилось ли чего.

Выяснилось, что ничего особенного не произошло. Отряд охотников уже вернулся. Привезли мёртвого гоблина. Раненых нет. Я могу не беспокоиться. Если что-то случится и

будет нужна моя помощь, за мною пошлют. Пока нет боёв, я могу отдыхать. Но дальше крепости пока рекомендуется не выходить. Я удивился. Разве здесь есть куда выйти? Оказалось, что некоторые из предыдущих магов частенько ходили за предел стен. Кто-то собирал травы (я сделал заметку), кто-то ходил в соседнее поселение, там есть кабаки (наверное, там погиб маг) и бордель. Капитан ничего такого не позволяет делать в крепости, вот молодёжь туда и ходит. Я решил, что пока не хочу никуда идти. Я сообщил ей, что если буду нужен, то буду у себя в башне, убираться. На лице нянечки отразилось сильное удивление. Оказалось, что ни один из магов до меня никогда не убирал в башне, ну кроме своей комнаты. Я задумался. Как же они настраивались на башню? Оказалось, что в последний раз это сделал маг пятнадцать лет назад. Тогда здесь служил маг, выдавший Великие Войны. Но с тех пор нужды в башне не было. Поэтому последующие маги этого и не делали. Они просто отбывали здесь свой срок перед повышением. Молодёжь даже не помнит, как используется башня. Больших набегов давно не было. Я задумался. Но для себя решил, что всё равно настроюсь на башню и отремонтирую её. Не дело это держать оружие в таком запущенном состоянии. Да и самому интересно. Перед уходом я спросил, а когда здесь бывает обед? Нянечка просто ответила, что в два часа после полудня.

Я вернулся в башню. Дети уже были перед дверью как на посту. Я подивился. Дверь же открыта, почему не вошли? Наверное, здесь так принято. Не входить без приглашения. Я улыбнулся им как старым знакомым. На их лицах сразу же засияли улыбки. Да, настанет время, и они научатся прятать свои эмоции, но пока они ещё отвечают на мою улыбку взаимностью. Однако я задумался о том, что дальше их пускать в башню не безопасно. Подняться на верхние уровни башни по винтовой лестнице им будет тяжело. А ждать меня внизу не интересно. Я попытался им это объяснить, но встретил непонимание. Тогда я открыл дверь, заклинил её колышком и указал на лестницу без перил.

— Если кто-то из вас упадёт, мне будет очень плохо. — Сказал я. — Если хотите, ждите внизу.

Конечно, я понимал, что через пятнадцать минут им это наскучит, и они убегут. Было немного жаль. В компании работать было интереснее. Но я не хотел рисковать их жизнями.

Я прихватил ведро для мусора и, аккуратно двигаясь, стал подниматься вверх по лестнице. Дети стояли на первом этаже башни посреди комнаты и провожали меня взглядом. Для начала я зашёл в свою спальню и взял фонарь. Работать в темноте мне не улыбалось, а на втором этаже башни окна отсутствовали. Я разжёг фонарь и спустился на второй этаж. Фонарь давал не очень много света, но его хватало, чтобы осветить всю комнату. Внезапно за моей спиной раздался девичий голосок:

— А это что такое?

Я повернулся. Все трое стояли на площадке и оглядывались по сторонам. Девушка указывала на полку с книгами. Это ненадолго повергло меня в шок. Я много лет провёл среди книг. Я не представлял свою жизнь без книг. Я как-то и забыл, что для большинства людей книги — нечто непонятное и неизведанное. Пока я стоял в ступоре, она подошла к полке и, протянув руку, коснулась корешка одной из книг.

— Это книги — начал я и увидел в её глазах непонимание, — много листов пергамента, скреплённых между собой, на которых на... нарисованы слова. Знающий человек может их прочесть.

Наступило минутное молчание. После чего девушка решительно схватилась за книгу и потянула её к себе.

— Я хочу это увидеть — решительно заявила она.

— Нет! — Закричал я, когда увидел, что она вытаскивает.

На обложке книги большими готическими буквами было написано «Некротеленикон».

— Только не эту — закончил я более спокойным голосом. — Эту нельзя открывать.

Девушка замерла, почувствовав мой страх.

— Эта книга нужна для общения с мёртвыми.

Девушка поспешно отдернула руку. Я подошёл и вставил книгу на место. Я прошёл вдоль полки и просмотрел их содержимое. Вытащил одну из книг.

— Возьми, посмотри — сказал я — это книга о целебных травах.

Я передал ей книгу. Она взяла её осторожно и раскрыла. На каждой странице там были нарисованы цветные иллюстрации. Создатель книги постарался на славу.

— Старайтесь не порвать — девушка присела на корточки и стала переверачивать страницы. — Не всё, что лежит на этих полках можно читать, даже мне. — Я подошёл ближе — вот эти знаки под каждой картинкой — и есть слова.

Некоторое время она рассматривала знаки, а потом спросила.

— Зачем ты держишь книги, которые нельзя читать?

— Это не моя библиотека. Она досталась мне такой. — Я ещё раз оглянулся. — Похоже, её создавали не один год. Что-то здесь прописано изначально, что-то привозили с собой другие маги, а что-то — трофеи. Но пожалуйста, без моего разрешения ничего не трогайте.

Было видно, что девушка замялась, набралась решимости и спросила:

— Ты научишь меня читать слова?

Некоторое время я смотрел ей в глаза.

— Зачем?

— Хочу быть умной, как баба Вера. Она единственная из женщин умеет читать слова. Её ещё давно какой-то маг научил. Она одна и ходит сюда, кроме мага, читает слова из книг. Остальным не позволяют, говорят не надо.

— Спроси своего отца — сказал я, помолчав — захочет ли он, чтобы я тебя учил. Я не хочу нажить себе врага в его лице. А теперь давай продолжим уборку.

Она замолчала. Далее всё пошло, как и раньше. Я прикоснулся к внутренней части ведра концом посоха. Я повёл посохом вокруг себя и очертил жестом пространство зала. Произнёс простое заклятие. Вновь подул ветерок. Он свился в вихорь и начал засасывать пыль внутрь себя. Постепенно пыль перекечевала в ведро. Осталось отнести его и опорожнить в бочку. На улице, заглушённый стенами башни, дважды пробил гонг. Сразу же после него пробил второй гонг, призывающий к обеду. Я обернулся к детям.

— Ну, всё. Вам пора. А то родители потеряют.

Дети как будто ждали этих слов. Они развернулись к проёму в полу и быстро сбежали вниз. Девушка вложила мне в руки книгу и побежала следом. Когда её плечи поравнялись с полом, она остановилась, посмотрела на меня и сказала.

— Баба Вера тоже училась без разрешения. Она так сказала.

И скрылась в проёме. Я постоял немного. Вложил книгу на полку среди других книг. Взял ведро, погасил фонарь и, осторожно ступая по ступеням, стал спускаться следом. Когда я вышел из башни, она стояла на тропе и, наверное, ждала меня.

— Нам после обеда приходиться?

— Как хотите — ответил я — Самая весёлая часть работы на сегодня окончена. Дальше будет скучно. Надо ознакомиться с библиотекой, понять, что там лежит, разложить по

полочкам, а не как попало. Это скучно для вас.

Она обдумала мои слова и убежала. Я вытряхнул ведро в бочку. Отнёс его обратно в башню и отправился в сторону колодца отмывать руки. Пора было обедать.

Обед описывать нет смысла. Мои Мысли были далеко от этого места. С трудом проглотив содержимое своей тарелки, я вновь вернулся в башню. Предстояла долгая работа. Очистить книги, расставить по полкам, классифицировать. Ещё надо понять, какие из них надо прочесть, чтобы после настроиться на башню. Похоже, что этими книгами давно не пользовались. Надеюсь, что они не истлели. Мне как-то не приходилось видеть книги настолько старые. Если же такие есть, то они должны храниться в лучших условиях. Внимательно прослушал, что говорят другие члены отряда. Ничего нового не произошло. С такими мыслями я покинул столовую и направился к башне. На пороге башни меня ждал сюрприз: там снова стояли дети. Я вздохнул, похоже, у меня не будет выбора. Эта не отвяжется, пока я не дам ей того, что она от меня ждёт.

Обречённо я взмахнул рукой, приглашая проходить в башню. Видимо они этого и ждали. Мальчишки исчезли за дверью, и я услышал топот их ног по лестнице вверх. Девушка вошла степенно. А ведь я даже не знал её имени. Я вошёл в башню и стал медленно подниматься по лестнице. Дети ждали меня на втором этаже, находясь в полной темноте. Моё появление в проёме со светящимся навершием посоха вызвало ажиотаж и радостные вопли. Дети радовались этому несложному фокусу. Я разжёл фонарь. Комната осветилась мягким неярким светом. Конечно, после яркого света улицы здесь было темновато. Я повернулся к девушке.

— Ты действительно хочешь научиться?

Она замялась, глянула на мальчиков, и кивнула головой.

— Хорошо.

Дав слово, я решил его исполнить и как можно раньше. Я двинулся вверх по лестнице и, добравшись до люка, открыл его. В помещении сразу стало намного светлее. Пожалуй, именно так и следовало оставить, чтобы было удобнее и светлее работать. Я прошёл в свою комнату, дошёл до стола и обернулся. Как и следовало ожидать, из проёма показалась головка ребёнка. Мальчик осторожно осмотрелся. На его лице отражался испуг и решимость одновременно. Он был намерен идти до конца. Я погасил навершие посоха и вставил посох в подставку, находящуюся здесь для этого. Сзади раздались осторожные шаги.

— На столе ничего не трогать — сказал я, не оборачиваясь назад.

Я бегло осмотрел стол. Мне нужен был лист пергамента. На столе царил беспорядок. Листы пергамента, исписанные неровным подчерком, с помарками и грубыми рисунками. Прежний хозяин всего этого не придерживался правила содержать на столе порядок. Мне нужен хотя бы один чистый листок. Не читая, я стал откладывать исписанные листы в сторону, создавая отдельную стопку.

Попутно я откладывал в сторону чертёжные инструменты, перья и карандаши. К своему удовольствию нашёл несколько чистых листов. Когда на столе образовалось чистое пространство, я придвинул стул и оглянулся. Предстояла достаточно долгая работа, и мне было интересно, чем заняты дети. Они прохаживались по комнате, с любопытством оглядывая её содержимое. Девушка стояла ближе всего ко мне, но, также как и мальчики, всматривалась в окружение. Я попросил их ничего не трогать. Пора было приступать к работе.

На листе пергамента я карандашом начертил большую квадратную таблицу во весь лист.

Я расчертил её на тридцать шесть квадратов, разместив их в шесть рядов по шесть квадратов в ряд. Теперь карандашом я вписывал буквы с произношением и переводом в каждый квадрат. Я почувствовал, как она стоит прямо за моей спиной и напряжённо дышит мне в затылок. Я старался не обращать на это внимание. Закончив писать таблицу карандашом, я взял перо. Теперь надо было обвести карандашные буквы чернилами. Я всегда так делал, когда хотел выполнить свою работу чисто. Я открыл баночку с чернилами, покачал её. Она на половину была заполнена чернилами. Поставив её на стол, я обмакнул в чернила перо и стал старательно выводить буквы. Работа заняла некоторое время. Всё это время она смотрела на меня и лист бумаги.

Наконец я закончил. Отложив перо и закрыв баночку для чернил, я стал наблюдать за листом и тихонько дул на него, пытаясь ускорить его высыхание. Я был доволен своей работой.

Наконец лист высох. Я поднял его вертикально перед собой и ещё раз полюбовался.

— А что это? — спросила девушка.

— Прости за опоздание, позволь узнать, как тебя зовут.

Она немного замялась.

— Аликс. — Сказала она и смутилась.

— Аликс, это алфавит. Рисунки знаков, из которых нарисованы слова. Их называют буквы. Каждый такой знак имеет своё звучание. Рассматривая составленные вместе знаки и произнося их звуки, мы узнаём, какое слово они в себе заключают. Возьми этот лист. Прежде, чем ты научишься читать слова из знаков, ты должна заучить наизусть каждый отдельный знак.

Я передал ей лист пергамента. И уступил место за столом, знаком предложив садиться. Она поколебалась и присела на освободившееся место. Указав жестом на лист бумаги в её руках, я продолжил.

— Это Кириллический алфавит. Он признан как единый алфавит на территории Империи. Его утвердил Патриарх Кирилл, потому так и называется. Большинство книг имеющих хождение в Империи, написаны на нём. В этом алфавите тридцать шесть знаков. Но есть на территории Невендаара более сложные алфавиты. Например, Телерийский алфавит эльфов. В нём сорок девять знаков. На нём рисуют слова эльфы, которых называют Квенья или высшие эльфы. На нём они записывали изначально свои сказания в виде песен. Когда-то в Невендааре имел ограниченное хождение Валинорский алфавит. Говорят, что на нём рисовали слова Валлары, служители Создателя этого мира. Но с тех пор, как высшие эльфы ушли в Валинор, за предел нашего мира, жители постепенно перестали пользоваться этим алфавитом. Все книги были переписаны с использованием более поздних алфавитов. Найти книгу, написанную Валинорским алфавитом практически невозможно. А после Великих Войн и книги, написанные Телерийским алфавитом, тоже стали огромной редкостью. За пределами Империи имеет хождение другой алфавит. Он был изобретён ещё древними эльфами. Получил название Синдарский алфавит. Сами эльфы называют его бытовым письмом. На нём они писали повседневные записи, торговые соглашения, письма друг другу. Этот алфавит можно назвать простым. В нём двадцать пять знаков. Этот алфавит используется не только эльфами, но и гномами и орками. Хотя гномы, помимо Синдарского алфавита используют древние Руническое письмо, называя его священным, но эльфийский

алфавит у них в большом ходу из-за удобства рисования знаков. Орки, гоблины и демоны используют Синдарский алфавит без особых изменений. У демонов своего алфавита нет, но есть набор знаков для обозначения магического действия, а также определения их статуса, но сложить из этих знаков слова никто никогда не пытался. Книги на Синдарском алфавите довольно часты. Существует ещё один вид алфавита. Им пользуются северные варвары, живущие далеко на севере. Это очень простой алфавит, такой же простой у них и язык. В нём всего шестнадцать знаков. Он называется Руническим, хотя с Руническим письмом гномов не имеет ничего общего. Изначально этими рунами пользовались их шаманы для выполнения гаданий, после стали использовать знаки для письма. В языке варваров отсутствуют многие звуки, которыми мы пользуемся для общения. Книг у варваров нет. Они делают записи на дереве, кости или камне. Каждый народ использует тот алфавит, который ему более удобен. Для народа, живущего в Империи удобнее всего Кириллический алфавит, и тебе желательно изучить именно его.

Я замолчал и взглянул ей в лицо. На нём было написано непонимание темы разговора. Всё сказанное мною было для неё абсолютно лишено смысла.

— Зря я, наверное, забиваю тебе голову лишней информацией.

— Интересно.

— Но лучше приступить к изучению. Данный алфавит изучают одной строкой. Строка представляет набор слов. Первая буква слова и есть та, которая нужна для изучения. Звучит строка так:

Аз Бога Ведаю Глаголи Добро Есть
Жизнь Земли Иже Как Люди Мыслите
Наш Он Покой Реки Слово Твёрдо
Ук Ферт Хер Ци Червль Ша
Щта ерЪ ерЫ ерЬ Это Вижица
Ёта Ёжеи Село Ёжа Юнь Ять.

Я увидел улыбку у неё на лице.

— Что-то кажется тебе смешным?

— Ты использовал... нехорошие слова.

— Какие? — Спросил я, хотя уже знал, какое слово её насмешило.

— Хер — сказала она, немного помявшись. Мальчики посмеялись.

Я вздохнул.

— Вам всем нужно понять простую вещь. С тех пор, как был изобретён этот алфавит, наш язык значительно изменился. Многие слова поменяли своё значение. Слово «Хер» изначально обозначало «равновесие». Мы теперь изучаем алфавит как набор непонятных звуков, но изначально это были строки сакральных знаний. И если первые строки ещё можно понять даже сегодня, то уже четвёртую строку понять невозможно. Это потому, что значения слов поменялись или потерялись. Например, «Ук» означает в древнем языке Зов, «Ферт» — Гордость. А слова «Ци» — целеустремлённость, «Червль» — рубеж, «красная черта» или просто красный, «Ша» — тишина. Поэтому эту строку с древнего языка можно перевести как: зов гордости уравнивают целеустремлённостью, ограничивая тишиной. Пятую строку можно перевести как: разнообразие твёрдости, единства и творения — это движение. Шестую: познание истины — весьма краткое прикосновение моего духа. Как видите, каждая строка — определённая мудрость, утерянная с течением времени. Теперь

только маги да посвященные знают об этом. И так, приступим к изучению. Я буду произносить и показывать букву, а ты повторять за мной.

Я стал карандашом указывать на букву и произносить её вслух. Я ждал, пока она произнесёт это слово вслух за мной. Дело шло медленно. Мы прошли десять кругов по листу. Она довольно чётко повторяла слова за мной, но было видно, что это занятие стало ей прескучивать. Она стала вертеть головой и вести себя невнимательно. Тогда я предложил ей более сложное задание. Я сказал, что буду показывать ей знак, а она должна будет его назвать. Меня ждало разочарование. Она не смогла назвать ни одного знака. Я попросил её пересказать строку алфавита наизусть. Здесь меня ждало второе разочарование — она не смогла произнести ни одного звука. Я начал испытывать разочарование и раздражение. Однако я сдержался. Меня этому учили. По её лицу было видно, что она расстроена. Не хватало только довести её до слёз. Для себя я сделал поправку на то, что она девушка и, вероятно, менее умна, чем мужчина. И потом, жизнь в гарнизоне не способствовала её развитию. Я предложил ей вернуться к началу, но после того, как она отдохнёт. За это время я немного поработаю. Впоследствии, когда я уже преподавал большому количеству людей, мне стало понятно, что подобное поведение и медленное усвоение — это нормально для любого человека. Я поступил очень правильно тогда, что не сорвался на ней. После я понял, почему многие маги ненавидят преподавание. Я оставил её у стола, попросив, чтобы она присматривала за младшими. А сам начал спускаться на книжный этаж.

Я снова зажжёт фонарь. Даже со светом фонаря мне было темновато после дневного света моей комнаты. Но всё равно я приступил к работе. Книги на полках лежали в беспорядке. Для начала я решил упорядочить их по темам, а уже после по значимости. Надо было приступать. Я наугад вытащил одну книгу. Это оказалась книга по астрономии. Внутри на страницах помимо текста находились картины небесного свода и созвездий. Я положил книгу на место. Куда поставить книги по астрономии и астрологии я ещё не решил. Соседняя книга, которую я достал, оказалась сводом «Общие заклинания». Рядом с астрономией ей, конечно, не место. Надо переложить её на другую полку. Я повернулся, чтобы оглядеть помещение. Дети уже стояли на этой площадке и смотрели на меня. Это показалось мне забавным. Я двинулся по комнате. Надо разделить все полки на четыре части, подумал я. Отдельно медицина, отдельно магия, отдельно общие науки, отдельно история и прочая литература. Осталось выбрать, где будут находиться эти отделы. Не думаю, что магический отдел будет большим. Я рассмотрел небольшой шкаф на северной стороне. Значит, на южной стороне будет история и прочая литература. На восток поставим медицину, а на запад — общие науки. Положив книгу на шкаф с северной стороны, вернулся к прежней полке. Определившись с направлениями, работать мне стало легче. Я перебирал книги по темам, складывал их в стопки и разносил по местам. И только когда на восточной стороне остались лишь книги по медицине, я решил дать отдых. Надо перебрать ещё три стороны. Отдел получался не очень большим. Но этого следовало ожидать. Книги по хирургии с иллюстрациями. Медицинские справочники по общим заболеваниям. Книга «Септика и Асептика». Лечебники. Книги по Травологии. Применение камней и металлов в медицине. Всё это интересно, но читать буду в лучшие времена. Пора вернуться к изучению алфавита.

— Продолжим учёбу — сказал я, повернувшись к девушке.

Я жестом пригласил её наверх в мою комнату. Мы поднялись по лестнице, и она снова заняла место за столом. На этот раз я усложнил задание. Теперь она двигала пальцем по

листу и указывала на буквы, а я произносил их вслух, потом она их повторяла. Мальчики откровенно заскучили. Они уселись прямо на полу. Ситуация, когда она сама указывала на букву, была более продуктивна. Девушка меньше отвлекалась. Дело пошло быстрее. Однако даже после двадцати повторений она не смогла самостоятельно его повторить. Такова правда жизни. Дети легко запоминают какую-то глупую шутку или весёлую песенку, но серьёзные вещи плохо помещаются у них в мозгу. Видимо, так устроен мозг человека. Он не хочет принимать в себя тяготы и реалии нашего мира. Это приходится запихивать насильно, с трудом.

Я снова дал отдых. Теперь, спустившись на книжный этаж, я занялся разбором южной стороны. Сначала требовалось убрать отсюда все лишние книги. Этот отдел, мне казалось, будет самым вместительным. Я не ошибся. На полке остались книги по истории, легенды, песни, даже любовные баллады. Надо полагать, что без этого развлекательного чтения, предыдущие маги могли сойти здесь с ума от скуки и безделья. Даже сейчас этот отдел был больше, чем медицинский. А ведь я ещё не всё сюда перенёс.

Мы снова вернулись в мою комнату. Как и в предыдущий раз, она сама показывала на знаки букв, а я произносил их, она же повторяла слова за мной. Мы снова прошли двадцать циклов. Результатов не дало. Я терпеливо ждал. В конце концов, мне стало безразлично, сможет она читать или нет. Мне было приятно общество этих детей. С ними мне было работать веселее. Понимаю, что в одиночку я бы смог сегодня сделать намного меньше, чем с ними. Поэтому маленькое неудобство по чтению алфавита, меня перестало раздражать. Однако в конце занятия у неё на лице всё отчётливее стал читаться вопрос. Я решил узнать какой.

— Хочешь что-то спросить?

— Я заметила, что здесь некоторые буквы повторяются. Ну, здесь две буквы «и».

Я усмехнулся. Мне вспомнилось, что когда-то я сам задавал наставнику этот вопрос. Наставник ответил, а потом заставил меня повторять его слова до тех пор, пока я не пересказал ответ наизусть. При этом он вколачивал знание посохом в меня, через мою спину. Поэтому объяснение для девушки для меня было не сложным.

— На самом деле Букв «и» — четыре. Все они различаются по длительности и звонкости звучания. Например, «и» знака «Иже» — это длинная «и».

Я произнёс этот звук протяжно.

— Понятно? — Она кивнула головой. — Знак «іжеи» — это короткое «и», а знак «йжа» — самый короткий звук «и». А вот знак «ерЫ» — это тоже «и», но произнесённое глухо и гортанно.

Я снова протяжно проговорил этот звук. Она снова кивнула.

— Вот видишь, один звук, но произнесённый по-разному, даёт сразу четыре знака. — Я вздохнул. — Но это не единственный повторяющийся звук. Например, звук «а». В алфавите этих знаков два: «Аз» и «Ять». Но «Аз» — протяжное «а», а «Ять» — «а» с препинанием кратким «й» в начале. И означают оба одно — тебя самого. Но «Аз» означает я физическое, тело. А «Ять» — это я разумное, духовное. «Я» физическое хочет, чтобы ты веселилась, прыгала, отдыхала, кушала. А «Я» духовное хочет, чтобы ты учила буквы. И вся разница. Многие в этом мире отдают предпочтение «Аз».

Я показал эти буквы ей на рисунке.

— А ещё повторяются знаки «Это» и «Есть». То есть «Э» и «Е». Повторяются знаки «Он» и «Ёта». Повторяются «Ук» и «Юнь». Все они повторяются по принципу «А». Но эт

всё гласные звуки. Повторяются ещё и согласные. Это те звуки, которые сами не произносятся, только в сочетании с гласными. Потому и называются «согласные», то есть — прилагающиеся к гласным. Но эти повторяются по принципу звонкости: глухой звук — звонкий звук. Например, «Д — Т». — Я показал на рисунке эти буквы. — Или «Б-П». Не есть буквы, которые повторяются несколько раз: «С-S-З». Здесь звук «С» произносится глухо, а «S» — звонко, и является промежуточным по звучанию между «С» и «З». Но есть ещё более сложный вариант. Это Звук «В». В алфавите дано даже два знака: «Ведаю» и «Вижица». Звучат они одинаково. Применение того или иного знака зависит от назначения слова. «Ведаю» — это знание, что-то постоянное. А «Вижица» — движение. Применение того или иного знака в слове зависит от значения слова. Если слово означает что-то постоянное — то применяют знак «Ведаю». А если что-то подвижное — то знак «Вижица». Но полагаю, что тебе такие тонкости не нужны. Главное, чтобы ты могла понять, что они означают.

На улице отзвонил гонг, призывающий всех на ужин. Я встрепенулся. Уже? Как быстро пролетело время.

— Вы завтра придёте? От этого зависит, возьмёшь ли ты лист с собой или оставишь здесь.

Она поколебалась и сказала, что лучше она будет ходить сюда. Дома у неё могут отнять лист.

— Тогда идите, пора ужинать.

Дважды повторять не пришлось. Головки детей поочерёдно исчезли в проёме люка. Я прихватил посох и стал спускаться следом.

После ужина я отправился в башню мимо площадки для воинских упражнений. Когда я оказался на ней, я стал оглядываться по сторонам. За моей спиной раздался голос.

— Что-то ищешь, сынок?

Я вздрогнул и обернулся. Прямо за мной, в шаге от меня стоял воин, который вчера руководил занятиями сквайров во дворе. Кажется, его звали Раймус. Это был мужчина в годах. Он был выше меня на полторы головы и вдвое шире в плечах. Я попытался сглотнуть образовавшийся комок в горле. Я совершенно не слышал, как он подошёл ко мне. Перебором первое потрясение, я набрал воздуха в лёгкие и ответил.

— Я смотрю место, где можно потренироваться. — Мой голос звучал очень жалким, дрожащим.

Теперь состояние крайнего потрясения отразилось на его лице. Было видно, что он завис. На его лице отразилось невероятное умственное усилие. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но оттуда вырвалось лишь неразборчивое «К-х-мс». Наконец, он справился с этим состоянием. Его голос уже не звучал грозно. Потрясение отразилось и на нём. скрипящим голосом он произнёс.

— Вас что, тоже учат драться?

На этот раз в ступор впал я. Так мы и стояли некоторое время, упёршись друг в друга удивлёнными взглядами. Первым нашёлся я. Стало ясно, что предыдущие маги не уделяли внимание воинским упражнениям. Нельзя придавать себе большой вес в среде воинов, ибо магу надлежит быть скромным (по словам наставлений). Я, придав словам скромности, сказал.

— Ну, я хочу попробовать.

На лице воина отразилось усиленное умственное напряжение. Похоже, что понятие

«сражающийся маг» было для него столь же нелепым, как и фраза «саблезубый кролик». После минутного напряжения мозгов, он, наконец, выдал фразу.

— Завтра приходи. М... после обеда. — Выдавил он из себя. — Основные занятия закончатся, поработаем с тобой.

На столь обнадеживающей ноте я откланялся и направился в лазарет. Тётя Вера спокойно сказала, что ничего не произошло. После чего я направился в башню мага. Остаток времени я потратил на раскладывание книг. Было не так весело. Дети не пришли. Но к концу дня я полностью разложил вверенную мне библиотеку на четыре части. И это притом, что книг было, по моим прикидкам не менее ста штук. Я потратил на это целый день? А чего я ждал. Мне ещё предстоит освоить эту литературу. Ну, хоть будет чем заняться. Судя по тому, что я узнал, служба мага была не сильно обременительна. По крайней мере, здесь — на границе. Я усмехнулся. Где здесь можно достать пергамент? Некоторые книги были написаны эльфийским Синдарским письмом. Я не вдавался в суть текста, но книги лежали в магическом отделе. Если будет возможность, надо будет заняться переводом. Сомневаюсь, что предыдущие маги этим занимались и оставили здесь копии, переведённые и написанные нашим алфавитом. На сторожевой башне гонг пробил двенадцать раз. Уже так поздно? Пора ложиться спать.

Глава 3

Утро опять началось со звука гонга. Он отзвучал шесть раз, оповещая начало нового дня. Состояние было сонное. Очень хотелось досмотреть этот сон, в котором я герой, поражаю воображение воинов своими воинскими навыками. Но я прервал сон и поднял тело из постели. Заученными движениями я натянул на себя одежду. Надев на себя минимум одежды, я подошёл к столу и выпил стакан воды. Вода была намного приятнее вчерашней. Поставив кружку на стол, я вышел на свободное пространство. Пора.

Я развёл руки в стороны и выполнил глубокий вдох. Выдох. Я втянул живот и начал сгибаться, продолжая выдыхать воздух. Когда мои руки коснулись пола, я задержал дыхание и медленно сосчитал про себя до десяти. Только после этого я сделал вдох и распрямился. Выполнил задержку на четыре секунды. В глазах прояснилось. Только теперь моё сознание проснулось окончательно. Пора было выполнить зарядку на день.

Заученными движениями, двигаясь медленно и плавно, я выполнил разминку сверху вниз. После этого я выполнил десять циклов упражнения «Приветствие Солнца». Я стоял посреди комнаты и пытался насладиться состоянием готовности. Тело пульсировало. Казалось, что я всё смогу. Пора начинать новый день. Я взял свой посох. Прежде, чем выходить на бой с воинами в учебном поединке, требовалось опробовать свои навыки владения посохом. Медленно двигаясь, я стал вращать посох вокруг себя. Вроде неплохо. Навыки ещё не утеряны. Довольный собой, я убрал посох на место в подставку. Пора приступать к работе.

Спустившись вниз, я взял мусорное ведро. Предстояла работа. Нужно было убрать собственную комнату. Конечно, слой пыли в ней был значительно меньше, но это не значило, что уборкой можно пренебречь. С ведром я поднялся наверх. Подъём вызвал напряжение в мышцах ног. Это было приятно. Поставив ведро почти в центре комнаты, я взял посох. Прикоснувшись к внутренней поверхности ведра наверху посоха, я начал уборку. Я совершил вращательное движение вокруг себя, а потом очертил концом посоха круг по комнате, прочитав короткое заклятие. Подул легкий ветерок. Он стал свиваться в вихрь. Я усилием воли повёл вихрь двигаться по комнате. Я видел, как пыль стала затягиваться в вихревую воронку и, двигаясь по воздушной трубе, собираться в ведре. Скоро в комнате стало достаточно чисто. Стало много приятнее. На улице ударил гонг, призывающий на завтрак. Пора было идти. Надев на себя мантию и шляпу, я подпоясался ремнём с поясными сумками. Теперь надо сходить к колодцу, умыться. А потом можно и в столовую. Что же, день начался неплохо. По пути я вынес ведро и скинул в мою многострадальную бочку. Пока никто не высказывал мне претензии по поводу её использования. Поставив опустевшее ведро внизу на своё место, я отправился совершать свою утреннюю прогулку по крепости.

Сегодня предстояло разобраться в собственной комнате. Оставим библиотеку на время. Ещё будет возможность в ней покопаться. На подходе к башне меня встретили дети. Будет веселее работать. Мальчишки вбежали наверх, не дожидаясь моего приглашения. Девушку всё же я пригласил войти. Прихватив ведро под мусор, я направился наверх. Когда я поднялся в комнату, мальчишки уже сидели на полу, а девушка присела возле стола. Она тянула к себе лист с алфавитом.

— Тебе ещё не надоело? — попытался я пошутить.

— Нет. Хотя папа и ругался.

Я удивлённо посмотрел на неё. За неё ответил старший мальчик.

— Она вчера весь вечер повторяла слова, которые ты ей вчера показал. Потом Папа разобрал, что это слова из алфавита. Ругался. Он боится, что она не выйдет замуж, как баба Вера.

— Пусть не боится — ответил я, — Тётя Вера была замужем. Её муж погиб во время Великих Войн. Её дети законные. Способность читать не влияет на замужество. Приступим.

Оказалось, что Аликс действительно пыталась выучить алфавит по памяти. Первую строку она действительно смогла повторить. Но вот ассоциации слова и знака у неё пока не возникало. Но и это уже был прогресс. Мы продолжили заниматься. Я ещё раз за разом повторял алфавит, заставляя её водить пальцем по рисункам букв и повторять за мной. Примерно на двадцатом цикле я заметил, что она стала более рассеянной. Только после этого я дал ей отдых. Да и себе. Монотонное однотипное действие меня утомило. Всё это время я одним глазом наблюдал за детьми. Мальчишки резвились на полу. Мне пришлось закрыть люк входа, чтобы не беспокоиться о том, что они туда упадут. Теперь я дал возможность Аликс походить ногами.

Для начала надо было разобраться с листами на столе. Понять, какие из них нужно оставить, а какие отправить в камин на растопку. Я стал медленно перебирать листы пергамента, просматривая их. Самым трудным, оказалось разобраться в каракулях предыдущего мага, которые заменяли ему подчёрк. Глядя на схемы и графики в листах пергамента, мне стало ясно, что местный маг разрабатывал какое-то заклинание. Вот только я не мог понять, что это за заклятие и для чего оно нужно. На всякий случай я решил не выбрасывать листы с почти законченными схемами, чтобы разобраться на досуге. Часть листов представляли собой просто грубые рисунки разной всячины, рожицы и рисунки животных. Видимо маг так развлекался. Эти листы я сразу отправлял в стопку, которой предстояло стать растопкой камина. Большой радостью для меня было обнаружить в общей куче пергаментного хлама чистые листы. Эти я сразу откладывал отдельно. Чутьё подсказывало, что мне предстоит ещё много писать. Пергамент был нужен. В конце этой процедуры стопка листов перекочевала на полку камина. Стол был убран. Чертёжные инструменты разложены по местам, а письменные принадлежности теперь лежали в коробочке рядом с баночкой для чернил. Пора снова приступить к учёбе.

Я дал знать знаком Аликс, что можно продолжать учить алфавит. Она снова придвинулась к столу и присела на стул. Я заметил, что она продолжала держать лист с алфавитом в руках. Мы продолжили работу. Она водила пальцем по листу строка за строкой, а я называл буквы. Она повторяла за мной. После десяти циклов я попросил её попробовать пройти по алфавиту самостоятельно. Она прошла пальцем по листу и назвала почти все знаки правильно. Тогда я изменил тактику. Теперь она водила пальцем по буквам и называла их. Я же поправлял её, если она ошибалась. После десяти таких циклов она стала ошибаться сильнее, и я остановил обучение. Надо было дать ей отдых.

Пора было приступить к чистке шкафа. Я начал с мантии. Для начала я прощупал карманы. В них лежал какой-то мусор в виде смятых листков, непонятного назначения, щепок, булавки (кто же таскает такую вещь в кармане). Ради интереса я развернул листок. Пустой, смятый листок с каракулями. Подчёрк был неразборчив. Я добавил его в стопку листов для растопки. Туда же отправились щепки. Булавку положил на стол. Может и пригодится. Я развернул мантию. Старая мантия, местами потеряя. С изношенным подолом

и манжетами, многократными следами починки. Куда можно использовать её? Я снял её с вешалки и сложил вдоль по швам, а после скатал в рулон. Надо отнести в лазарет. Может её отправят на перевязочный материал. Положил полученный рулон на табурет. Снял с полки шляпу. Она была старая и сморщенная, давно выцветшая на солнце. Я прощупал её. Ну, а вдруг? Надежда как появилась, так и увяла. Шляпа была пуста. Никаких сюрпризов. Я отправил её к мантии. Снял кусок ткани, которую недавно принял за шарф. Возможно, это и был когда-то шарф, но ныне он представлял собой непонятные куски шерстяной ткани. Я развернул их. У меня создалось впечатление, что когда-то в эти куски ткани было что-то завёрнуто. Ткань хранила отпечаток какого-то предмета. Конечно, теперь он был изъят. Возможно, службой архивариуса. Они бы не пропустили такой подарок. У меня внезапно возник вопрос. А что там было спрятано? Чем занимался предыдущий маг в крепости помимо службы? Ну, кроме того, что ходил в кабак? Я прогнал эту мысль из головы. В углу шкафа, справа от сундука между стенками сундука и шкафа торчали две старые сандалии с порванными шнурками. Я вытащил их и осмотрел. Вполне целые, только шнурки заменить. Старые, но не порванные. Я мельком глянул на детей. Обратил внимание, что они бегали босиком. Я стянул плед с сундука. Тоже не новый. Но целый плед, покрытый скатавшимися кусочками шерсти. Пожалуй, это надо оставить. Возможно, зимой придётся укрываться. Я открыл сундук. В нём, как и ожидалось, находилась старая нижняя одежда. Выбор был побогаче. Две пары штанов, две нижние рубашки, три пары носков, платки, треугольники нижнего белья. Я не стал вытаскивать всё это наружу. В отличие от мантии и шляпы, эти вещи были достаточно новые. Учитывая, что мои личные запасы были ограничены, я стал в серьёз задумываться о возможности использования этой одежды для своих нужд. Но я аккуратно прощупал все уголки сундука в поисках тайников. Если агенты архивариуса куда и не стали бы лезть, то это в личные сундуки с имуществом. Скорее всего, они побрезговали бы этим. На это хотелось надеяться. В одежде ничего не прощупывалось, но было в этом сундуке что-то неправильное. Я присмотрелся. Долго не мог понять, что же меня насторожило. И вот тут до меня дошло. Никто не ставит сандалии в шкаф. Обычно их ставят под шкаф или около него. Вот на что рассчитывал предыдущий маг. На брезгливость окружающих. На нежелание прикасаться к грязным, поношенным и рваным сандалиям. Моё сердце забилося сильнее. Возможно, там был тайник. В данный момент я мог приподнять завесу тайны предыдущего мага. Я аккуратно просунул руку в щель, в которой недавно были всунуты сандалии. Пусто. Хотя нет. В дальнем углу щели на дне шкафа лежал шнурок. Я схватил его и аккуратно потянул. Шнурок натянулся, но не вышел наружу, закрепленный к чему-то за сундуком. Я закрыл крышку сундука. Осторожно я повёл шнурок вверх. Теперь я понял, что меня насторожило. Между задней стенкой сундука и задней стенкой шкафа было пространство. Крышка была плоской. Если придвинуть сундук к задней стенке шкафа, то это всё равно бы не мешало открывать крышку. Но прежний маг оставил пространство. Недостаточно, чтобы всунуть руку. Для этой цели и был предназначен шнурок сбоку от сундука. Плед маскировал щель, а сандалии шнурок. Открыть сундук можно и с пледом, удерживая за петлю замка. За сундуком был тайник.

Я оглянулся. Дети играли, но было видно, что они внимательно наблюдают за мной. Мне вдруг расхотелось открывать тайник при них. Что же, после. Я всунул старые сандалии на место. Положил плед поверх сундука. До вечера подождёт. Лучше без лишних глаз. Я осмотрел шкаф ещё раз. На полках была пыль. Я взял посох. Коснулся внутренней поверхности ведра наверху посоха и вызвал очищающий вихрь. Заставил его пройти по

полке шкафа и его внутренностям. Пыль перекочевала внутрь ведра. Я взял со стола свою шляпу и положил её на полку. Отошёл назад и полюбовался. Наверное, здесь неплохо будет смотреться моя мантия. А поверх пледа можно класть пояс с поясными сумками. Здесь им самое место. Я ещё раз осмотрел мантию и шляпу. Внезапно до меня дошло, что это не могла быть одежда предыдущего мага. Вещи слишком старые. Я решил их обыскать ещё раз, но позже. Оглянулся. Девушка ждала. Пора продолжить урок.

Я знаком предложил Аликс двигаться к столу. Она поняла, что урок продолжается. Всё повторилось. Она продолжала читать строки, водя по ним пальцем и называя знаки. Я поправлял её. Мы снова прошли алфавит около двадцати раз. Она читала всё лучше и лучше. Стало ясно, что скоро она заучит наизусть последовательность знаков в алфавите. Я не стал ускорять процесс, давая всему происходить своим путём. Оставалось только ждать и терпеть. Как только я почувствовал, что она устаёт, сразу дал ей отдых. Острой нужды ускорять её способность к чтению у меня не было. Это нас учили по принуждению, из-под палки. Наставнику требовались показатели успеваемости группы. А он не был брезглив в средствах. Позже я сам прибежал к принуждению. Отстающий ученик безжалостно отчислялся из Академии. Среди наставников широко использовалось правило: «Хочешь помочь ученику — заставь». Магов всегда было мало. В год Академия выпускала от трёх до пяти десятков человек. Для нужд Империи это было очень мало. Поэтому физическое принуждение лентяев было обыденным делом. Здесь же необходимости в принуждении не было.

Я взял ведро. Повернулся к детям и лукаво спросил.

— Ну, кто идёт со мной на крышу? — дождался их радостных криков, и строго предупредил — Только на парапет не влезать. Если кто из вас упадёт, ваш отец мне этого никогда не простит. Так что наказывать буду лично и строго.

После этих слов я направился по лестнице к верхнему люку. Они столпились внизу лестницы в ожидании. Я открыл люк и влез на верхний уровень башни в маленькую круглую комнатушку.

— Ну, поднимайтесь — крикнул я вниз.

Снизу послышался звук шагов по лестнице. Из люка показалась детская головка мальчика. Следом он выбрался сам. Не дожидаясь появления остальных детей, я подошёл к двери и толкнул её. Она открылась наружу. Открылся вид на верхнюю площадку с парапетом. Обернулся. Из люка как раз выбралась Аликс. Я показал на площадку у себя за спиной.

— Аликс, будь добра, приглядывай за детьми, пока я буду здесь убираться.

Я подождал пока они вышли на крышу, и повернулся к двери спиной. Надо было убрать саму комнату. Площадку снаружи уберёт дождь. Я снова коснулся внутренней поверхности ведра и прочитал заклятие. Вызвал вихрь и стал убирать пыль в комнате. Пыль постепенно перекочевала в ведро. Да, смотреть здесь было не на что. У меня возникла мысль перенести телескоп вниз и осмотреть на предмет исправности. Я выглянул наружу. Дети веселились, рассматривали через парапет в пространстве между зубцами двор и окрестности. Я предупредил, что отправляюсь вниз. Попросил их, как наиграются спускаться. Взял телескоп и начал спускаться.

Оказавшись внизу, мне захотелось осмотреть телескоп. Хотя мне и удалось снять с него слой пыли, он оставался очень грязным и ржавым. Я попытался раздвинуть его, но потерпел поражение. Телескоп заклинило. Прибор следовало отдать в ремонт. Я подумал, а сможет ли

местный мастер его отремонтировать. Негоже держать такой прибор в таком состоянии. Хотя я сам и не собираюсь заниматься астрономией. На это требовалось потратить время. Я спустился вниз и вытряхнул мусор в бочку. Поставил ведро внизу башни. Снова поднялся. Я надеялся, что пока я хожу, дети нарежутся видами сверху. Я снова поднялся на крышу. Требовалось забрать треногу. Дети продолжали наблюдать окрестности. Видимо, их не часто выпускают за предел крепости, и они пользовались возможностью увеличения своего познания. На главной наблюдательной башне двенадцать раз прозвенел гонг. Я забрал треногу и позвал детей вниз. Они стали спускаться с большой неохотой. Впервые я услышал, как мальчики ворчат и жалуются. Им нравилось здесь быть и уходить они не хотели. Требовалось дать Аликс ещё один урок, а потом отнести телескоп в мастерскую. Когда дети спустились, я стал спускаться следом и закрыл за собой все двери. Оказавшись внизу, я заметил, что дети с особым вниманием разглядывают старый телескоп. Я испытал беспокойство. И осторожно, пытаясь не напугать их, постарался объяснить, что этот предмет трогать не надо. В глазах у них читалось непонимание, но они выполнили просьбу. Хотя было видно, что у них чешутся руки разобрать непонятную вещь. Я жестом пригласил Аликс к столу.

Без лишних разговоров она взяла лист с алфавитом и начала читать строки, водя пальцем по листу. Я наблюдал, чтобы она не ошибалась. Аликс делала успехи. Ошибок почти не было. Время шло. Одним глазом я смотрел, чтобы мальчики не трогали телескоп. Однако мальчики, всякий раз как я отвлекался, аккуратно приближались к этой непонятной и интересной для них вещи. Телескоп явно находился в большой опасности. После примерно двадцатого раза прочтения, я остановил урок.

Я объяснил, что у меня дела, и на сегодня занятия окончены. К огромному разочарованию малышей, я прихватил телескоп и треногу под мышку и направился к люку. Взяв посох, я засветил наверху посоха и стал спускаться. Оказавшись на втором этаже, я позвал детей. Они потихоньку спустились. Я стал спускаться ещё ниже. Они последовали за мной. Когда вся компания оказалась на улице, я притворил дверь башни. Повернулся к ним и попрощался до завтра, сказав, что весь вечер буду занят. В глазах мальчиков читалось вселенское разочарование. Они скорбно провожали глазами такую интересную латунную шпуковину с блестящими стёклышками и колёсиками. И эту красивую шпuku дядя уносил в неизвестном направлении. Когда я двинулся в сторону здания техслужбы, мальчики настойчиво двинулись за мной. В их глазах читался блеск охотничьих псов, взявших след добычи и не желавших его терять. Наверное, они надеялись, что я где-то брошу эту шпуковину, и она достанется им. Они преследовали меня до самой двери и остановились только тогда, когда я внёс предмет внутрь.

Само здание техслужбы было построено из двух половин. С одной стороны размещались кузница и слесарная мастерская, а во второй половине помещались столярная и кожевенные мастерские. Прямо посередине здание разделялось толстой стеной, выступающей над крышей. В каждую из половин вела собственная дверь, что навело меня на мысль, что между двумя половинами, вероятно, не было внутреннего прохода. Из здания поднималось две трубы, находящиеся в разных сторонах здания и пристроенные к его торцам. Мне надо было попасть в слесарную мастерскую. Но, попасть в неё, было мало. Нужно было найти того, кто возьмётся за ремонт изделия. Я прошёл в дверь мастерской. Комната была достаточно большой. Кроме входной двери в ней виднелась ещё одна. Судя по звукам, она вела в кузницу. Моё появление в помещении сначала вызвало тишину. Люди замерли, глядя на

меня. Я спросил их к кому мне можно обратиться. Мастером, а по совместительству и кузнецом, оказался крупный, дородный мужчина. Копна нечесаных волос сальными патлами спускалась по обе стороны его лица, подвязанная шнурком, проходящим по лбу и завязанным на затылке. Борода широкой лопатой опускалась ему на грудь. Широкие покатые плечи переходили в толстые руки, покрытые канатами мускулов. Он был одет в простую, грубую рубашку с закатанными до локтей рукавами. Грубый кожаный передник из спилки, закрывал его тело спереди. Он был выше меня на пол головы. Смотрел на меня черными глазами жёстко. Было видно, что он привык отдавать приказы в своей мастерской.

Стараясь говорить вежливо, я спросил его, может ли он или кто другой отремонтировать этот прибор. И положил телескоп на верстак. Увидев этот прибор в мастерской, два подмастерья мгновенно отскочили от стола в дальний угол. На их лицах был написан сильный ужас. Они творили священные знаки, покрывая себя и меня ими. Из их лепета стало понятно, что я принёс страшную колдовскую штуку, которая сейчас взорвётся и уничтожит всё вокруг, либо покроет их страшными проклятиями, от которых... дальнейшее было трудно разобрать. Было похоже, что эти два суеверных парня сильно боялись всего имеющего отношение к магии. Мастер не выказал страха. Я на всякий случай заверил его, что предмет не опасен и не несёт никакого проклятия. Это просто механический инструмент, изготовленный людьми. Последнее его заинтересовало. Я просто хочу знать, можно ли его отремонтировать. Далее состоялся деловой разговор между мной и мастером. Мне пришлось объяснить, что собой представляет прибор. При осознании, что это просто труба, которая с помощью хитрых приспособлений и стеклянных кругляшков, именуемых линзами, увеличивает и как бы приближает расположенные далеко стоящие объекты, у мастера загорелись глаза. Я объяснил, что этот прибор использовался для наблюдения за звёздами. Он спросил меня, как я намерен использовать этот прибор дальше. Я объяснил, что наблюдать за звёздами мне не интересно и заниматься этим не буду. Просто мне жаль, что такой интересный прибор пропадает. Скорее отдам капитану, чтобы поставил на главную наблюдательную башню, дабы часовой мог наблюдать за окрестностями. Ненароком я поинтересовался, сколько будет стоить такая работа. Мастер заверил меня, что поскольку этот прибор будет использоваться для нужд гарнизона, то эта работа мною не будет оплачиваться. За неё платит Император. Но меня этот ответ устроил, хотя я был уверен, что он взялся за эту работу из личных интересов. Он хотел понять, как устроен этот прибор. Это я понимал. Мастера интересовали различные механические приспособления. Всё время разговора из угла слышалось завывание подмастерьев, держащихся за священные амулеты и творящих священные знаки. Я спросил, когда он займётся прибором. Он ответил, что прямо сейчас. Внезапно он произнес.

— Чу! — я напрягся, но заметил, что он смотрит в окно. Обернувшись, я заметил в проёме раскрытого окна две мальчишечьи головы. — Что я вам сказал делать? Следить за Аликс! И?

Я смотрел на него с удивлением.

— Аликс твоя дочь?

Он нахмурился.

— Да! И что?

— Не сочти за грубость, но ребёнок тянется к знаниям. Попроси тётю Веру взять её в ученицы. Там от неё будет больше пользы.

— Сам разберусь. — Бросил он. — Ты её читать учишь?

— Мне это не запрещено, — я развёл руками. — Позволь ей учиться. Может ей скоро и надоест. А если выйдет толк, то её умение может принести пользу людям. Да и травницей она скорее на хлеб заработает.

Когда я уходил, он кусал свой собственный ус. Видимо это помогало ему думать. Внезапно мне на ум пришла сегодняшняя сцена с мальчишками и телескопом, который они хотели разобрать. Я усмехнулся. А ведь дети пошли в отца. На улице пробил гонг, призывающий к обеду.

***

Я старался не наедаться на обеде, памятуя о том, что сразу после обеда мне предстоит участвовать в тренировке. При этом надо выходить на поединок. Медленно и тщательно я пережевывал свою пищу, и запил травяным чаем. С одной стороны, я хотел выйти на бой, да к тому же дал слово. Но при этом я стал ощущать беспокойство. Мои противники в Академии были куда скромнее в габаритах. Да и драться по-настоящему мне не приходилось. Внутри моего живота образовался тяжёлый комок. Но я всё-таки дал слово, и отказываться от него не собирался. Чем бы для меня не кончился сегодняшний бой. К концу обеда мне было тяжело на душе. К тому же я заметил, что большинство находящихся в столовой людей смотрят на меня с большим любопытством. Стало ясно, что весть о моём желании поучаствовать в тренировке уже разлетелась по крепости. Назревало невиданное дело. Развлечение, которое они не собирались пропускать. Я поднялся и направился к выходу. Пора идти. Я вышел за дверь и направился к площадке для тренировок.

На площадке собралась толпа. Там же находился и капитан, но руководил в этой толпе Раймус, на плечах которого находилась военная подготовка личного состава. Я поздоровался со всеми присутствующими. После этого я обратился лично к Раймусу. Я объяснил, что не хочу портить свой посох, поэтому прошу выдать мне на время тренировки нечто похожее, чтобы я мог им пользоваться. Некоторое время он стоял в задумчивости, потом протянул руку к стойке с оружием и, довольно мягко, сказал.

— Выбирай.

В стойке стояло разнообразное оружие. В основном оружие деревянное. Мечи, булавы, копьё, висели кистеня. На столе валялись разнообразные ножи для отработки ножевого боя. Но было в этом разнообразии и стальное оружие, правда, незаточенное, для более серьёзного поединка. Чуть дальше, возле стены находилось стрельбище, на котором стрелки отрабатывали стрельбу из луков и пращей, метание дротиков и ножей. Я подошёл к стойке и вытащил из неё короткое копьё, по длине не более моего посоха. Острие копья было мягким, выполнено в виде матерчатого валика, перевязанного шнуром. Это меня вполне устраивало. Я вышел на площадку для поединков. Мне становилось всё хуже и хуже. У меня начали трястись колени. Против меня выставили одного из молодых сквайров, приехавших вместе со мной в крепость. Прежде чем начать поединок, Раймус вышел вперёд и натянул мне на голову мягкий шлем. Я почему-то подумал, что это оскорбляет меня. Но я был в таком ошеломлённом состоянии, что не смог возмутиться. После этого Раймус обратился к сквайру. Он говорил с ним грубо и нецензурно. Сказанное Раймусом можно было примерно перевести как: «Макс, тебе надо работать мягче, чтобы не повредить его. Он нужен живым. Обещаю большие неприятности, если не послушаешься». Правда его речь заняла всего шесть очень коротких и ёмких слов. Для полноты убеждения он потряс кулаком. Внезапно мне

стало интересно, а как можно перевести речь капитана, которую он произнёс при нашем приезде в крепость. Какой размер она займёт в переводе на литературную речь. Сквайр по имени Макс вышел на площадку и замер напротив. Для поединка он выбрал деревянный одноручный меч.

Я приготовился. Напряг все мускулы. Сконцентрировал внимание на противнике. Для боя я выбрал защитную стойку, надеясь отражать его удары. И всё равно, удар противника я не заметил. Вот Макс стоит напротив меня. В следующий миг я уже качусь кувырком по земле. В голове зашумело. Когда и как он нанёс удар, я не понял. Но понял одно — ударили меня по голове. В тот момент я был благодарен Раймусу за то, что он натянул на меня этот шлем. Было больно и обидно. Сразу вспомнилось изречение наставника: «Человек легко переносит удар по лицу. Удара не переносит его самолюбие!» Я подавил своё самолюбие и загнал его в самый дальний угол своего сознания. Ну, ничего, первый блин комом. Вот сейчас я точно буду сражаться. Я поднялся на ноги. Меня ощутимо шатало. Макс стоял на прежнем месте, удивленно переводя взгляд с меня на свой меч. На этот раз я решил атаковать. Я бросился на противника и очень красиво произвёл удар посохом.

Когда я открыл глаза, шлема на мне уже не было. Я лежал на земле, и меня отливали водой. Увидев, что я очнулся, сквайр, поливавший меня, убрал ведро и поинтересовался, как я себя чувствую. Я сообщил, что вполне в порядке. Мне помогли подняться. Мои ноги заметно подкашивались. Копья в моих руках уже не было. Мне принесли мой посох. Я взял его в руки и обвёл взглядом окружающих. Раймус и капитан смотрели на меня с сочувствием. Остальные тихо переговаривались, создавая шум гомона. Макс стоял в стороне. Левая половина его лица уже оплыла. Левый глаз превратился в тонкую щёлку. Скоро на этом месте появится разноцветный синяк. Шатаясь, я отошёл к столу с лежащими на нём ножами. Мне было плохо, но моё самолюбие пострадало сильнее моего тела.

— Невил, — впервые капитан обратился ко мне по имени, — умение сражаться дано не всем. Когда воин не способен сражаться, он может стать лучником. Стрелять тоже не плохо.

Я повернулся и посмотрел на капитана. Он ждал моего ответа.

— Стрелять я умею.

Я развернулся к столу. Подобрал с него стальной нож. Мишень в конце стрельбища была развернута ко мне под небольшим углом, но я её видел очень хорошо. Диск черного цвета размером примерно с фут, имел в центре белый кругляш. Именно он стал моей целью. Я размахнулся и швырнул нож. До мишени было примерно двадцать шагов. Далековато для броска, но у меня был свой ключ. Как только нож покинул мою руку, я включил второе видение. Усилием воли я протянул от острия ножа к центру мишени силовую линию, такую же, какую я использую при лечении больных. Наставник говорил, что у меня для этого дар. Я заставил эту силовую линию резко сжаться. Нож изменил траекторию полёта и устремился к мишени. Сила удара о мишень была такова, что лезвие вошло в дерево на два дюйма. На площадке мгновенно наступила тишина. Я крепче сжал посох и прицелился. Мысленно я протянул ионный след от посоха по воздуху к мишени и по земле обратно. Я дал разряд. Рядом с ножом в мишени образовалось чёрное опаленное отверстие. Оно продолжало дымиться. Я повернулся к капитану лицом.

— Стрелять я умею — я выдержал паузу — этот навык у меня есть. Но что будет, если у меня разрядится посох или нечем будет метнуть во врага? Я хочу научиться драться. Посохом.

Капитан и Раймус переглянулись. Они начали разговор. Говорили они тихо, но

последнюю фразу капитан произнёс достаточно громко. На наш язык она может быть переведена как: «Пусть попробует».

На этой светлой ноте для меня тренировка закончилась.

По пути к магической башне, я зашёл в лазарет. Тётя Вера осмотрела меня. Одна шишка у меня вскочила на лбу, а вторая на затылке. По моим ощущениям у меня было лёгкое сотрясение. Но в целом я был в порядке. Чем дальше шло время, тем легче я себя чувствовал. Осознание того, что опасность миновала, постепенно возвращало мне хорошее настроение. А вместе с ним возвращался контроль над телом. Я попросил у тётки Веры настой коры ивы. Я выпил ложечку лекарства и запил водой. Теперь оставалось только ждать. Я надеялся потихоньку уйти из лазарета, но мне не дали. В дверь лазарета протиснулось сразу три тела. Сквайр Макс, Капитан и Раймус. Макс основательно плыл. Видимо после удара в лицо ему потихоньку становилось хуже. Лицо заплыло ещё сильнее, глаза почти не было видно. Раймус подвёл его к операционной. Говорить ничего было не надо. Я посадил его на стул и осмотрел. Надо было снимать опухоль. Я предупредил, что синяк, скорее всего, останется. Все трое кивнули головами.

Я приступил к лечению, провёл расслоение реальности и проник в его тело. Второй рукой я держал его за затылок. Когда моя рука прошла в лицо Макса, тот сильно дёрнулся и зарычал. Его руки вцепились в мою руку. Я стал успокаивать его спокойным голосом. Он попытался вырвать мою руку из своего лица, но это было не просто. Этим движением он причинил себе ещё более сильную боль.

— Уймись — проговорил я, надеюсь, что мой голос звучал спокойно — или ты не воин? Терпи.

Он не отпустил мою руку, но тянуть и рычать перестал. Он жадно глотал воздух. На его второй половине лица были написаны боль и отчаяние. Я старался не тянуть. Убрать гематому не так уж и сложно. Для начала я перекрыл капилляры и венные сосуды, ведущие к этому участку. Теперь надо было устранить излишки воды из тканей. Самое простое в данном конкретном случае — это устроить обильное потение. Я заставил его кожные поры открыться и повёл излишнюю воду наружу. Одновременно выводил из тела свою руку. Опухоль спадала прямо на глазах. По его левой щеке обильно тёк пот. Крупные капли стали срываться с подбородка и падать на пол. Тётя Вера подала мне кусок ткани. Я взял и приложил к его лицу. Лечение было закончено, но я не мог оторваться от Макса. Тот крепко держал меня. Я дёрнул руку и твёрдо, спокойно попросил его отпустить меня. Макс посмотрел на меня обоими глазами. В них металась боль и безумие. Второй рукой я взял Макса за запястье и попытался вырвать свою руку ещё раз. С таким же успехом я мог пытаться вырвать руку из стального капкана. Ко мне на помощь пришёл Раймус. Перехватив руку Макса, он крепко сжал её и произнёс крепкое слово, видимо означавшее приказ. Макс повиновался. Я налил в ложку настойки коры ивы и протянул Максусу. Тот дёрнул головой, пытаюсь изобразить отказ.

— Пей, легче будет.

Он обречённо смотрел на ложку, явно не понимая, что происходит. Раймус потряс его за плечо. Тот открыл рот. Не ожидая развязки, я сунул ему ложку в рот и перевернул. Лицо Макса исказилось. Понимаю, вкус настойки был не просто горьким. Сразу за этим я ткнул ему в лицо кружкой воды, прежде чем он смог выплюнуть лекарство. Рефлекс сработал быстрее разума. Макс отпил значительный глоток, проглотив лекарство вместе с водой. Все засмеялись. Макс приходил в себя.

Когда смех утих, ко мне обратился капитан.

— Невил, скажи, зачем тебе учиться драться? Ты прекрасный лекарь, хорошо метаясь ножи, стреляешь молниями. Чему ты не рад? Просто объясни нам.

Я потёр подбородок. На нём прорастала щетина. Когда я был учеником, нас заставляли бриться. Но став полноправным магом я решил отращивать бороду. Я не хотел длинную бороду, мне нравились бороды короткие. Не к месту мысли, но они помогли мне осмыслить ответ.

— На самом деле всё просто. Когда мы обучались, нам рассказывали Историю Магии. Давно, в далёкой древности жил великий маг. Его звали Гендальф Серый. В то время ещё Империи не существовало — на лицах моих собеседников отразилось великое изумление. Для них Империя существовала всегда. — По легендам, это была Великая Война Третьей эпохи. Там были страны и города, которых теперь уже нет. Люди, эльфы и гномы сражались вместе против Темного Властелина, который объединил орков, нежить и демонов. Говорят, что Гендальф Серый мог лечить, стрелять молнии, двигать предметы как я нож сегодня. Он мог вызывать огонь и призывать мёртвых. А ещё говорят, что на стенах городов он сражался оружием наравне с простыми воинами. Может этот маг и легенда, но он является идеалом. Своего рода эталоном, на который равняются все современные маги.

— А скажи, все маги умеют стрелять и метать ножи?

Я улыбнулся. Нас предупреждали, что мы должны скрывать от людей свои способности и возможности магической касты.

— На самом деле нет. Учат то этому всех. Но умеют это далеко не все. Нас отбирают не за способность убивать, а за способность лечить. За это нас ценят. И даже способность лечить у нас разная. Кто-то сильнее, кто-то слабее. Поэтому, если при сдаче выпускных экзаменов ты не сможешь стрелять, на это закроют глаза. Главное, чтобы лечить умел.

На этот раз они согласно кивнули головами. Я продолжил.

— Я не умею всего, что умел Гендальф Серый, но у меня всё впереди. Поэтому я и хочу научиться сражаться оружием. Если получится, то я стану больше похож на свой идеал.

— Ты хочешь изучить всё, что умел тот маг? — спросил меня капитан.

— Ну, кроме умения вызывать мёртвых.

Капитан снова кивнул головой и произнёс.

— Хорошо, закончишь свои дела, приходи на площадку. Поучишься. Может и будет толк. — Повернувшись к Раймусу, он произнёс — В конце концов, плох тот боец, который не мечтает стать военачальником. Пусть попробует.

Раймус кивнул в ответ. Но, прежде чем они смогли уйти, в разговор вклинилась тётя Вера.

— Невил, скажи, ты учишь Аликс грамоте?

— Слухи уже дошли и сюда? — я улыбнулся. — Ну, да. Не вижу в этом ничего плохого.

— Я тоже не вижу. Её отец заходил, просил взять ученицей. Ты будешь её учить у себя?

— Уже? — удивился я.

— Её отец всегда был быстрым на решения и исполнения.

— Мы только сегодня об этом говорили. А учить... — Я задумался — нет, лучше здесь. Если будет здесь учиться, то здесь и буду учить грамоте. Не дело это, ей ко мне в башню мотаться.

На лицах присутствующих появились загадочные улыбки. Будто они знали что-то, чего не знал я. Люди стали расходиться. Ушёл и я.

Возле башни я встретил детей. Мальчики были насупленные и обиженные. Похоже, что отец тоже не отдал им телескоп на потрошение. Аликс выглядела расстроенной. Она заговорила со мной, и я узнал причину её расстройства. Оказалось, что отец строго приказал ей идти учиться у тёти Веры медицине. С завтрашнего дня она станет ученицей в лазарете. Она расстроилась, что не сможет теперь учиться читать со мной. Я попросил её не беспокоиться. Раз она будет работать в лазарете, то там и будем видеться. Ведь я тоже приписан к лазарету. Завтра я принесу в лазарет её лист с алфавитом. А ещё я должен её расстроить, на сегодня занятий не будет. Меня сильно побили по голове, и поэтому я хочу отдохнуть. Она согласилась. Она знает, об этом говорит вся крепость. На этой печальной ноте мы расстались. Дети ушли. Я поднялся к себе в комнату. Впечатления этого дня меня утомили. Хотя с момента обеда прошло около двух часов, у меня было состояние сильного утомления. У себя в комнате я смог лишь бросить шляпу на стол, а посох поставить в стойку. Я присел на кровать. Кажется, я только на мгновение прикрыл глаза, а гонг пробил девять часов и призыв на ужин. Печально, но я даже не помню момента, когда я уснул. Я лежал на кровати полностью одетый. Пора было идти на ужин. Я поднялся. Если не считать сонливости, то чувствовал я себя вполне хорошо. Сон лечит. Похоже, что организм сам отключил меня, чтобы излечиться.

После ужина я вернулся домой. На улице быстро темнело. Я поднялся в свою комнату, забрав по пути фонарь из библиотеки. Я засветил фонарь. Пространство комнаты осветилось мягким светом. Надо было садиться и читать литературу о настройке на башню. Но сначала меня интересовал тайник предыдущего мага. Тайна раздирала меня, жить с этим было невыносимо. Я закрыл люк и поставил на него табурет. Теперь я, по крайней мере, услышу, если кто-то попытается открыть его. Я осторожно извлёк сандалии и снял плед, положил его на табурет, стоящий на люке. Я просунул руку и осторожно нащупал шнурок и плавно потянул его вверх. Я поднимал шнурок, понимая, что именно так он должен извлекаться наружу, и, при этом, надеясь, что предыдущий маг не оставил ловушек. Он же не собирался умирать, и не рассчитывал на обнаружение тайника. Вряд ли он вытаскивал сундучок, от этого могли остаться следы. И эти следы наверняка бы заметили агенты архивариуса. А когда я убирал в комнате, слой пыли везде был одинаковым. И царапин от передвигаемой мебели я не обнаружил. Значит, тайник извлекался, не передвигая сундука. Вскоре я почувствовал, что к шнурку привязан небольшой груз. Моё сердце радостно стукнуло. Я не ошибся. Я продолжал осторожно вынимать содержимое тайника. Скоро из-за сундука вслед за шнурком показался матерчатый мешочек. Вторым зрением я не видел никаких отпечатков магии. Поэтому я схватил мешочек второй рукой и вынул его из-за сундука полностью. Моё сердце забилося от радости. Если мои глаза меня не обманывали, в моих руках находилось огромное сокровище. Нет, не в плане денег. Я прощупал мешок снаружи. Затем развязал его и стал выкладывать содержимое на крышку сундука. При каждой очередной находке моё сердце радостно совершало сальто. Я улыбался. В мешочке находилась самодельная волшебная палочка и четыре перстня с камнями.

Кольца перстней были изготовлены из дешёвого серебра, а камни в них — просто обработанный кусочек кварца. С ювелирной точки зрения — дешёвка. Такие кольца деревенские парни дарят своим подругам в надежде на любовь. Богатые люди на такие украшения даже не смотрят. И только маги знают, что кварц является накопителем информации. «Слёзы гор» сохраняют в себе любые знания, заключённые в них на срок больше человеческой жизни. Эти знания можно в них как вложить, так и изъять, если ты

знаешь как. Конечно, в общих чертах нам объясняли, как производить такие записи на эти носители. Но конкретно никто этому не учил. Я задумался и внезапно вспомнил, а ведь война, в которой участвовал Гендальф Серый, иначе называлась «Войной за кольцо». Интересно, а что за знания были записаны в том кольце, из-за которых разразилась эта война? Может именно по этой причине нам и не преподают умения создания таких колец? И может именно по этой причине все магические кольца подлежат обязательному учёту? Конечно, заплатив немалую сумму можно было купить такое кольцо. Но обычно в них вкладывали самые распространённые, самые широко используемые и безопасные заклятия. Этими кольцами пользовались в основном старики, которые из-за старческого маразма забывали, как пользоваться магией. Кольца позволяли им вспоминать и использовать заклятия, оставаясь полезными для общества. Кольца для них были, своего рода, дополнительной, надёжной памятью. Но для их создания нужны особые заклятия, которых в Академии не преподают. Я задумался. Внезапно у меня возникло озарение. Собрав свои находки в мешочек, я перешёл к столу. Положив мешочек на стол, я взял лист из стопки исписанных листов и внимательно в него взгляделся. А ведь и правда. Если не знать для чего это нужно, то и не догадаешься. Даже агенты архивариуса не догадались, наброски какого заклинания выполнены на этом листе. Я перебрал несколько листов. Да, заклятие не закончено. Работать не будет, потому что мой предшественник был не очень аккуратным человеком. Но шёл он в верном направлении. Если доработать, с помощью этого заклятия можно перемещать знания из своей головы на камень кварца. А при желании и стереть оттуда. А ведь ему оставалось совсем немного. Ну что же, я доработаю. Чего же ты хотел? Сделать записи на кольца для личного пользования? Или хотел заработать, став подпольным создателем колец?

Я вынул из мешочка волшебную палочку. С интересом рассмотрел её. Теперь мне была понятна причина создания этого предмета. Для её создания нужны были познания в обработке древесины, бумаги и «волшебной субстанции». Название то какое? А ведь взято из наставлений, из магических книг. Так обозначили то, чему не было другого названия. Это название могло обозначать всё, что угодно: шерсть или жилы некоторых животных, волокна редких пород дерева. Каждая из этих субстанций подходила для строго определённой деятельности. Для другого вида деятельности эта палочка уже могла не подходить. Сам я был не силён в этом. Оставалось надеяться на компетентность предыдущего мага и создателя палочки. Я подозревал, что данная палочка была создана именно для записи на носителе. Конечно, это не единственное, для чего её можно использовать. Волшебная палочка сама по себе более удобна для бытового волшебства, чем посох. И тем более чем магическая башня. Но для боя посох эффективнее. А Магическую башню лучше использовать для «глобального» волшебства. Я оглянулся на столб, проходящий через всю башню от земли до крыши. Вот она, самая главная ценность этой башни. И палочка, и посох, и столб башни представляли собой одинаковую конструкцию. По сути, они являлись накопителями энергии, которую волшебник мог использовать для своих нужд. При выполнении магических действий они разряжаются, а потом снова накапливают её, забирая из тонких слоёв эфира. Чем крупнее устройство, тем больше оно может отдать энергии, и тем дольше оно будет заряжаться. По сути, внутри находятся два пучка магической субстанции, разделённые прослойкой из провощенной бумаги. Всё это свёрнуто в рулончик и заключено в деревянную трубку. Каждый пучок «волшебной субстанции» был выведен на свою сторону волшебного устройства. Для создания этого изделия нужно мастерство, а

самое главное — материалы. Кто помог тебе создать палочку? Ты сам? Или кто-то из местных мастеров? Но ведь агенты архивариуса могли узнать. Или не спрашивали, не подозревая о подобном предмете. В любом случае, палочка у меня. А где взял материалы? Хотя... у заезжих торговцев можно купить почти всё. Хотя бы из-под полы. За деньги они продадут любой товар, даже не зная его назначения. На посох, конечно, не хватит, но на палочку — вполне. А если постараться, то можно и на посох набрать. Сколько будет стоить башня, я боялся даже представить. Такое может себе позволить только очень могущественный и богатый волшебник, или могущественное государство. Такое, как наша Империя. Сколько же времени ты потратил на реализацию своей идеи? Годы? А ведь идея могла осуществиться, если бы не твоя смерть. Чем ты прогневал Всевышнего?

В любом случае создание магических колец строго контролировалось в пределах Империи. На кольца выдавался сертификат в виде метки, показывающий безопасность кольца, или скорее сказать его содержимого. А все волшебные палочки подлежали обязательному учёту. Посох, в отличие от палочки, под одеждой не спрячешь. В Империи опасались незаконного, преступного использования магии. Владельца незарегистрированной палочки ждали неприятности. Но это в центральных областях Империи, а здесь, на границе, где действие законов было не столь суровым, подобные вещи могли и создаваться. Я сильно рисковал, выступая против закона. Но это меня возбуждало. Я был молод. Идея предыдущего владельца этой палочки мне нравилась. Нет, пока я не собирался использовать эту идею для обогащения, но меня привлекала идея собрать в кольца всю магическую библиотеку башни. Добавив туда заклятия из моих школьных конспектов. Всё это было больше, чем я мог удержать в своей собственной голове. Конечно, ничего забыть нельзя. Всё, что разум когда-то принял в себя, останется в тебе до конца жизни. Но как трудно порой вспомнить самую простую и нужную в данный момент вещь. Говорят, что старческий маразм в том и заключается, что у тебя ослабевает способность использовать свою память. Бытовые мелочи меня не интересовали, но заклинания — это мой хлеб. И я собирался создать для себя личную библиотеку.

Палочка. А ведь я могу на тебя настроиться так же, как я собираюсь настроиться на магическую башню. И чтобы это сделать, нужна инструкция. Или наставник в качестве такой инструкции. В Академии нам объясняли это заклинание в общих чертах. Подробно мы его не изучали. В Академии настроиться на посох мне помог наставник. Он провёл меня через это. Здесь же мне придётся выполнить это самостоятельно. Значит здесь, в магической части библиотеки должна находиться инструкция по этому действию, сложное заклятие. Осталось его найти. Спасибо тебе, предшественник. Теперь у меня появился план и цель. Сначала надо настроиться на башню и палочку. Доработать заклятие записи, а потом сделать запись заклятий на кольца. Всё это надо сделать тайно, не прекращая обычной работы в крепости. Я убрал кольца и палочку в мешочек. Свернул в рулон записи предыдущего мага и всунул в мешочек следом за палочкой. Затянул шнурок мешочка. Прошёл через комнату. Снова засунул мешочек за сундучок и вывел шнурок сбоку от него. Положил сверху плед и всунул сбоку сандалии. Теперь тайник был замаскирован.

Я подошёл к столу и взял из стойки посох. Подошёл к люку и убрал с него табурет. Рывком открыл люк. На меня глянула темнота провала. Свет фонаря лишь немного освещал ближайшие верхние ступеньки. Дальше начиналась тьма.

— Люмос — сказал я и засветил наверх посоха.

Направив посох вниз, я стал аккуратно спускаться по ступенькам. Я двигался по

спирали вниз, и тьма окутывала меня. Посох освещал лишь малое пространство. Вскоре я увидел пол. Оказавшись на уровне с полом, я вступил на него с лестницы. Теперь я чувствовал себя более уверенно, хотя мои глаза ещё не привыкли к темноте. Я направился к северной стороне.

Я оказался перед полкой с магической литературой. Теперь оставался самый сложный вопрос. В какой из присутствующих здесь книг находится нужное заклинание. Я прошёлся вдоль шкафа и внимательно осматривал каждую книгу на нём. Но пока не трогал. Я находился в лёгком ступоре. Конечно, здесь всего шестнадцать книг и ещё шесть свитков. Не много, но как найти нужную книгу? Ведь если я буду читать каждую книгу и каждый свиток в поисках этого заклинания, то может пройти много времени. А мне желательно закончить дело побыстрее. Я снова пошёл вдоль книжных полок, как будто надеялся, что одна из книг выпрыгнет и скажет: «Это я! Заклинание во мне!» Глупо. Но если методом исключения? «Некротеленикон» конечно можно исключить, но ведь ещё пятнадцать книг. А в них? Я ведь почти не вникал в их содержание. Просто видел магические знаки на страницах и откладывал в этот шкаф. «Общие заклинания»? Может быть, но брать книгу я пока не спешил. «Трансфигурация»? Нет, конечно. Хотя, ты же должен как-то измениться для башни. Так что скидывать со счетов не надо. И...

Внезапно я поймал себя на какой-то мысли, и даже замер, чтобы не потерять её. Что меня насторожило? Я вглядывался в книжный шкаф и не мог понять, что меня так напрягло. Мысль вертелась где-то на краю самого сознания, но ещё не оформилась. Где же ты? В чем? Так — это книга. Нет, не то. А эта книга? Опять не то. Полка. Я произнёс это слово протяжно. И даже провёл пальцем по наружной грани полки. Полка как полка. Нет, не то. Боковые стенки шкафа. Нет, я до них не дошёл. Что-то в центре. Но в центре остались лишь перемычки. Перемычки между полками, разделяющие полки на отдельные секции. Стоп. Вот оно. Перемычки на книжных полках. Сейчас таких книжных шкафов не делают. У современных шкафов полки длинные, во всю длину шкафа. Новые шкафы предназначены для книг. Такие старые шкафы я видел в Академии. Вот только хранились в них не книги, а свитки. А отсеки делают для того, чтобы свитки не смешивались, и их было проще искать. Я оглянулся на соседние шкафы. В них тоже присутствовали перемычки. Крепость построили, нет — восстановили сразу после Великой Войны. Тогда же построили эту башню. Этот шкаф наверняка ровесник этой башни. За годы Войны Империя экономически ослабла. Книги стоят на много дороже свитков, и тогда стоили. Поэтому изначальная библиотека башни основана на свитках, а не записана в книгу. Возможно, что один из магов бывших здесь до меня и переписал их в книгу, но искать её было долго. У меня в шкафу шесть свитков. Едва хватит на одну книгу, тоненькую. Весь шкаф — одна большая книга. Я начал думать с уважением о создателях башни. Свитки легче заменять, переписывая по одному. Каждый свиток намотан на деревянную катушку — проще хранить. Лежат каждый в своей нише — в чём-то проще искать. Спасибо Всевышнему за подсказку.

Я собрал все свитки, сгрёб их в охапку и направился обратно к лестнице. Пора приступить к изучению. Я надеялся, что это и есть изначальная библиотека. И что заклятие настройки на башню не было утеряно. Оказавшись наверху, я дошёл до стола и аккуратно переложил свитки со своих рук на стол. Пора было приступить к изучению. Свитки действительно оказались старыми. Даже ветхими. Я дал себе зарок исправить это при первой же возможности. Краска на катушках поблекла и растрескалась. В некоторых местах облезла. Но катушки были ещё целы. Когда-то на катушки крепились бирки, но теперь их не

было. На остатках шнурков крепились выцветшие клочки бумаги. Прочитать на них записи было практически невозможно. Хорошо, что крысы и мыши не добрались до них. Возможно, что башня была ограждена заклятиями против грызунов. Я развернул ближайший свиток и стал разбираться в нём.

Непосвященному человеку кажется, что для свершения магического действия достаточно произнести какое-то особое слово и всё само собой произойдёт. Увы, это не так. Любое действие в этом мире, любой предмет триедин. Физическая форма, энергетическая оболочка и мысленная форма. Любой столяр понимает, что для того, чтобы изготовить, к примеру, табурет, его сначала надо придумать. Не просто придумать, а изобрести, спроектировать, рассчитать, выполнить рисунки с размерами. Обдумать технологию изготовления. Подобрать материалы. И только потом приступать к работе. После этого требуется приложить много усилий своего тела и инструментов, чтобы изготовить каждую отдельную деталь. Приложить усилия для сборки деталей в готовое изделие. Ждать, пока клей и краска высохнут. И только после этого табурет обретёт свою физическую форму. Но и это не всё. Для того чтобы предмет обрёл форму, нужно приложить к нему большое желание. Пусть даже и навязанное внешней необходимостью, иначе предмет останется недоделанным или даже не начнёт создаваться. Но почему-то, когда дело доходит до магических манипуляций, каждый непосвящённый думает, что все эти действия к магии не относятся. Печально, раздражает.

— Ну, что тебе стоит? Махни посохом! И всё. — Говорили они.

Сколько раз я слышал эти слова в жизни. Люди не понимают. И самое раздражающее, что не хотят понять. Своя рубашка ближе к телу. Они видят только себя. Вот они трудятся. Зарабатывают на жизнь тяжким трудом. А тебе, по их мнению, повезло в жизни. Ходи, важничай и помахивай посохом. Всё само упадёт в твои руки. По большому счёту, работа мага мало чем отличается от работы ремесленника. Пусть даже это утверждение и покажется некоторым чистокровным магам оскорбительным. Но это так.

Прежде, чем приступить к магическому действию, его надо изобрести, придумать. Это сложно. В Академии нам давали готовые решения. Почти все заклятия, практикуемые нами, были изобретены задолго до нас. Разработаны схемы, формы и технологии. А мы, как порядочные работники, уже много столетий изготавливаем «табуретки» по готовым разработкам. Чаще всего, ничего другого и не требуется. Почти все маги проживают свою жизнь, пользуясь чужими решениями. И достигают в этом больших высот. Но жизнь течёт, меняется. Иногда требуется использовать нестандартное решение. Для решения этой проблемы нам преподают технологию создания магического действия. Когда-то, на старших курсах Академии, мы писали конспекты по этому вопросу. И даже сдавали экзамены. А потом забыли эти знания. Многие даже выбросили все «ненужные» листы, чтобы не таскать с собой хлам. Оставили только набор заклинаний, чаще общеупотребительных. Я был не таким. Я мечтал путешествовать, идти за грань неизведанного. В магии тоже. Поэтому конспекты отягощали мою дорожную сумку, стоящую возле стола.

Но, что-то я отвлекся. В данном случае мне не требовалось заново создавать заклятие. Это сильно облегчало мою жизнь. Проблема была в другом. Надо было разобраться, что это за заклятия. Поскольку на них не было пометок, приходилось затрачивать много времени на расшифровку записей. А поскольку свитки были старыми, действовать надо было аккуратно. Я старался прочесть надписи на схемах и комментарии под ними. Маг, составивший эти схемы, был очень аккуратным. Схемы читались легко, но вот его подчёрк был для меня

труден. Мелкий бисерный буквенный шрифт изобиловал завитушками. Приходилось затрачивать много усилий, чтобы разобрать написанное им. Помимо слов, написанных магом, составившим инструкцию, на полях и в углах свитков располагались записи и пометки, сделанные другими магами, служившими здесь после. Иногда эти пометки давали больше понимания о предназначении свитка. Свиток, объясняющий способ настройки на магическую башню, оказался третьим в моём собрании свитков. Ноя продолжил изучать остальные свитки просто для того, чтобы понять, какими возможностями обладает данная башня. В ходе исследований я выяснил, что в данных свитках заключены, помимо заклятия настройки, ещё строительство, молния, воздушный щит, быстрота и лечение. Оказалось, что используя силу магической башни, я могу подлечить сразу весь гарнизон, находящийся в пределах крепости, или тех на кого будет настроена данная башня в пределах трёхсот вёрст. Большое расстояние. Заклятия были похожи на те, что я использовал с помощью посоха, но было и отличие. Я представил себе размер шкафов и представил количество ячеек в них. Количество заклятий, которые теоретически можно было реализовать с помощью башни, должно быть намного больше. Либо они были утеряны, либо их изначально не предусматривалось больше. Остальное живущие здесь маги должны были добавлять сами. Но даже эти шесть были уже достаточным аргументом при защите крепости. Надеюсь, что остальные были переписаны в книги раньше, чем развалились свитки. Работы было много. Но для начала требовалось восстановить свитки. При работе с ними подчерк должен быть более читаемым. Нужны были листы и катушки. Надо будет поговорить с капитаном. Как здесь решаются такие проблемы? На улице гонг пробил двенадцать раз. Уже так поздно? Как незаметно пролетело время. Я стал готовиться ко сну.

Утром, сразу после зарядки и завтрака, я нашёл капитана и, вкратце, обрисовал ситуацию. Некоторое время он смотрел на меня удивлёнными глазами, будто я просил у него вещи, которые мог взять без разрешения. Видимо здесь это было само собой разумеющимся. Немного подумав, он отвёл меня в канцелярию. Там мне выдали пятьдесят листов пергамента под мои нужды. Дополнительно мне дали десять новеньких катушек для накручивания пергамента. В таком виде посылные перевозили донесения, чтобы не сминать листы. Загрузившись листами и катушками, я вернулся в башню. Это сокровище я уложил в шкаф для одежды на полку для шляп. Прежде чем садиться заниматься переписыванием и перерисовыванием заклятий требовалось выполнить обещание Аликс. Я взял лист с алфавитом и книгу по лекарственным растениям. Лист я вложил в книгу, чтобы не смять его. Держа их под мышкой, я направился в лазарет. Утро было в самом разгаре. Люди занимались своими делами. В крепость въезжали и выезжали повозки. Воины, стоящие на воротах, лениво оглядывали их содержимое. На площадке для тренировок упражнялись воины с оружием. На стрелковой площадке раздавалось бодрое щелканье тетивы. Стрелы, пролетая через ограждённый стрелковый коридор, втыкались в мишень. На стенах прохаживались часовые, оглядывая окрестности. Сновали посылные. От рабочих построек раздавался стук топора и визг пилы. Со стороны кузни раздавались удары молота. По брусчатке двора лениво разгуливали куры, грелись на солнце собаки. Возле конюшен стояла повозка, загруженная сеном. Охапки сена были разбросаны по углам двора. Я был одним из идущих по своим делам людей. Никто не обращал на меня внимание. После шумного города крепость казалась мне тихим, почти пасторальным явлением. Это наводило и на меня соответствующее настроение. Но в воздухе уже витала какая-то напряжённость. Я чувствовал её, но это не мешало мне наслаждаться этим миром. Именно в таком настроении я и вошёл в здание лазарета.

Меня встретил разъярённый взгляд Аликс. За её спиной стояла тётя Вера и смотрела за её действиями насмешливо. Оказавшись ближе, я понял причину ярости Аликс. Они обе стояли перед столом, накрытым белой скатертью. На этой скатерти находились хирургические инструменты, разложенные на всей поверхности стола. Похоже, что тётя Вера учила Аликс разбираться в этом разнообразии. Полсотни разнообразных инструментов. А ведь каждый имеет своё собственное название. Я вспомнил, как будучи в её возрасте пытался сам заучить это изобилие. Всякий раз, как Аликс прикасалась к предмету, ей надо было сказать его название. Тётя Вера её поправляла. Учитывая, что опыта у Аликс было мало, ошибалась она часто. От этого и злилась. Я вспомнил изречение наставника: «Самое приятное для человека — это могущество, самое болезненное и унижительное — это бессилие». Аликс находилась в состоянии бессилия. Если уборка в лазарете не потребовала от неё больших духовных усилий, то изучение новых знаний ставило её в беспомощное положение. А ведь и я когда-то был на её месте, да и сейчас нахожусь. Мне ведь предстоит изучать возможности башни. А в этом всё моё предыдущее обучение не могло мне помочь.

Тётя Вера обратила на меня внимание.

— Что-то случилось? — Обратилась она ко мне.

— Я сам надеялся узнать новости — ответил я. — Вообще кроме новостей я пришёл выполнить своё обещание. Я обещал Аликс позаниматься с ней грамотой.

Я показал книгу. После вытащил лист с алфавитом и показал его им. Тётя Вера кивнула.

— Да, это хорошо — ответила тётя Вера — разнообразие работ поможет ей отвлечься. Это облегчит её учёбу.

Я взял два табурета и поставил их возле стола. Предложил Аликс и тётке Вере присесть. После этого я развернул лист с алфавитом и подал его девушке. На лице Аликс отразилось отчаяние. Было видно, что она готова расплакаться.

— Я это никогда не zapomню — в глазах готовы были появиться слёзы, а голос надрывался.

— Я тоже так думал, в твоём возрасте — ответил я — только меня учили жёстче — палкой. У меня не было выбора. Мои врождённые способности поставили крест на моих желаниях. У тебя есть выбор. И по времени никто не гонит. Постепенно наберёшь навык и всё запомнишь. Не психуй, и не комплексуй. Всё придёт в своё время. А сейчас приступим.

Она снова стала прочитывать буквы на листе, водя по ней пальцем. Я стоял сверху и наблюдал. Постепенно она успокаивалась. К моему удовольствию она уже не совершала ошибок. Полностью прочитав лист без ошибок два раза, я позволил ей остановиться. И похвалил.

— Вот видишь? — сказал я — Ты уже освоила алфавит. А два дня назад ты в этом сомневалась. Помнишь? Пора приступить к следующему этапу обучения.

Я объяснил, что теперь она будет не просто называть отдельные буквы, а попробует прочитать отдельные слова как сочетание букв. Ну, а поскольку она учится медицине, то мы совместим приятное с полезным. Мы будем читать книгу — сборник по лекарственным растениям. Я объяснил, что для чтения слов, нужно использовать из названия буквы лишь первый звук, за исключением букв «ерЪ», «ерЫ» и «ерЬ». В данных знаках используются последний звук. Я открыл страницу и, ведя по строке из букв, медленно прочитал эту строку. Делал это я достаточно медленно, чтобы она поняла, что я делаю. Я передал книгу Аликс и взял у неё лист с алфавитом. Лист я держал так, чтобы она могла легко на него взглянуть. Было видно, как Аликс волнуется. От волнения у неё дрожал подбородок. Она пыталась вспомнить букву, с которой начиналось слово. Наконец ей это удалось. Она произнесла первый звук. Через некоторое время последовал второй звук. Так же медленно она произнесла и остальные звуки. Я попросил её произнести это слово заново. Она произнесла слово ещё дважды, прежде чем этот набор звуков приобрёл смысл. По её лицу было видно, что её мозг произвёл большую работу. На лбу выступила капелька пота. Но когда слово обрело для неё смысл, она испытала неподдельную радость. Даже заелозила на табурете. Я позволил ей отдохнуть, дал ей возможность насладиться своей первой победой. Спустя некоторое время мы продолжили чтение книги. Чтение проходило очень медленно. Спустя несколько строк я прекратил урок. На сегодня хватит. Мне ещё требовалось выполнять свою работу. Отпросившись, я закончил урок и ушёл из лазарета. Требовалось вернуться в магическую башню.

Вернувшись в башню и разложив свои вещи по местам, я занял место за столом. Нужно было приступать. Я развернул свиток с заклинанием настройки на магическую башню и разложил его перед собой чуть вдалеке. Новый лист пергамента я уложил на стол прямо у своих рук и взял линейку. Для начала требовалось определить центр чертежа и расположение основных элементов схемы относительно сторон листа. Я измерил стороны старинного пергамента. Старый лист был немного меньше нового. Значит, с размещением схемы на новом листе, проблем не возникнет. Я нашёл центр схемы на старом листе и

определил элемент, находящийся в нём. Аккуратно перенёс этот элемент на новый лист, начертив его карандашом. Ту же процедуру я произвёл с другими элементами. Каждый из них я сразу подписывал карандашом, чтобы впоследствии избежать путаницы. Между элементами я стал проводить соединяющие стрелки и линии. Постепенно на листе стали проступать таблицы элементов, сочетания образов и цветовых гамм, формы дыхательных циклов и звуковых изречений. Схема движения рук и посоха (или волшебной палочки). Последовательность действий. И, в конце этого действия, слово — звуковой набор, запускающий всю схему в работу. Когда я закончил рисовать схему, то даже вспотел. И ведь это только работа карандашом, а её ещё надо обвести чернилами, чтобы сохранить схему на многие годы. Что бы там не думали про меня, а мне нравится такая работа. Я прошёлся по комнате, сделал несколько динамичных движений, чтобы размять тело. На башне гонг пробил двенадцать часов. Уже? Пора приступать к работе.

Я взял перо и осмотрел его острие. Требовалась починка. Остальные перья тоже требовали заточки. Найдя среди письменных принадлежностей перочинный нож и убедившись в его остроте, я заточил им перья. Смёл стружку со стола, придвинул к себе баночку для чернил и заглянул в неё. Она была заполнена до половины. Хватит для работы, потом надо будет изготовить новые чернила. Я наложил на готовую схему второй лист бумаги, взятый из пачки исписанных листов. Это будет моим черновым листом. Аккуратно макнув в баночку пером, я смочил его в чернилах ровно настолько, чтобы на перо не образовалась капля. Лучше по чаще макать перо в чернильницу и рисовать небольшими фрагментами, чем создать риск образования на листе чернильных клякс и брызг. Излишек чернил я снял о край чернильницы. Осторожно проведя пером с чернилами над черновым листом, я расположил его над чистовиком прямо над нужной для меня линией. Аккуратно коснулся листа и провёл первую линию чернилами. Отвёл перо в сторону и любовался результатом. Начало положено. Дальше пошло по накатанной. Я обводил линии, круги, квадраты и треугольники схемы. Проводил между ними стрелки, делал подписи, рисовал диаграммы дыхательных циклов и движения тела. Постепенно черновой лист отодвигался всё ниже и ниже. Всё меньше и меньше на листе оставалось мест, не обведённых чернилами. Рисунок становился всё ярче и отчётливее. Кому как. Кто-то рисует красками, кто-то карандашом, восковыми мелками, но для меня наибольшей красотой обладали именно рисунки сделанные тушью или чернилами. Было в них какое-то особое очарование. Работа продвигалась медленно. Наступил момент, когда я полностью закончил рисовать схему заклęcia чернилами. Поставив последнюю точку, я разложил лист на столе для просушки. Положив рядом старый лист с заклüтием, я стал сравнивать их. Конечно, пока лист полностью не просохнет, нельзя вносить поправки. Можно сильно заляпать его, и вся работа пойдёт насмарку. Беглый осмотр показал, что различий не было. В тот момент мне казалось, что работа идеальна. Интересно, чтобы сказал по этому поводу мой наставник? Как только высохнет, надо будет подклеить лист к катушке. Для лучшего хранения. Я ещё находился в таком благодном настроении, когда гонг на башне прозвонил два часа пополудни, а гонг столовой прозвонил на обед.

Моё настроение стало медленно улетучиваться. Сразу после обеда мне предстояло идти на площадку для тренировки. Сегодня мне предстояло второй раз заняться изучением воинских искусств. Оставив лист на столе сохнуть, я собрался и направился вниз по лестнице к выходу из башни. Как странно. Я старался растянуть время. Медленно спускался, но лестница быстро закончилась, и я оказался у входа в башню. Незаметно для себя оказался

около входа в столовую. Также внезапно закончился мой обед. В животе был холодный твёрдый комок, но надо было решиться. Ноги налились свинцом, переставлять их было мучительно трудно. Мой мозг метался в поисках выхода из этой ситуации, в которую я загнал себя сам. Но при этом мозг отказывался работать, не мог принять выход. И чем ближе я приближался к площадке для тренировки, тем сильнее меня охватывало отчаяние. Наверное, оно отпечаталось на моём лице. Именно в таком состоянии я пришёл к месту тренировок. Проходил мимо людей, видел у многих натянутые улыбки, но в основном сочувствующие взгляды. Я чувствовал себя едва ли не обречённым. Лишь гордость не давала мне развернуться и бежать с поля. Сделав такое, я бы перестал уважать себя сам.

Я подошёл к Раймусу. Он стоял ко мне спиной и разговаривал со сквайрами. Я понимал, что должен как-то обратиться к нему, но не мог набраться смелости. Так и стоял, пока Раймус не догадался обернуться ко мне. Похоже, он даже не догадывался о том, что я стою там, пока не заметил взгляды бойцов, смотрящих мимо него. Кинув на меня понимающий взгляд, он кивнул. Развернувшись, он окинул взглядом собравшихся бойцов, вычленил кого-то невидимого мной и громко окликнул.

— Макс!

Я заметил движение за спинами сквайров. Вперёд выдвинулся мой вчерашний оппонент. Выглядел он вполне прилично, за исключением того, что левая половина его лица была раскрашена разводами жёлтого и синего цвета на месте бывшего синяка. Не глядя, Раймус ткнул пальцем через плечо, указав на меня.

— Как договорились — сказал он.

Макс кивнул. Путь назад больше не было, по крайней мере, таких, чтобы не запятнать свою честь. Мы с Максом направились на отдельную площадку. Я дошёл до стойки с оружием и, оставив в ней посох, взял короткое копьё. Когда я занял место на площадке, то впервые внимательно осмотрел его. На лице Макса читалось такое же отчаяние, как и на моём. Видимо назидание, проведённое капитаном и Раймусом, возымело своё действие. Когда я принял стойку, Макс задал вопрос:

— Г-готов?

— Да — я надеялся, что мой голос прозвучал достаточно твёрдо.

Макс нанёс удар. Я с трудом парировал его. И это притом, что мой партнёр бил достаточно медленно. Можно сказать — щадил меня. Видимо именно об этом с ним и договорился Раймус. Примерно с минуту он обстукивал меня деревянным мечом. Именно за эту минуту я и понял, что мои мечты сравняться с воинами в навыках боя неосуществимы. Конечно, у меня были кое-какие навыки. Нам давали базис боя с шестом. Но как это можно сравнить с возможностями тех, кого специально для этого не только готовили, но и отбирали из множества претендентов? У них наверняка и подготовка была соответствующая. Я пропускал много ударов. Меня начало настигать отчаяние. Именно оно и заставило меня нанести удар. Макс легко отразил его. У меня сложилось ощущение, будто он заранее знал, куда и когда будет нанесён выпад. В следующее мгновение он нанёс мне контрудар. Конечно же, я его пропустил. Меч замер за волосок от моего лица. Бой остановился.

Мне потребовалось время, чтобы прийти в себя. Я начал ходить взад-вперёд, обдумывая ситуацию. Было видно, что Макс действовал не раздумывая. Все его движения были естественны и рефлекторны. Здесь не только длительная отработка. Здесь что-то врождённое и развитое. Инстинкт, доведённый до уровня предвидения. Он действовал так, будто знал, где у меня будут находиться слабые места, а также когда и куда я ударю.

Доведённая до совершенства машина убийства. Для меня мечта победить его бессмысленна. Победить его можно было, только превзойдя его по способностям или истощив физически. Оба способа были для меня недоступны. Захотелось сейчас же уйти. Я позволил себе оглянуться вокруг. Нет. Уйти невозможно. Несколько десятков глаз смотрели на меня, если не прямо, то искоса. Уйти сейчас означало подорвать свой авторитет. Одно хорошо — убивать меня никто не собирается. А синяки заживут.

Я вновь вышел на площадку. Так продолжалось шесть раз. По голове меня, конечно, не били. Видимо действовал запрет. Но моё тело стало покрываться синяками. Удары Макса были не сильными, чтобы не искалечить меня. Но при этом достаточно чувствительными. Было достаточно больно и, в какой-то мере, унижительно. Я всеми силами души пытался задавить обиду. Всякий раз как у меня заканчивалось терпение, я совершал ошибку, после которой бой останавливался. К концу шестой схватки я был достаточно вымотан и шатался от усталости. Конец моей тренировке положил Раймус.

— Хватит — раздался его голос за спиной у меня, — свободен.

Последнее относилось к Макс. Макс как будто ждал этого. Мгновение, и он исчез с площадки. Его массивная фигура замелькала между тел других бойцов. Я медленно направился к стойке с оружием. Сменив копье на посох, я, наконец, смог утереть пот и успокоиться. Я был жив.

— Я думал, что ты убежишь — раздался за спиной голос Раймуса.

Его голос был достаточно тёплым. Теплее вчерашнего.

— Я тоже так думал — ответил я и обернулся.

Некоторое время Раймус смотрел на меня удивлённо, но затем улыбнулся. Справа от меня на площадке раздался бодрый перестук деревянных мечей. Я повернул голову, чтобы посмотреть. Несколько сквайров сцепились в поединках. Среди них был и Макс. Их мечи превратились в сплошное мерцание и размазанные полосы. Было невероятно, как они на такой скорости могут двигаться и при этом не калечить друг друга. Стук мечей извещал, что бойцы грамотно и своевременно ставят парады и блокируют выпады своих товарищей. Достаточно было увидеть эти развлечения, чтобы начать бояться вступать в бой с ними. Я был заворожён этим зрелищем.

— Скажи, Раймус, как их готовят?

Я посмотрел ему в лицо. Прежде чем ответить, Раймус поморщился, как будто съел что-то кислое и неприятное. Его взгляд стал задумчивым, погружённым в себя. Пожевав губы, он ответил.

— В военной школе обучение очень жесткое и тяжёлое. Помимо трудных и тяжёлых тренировок наставники создают... ммм...особые условия. Там постоянно надо драться за всё. За пищу, за воду, за одежду, за сон и прочее. А ещё наставники постоянно бьют своих учеников. Не сильно, но всегда внезапно. Они прививают состояние постоянной готовности. — Его неосознанно передёрнуло. — У них есть стеки, вроде трости. Ими и бьют зазевавшихся учеников. Берут ещё мальцов. Такому взрослому не научишь. Часть детей погибает, большая часть отсеивается. Их потом готовят отдельно, как солдат. После их распределяют в легионы или городскую стражу. Экзамены тяжёлые. По несколько дней не дают спать, при этом надо постоянно двигаться в условиях ускоренного марша и постоянно сражаться, обходить или преодолевать ловушки. Многие ломаются именно во время экзаменов. А вот те, кто остаётся — становятся сквайрами. Они попадают в Императорскую гвардию и пограничную стражу. Служим, пока можем. Кто не погибнет, тот в старости

переходит в городскую стражу.

Его передёрнуло от неприятных воспоминаний. Его взгляд стал осмысленным. Посмотрев на меня внимательно, он продолжил.

— Не обессудь. Сравняться с ними по своим способностям — он указал рукой на сквайров — тебе не дано. Но если ты не сломаешься, мы тебя попробуем подтянуть до уровня вполне приличного городского стражника. Я наблюдал за тобой. Данные у тебя есть, но реакции отличны от воинских. Всё-таки ты маг.

— Да я не в обиде. Полагаю, что боевые способности городского стражника — это больше, чем у меня есть.

— Это так.

— На сегодня всё?

Он кивнул головой. Действовал он исключительно по-военному. Едва закончив разговор, он развернулся вокруг своей оси и ушёл. Я остался один. Требовалось потренировать ещё два навыка. «Что не тренируется — то атрофируется». Я не собирался проверять эту мудрость на себе. Я отошёл к площадке для стрельбы. Чуть в стороне от неё в землю был вкопан столб, покрытый сетью зарубок от предыдущих бросков ножа. Взяв десяток ножей разного размера, я вышел на дистанцию для броска. Я швырнул эти ножи один за другим, и весь десяток воткнулся в столб. Убедившись, что никто не станет подвергать мою жизнь и здоровье опасности, я дошёл до столба и изъясил ножи наружу. Обернувшись, я увидел довольные, и даже слегка восторженные взгляды окружающих. Это мне польстило, но сильно увлекаться этим я не стал. Разыскав руководителя стрелковой подготовки, я спросил его, где можно попрактиковаться в стрельбе молнией. Этим вопросом я поставил его в тупик. Как и следовало ожидать, предыдущие маги не уделяли этому внимания. Поэтому специальной площадки для этого не было. Я задумался. Как бы там не было, но стрелять внутри крепости было неразумно. Молния не предсказуема. Даже двигаясь по ионному следу, она может поразить находящегося рядом невинного человека или животное. Мне вспомнился Шарик. Значит, следовало поискать за пределами крепости. Я направился в сторону ворот. Но меня ждало разочарование. В воротах мне дорогу перегородило крупное тело стражника. Довольно грубо он объяснил мне, что пока крепость находится на военном положении, приказом капитана мне лично запрещено покидать территорию крепости. Я не стал спорить со стражником. Капитана тоже можно понять. Едва потеряв одного мага, он не хотел потерять второго. Оказаться в крепости под домашним арестом со всех точек зрения было меньшим злом. Именно в тот момент, слушая охранника, у меня и родилась идея прогуляться по стене крепости.

Я поднимался по верхнюю площадку стены по каменной лестнице. Ступеньки были старые, сильно вышарканные множеством ходивших по ним ног. Когда я оказался на вершине стены, меня встретил охранник. На этой площадке находился его сторожевой пост. Охранник разглядывал меня достаточно долго и с интересом, но ничего не сказал. Из этой ситуации я понял, что находиться на верхней части стены мне не запрещено. Я поднялся наверх и огляделся.

С высоты стены мне открылся прекрасный сельский пейзаж. От стены крепости расстилалось поле, очищенное от кустарников и деревьев на расстояние в полверсты. Следующие полверсты поле было не так сильно освобождено от растительности. Встречались отдельные деревья и кустарники, но крупных лесных массивов не было видно. Поле, по всей вероятности, никогда не распахивалось и не засеивалось, хотя и

освобождалось от излишней растительности. Невысокие травы, растущие на поле, неторопливо колыхались под набегами ветерка. Капюшон моей туники был откинут назад, и ветер сейчас трепал мои волосы. Я испытывал чувство радости. После застоявшегося воздуха двора было приятно вдохнуть глоток свежего воздуха. Через поле, от стен крепости, бежала дорога. По ней в данный момент двигалась вереница гружёных подвод. С этого расстояния я не мог разобрать, что именно они перевозили. Перегнувшись через парапет, я взглянул вниз. Дорога брала начало от ворот крепости. Вокруг крепостной стены шёл ров, когда-то глубокий, но в данный момент обвалившийся и обмельчавший. Но даже в таком состоянии он был вполне серьёзным препятствием для нападающих. Ещё одним печальным для меня открытием стал вид крепостной стены. Старая стена, обшарпанная, сложенная из крупных каменных блоков, скрепленных между собой глиняным раствором. Когда-то она была обмазана снаружи толстым слоем глины. Но время было безжалостно. Глиняное покрытие постепенно растрескалось и осыпалось. Похоже, что именно слой отслоившейся глины и засыпал большую часть рва. Чудо, что камни ещё не стали высыпаться из стены. Я поднял глаза. Неприятное впечатление от стены крепости скрашивало зрелище пасущихся на поле животных. Отсюда они смотрелись цветными пятнами. Но явно различались табун лошадей, и стадо коров, пасущихся по разные стороны дороги. Между ними мелькали всадники-пастухи. Прекрасный пасторальный пейзаж.

Но я внезапно вспомнил, зачем я сюда поднялся. Я огляделся. В пределах двух сотен шагов я не видел ни одной подходящей мишени. Наверное, это и хорошо. Мне не хотелось пугать пасущихся животных. Нужен был камень. Деревянный столб для этого не годился. Можно было устроить пожар, а это в мои планы не входило. Я двинулся вправо вдоль стены. Идти было довольно легко, дорожка, проложенная по верхней части стены, была ровной. Многочисленные стражники, ходившие здесь, вытоптали на её поверхности неглубокую тропинку. Двигаясь вдоль стены, я наблюдал, как меняется пейзаж вокруг крепости. Смотрел, как появляются новые элементы. Проходя мимо, здоровался с охранниками, чьих имён даже не знал, но я надеялся, что это временно. Как я ошибался. Я прослужил в крепости чуть более двух месяцев. А условия службы не позволили мне узнать их имена, почти все они погибли раньше, чем мы успели познакомиться. Так они и остались в моей памяти как безымянные воины. Закрыв глаза, я и сейчас их вижу. Но я отвлёкся. Постепенно в поле моего зрения выплыла река. Я наслаждался прогулкой. К моменту появления реки в поле моего зрения, я уже совершил почти полный круг по крепостной стене. Если бы я пошёл влево от первого охранника, то уже давно бы увидел её. Оказавшись с этой стороны, я увидел то, что искал. Пытаясь укрепить берег от размывания, строители крепости сложили с этой стороны большие валуны и обломки скал, создав здесь своего рода волноломы. Свою работу они сделали. За годы с момента строительства они частично погрузились в песок и обросли травой. Но многие из этих каменных гигантов по-прежнему торчали из воды. Они же осложняли штурм крепости со стороны воды. Причалить здесь можно было лишь выше или ниже по течению. Я заглянул за край стены. Стена была столь же старой и осыпавшейся. Ворот со стороны воды я не заметил. Возможно, существовала маленькая потайная дверка, но причаливание кораблей к этой крепости не планировалось.

Камни. Здесь можно было тренировать свой навык, если это никому не повредит. Сначала требовалось уточнить это. Я продолжил движение и скоро оказался возле первого часового, от которого начал обход. Настроение у меня было самое радужное. Ещё раз, осмотрев беглым взглядом пейзаж за стеной крепости, я внезапно задержал взгляд на

одиноким кустике, который видел из ворот крепости. Помнится, именно сюда я сбросил содержимое бачка для воды и ночного горшка. Внутренне улыбнулся своей выходке. Рядом со мной находился стражник. Не знаю, что именно меня заставило заговорить с ним.

— Говорят, пару дней назад обнаружили вражеского шпиона. Не знаешь где?

— А то. Знаю. Я его и обнаружил! — Он важно выпятил грудь.

— Ты? А где? — Я был неподдельно удивлён. Не часто можно поговорить с героем.

— Да вот на этом поле. Видишь? — Он ткнул пальцем в сторону дороги — Вон там кустик недалеко от дороги. С полверсты от крепости.

Я вгляделся и внутри меня что-то ёкнуло. В месте, указанном им находился лишь один куст, тот, который я несколько дней назад выбрал для сброса отходов.

— А как это произошло? — Спросил я, уже предчувствуя неладное.

— Ну, мы готовились к утренней зарядке, все собрались здесь. — Его взгляд стал несколько задумчивым, как будто он погружался в свои воспоминания. — Гляжу, а над кустом птицы взвились. А потом там поднялось тело, ну, то бишь — шпион, и зашагал к лесу. Ну, я и поднял тревогу.

Он самодовольно улыбнулся.

— А почему он пошёл то? — недоумённо спросил я.

— Не знаю, — честно признался часовой — ребята говорят, что на месте его лёжки осталось большое мокрое пятно, будто обмочился он сильно. И вонь была сильная. Возможно, не сдержался шпион, обделался. Вот и ушёл, стыдно стало.

Он снова улыбнулся, довольный своей догадкой. Я смотрел в его лицо. Простой, добродушный парень. Однако в моей голове сошлась мозаика различных событий. Теперь ситуация стала для меня совершенно понятной. По мере нарастания понимания, меня стал раздражать смех от комичности ситуации. С трудом сдерживая себя, чтобы не засмеяться, я похвалил его за наблюдательность. Развернулся и почти бегом направился вниз по лестнице.

С большим трудом я добежал до угла и, скрывшись за ним, разразился смехом. В моей голове всплыла картина произошедшей нелепости. Вражеский шпион, возможно преодолевший множество трудностей, чтобы добраться сюда, пострадал от случайности. Быть облитым помоями. И чем сильнее сознание рисовало мне картинку, тем труднее мне было сдерживаться. Я смеялся как безумный. В тот момент мне было безразлично, если кто-то меня видит. Меня бил истерический смех. Постепенно я брал себя в руки. Но всё равно потерял счёт времени. Насмеявшись, я осмотрелся вокруг. Несколько человек смотрели на меня с подозрением, но ничего не предпринимали. Я не собирался им ничего объяснять. Развернувшись, я медленно направился в сторону башни. Мне предстояло ещё много работы, и я не собирался её откладывать.

***

Дни полетели как птицы. Я постепенно перерисовал все свитки на новые пергаменты. Наклеил их на катушки и повесил бирки. Старые свитки я выкидывать не стал. Завернув их в вощёную ткань, я сложил их в отдельную нишу на книжной полке. В самих книжных шкафах постепенно наводился порядок. Под свитки была выделена отдельная полка, остальные книги расставлялись по темам. Близился день настройки на башню и волшебную палочку. Я пребывал в определённом восторге.

Мои воинские таланты при этом возрастать не спешили, не смотря на все мои усилия.

Но Раймус успокоил меня, сказав, что такое явление нормально для всех начинающих бойцов. По его словам, приобретаемые навыки должны постепенно впитаться моим телом. Как оказалось, это процесс долгий. В спокойных условиях могут пройти месяцы регулярных занятий, прежде чем тело вработается, и состояние боя станет для меня естественным. Ускорить процесс может ситуация, когда бойца помещают в условие опасности. Так воспитывают воинов. Через несколько недель тренировок бойцов выставляют на поединок, в котором их здоровью может угрожать опасность. Никто не станет убивать его, но раны и увечья в таких поединках — обычное явление. Поэтому при каждой школе держат своего мага-лекаря. В опасной ситуации способности воина могут активизироваться быстрее. Но этот способ годится не для всех. Для меня Раймус признал этот способ не годным, и заставил проходить медленный путь. Я понимал его нежелание подвергать опасности единственного мага в гарнизоне. Однако внутренне во мне поселился червяк обиды, сильно загнанный мною вовнутрь. Хотелось всего и сразу, но я сдерживал себя. Оставалось довериться его опыту. Тренировки же, не смотря на непродолжительность, были для меня мучительны. Они были наполнены нудной отработкой движений, ударов и парадов. Бойцы, с которыми я тренировался, называли это муштрой. Очень точное обозначение. Стало понятно, почему они это ненавидели. В ней не было ни азарта боя, ни радости победы, только нудный, тяжёлый труд. Раймус заставлял их ежедневно отрабатывать эти движения насильно, и только потом отпускал радоваться поединкам. Только познав муштру, я понял, что все воинские занятия, изучаемые нами в Академии, были просто гимнастикой с шестом. Я терпел и старался искусственно поддерживать в себе желание обрести воинские навыки. Пройдя такой путь мне было стыдно поворачивать назад.

Мне дали разрешение тренироваться в стрельбе молнией на камнях вдоль речной кромки, примыкающей к крепости. Поглядеть на мои успехи сбегалось чуть не всё население крепости. Это давало мне чувство радости и удовлетворения. Хоть чем-то я мог их впечатлить.

Я продолжал ежедневно посещать лазарет. Жители крепости отличались изрядным здоровьем, лечить мне практически не приходилось. Регулярно случались мелкие травмы, полученные в ходе тренировок или физического труда. Иногда приезжали жители окрестных селений, привозили раненных или больных родственников. От тёти Веры я узнал, что раньше гарнизонные маги часто ходили по селениям, занимаясь лечением больных жителей. Но мне было это запрещено. Теперь жителей привозили к нам. В той или иной степени, но крепость стала местом «паломничества». После погони за гоблинским шпионом, капитан перевёл крепость на военное положение. Меня он, по-видимому, считал слабым звеном в обороне. До приезда в крепость я так не думал, считая себя героем, ну или могучим магом. Но первый же поединок со сквайром убедил меня согласиться с мнением капитана.

Мои занятия с Аликс продвигались вполне успешно. Постепенно, медленно читая по слогам, она прочла всю книгу по лекарственным растениям. Аликс была сильно удивлена, когда я предложил ей прочесть эту книгу заново. Пришлось долго и внятно ей объяснять, что это надо не для меня, а для неё. Прочитав книгу несколько раз, она её лучше поймёт и запомнит. Пришлось напомнить ей, что знание лекарственных трав для неё теперь основное занятие. Я видел, как заметался её взгляд, какая в нём вспыхнула обида и страх. После такого тяжёлого и нудного прочтения она стала воспринимать эту книгу, как источник своих мучений. Это был тот момент, когда Аликс действительно могла сломаться, бросить это занятие. Я так и не понял, что убедило её. Или мои слова, или желание стать лекарем, или

страх перед разгневанным отцом. Аликс снова взяла книгу в руки и начала читать её с первой страницы. Мельком я поймал загадочную улыбку тёти Веры. Но она поспешила отвернуться. Чему она улыбалась, я в тот момент не понял, поэтому и не придал значения. Дав возможность Аликс прочитать первую страницу, я остановил чтение. Надо было указать ей на то, насколько быстрее она стала читать. Сначала Аликс задумалась, а потом спросила.

— Но почему я читаю быстрее? Ведь раньше было медленно.

— Всё просто. Читая много, ты видишь разные слова, состоящие из комбинации знаков, и твой мозг их запоминает. Впоследствии, когда твой мозг видит эту комбинацию знаков вновь, он опознаёт её и выдаёт тебе готовое слово, и ты произносишь его быстрее, чем раньше. Постоянное чтение разных книг, позволяет твоему мозгу запоминать слова и не забывать их.

Я заставил её прочесть ещё одну страницу и завершил на сегодня занятие. А на следующий день мы продолжили чтение. И так день за днём.

Помимо чтения, мы беседовали о разных вещах. Проведшая всю жизнь в крепости, Аликс сильно интересовалась окружающим миром. Я рассказывал ей о далёких странах, других народах и их обычаях. Прочитав много книг в Академии, я был для неё неисчерпаемым запасом познаний. Окна лазарета были постоянно открыты, и в них постоянно было видно детей, заглядывающих внутрь и слушающих меня. В сам лазарет тётя Вера их не пускала, и я был с ней в этом согласен. Не место здоровому человеку в доме больных, если ты не лекарь. Для детей эти рассказы были развлечением в их однообразной жизни. Аликс слушала меня с восторгом, а дети с интересом и тишиной, что для них не свойственно. Постепенно я рассказал о народах, населяющих Империю. О времени зарождения Империи. О месте в предгорьях Пакмарских гор, откуда гордые горцы повели войны за захват окрестных племён и их мест проживания. Как первый мудрый император повёл мудрую политику, запретив истреблять эти захваченные племена, что было нормальным в ту эпоху, а лишь приводил их к повинности. Как объединял их под своими знамёнами, чего не происходило никогда ранее. Он был первым, кто убедил разрозненные кланы магов, вечно враждующие, создать школу для обучения волшебников. Как объединённая армия, поддержанная магами, впервые за многие годы смогла сокрушить полчища орков и гоблинов.

— Это были тяжёлые и страшные времена для расы людей. Огромные армии орков, под руководством их жестоких военачальников, постоянно нападали на наши земли. Орки воспользовались разобщённостью среди людских правителей. Отдельные короли и бароны не захотели объединить свои армии, чтобы дать отпор. Орки разбили их поодиночке. Почти целых сто лет людям приходилось жить в рабстве. Орочьи отряды постоянно проходили через наши земли, грабили, убивали, угоняли невольников. А если какой-то людской король пытался оказывать сопротивление, его земли подвергались опустошительным набегам. Орки не брали с собой обозы, находя всё необходимое на землях побеждённых. Самым трагичным было то, что орки — людоеды. Мы были для них не только рабами и источником обогащения, но и едой. — Я услышал вздох страха. — Наши правители научились у орков убивать жителей покорённых земель во время войны, а на завоёванных территориях селить свои народы. Этим они только ослабляли человеческую расу. Орки не только ослабляли наши земли набегам, но и срамливали наших правителей между собой. Отголоски тех событий слышны и теперь, тысячу лет спустя. В последней Великой Войне бароны вырезали

целые города, враждую друг с другом. М-да... Плохо, когда на троне сидит слабый Император. Слава Богу, что Эмри Амбрисельский сильный правитель. Мы не помним имени Первого Императора. В историю он вошёл именно под этим названием. Он первым нарушил правила тогдашней войны. Его отряды нападали внезапно и действовали быстро. Привыкшие лазить по горам горцы, внезапно появлялись под стенами крепостей и замков, врываются в ворота или вскарабкивались по стенам, оказываясь внутри. Они не позволяли баронам или королям собирать ополчение и выставлять на убой мирных поселян. Для простых поселян жизнь не менялась, просто в одно прекрасное утро они просыпались и узнавали, что ими теперь правит другой правитель. Кто-то сопротивлялся и погибал, а для остальных жизнь продолжалась, как и раньше. Платили налоги и их не трогали. Орки, не видя движения больших армий, не сразу и сообразили, что в предгорьях Пакмарских гор создаётся новое, могучее государство. Они тогда были заняты долинами, а когда сообразили в чем дело, было уже поздно. К Императору присоединились ближайшие бароны и короли. Дали ему клятву верности. Тогда огромная армия орков и гоблинов предприняла поход против вновь образованного государства. На равнине вблизи города Санкелан, к востоку от озера Коман Дун произошло сражение. Император заранее переселил всех жителей равнины и окрестных земель вместе с их имуществом. Орки прошли через опустошённые земли. К моменту битвы у них закончился провиант, и они уже несколько дней ничего не ели. Это их ослабило и одновременно обозлило. Город Санкелан был переполнен беженцами. Император мог запереться в городе и обороняться, но решил дать открытое сражение. Хотя большинство его военачальников были против. Численность армий противников была примерно равна, но на стороне орков было превосходство морального духа. Люди испытывали перед ними сильный страх. Но император был непреклонен. Ополчение, собранное из беженцев, осталось охранять город. Войска Императора, баронов и королей вышли в поле под стены города. Император выбрал удачную позицию. Равниной это место можно было назвать условно. С запада она упиралась в крутой берег озера Коман Дун. С юга шёл довольно сильный уклон от города, да ещё изобилующий камнями и уступами, что сильно затрудняло наступление с этой стороны большой организованной группы войск. И только с востока было относительно ровное место, удобное для атаки. Южное направление обороны Император отдал объединённым армиям королей, хоть и потрепанным, но имеющим достаточный военный опыт. Свои войска он разделил на две части: одну выставил в резерв, а вторая заняла самую опасную часть обороны — юго-восточную. Северо-восточную часть, самую близкую к стенам города, он отдал объединённым дружинам баронов. Как и предвидел Император, орки атаковали по всему фронту, избрав восточное направление как основное. Орки атаковали неистово, и люди попятились под их натиском. Это был очень тяжёлый момент. Вся судьба будущей Империи повисла на волоске. И орки нащупали в обороне людей самое слабое место — баронские дружины. Они усилили натиск на этом направлении. И баронские дружины не выдержали и побежали к озеру, надеясь добраться до лодок и уплыть. Воодушевлённые и ослеплённые своей удачей орки сломали свой строй и кинулись преследовать бегущих, уже не подчиняясь командам. Всё большее число орков втягивалось в прорыв. Но войска Императора сохранили строй. Резерв развернулся и создал стену щитов, образовав коридор, ведущий вдоль крепостной стены. Тогда и произошло то, что изменило ход сражения. Ополчение, наблюдавшее за ходом битвы со стен города, вступило в бой. Страх перед орками заставил их спрятаться за стенами города. Этот же страх заставил их начать битву, когда положение армии защитников стало критическим. Сверху, со стен в

орков полетели камни, стрелы и дротики. Расстроившие строй орки оказались беззащитны, многие из них пали. Воодушевлённые поддержкой, войска Императора усилили натиск. Началась жестокая резня. Орки, прорвавшиеся за дружинами баронов, были сброшены в ров и добиты стрелами. В том жестоком бою орки были отброшены по всему фронту. Протрубили трубы к наступлению. Люди стали теснить орков. Вернулись на поле баронские дружины. Открылись ворота города, и ополченцы широкой рекой устремились на помощь имперским ратникам. Наступил момент, когда орки не выдержали и побежали. Их преследовали до темноты. Но и после этого отряды егерей отыскивали в окрестностях отдельных орков и истребляли их. Победа была бесспорной. Именно тогда короли малых королевств и бароны признали свою преданность Первому Победителю. С тех пор его перестали звать настоящим именем, а только Императором. Столетнее орочьё владычество дало трещину. Это была ещё не победа, но славное начало. После этой битвы орки ещё не раз приходили и разоряли земли Империи. Но теперь люди знали, что они могут дать отпор.

На протяжении всего рассказа стояла тишина, нарушаемая только вздохами и восклицаниями. Но когда я закончил рассказ, от окна послышался шум разговоров. Детвора бурно обсуждала услышанное. Я дал возможность людям осмыслить рассказ и продолжил работу. Вот так, в перерывах между работой, я и рассказывал им истории из прошлого Империи. Рассказы о настоящем нашего мира. Из всей этой ситуации я сделал вывод, что предыдущие маги мало общались с местными жителями, предпочитая, по-видимому, заниматься собой и своими проблемами.

Постепенно я поведал им истории народов, живущих за пределами Империи. О том, что к северу от имперских владений, севернее королевств, вассалов Императора, живут дикие племена варваров. Превосходных охотников, рыболовов и скотоводов. Земля, близкая к заполярью, скудна своей растительностью, а потому прожить на ней земледелием невозможно. Жалкие огороды — это всё, что позволяют себе варвары. Живут они большими племенами в больших племенных поселениях. Жизнь в тех местах сурова, и выживают там лишь самые сильные и суровые люди. Они не создают своих государств, но меж племенами существуют договоры о взаимопомощи. В бою они свирепы и неукротимы, не боятся расстаться с жизнью. Потому другие народы и племена боятся их и без особой нужды не ходят в их земли.

Южнее варваров и восточнее территории вассальных королевств Империи расположилась сеть скалистых хребтов. В тех хребтах, ограждённые от внешнего мира труднопроходимыми горами расположились города и рудники многочисленного и воинственного народа гномов. Они столь многочисленны и сильны, что смогли бы завоевать окрестные земли, но сильно любят свои горы. Живут доблестные горцы ремеслом и горным промыслом. На склонах гор они выпасают многочисленные стада мелкого рогатого скота. Но наибольшую прибыль им приносит строительство, искуснаяковка и драгоценные камни, добываемые в тех горах. Множество армий пыталось пройти через их земли и даже захватить их, подчинив себе гордых горцев. Орки и гоблины, демоны и нежить, варвары и даже люди. В давние времена были у них столкновения и с эльфами. Все эти армии нашли в тех горах свой бесславный конец. Но, даже разбив эти армии, гномы не выплеснулись вовне, чтобы покарать захватчиков. Всем этим народам повезло, что гномы такие домоседы. В настоящее время Империя заключила союзный договор с царством гномов. Мы ведём с ними обширную торговлю. Ватаги гномов подряжаются на строительство домов, мостов и крепостных стен. Торговцы гномов в изобилии выменивают изделия гномьих кузнецов и ремесленников на

продукты питания и ткани, произведённые в Империи. Этот союз принёс большие выгоды обеим сторонам. Но если вы задумали общаться с представителем гномьего народа, вам предстоит запастись большим терпением и настойчивостью. Ибо гномы насколько буйны и свирепы, настолько же скупы и упрямы.

Широкой полосой примерно в два месяца пешего пути, разделяя владения людей и гномов, лежат земли гордого и мудрого народа эльфов. Эльфы живут большими семьями на своих семейных наделах. Они строят прекрасные дома как на земле, так и в кронах деревьев. Создают прекрасные по красоте города, украшенные статуями и резьбой сложной тонкой работы. Их мастера изготавливают оружие и предметы обихода столь же удобные и практичные, сколь же изящные и красивые. На внешних рынках изделия эльфов ценятся очень высоко из-за своей красоты. Многие богатые люди предпочитают иметь их изделия в личном пользовании. Много мастеров людей пытались создать изделия столь же красивые и изящные, но не многие достигли в этом результатов. Известно, что эльфы избегают употреблять мясо, за исключением особых случаев. Но в своих поселениях они разводят многочисленный крупнорогатый и мелкорогатый скот ради молока и шерсти. С них же они получают шкуры для своих доспехов. И хотя они знают сталь, и производят прекрасное оружие и доспехи, но даже знатные воины этого племени предпочитают для войны кожаный доспех. У них нет полей для выращивания злаковых культур. Однако, эльфы прекрасные садоводы. Они в больших количествах выращивают ореховые и фруктовые сады, ягодные кустарники. Среди прочего надо отметить, что эльфы являются искусными кораблестроителями и мореплавателями. Им принадлежит практически всё северо-восточное побережье Торгового моря. Из своих главных портов Эдрас и Лемминес эльфы отправляются в дальние плавания. Появление их кораблей замечено и в полярных широтах, и вдоль всего западного побережья Империи. Эльфы бойко ведут торговлю во всех портах Империи. А их корабли быстроходны, маневренны и отличаются отличной мореходностью. Внешне эльфы сильно напоминают людей. Существенным отличием их от людей стало наличие удлиненных ушей с заострёнными кончиками. За эту особенность в простонародье эльфы получили прозвище «остроухие». Полагаю, что это произошло от зависти, ибо эльфы долгоживущие. Продолжительность их жизни во много раз превосходит человеческую. Все племена эльфов условно разделяют на светлых эльфов и темных эльфов. Это деление в большей степени условно. Кожа и тех и других эльфов отличается изумительным белым цветом. Разделение идёт только по цвету волос. У светлых эльфов цвет волос белый или слегка рыжеватый. У тёмных эльфов цвет волос градируется от черных до каштановых. По определённым причинам эти племена никогда не перемешиваются. Несмотря на проживание мелкими, компактными семейными группами, эльфы объединены в большой Альянс эльфов. И хотя этот Альянс разделён на несколько королевств, нам не известны случаи междоусобной войны среди эльфов. В случае большой войны, все королевства Альянса выступают единой армией. Этим они выгодно отличаются от людей, чьи бароны и короли нередко отказывались прийти на поле боя по зову Императора. В бою же эльфы хитры и коварны. Они мастера ложных маневров и засад. Часто заманивают своих врагов в топи или непроходимые чащи. Эльфы искусные лучники. Но искусны они также в бою с мечом и копьем, любят парные кинжалы. Славятся своей изощрённой магией, против которой до сих пор не найдено противодействия. Враг, идущий по их земле, никогда не может чувствовать себя в безопасности. Каждая тропа или поляна могут таить в себе смертельную ловушку, а любой куст или дерево могут мгновенно огрызнуться тучей стрел. И

вырваться из этой западни будет практически нереально, ибо эльфы не брезгают ядами, а к тем ядам даже спустя много столетий нет противоядий. Почему они не нападают на соседние народы? На наше счастье эльфы такие же домоседы, как и гномы. К тому же во время последних Великих войн их раса понесла сильные потери, от которых до сих пор ещё не оправилась. Поэтому сегодня они сильны и опасны только на своей территории. Империя заключила союзный договор с эльфийским Альянсом.

К югу от земель эльфийского Альянса раскинулись мертвые земли. Когда-то эти земли принадлежали народу тёмных эльфов. Однако во времена одной из Великих войн прошлого было пробуждено великое зло. В мир пришла Богиня тьмы Мортис. Она подняла из могил множество мёртвых людей, эльфов и даже зверей. Эта армия изначально появилась в Стекланных Пустошах. Подчиняясь одной им ведомой цели, они двинулись на север, сметая всё на своём пути. Тёмные эльфы в союзе с другими расами пытались их остановить. Но безуспешно. Они понесли страшные потери. Их поселения были разрушены, а погибшие воины восстали из могил и присоединились к армии мертвецов. Светлые эльфы оказались умнее своих тёмных собратьев. Они собрали свои племена, и ушли с пути мертвецов. Не получив сопротивления, мертвецы прошли сквозь земли светлых эльфов, практически не причинив им вреда. Мёртвая армия вторглась в земли гномов. Гномы оказали ожесточённое сопротивление. Император послал на помощь гномам свои войска, так же как он посылал войска на помощь эльфам. Но и здесь объединённым армиям не удалось остановить армию мертвецов. Склоны гор были усеяны трупами гномов и людей. Погибших было так много, что некому было их хоронить, и они многие годы лежали не погребённые. Пало много мастеров и магов подгорного племени, многие знания были утеряны. Но цитадели гномов устояли. Нам не известна причина, но в один из дней, сразу после страшной битвы, когда казалось, что мир уже погиб, жизнь оставила тела мёртвых воинов, и они пали на землю. Гномы считают, что именно в той битве мёртвой армии был сломлен хребет, уничтожены реликвии, поддерживающие их жизнь. Поэтому, не смотря на огромные потери, гномы приписывают победу себе. Потребовалось множество лет, чтобы захоронить всех павших, и восстановить плодородие тех земель. Что же касается эльфов, то их земли восстановились не полностью. После ухода мёртвых, светлые эльфы вернулись в свои поселения. Им потребовались усилия, чтобы излечить свою землю от последствий той войны. Своих владений они не потеряли. Участь темных эльфов более печальна. Почти все они были истреблены армией мёртвых. Лишь небольшая часть их народа сумела выжить, сохранив лишь небольшой клочок своих территорий. Когда-то обширные владения светлых и тёмных эльфов разделяла река Каласире. Левый берег реки принадлежал светлым эльфам, а правый берег вплоть до великого океана — тёмным эльфам. Эта река и сегодня является границей. Но владения тёмных эльфов ограничены лишь малым клочком земли. Те земли в основном заболочены и плохо предназначены для садоводства. Когда-то у них было множество городов, но сегодня они ютятся в двух поселениях — Шеклаге и Солеме. Некогда гордый и могущественный народ сильно унижен и подавлен. Почти все их маги погибли, а знания утрачены. Их стало слишком мало, чтобы вернуть свои исконные земли, очистить их от яда смерти. Их исконные владения теперь принадлежат Мортис и её нежити. В основном эти земли пустынные, но отравлены и бесплодны. Города пусты. И хотя через эти земли свободно могут перемещаться эльфы, орки и люди, но вход в города для них закрыт. Города и бывшие поселения эльфов охраняются отрядами мёртвых воинов, которые спокойно спят, но восстают из своих могил и убивают каждого, кто осмелится потревожить покой этих

городов. Именно поэтому все богатства эльфийского народа до сих пор не тронуты. И это несмотря на то, что орки снаряжали в мёртвые земли большие армии, да ещё и при поддержке демонов. Но никто из отправившихся туда искателей сокровищ обратно не вернулся. Несмотря на то, что эти земли теперь принадлежат нежити, это место носит прежнее эльфийское название — Алкмаар. На языке эльфов это означает Королевство Славной Руки. Только теперь это слово приобрело мрачное, негативное значение. Все сокровища и знания эльфов ждут того, кто сможет их добыть. Последствия той войны видны не только в бывших землях тёмных эльфов, но и во владениях светлых эльфов. Во множестве мест по пути следования мёртвых армий до сих пор сохраняются гнездовья гигантских пауков, изначально служивших Мортис. Несмотря на все усилия эльфов, уничтожить эти страшные следы войны не удаётся. Почему же армия мертвецов теперь не нападает на соседние земли и народы? Нам не известно. Однако последние двадцать лет Мортис бездействует. Может быть действительно то, что реликвии Мортис, поднимавшие мёртвых из могил, были уничтожены. А может быть, Мортис просто утратила свою только ей одной известную цель в этом мире. Среди множества народов, населяющих Невендаар, со времён той войны распространён культ смерти и поклонения Мортис. Стало популярно и желанно огненное погребение, которое должно оградить жителей нашего мира от служения этой богине. Договор? Нет. Попытки заключить хоть какой-то договор с государством Алкмаар не удались. Местоположение правителей, жрецов и самой богини нам неизвестно, а все, кто пытался войти в их города, обратно не вернулись.

Если двигаться на запад от мёртвых земель, и пересечь торговое море, длинной дугой вторгающееся в земли Невендаара, со всеми его заливами, мысами и островами, то можно попасть в Выжженные Земли. Некогда это были земли, принадлежавшие людям. Однако во времена, когда Церковь подверглась расколу и отступничеству ересиархов, правители этих земель испытали разочарование в вере Спасителя. Никто толком не знает когда и как это произошло, что толкнуло их на этот путь, но они стали поклоняться владыке ада Бетрезену. Правители стали приносить ему в жертву своих подданных, в надежде на получение могущества и бессмертия. В конце этого пути раскрылись врата ада на земле. Странники Бетрезена построили порталы между нашими мирами, и пришли через них к призывающим отступникам. Правителям было обещано перерождение, но демоны обманули их. Закончилось тем, что тех правителей, их семьи и жрецов самих отправили на алтарь и принесли в жертву. Демоны же захватили власть в тех землях и правят покорёнными народами. Надо признать, что люди служат им с большой преданностью. Империя и Церковь Спасителя в то время была сильно заняты подавлением ереси и приведению к покорности отпавших от длани Спасителя. Череда религиозных войн не позволила сразу уничтожить эту заразу на своих южных рубежах. Проблема осложнилась тем, что уже в ходе религиозных войн Империи пришлось выдержать натиск армий демонов. Надо признать, что воины демонических армий в бою очень свирепы. Презирают боль, отважно бросаются в атаку, и они способны на самопожертвование. Их маги переняли от демонов умение призывать огонь. Огненные смерчи выжигали большие бреши в наших рядах, сжигая людей до пепла заживо. Они также научились на небольшой срок оживлять камень и придавать ему облик летающих чудовищ, коих стали называть горгульи. Эти ожившие камни смертельно опасны, а уничтожить их очень трудно. Перед лицом новой опасности церковь Спасителя вновь объединилась. Патриарху удалось убедить вождей ересиархов в том, насколько опасно отклонение от учения Спасителя. Благо, что пример был нагляден. Правители отколовшихся

областей и вожди ересиархов не пожелали оказаться принесёнными в жертву, и вернулись в лоно Империи и Матери Церкви Спасителя. С большим трудом объединённые армии Империи смогли отбить натиск армии демонов. Их загнали обратно в выжженные земли, но силы Империи были подорваны в этой борьбе. Освободить выжженные земли и вернуть их в состав Империи не удалось. Возникла ещё одна проблема. Почувствовав ослабление Империи, зашевелились орки и гоблины. Крупные отряды зеленокожих стали пересекать границы Империи и разорять людские поселения. Малочисленная пограничная стража, ослабленная длительными войнами и недоборами воинов, не могла сдерживать этот натиск. Императору пришлось разворачивать войска для отражения новой угрозы. Патриарху церкви Спасителя пришлось скрепя сердце смириться с присутствием на южных рубежах Империи демонических сил. В ходе последних Великих войн огромные армии демонов не раз переходили границу Империи, пытаясь насадить здесь свою власть. Империя оказала отчаянное сопротивление. Самой большой ошибкой демонических правителей стала попытка прибрать к своим рукам мёртвые земли Алкмаара и Черные королевства. Ответный удар армии мёртвых оказался смертельным для могущества демонов. Силы их армии были сильно подорваны, и они вынуждены были отказаться от дальнейшей экспансии в соседние государства. Армии, ещё недавно штурмующие земли Империи, вернулись в Выжженные земли для обороны своих владений. Картину разгрома закончили гномы. Верные союзным соглашениям, заключёнными с людьми, войска гномов прошли через земли людей и поспели к решающей битве. Южнее города Кальдерия в пойме реки Луциан состоялась решающая битва той войны. Люди при поддержке гномов сошлись в схватке с демонами, поддержанными орками и гоблинами. В той битве именно гномий хирд принёс победу светлым армиям. Стальным тараном он пробил ряды демонической армии. Остатки этой армии были прижаты к реке и сброшены в воду. Уцелевшим демонам пришлось сражаться по пояс в воде. Прикрытый людскими магами хирд, оказался неуязвим для огненной магии демонов. Впервые сильнейшее оружие демонов дало сбой. Людские егеря и сквайры сокрушили зеленокожих. Поражение демонов стало катастрофично. Остатки их стали спешно отходить с поля боя. Преследование велось до стен города Бетренбург. Опасаясь, что люди и гномы ворвутся в город на плечах отступающей армии, правители этого города не стали открывать ворота и пытаться спасти своих воинов. Прямо под стенами города, на глазах его жителей произошла эта бойня. Оставшиеся в живых воины демонической армии сражались с отчаянием обречённых. Раз за разом гномий хирд сминал порядки вражеской армии, истребляя демонические войска. Последних бойцов армии демонов загнали в ров и расстреляли стрелами. Три дня армия победителей пировала под стенами города, но штурмовать неприступную крепость военачальники людей не решились, опасаясь больших потерь своей и так не многочисленной армии. На сегодняшний день в этом регионе сохраняется шаткое равновесие. После этого поражения вожди выжженных земель пошли на заключения мирного договора. Но это не мешает им постоянно тревожить наши границы. Чаще всего они это делают чужими руками, натравливая на Империю зеленокожих. Случалось им устраивать на нашей территории восстания баронов. Но активных боевых действий они уже не ведут, сказываются большие потери, понесённые ими в прошлой войне. Некоторые районы Выжженных земель только сейчас начинают заселяться заново. Ещё одним результатом столкновения с демонами стало появления у Империи таких воинов как рыцари на пегасах. Конечно, с летающими демонами вполне успешно справлялись стрелки, но наших воинов это не устраивало. Нашлись те, кто захотел сразиться с ними в небе на

равных. Для них специально, по приказу Императора вывели новую породу боевых верховых животных — пегасов. Сначала постарались маги, потом конезаводчики. Теперь при столкновении с демонами в воздухе почти постоянно разворачивались битвы летунов.

Если двигаться на юг вдоль побережья моря, от Выжженных земель, то мы попадём в земли Чёрных королевств. Когда-то эти земли принадлежали оркам. Там были расположены их королевства. Во времена войны с демонами часть ересиархов не вернулось обратно в лоно Империи и Матери Церкви Спасителя. Это была достаточно крупная часть людей, живших в прибрежных городах Империи Трент, Сатория, Икваннир, Руния и Оксундер. Когда ересиархи центральных областей стали массово переходить на сторону Империи, особый отдел церкви — инквизиция, стали преследовать особо яростных сторонников церковного раскола. И если тех, кто перешёл обратно первым пощадили и официально простили, по политическим причинам, то с последующими особо не церемонились. Ересиархи этих городов осознали, что их будут приводить в повиновение последними. А значит и наказание за отступничество будет массовым и неминуемым, они оказали сопротивление. Инквизиторами были задействованы не только военные силы Церкви, но и Имперская гвардия. Когда об этом стало известно, ересиархи поняли, что дело прибрежных городов обречено. Не желая нести ненужные потери, вожди приняли решение покинуть города. В этих городах находилось большое количество торговых и военных судов. Армия Империи ещё только подходила к городам отступников, а в самих городах велась активная погрузка на корабли. Огромная вереница кораблей взяла курс на юг. Там они надеялись найти себе земли для поселения, где Империя не сможет их найти. Города же почти полностью обезлюдили. Такая бескровная развязка конфликта устроила Императора, но не устроила Инквизиторов. Оставшиеся люди преклонили колени перед церковниками настоятелями. В гневе инквизиторы попытались убить всех жителей за сотрудничество с ересиархами, но Император и его армия не позволили произойти бойне. Между Императором и Патриархом произошла ссора по этому поводу. Но на южных рубежах Империи шла война, а Император не был добродушным, милосердным и всепрощающим человеком, хотя и не любил ненужной крови. Вскоре после этого Патриарх умер, и был назначен новый, более покладистый. Смерть старого Патриарха до сих пор тайна. Хотя слухи ходят разные — от естественной кончины, до убийства. В любом случае старый Патриарх мешал Императору привести Империю к порядку и единению мирным путём. В это время флот кораблей ересиархов двигался на юг вдоль западного побережья Империи. Их путь оказался относительно спокойным. Их не преследовали шторма, а пираты своевременно уходили с их дороги, опасаясь сталкиваться с таким большим флотом, да ещё усиленным боевыми кораблями. По мере движения на юг, флот продолжал увеличиваться за счёт кораблей других прибрежных городов. А потом этот флот покинул пределы Империи и ушёл на юг. Дальнейшее мы знаем со слов торговцев и путешественников, побывавших в тех землях. Флот изначально делился на две большие группы — выходцев из северных земель малых людских королевств и центрально-южных земель Империи. По-видимому, они изначально не сильно ладили друг с другом. Поэтому, когда флот достиг южной оконечности материка, флот разделился. Те, что пришли с севера, высадились на западной оконечности южного выступа и основали город Примера. Отсюда они начали свою войну с орками. Их появление здесь не вызвало у орков большой радости, и они попытались уничтожить пришельцев. Однако тем было некуда уходить, и они оказали ожесточённое сопротивление. Армии орков были разбиты, а территории поселенцев значительно расширились. Были захвачены орочьи города и

переименованы в Квенсель и Андросс. В этих землях орки выращивали стада мелкорогатого скота, были поля бобовых и зерновых, а в горах добывали строительный камень и железную руду. Для работ орки использовали большое количество человеческих рабов. Эти рабы были освобождены. Именно из них получались самые свирепые и безжалостные воины людей. Рабы жестоко мстили своим бывшим хозяевам. Орки были разбиты и отступили на север. Последних орков преследовали по лесам, горам и долинам как диких зверей. Вырезали даже грудных младенцев. Так новые поселенцы отстаивали своё право на эту землю. Вторая часть флота двинулась дальше. Они обогнули южную оконечность материка и вплотную подошли к торговому морю. Но люди устали от долгого плавания. Было принято решение осесть. Флот вошел в устье полноводной реки, и там поселенцы основали город Реффулия. В отличие от своих западных соседей, они не стали уничтожать свой флот. Там повторилась история, которую уже пережили поселенцы с запада. Орки попытались уничтожить новых пришельцев. Но люди отчаянно дрались за свой новый дом. Восточная часть южной оконечности материка изобиловала лесами. Там добывали древесину для построек, были поля и огороды, поймы для выпаса мелкорогатого скота. Орки, которые уже вели войну с поселенцами на западе, оказались зажаты с двух сторон. Они оказали отчаянное сопротивление поселенцам, но проиграли войну. Продвигаясь на север, люди захватили город Шатория. Здесь они столкнулись с поселениями людей, присягнувших демонам. Но в тот период демоны вели войну на южных рубежах Империи и не захотели сражаться ещё и с поселенцами на юге. Однако это продлилось не долго. К востоку от нового королевства находились мёртвые земли Алкмаара. В городах начал распространяться культ богини Мортис. Отсутствие инквизиции этому только способствовало. Поскольку религиозное учение ересиархов было не сильно определённым, то в новых землях произошло странное смешение этих религиозных культов. Эти земли стали настоящим раем для тёмных магов и некромантов. Война демонов с Империей велась с перерывами. Во время одного из таких перемирий демоны попытались привести в повиновение Чёрные королевства к югу от Выжженных земель. Незадолго до этого большой отряд орков при поддержке демонов высадилась на западной оконечности королевства Алкмаар. В этом месте находился город Фениксия, принадлежащий темным эльфам. Орды нежити, двигаясь на север, обошли этот город на побережье Торгового моря, да ещё и окружённого болотами, стороной. И хотя большая часть эльфийских воинов приняла участие в битвах с мёртвыми и погибла, но сам город от нашествия не пострадал. Он был переполнен гражданскими беженцами, но воинов для обороны не хватало. Эльфы надеялись пересидеть в городе войну. Именно этот город и стал объектом для нападения орков и демонов. Город пал. Орки устроили большую резню, и уничтожили всех живых эльфов. Воодушевлённая успехом, объединённая армия захватчиков двинулась вглубь Алкмаара в сторону города Махаль. Дальнейшая судьба этой армии не известна. Разведчики, посланные по её следу, также не вернулись. Город достался демонам. Потеря большого количества войск, отбила у демонов и орков желание вести экспансию в этом направлении. Но они полагали, что на юге их ждёт более лёгкая добыча. Они объединились с орками и двинулись на юг. Но разведка Чёрных королевств своевременно предупредила правителей о готовящемся вторжении. Королевства поселенцев объединили свои армии и двинулись на север. Вместе с армией Чёрных королевств шли чёрные маги и некроманты. На южных рубежах Выжженных земель к югу от города Осквернённый Юннен в то время находился ещё один город, имени которого история не сохранила. Там демоны ожидали прибытия армии орков. В тот день, когда две армии, наконец, объединились для

нападения, армия Чёрных королевств перешла границу и осадила город. Войска, стоящие лагерем возле города, были сметены. Было захвачено много пленных. Их принесли в жертву Мортис. После чего некроманты подняли павших, и уже армия мёртвых пошла на штурм города. Город был разрушен. Все жители убиты вместе с домашним скотом и дикими животными, живущими в городе. Бежать не удалось никому. Отряды стрелков сбивали демонов, а мертвецы разрывали их на части. После окончания битвы мертвецы пали на землю, жизнь их оставила. Победа была полной. Орки и демоны лишились своих самых лучших бойцов. Война изменила свой облик. Земля на месте города и вокруг него была отравлена. Это стало жутким напоминанием для всех желающих воевать с Чёрными королевствами. Победители назвали это место Руины Новой Надежды. Их силы были подточены в ходе длительных и кровопролитных войн за обладание новыми землями. Этим названием они надеялись обрести мир в новой земле. После победы культ Мортис стал всеобъемлющим для Чёрных королевств.

Вдоль западного побережья материка, зажатое со всех сторон землями Империи, Выжженными землями и Чёрными королевствами расположилось Королевство орков. Были времена, когда Выжженные земли и Чёрные Королевства принадлежали этому королевству. Даже южные земли Империи ещё помнят времена, когда они входили в состав Королевства орков. Орки являются родственниками эльфов, хотя последние этого не признают, возводя себя в отдельную расу. Их родство подтверждается внешним сходством. Хотя образ жизни и наложил на них свой отпечаток. Орки, как правило, крупнее эльфов. Они крепче и сильнее. Однако родство с эльфами не привело орков к долгожительству. Продолжительность их жизни не длиннее, чем у людей. Как и эльфы, они умеют стрелять, но предпочитают открытую схватку. Бой лицом к лицу с противником они считают величайшей доблестью. Цвет волос у орков чаще всего чёрный, но встречаются и более светлые оттенки, вплоть до белых. Цвет кожи у большинства орков — смуглый, серо-коричневого оттенка. Но встречаются и варианты от белого до черного. В качестве одежды орки предпочитают штаны и куртки из тонкой кожи. Своё прозвище «зелёнокожие» они получили за пристрастие к зелёному цвету и его серо-зелёным оттенкам, в которые они выкрашивают свою одежду. Эльфы считают орков диким и примитивным народом. Но мы могли убедиться в несправедливости этого утверждения. Их постройки грубые, но очень прочные. Их города имеют крепкие и высокие крепостные стены, а внутри представляют собой сложные лабиринты улиц, затрудняющих атакующим штурм городов. История говорит, что штурм орочьих городов дался людям большой кровью. Сами же орки в своих городах ориентируются очень хорошо. Их оружие простое, но надёжное и крепкое. Оно лишено всякого орнамента и украшений. Меч у них всегда меч, а топор — всегда топор. Орочье оружие лишено каких-либо индивидуальных качеств, как у людей, гномов или эльфов. Трофейное оружие орков широко используется городской стражей и ополчением людей. Весь их облик, вся их жизнь говорят о том, что орки предпочитают простоту, практичность и функциональность. Уровень инженерной мысли в племенах орков достаточно велик. Во всех войнах с ними людям сильно досаждали военные машины орков. С их помощью орки обстреливали города камнями, выбивали ворота городов и крепостей, разрушали стены, делали подкопы. В открытых сражениях их машины засыпали наши войска градом небольших камней и стрел. Помимо обычного лука, орками используется механический лук, именуемый также арбалетом. Это мощное оружие поражает врагов на вдвое больших дистанциях, чем обычный лук, но обладает меньшей скорострельностью. Столь же

популярным это оружие стало только у гномов. Гномы плохие стрелки из лука, но эффективно метают небольшие топоры и активно используют арбалеты. Мы тоже знаем об арбалете, и даже используем их при обороне городов. Но люди, как и эльфы, предпочитают простой и надёжный лук сложному и капризному механизму. Люди давно создали изделия, аналогичные машинам орков, но пристрастия к ним у нас нет. Орки создают крепкие семьи и любят своих детей. Причиной, почему мы не можем жить в мире с этим племенем, стало людоедство. А также память о рабстве, в котором они содержали людей. По этой причине линия границы с королевством орков представляет собой зону постоянного военного конфликта. И мы находимся именно в этой зоне.

Из всех племён, населяющих Невендаар, следует вспомнить и о гоблинах. Конкретного места поселения гоблинских племён не существует. Чаще всего это кочевые племена. Своих королевств они не создают. Встретить гоблинов можно по всему Невендаару. Они низкорослы, взрослый гоблин достигает среднему человеку до груди, и силой уступают всем представителям других рас. Но это не делает их безопасным и покорным народом. В бою они свирепы и агрессивны. Искусные бойцы при владении копьём и кинжалом. Меткие лучники, хотя их луки стреляют не далеко и не сильно. Они знакомы с топором, но нам не известны случаи, чтобы они использовали топоры или мечи в бою. Как и орков, гоблинов называют «зеленокожими». Это утверждение верно. Внешнее сходство с орками у них выражено достаточно сильно. Сами себя они называют «киорк», что на наш язык переводится как «маленький орк». Цвет кожи у них варьируется от белого до смуглого. Волосы, как правило, чёрные. Как и орки, они предпочитают одежды из тонкой кожи, но не брезгуют одеждой из льняных тканей, шерсти и меха. Свою одежду они также выкрашивают в различные варианты зелёного цвета. Они искусные охотники и следопыты, а войну воспринимают как охоту. Прекрасно маскируются на местности и устраивают засады. Размножаются они быстро, а вести войну с ними тяжело. По этой причине, не смотря на все усилия имперских войск, кочевые племена гоблинов свободно перемещаются по всей территории Империи. Ближе к зиме они подтягиваются к Пакмарским горам и прячутся в своих пещерах-стоянках. Отследить эти пещеры не удалось. Гоблины усердно их маскируют и охраняют. Те, кому не повезло найти эти пещеры, погибли и ничего рассказать не смогут. В летний период между гоблинскими племенами часты междоусобные конфликты, но зима их объединяет. Племена, ещё вчера враждовавшие между собой, мирно поселяются в одной пещере, чтобы переждать холодный период. С окончанием холодов и выгоном скота на пастбища, кончается и перемирие. Основной источник их процветания — стада мелкорогатого скота. В качестве верховых и тягловых животных они используют крупных псов. Они искусные наездники на псах, которых также впрягают в свои колёсные повозки. Эти псы используются также для охоты и войны. Сама природа сделала их прекрасными разведчиками. Все племена и расы используют гоблинов для ведения разведки. Этот кочевой народ никогда не испытывает преданности к кому-либо, кроме членов своей семьи. Но за деньги выполняют свою работу. И делают это превосходно. Известны случаи, когда один разведчик-гоблин приносил донесения обоим сторонам конфликта, и с обоих получал деньги за свою работу. Нанимая гоблинов на работу в разведку, вы должны быть готовы, что они с лёгкостью продадут ваши секреты вашим противникам, если те за них заплатят. Они не считают это чем-то зазорным. Остальные расы также мирятся с присутствием на своих территориях гоблинских племён, хотя и ведут с ними постоянные войны.

Ещё одной расой, присутствующей по всей территории Невендаара, являются

«змеекожие». Основной ареол их обитания — болота. Эта раса не имеет ничего общего с другими расами. У них больше общего с ящерами. Нам не известно их происхождение в Невендааре. Есть легенды, что они пришли из другого мира через врата меж мирами. Просто тысячу лет назад наши разведчики столкнулись в болотах с этими существами. Они разумны. С ними можно общаться, они освоили наш язык. Однако договоров с нами они не признают, считая себя высокородной расой. Считают себя изначальной расой, перворождённой. Из-за этого они в большой ссоре с эльфами. Те тоже считают себя перворождёнными. Змеекожие соседствуют с другими расами и племенами вполне миролюбиво, не нападают первыми. Хотя стычки с ними происходят регулярно по всему Невендаару. Но эльфы ведут с ними постоянную вялотекущую войну.

В Невендааре живут и другие расы, хотя и не такие многочисленные. Среди них наиболее известны великаны и тролли. Великаны по внешнему виду похожи на людей. Но превышают нас ростом в три-четыре раза. Они в свою очередь делятся на диких и культурных. С культурными ещё можно ладить. Их привлекают на службу в охрану и в армию. Но можно их видеть и в качестве пастухов. Великаны в очень хороших отношениях с гномами. Поэтому в гномьих горах их можно часто встретить. С дикими великанами ладить нельзя. Разговаривать они не хотят ни с кем. Нападают на всех, убивают и приносят разрушения. Все, кто может, воюют с ними. Именно здесь помогают военные машины. Поэтому популяция диких великанов весьма немногочисленна. Что касается троллей, то ни одного культурного тролля ещё никто не встречал. Однако они хорошо ладят с орками и гоблинами. Часто уживаются с ними в одних пещерах.

Были и другие рассказы, знакомившие Аликс и других обитателей крепости с историей нашего мира. О том, что любой рассказ, изложенный мною, становится достоянием всей крепости, я узнал, сидя в столовой за ужином. Краем уха я услышал, что воины пересказывают друг другу мои истории, приукрашивая их. При этом они украдкой поглядывали на меня, видимо гадая, одёрну я их или нет. Но я не собирался вмешиваться. Хватало своих проблем. Да и по природе я не отношусь к той категории людей, кто зарабатывает себе авторитет, одергивая других. Я продолжал работать над свитками и заниматься фехтованием. Постепенно я заметил, что капитан пользуется ситуацией со мной, чтобы заставить остальных обитателей усилить свою подготовку. Некоторое время спустя стрелков стали заставлять упражняться с мечом и копьём, а сквайров и рыцарей стали обучать стрельбе. В глазах тех и других читалось отчаяние. Сквайры и рыцари, обученные рукопашным схваткам, брезговали стрельбой как уделом слабаков. А стрелки считали обучение рукопашному бою пустой тратой времени. Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю, как предусмотрительно поступил капитан. Но тогда я испытывал общее недоумение по этому вопросу. Таких чудиков как я всегда было мало. Не каждый человек в этом мире хочет быть разносторонне развитым. Оставьте каждому его удел, кем бы он ни был — лучником или мечником. Остальное по желанию. Но именно упрямство капитана впоследствии сильно помогло нам выжить при осаде.

Все эти события скрасили моё присутствие в крепости в те дни. Оглядываясь назад, я вспоминаю о тех днях с благодарностью, как о самых спокойных днях в моей жизни. Судьба дала мне маленький отдых, прежде чем бросить в омут событий. Закрывая глаза, я до сих пор вижу лица тех воинов и жителей крепости. Я был постоянно занят, много работал. Был полезен людям и хорошо с ними ладил.

Однако я отклонился от темы. Я испытывал азарт и увлечение при работе. Незаметно пришло время подключиться к магической башне. Как сейчас помню тот день, девятый день моего присутствия в крепости. Сразу после завтрака, как только вернулся из лазарета, я решил провести этот обряд. Я испытывал страх. До этого я никогда не проводил этот обряд самостоятельно. Поэтому сначала я задумал настроиться на волшебную палочку. Мне казалось это разумным. Если обряд не удастся, можно будет его переосмыслить и найти ошибки, попробовать снова. Из своей комнаты я спускался к основанию башни, неся с собой волшебную палочку и свиток с заклинанием. Свиток содержал подробную схему заклинания. И первым делом я должен был начертить на полу первого этажа основания башни сложную пентаграмму вокруг столба.

Я оставил посох в стойке возле стола, запасся куском мела и длинной чертёжной рейкой. Дополнительно я принёс разные чертёжные инструменты. Они, конечно, были маленькие для решаемой мною проблемы, но ничего другого у меня не было. Я остановился у основания столба. Его ширина составляла полтора локтя. От этой величины и следовало отталкиваться. В свитке было указано, что окружность пентаграммы следовало рисовать на расстоянии четырёх локтей от центра. Я видел в этом определённую проблему, хотя и решаемую. Центр этой окружности находился внутри столба. Следовательно, рисовать её, используя обычный циркуль, не получится. Придётся делать разметку и вести линию от одной отметки до другой. Упаси Спаситель провести линию неровно. Пора было приступать. Я наложил рейку с отметками на пол, и подошёл к нужной отметке. Здесь меня ждала первая радостная новость. Строго по внешней линии отметки были выложены окружностью камни. Для верности я промерил эту окружность со всех сторон относительно столба. Везде расстояние было одинаково. По кругу было выложено семьдесят два камня. Ради интереса я их измерил. Внутренняя часть камней, обращённая к столбу, была вогнута, вместе они образовывали правильную окружность, что сильно облегчало для меня работу. Ширина камней, выложенных по окружности, была одинакова. Это означало, что каждый из камней занимал в окружности сектор в пять градусов. Надеюсь, что в старину строители башни мерили окружность в градусах. Оставалось только обвести внутреннюю линию камней мелом, и получится правильная окружность. Что я и сотворил. Теперь я стоял внутри круга. И, хотя меня впереди ждало ещё много работы, я испытывал гордость от первой победы.

Теперь предстояло провести остальные линии восьмилучевой звезды неправильной формы. Один из лучей падал строго на север. Остальные располагались в секторе от востока до запада. Самое разумное было начать с разметки этой, самой простой части. Я передвинулся в северный сектор башни, осматривая пол при свете, падающем через открытую дверь, и дополнительно подсвечивая себе фонарём. Причина заключалась в том, что дверь, по традиции, выходила строго на юг. Поэтому столб перекрывал своей тенью северную часть. Я наклонился к земле, пытаясь строго определить нужную точку. Здесь меня ждало второе открытие. В точке, которую я должен был пометить как северный угол, к линии окружности примыкал камень. Северный край камня был обрезан в форме угла, остриём касаясь линии круга. В моей голове загорел огонёк догадки. Чтобы проверить её, я переместился к восточной стороне. В точке восточного угла к внутренней части круга

примыкал остриём ещё один камень, похожий на северный. Я осторожно двинулся по кругу в сторону южной стороны. Во всех точках на окружности, указанных на пентаграмме, были уложены в пол подобные камни. Все остальные камни внутри круга были плотно подогнаны друг к другу, но находились в хаотичном беспорядке. Это было нужно, чтобы сбить с толку не знающего человека. Но знающему человеку эти подсказки помогут легко воссоздать пентаграмму.

Я стукнул себя ладонью по лбу и обругал себя последними словами. Как можно было не догадаться? Сразу после этого я испросил прощения у Всевышнего за свои слова. Одновременно возблагодарив его и строителей этой башни за этот подарок судьбы. Конечно, это пограничная магическая башня. Она придана воинскому гарнизону, постоянно ведущему локальную пограничную войну. Гибель членов отряда, в том числе и магов, заранее предполагается. Значит, маги должны часто меняться, что и происходило в реальности. В отличие от городских магических башен, где знания обязательно прячутся, в пограничной башне сделали подсказки для облегчения настройки. В боевой обстановке настройка мага на башню должна производиться как можно быстрее, чтобы отряд не терял своей боеспособности. Осталось только этим воспользоваться.

Я сделал метки на камнях, которые сейчас должен был соединить линиями. Приложил рейку. Линии углов граней камней совпали с линией соединяющей эти углы. Это была ещё одна подсказка. Я прочертил линию. Чтобы удостовериться со своими подозрениями, я сделал пометку на окружности, в которую должна была прийти вторая линия северного угла. Линии граней камня опять совпали. Я опять возблагодарил Спасителя и строителей башни. Дальше дело пошло быстрее и веселей. Я сверял пометки, делал линии. Менее чем за полчаса я начертил пентаграмму. Ещё раз обошёл её по кругу, чтобы убедиться, что линии нигде не прерваны и не затёрты в ходе работы. Осталось нанести в углах и пересечениях линий знаки стихий и магических сил. Я начал с северного угла. Угловые камни очень хорошо подходили для этой цели. Я был доволен создателем башни. Впоследствии мне несколько раз приходилось подключаться к разным магическим башням, но первый раз стал для меня особенно памятным. Сидя на корточках с наружной части круга, высунув язык и прищулив глаза, я аккуратно выводил символы. Приподняв полы мантии и заправив их за пояс, я аккуратно входил внутрь круга, чтобы нанести обозначения на пересечениях линий.

Прошёл примерно час, когда на пентаграмме была нанесена последняя линия и последняя черта в обозначении. Я разогнул спину и потянулся. Было чувство усталости, но сильнее всего меня распирало чувство гордости и радости. Следуя дальше по жизни, мне приходилось создавать пентаграммы более сложные и вычурные. Но эта первая пентаграмма казалась мне в тот момент настоящим произведением искусства. Мне хотелось стоять и долго любоваться своим созданием. Что бы обо мне не думали, но я сам себя и одёрнул. Мне стоило больших усилий, чтобы вернуться на землю с небес и вспомнить для чего я здесь стою.

Теперь следовало оказаться внутри звезды, как можно ближе к её центру. Всё ещё с полами, заткнутыми за пояс, чтобы не замести линии, я, аккуратно шагая, вошёл внутрь начертанной звезды. Я расположился спиной на юг, а лицом на север. Встать в центр пентаграммы я не мог, там находился столб. Но это было и не нужно. Я осторожно вытащил волшебную палочку и приложил её к столбу вертикально на уровне своей головы. Должно сработать. Придерживая палочку пальцами сверху и снизу, чтобы не уронить, я открыл своё второе видение. Мой взор проник внутрь палочки. Теперь я ясно видел её внутреннюю

структуру. Мир расширился и уменьшился одновременно. Мои руки казались мне огромными, а палочка в моих руках такой маленькой, просто миниатюрной. Было удивительно, что она не выпадает из моих рук. Я понимал, что это иллюзия. Вокруг меня струились потоки магических сил. За пределом круга пентаграммы они клубились как пар, но внутри их потоки упорядочивались. Всё время мне приходилось работать в полутьме, но сейчас мир осветился многообразием красок. Многие цвета были просто безумны, они находились не на своих местах. Краски мира обрели запахи, а запахи обрели цвет. На углах пентаграммы магические силы сгущались и светились ярче. Пора было использовать эти силы в своих целях. Мысленно я протянул силовые линии от семи лучей, находящихся позади и по бокам от меня к нижней части палочки. Ещё одну силовую линию я протянул от верхнего конца палочки к северному лучу. Я набрал в лёгкие воздух. Чтобы привести силы в движение требовалось произнести словесный ключ, активирующий заклинание.

— Мисцере корпус — проговорил я на одном дыхании плавно и протяжно.

Сначала не произошло ничего. Но я знал, что силы активированы. Теперь следовало пропустить их через палочку. Я усилил нажим. Было сложно удерживать второе видение, палочку вертикально и одновременно магические связи с углами пентаграммы. Но я справлялся, сказывались годы тренировок. В одних наставлениях говорится, что надо усиливать нажим до тех пор, пока магический артефакт не будет «проломлен». Только тогда ты станешь на него подключён. Но мой личный опыт общения с магическими силами говорил, что грубая сила не всегда помогает. Применяя грубый напор, можно было нарваться на артефакт, который тебе окажется просто не по силам. А если ты нарвёшься на «слабый» артефакт, есть опасность неосторожно его «сжечь», испортить. Я более доверял другим наставлениям, найденным мною в одной редкой книге. Нет, она была не запретна, просто написана сложным языком, потому и редко читаема, и, как следствие, редко переписывается. Автор книги рекомендовал изменять не силу напора, а параметры силы. Частота, модуляция, диапазон магической силы, воспринимаемые магом как цветовые и вкусовые параметры. Я медленно стал изменять цветовую гамму прилагаемой силы, добавляя в неё разнообразие вкусов. Начал от блекло-серого цвета и, задержавшись на нем, начал медленно перебирать вкусовую гамму, начав с простых вкусов и дойдя до сложных сочетаний. Не получив ответа, я изменил цветовую гамму на более тёплую и вновь прокрутил вкусовую гамму. Какое-то время я не получал никакого ответа, пока не довёл цвет до красно-жёлтого. Именно в этот момент я и почувствовал движение магических сил в палочке. Трепещущее и прерывистое ощущение, как будто чей-то голос пытался докричаться сквозь гомон голосов и порывы ветра. Я стал менять вкусовую гамму. Голос магической силы становился всё более ровным и устойчивым. В тот миг, когда я довёл вкусовую гамму до солёного с привкусом горечи, палочка ответила ровным «голосом» и спокойным течением магической силы. Я настроился на артефакт. Впервые я сделал это самостоятельно.

Из верхней части палочки брызнули искры, прямо из-под моих пальцев. Конечно, я понимал, что магия не может меня обжечь, но всё равно дёрнулся от неожиданности. Я отдёргнул руку, и палочка не упала на пол только по тому, что была зажата второй рукой. Некоторое время я успокаивался. Испуг плавно перетекал в восторг. Я возвращался в наш мир, и мир возвращался в свои привычные очертания. Я перехватил палочку в правую руку. Вызвав у себя состояние жёлто-красного цвета с солёно-горьковатым вкусом, и взмахнув ею, я вызвал целый сноп жёлтых искр.

— И-е-ху — заорал я и стал прыгать от радости.

Теперь, помимо посоха, я стал обладателем и магической палочки. Хотелось бежать и громко кричать об этом. Хвастаться перед всеми. И счастье, что я этого не сделал. И счастье, что никого не оказалось рядом.

Постепенно восторги улеглись, уступив место здравому смыслу. Надо было совершить то, ради чего я всё это затеял. Пора было настроиться на магическую башню. Ещё раз, осмотрев пентаграмму, я взял в руки мел. Теперь следовало поправить линии и знаки, затоптанные мною во время моего веселья. Пришлось потратить на это некоторое время. Чтобы волшебная палочка не мешалась и не вносила свои коррективы в настройку, пришлось сходить наверх и спрятать её в тайнике. Второй раз провести обряд настройки на магический артефакт оказалось намного легче. Я стоял у основания столба, приложив ладони к его поверхности. Весь магический столб предстал передо мной, от земли и до самого верха. Магические силы, приведённые мною в действие для подключения к нему, были несоизмеримо более высокими и могучими. В тот миг, когда приложенная сила обрела насыщено синий цвет со жгучим привкусом, сила пришла в движение. Меня смяло, вдавило в столб. В этот миг я и магическая башня стали единым целым. Ощущение боли и одновременно радости и счастья буквально раздавило меня. Никогда в жизни до этого я не ощущал себя настолько счастливым и могущественным. Хотелось купаться в силе и не возвращаться обратно. Я что-то дико кричал, но не понимал сказанного. Только ощущение крика. Вокруг меня взметнулась воздушная волна, растрепавшая мои волосы и одежду. Эта же волна сдула мел с камней и оборвала мою связь с башней. Я возвращался в себя. Я мысленно потрогал башню и прикоснулся к столбу. Башня отозвалась. Настройка была проведена успешно. Ещё не до конца успокоившись, я оглянулся вокруг. До этого я не понимал, почему пентаграмму надо рисовать мелом. Почему её не выложили камнями? Хорошо, что не выложили. Воздушная волна не смогла бы сдуть камни. Я очень хорошо понимал опасность. Продлись связь ещё немного, и последствия могли бы стать трагичными для меня. Я мог сгореть физически или ещё хуже — повредиться рассудком. Мысленно я опять поблагодарил Спасителя и мастеров, создавших башню.

Я до сих пор испытывал чувство радости. Хотелось пойти к людям и поделиться с ними своей победой. С этими мыслями я вышел из башни и направился в сторону главной площади. Я шёл и счастливо улыбался во весь рот. Навстречу мне с баграми и ведрами бежало чуть не всё население крепости. Я шёл им навстречу с широкой улыбкой. Впереди всех бежал капитан Рогволд. Мы столкнулись с ним практически нос к носу.

— Что у тебя горит? — заорал капитан. Его глаза выражали крайнее беспокойство.

Я оглянулся. Башня стояла невозмутимая и тёмная, как всегда. Снова посмотрев на капитана, я сообщил ему.

— Я настроился на башню!

Радость ещё переполняла меня, мешая осмыслить происходящее. Я попытался взмахнуть руками, чтобы описать переполняющие меня чувства. Но мир не оценил моего счастья. Он почему-то совершил оборот вокруг меня. Мгновение назад я видел лицо капитана, а сейчас смотрел в небо с плывущими по нему облаками. Падения на землю я не почувствовал. Несколько рук подхватили меня в воздух. Раздались команды и меня куда-то понесли. Я пытался брыкаться, кричать, что со мной всё в порядке. Но меня не было слышно. Вместо громких криков из меня вырывались только хрипы. Ясное небо внезапно сменилось сумраком помещения и белым потолком. Довольно грубо меня уложили на кровать. Вокруг раздавался шум голосов. Капитан громко рычал, перекрикивая толпу. Я услышал громкий

девичий вскрик и жёсткий голос тёти Веры. Чья-то ладонь упала мне на грудь и прижала к кровати. Удерживая мои ноги, с меня сдёрнули башмаки. Я попытался возмутиться и сделал усилие приподняться на кровати. С таким же успехом я мог бы бодаться с каменной крепостной стеной. Прямо напротив моих глаз возникло жёсткое лицо тёти Веры.

— А ну, лёг! — рявкнула она.

В этом взгляде и голосе было столько силы и власти, что мне сразу расхотелось сопротивляться. Я бессильно рухнул на кровать. В поле зрения возникло обеспокоенное лицо Аликс. У неё в руках был флакон со снадобьем. Она извлекла из кармана отрез ткани, сложенный в несколько раз, и, сняв крышку, обильно смочила ткань. В следующий миг эту ткань наложили мне на лицо, накрыв нос и рот. Резкий запах ударил меня по ноздрям. Неосознанно я вдохнул через рот и закашлялся. Мир дрогнул и его очертания сразу стали размываться. «Снотворное, дыхательное» — возникла у меня мысль прежде, чем мир померк. Вся суета, гомон голосов остались позади.

Когда я открыл глаза, вокруг стояла темнота. Была ночь. Лишь тусклое пятно света виднелось справа от меня. Я попытался приподняться, чтобы увидеть источник. Тело отозвалось сильной болью. Кажется, болело всё, что только может болеть. Я снова рухнул в кровать, перед глазами плавали красные круги. Однако меня слышали. Раздались голоса. Тёти Веры и Аликс. Какое-то время они обсуждали услышанный звук, потом решили посмотреть. Пятно света начало приближаться. Вскоре оно оказалось возле моей кровати. Не смотря на ещё не прошедшую муть в глазах, я сумел разглядеть фонарь в руках тёти Веры. Из-за её спины выглядывало обеспокоенное личико Аликс. Фонарь приблизился ко мне.

— Уже проснулся? — спросила тётя Вера.

— Пить — выдавил я из себя хриплым голосом.

Раздался топот лёгких шагов. Спустя мгновение Аликс вернулась с кружкой воды в руках. Вдвоём они приподняли меня и напоили. Вода гулко прошла по пищеводу, вливая в меня силы.

— Ну, и напугал ты нас! — проговорила тётя Вера. — Что натворил?

— Я настроился на магическую башню — ответил я после небольшой паузы. — А почему такой переполох?

Из последующего рассказа я понял, что мой поступок сильно напугал обитателей крепости. Был обычный летний день. Люди занимались своими делами. И вдруг среди белого дня ударила молния и объяла мою башню. Затряслась земля. Вода выплеснулась из колодца и заходила волнами в крепостном рву. После чего магическую башню объяло огнём. Люди решили, что я переборщил с магией и поджёг башню. Поэтому бросились меня спасать. Потом подул сильный порыв ветра, и башня погасла. Вслед за этим из башни вышел я. Рогволд увидел, что я выгляжу ошалевшим, а затем рухнул на землю. Поэтому он и его люди принесли меня в лазарет. Я слушал и внутренне сожалел, что не мог со стороны наблюдать это зрелище. А посмотреть, наверное, стоило. Судя по всему, моё подключение активировало все четыре стихии. Устроил зрелище на всю крепость, а сам был лишён возможности его посмотреть. Пока я слушал рассказ, Аликс принесла плошку с овсяной кашей, набрала ложку и попыталась впихнуть мне её в рот. Я замотал головой.

— Не надо. До утра дотерплю, а там схожу на завтрак.

— Ну, уж нет, сынок, — ответила с улыбкой тётя Вера. — Судя по тому, как ты покрыт синяками, ты здесь ещё дня три пролежишь.

Несмотря на боль, я согнул руку и ощупал своё тело. Под одеялом тело было обнажено.

В местах прикосновения оно отзывалось болью. Я почувствовал под пальцами какую-то мазь. Вынув руку из-под одеяла, я понюхал пальцы. Бадяга. Используют для ускоренного заживления синяков и гематом. Судя по плотности мази, тело должно было пострадать сильно. От расстройства я проглотил кашу с ложечки. Да и последующие порции тоже. Тётя Вера оказалась права. Я провел в лазарете три дня. Только на третий день я почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы начать лечиться самостоятельно. Самым болезненным для моего самолюбия стали не насмешливые взгляды воинов, а то, что все эти дни за мной ухаживала Аликс. А учитывая мою наготу, это было для меня ещё и унижительно.

Утром четвёртого дня я покинул лазарет. Опухоли сошли ещё вчера. Кровать к вечеру была мокрая от избытка выделившейся воды. Меня переложили на соседнюю кровать. А мокрый матрас и постельное бельё вывесили на улицу для просушки. Ночь я спал в новой кровати. Я долго не мог понять сочувственные взгляды Аликс, направленные на меня. Утром четвёртого дня мне, наконец, удалось увидеть себя в зеркале. Зрелище было печальным. Лицо было в сине-жёлтых разводах, оставшихся после гематом. Эти разводы концентрическими кругами расходились вокруг глаз. Мои губы были раскрашены синими пятнами. Такие же разводы покрывали практически всё моё тело. Ощущение было такое, будто меня жестоко избили. Двигаться тоже было достаточно болезненно. Но оставаться в лазарете дальше мне уже не хотелось. Безделье просто убивало меня. Мои неоконченные проекты манили. Цель была так близка и одновременно недостижима. Так хотелось опробовать свои новые способности, но именно в этом я теперь был ограничен. Помимо ухода за моим больным телом, Аликс пыталась развлечь меня чтением книги. Она читала ещё по слогам, но вполне уверенно. Я пытался воодушевиться этим. На наше счастье в лазарет не поступали серьёзные больные, потому что помочь им я был бессилен. Бессилие и беспомощность подрывали мой моральный дух сильнее всего. Но тело продолжало выздоравливать естественным путём. Были и другие причины, заставлявшие меня поскорее вырваться отсюда.

Пока я лежал в лазарете стали всё чаще появляться люди, не принадлежащие нашему гарнизону. Это были жители окрестных поселений. Они приносили не очень приятные новости. В стране становилось беспокойно. Вместе с рассказами воинов собранная картина получалась не самая приятная. К границам Империи подтягивались отряды орков. Они не нападали, но расположились военными лагерями на несколько дней пути вдоль границы. Разведчики говорили, что лагеря не многочисленны, но их много. Распределены они так, чтобы помимо общих поставок продовольствия из глубины королевства, орки могли вести охоту в местах дислокации. Старики говорили, что это стандартная тактика орков. Перед ударом по нашим гарнизонам они подтянутся к точке прорыва. Только тогда можно будет узнать основное направление удара. В некоторых местах разведчики видели троллей. Были замечены боевые машины орков, в частности катапульты. Это означало, что простым набегом не обойдётся. Можно было ожидать осады городов и пограничных гарнизонов. Новости из глубины Империи приходили тоже не самые обнадеживающие. По непонятной причине кочевые отряды гоблинов изменили свои обычные кочевые маршруты, и теперь огромными таборами двигались на юг в сторону границы. На дорогах Империи активизировались разбойники. Перевоз товаров и продовольствия по этим дорогам сильно затруднился. Торговцы сбивались большими караванами с многочисленной охраной. Издержки на перевоз товаров возросли. Чтобы покрыть их, торговцы подняли цены на товары. Доходы населения упали. Имперские егеря и баронские наёмники не успевали справиться с беспорядками. Вдоль дорог вырастали леса виселиц с повешенными разбойниками. Бароны роптали, они стали требовать у Императора снизить налоги в связи с падением доходов. Император был непреклонен. Налоги были нужны на содержание армии и крепостных сооружений. Недовольство баронов постоянно возрастало. Можно было ожидать баронского бунта.

Но этим неприятности не ограничились. Крупные отряды армии демонов перешли нашу границу восточнее города Бетренбург. Обойдя пограничные сооружения, они вторглись на нашу территорию и выжгли множество поселений на правом берегу реки Луциан. Среди выжженных руин они спешно возводили капища, принося на них в жертву Бетрезену оставшихся в живых жителей поселений. Император срочно перемещал имперскую гвардию к городу Кальдерия, полагая нанести удар по армии демонов оттуда. Со дня на день ожидалось, что объединённая армия Империи двинется на восток, выдавливая отряды демонов с нашей территории. Среди военачальников шла настоящая грызня за право управлять этой армией. Это было понятно. Главнокомандующий получает самую большую оплату и самую большую часть добычи. При этом каждый считал себя непревзойдённым гением войны и не желал подчиняться другим военачальникам. Дело стояло на грани столкновений между боевыми отрядами имперской армии. Чтобы предотвратить это Император впервые за много лет решил выехать во главе армии сам. Понятно, что это был не военный, а политический ход. Только так можно было предотвратить стычки между военачальниками. По приказу Императора часть воинских отрядов, расквартированных под городом Тругардом и городом Оксундер, должны были выдвинуться к Кальдерии на соединение с главными силами. Это ослабляло оборону нашего сектора границы. Старики ругались. Не надо было быть военным гением, чтобы понять главное — теперь мы могли рассчитывать только на себя.

Когда я вышел из лазарета, меня ждала ещё одна новость. За время моего лечения население крепости значительно возросло. К нам в крепость стекались жители дальних поселений, ферм и деревень. Даже простые люди, живущие в приграничной зоне, понимали, что дело движется к войне. И если жители близлежащих поселений могли успеть в случае опасности спрятаться в крепости, то у дальних поселений шансов на спасение было мало. Капитан понимал это и не препятствовал. Это прибавляло в крепости работников, и бойцов, пусть и не самых лучших. Под заселение беженцами он отдавал пустующие помещения башен. Но пустующие помещения лазарета и магической башни он отдавать беженцам запретил. Беженцы приходили со своим скарбом и скотом. Увеличилось число пастухов, и капитан заменил ими воинов. Прибавилось работников, и капитан организовал ремонтные работы в крепости. Подмазывались связывающим раствором стены изнутри и снаружи. Заменялась кровля. Изготавливалось новое оружие для вновь прибывших жителей. Раймус теперь занимался еще и их подготовкой. Освободившихся бойцов капитан отправил в патрулирование. Помимо этого, они занимались охотой на крупного зверя. В крепости были организованы коптильни. День и ночь они вялили и коптили мясо и рыбу. Сушили фрукты, заготавливали овощи и зерно. Проводили засолку овощей в бочонках. Завозились дрова. Капитан отправил в Тругард заявку на дополнительные поставки продовольствия. Крепость усиленно готовилась к осаде. А я всё это время отдыхал. Теперь требовалось это исправить. Конечно, моё тело пока не позволяло мне тренироваться на площадке для воинов. Чувство войны витало в воздухе. Но меня ждали кольца и заклятия, и я хотел успеть до начала осады.

Я старался пройти от лазарета до магической башни, придав себе горделивую походку. Вот только получилось не очень. Тело продолжало болеть и двигалось рывками, я хромал на обе ноги. И хотя я держал голову высоко поднятой, но стремился избегать показывать своё лицо с синюшными разводами окружающим. Но при этом продолжал чувствовать на себе жалостливые взгляды окружающих. И это несмотря на то, что у меня на голову был натянут капюшон мантии. Возле башни меня ждал ещё один сюрприз. Возле дверей скучал часовой,

сидя на скамейке. На мой удивлённый вопрос, зачем он здесь, я получил ответ.

— Дык это... капитан приказал. Ну, значит, чтоб от... дураков. — похоже, что это немудреное предложение далось ему с большим трудом. — Свои-то не полезут. Но счас в крепости много... чужих.

Он многозначительно развёл руками, видимо помогая жестами изложить свою мысль. Я кивнул головой, не вдаваясь в подробности. Меня волновала другая мысль — на месте ли фонарь, чтобы не подниматься по лестнице в темноте. Я открыл дверь и только теперь задумался, что возможно придётся повесить замок. Фонарь оказался на месте, и даже наполовину заправлен маслом, что не могло не радовать. Потребовалось время на розжиг огня и зажигание фитиля фонаря. Закрыв дверцу фонаря, я какое-то время отдыхал, восстанавливая дыхание. Теперь требовалось совершить подвиг и подняться на два этажа вверх. Путь наверх для меня состоял из сплошных стонов и тихой ругани. Боль не оставляла меня на протяжении всего пути. Я даже не обратил внимания ни на темноту вокруг, ни на неудобство подъёма. Я очнулся только когда оказался в своей комнате. Сильнее всего меня манила кровать. Чуть меньше манил табурет. И я выбрал табурет, понимая, что с кровати мне будет подняться тяжелее. Когда я присел на табурет возле стола, тело застонало, требуя сместиться на кровать. Потребовалось много усилий, чтобы не подчиниться ему. Вот так я и сидел за столом, бессмысленно глядя перед собой. Я долго не мог сообразить, что именно мне от себя самого надо. Наверное, прошло много времени, прежде чем мысль смогла просочиться в мой измученный болью мозг.

Наконец в голове зародилась мысль. Нехотя я придвинул к себе кипу бумаг с незаконченным заклятием. Рассматривая внимательно каждый листок, я стал искать тот, где заклятие могло быть законченным, ну или почти законченным. Постепенно я втягивался в работу. Стопка бумаг, отложенных для растопки камина, стала увеличиваться. В неё я стал откидывать листы со схемой заклятия либо неверной, либо неполной. Когда на башне пробило полдень, в моих руках остался лишь один листок. Заклятие было почти законченным. Прежний маг был неряшлив и неаккуратен. Кипа бумаг захлмила его стол и мешала работать, а неряшливость схемы мешала найти ошибку. Поэтому заклятие и не сходилась. Я улыбнулся. Для начала требовалось аккуратно перерисовать эту схему на новый лист пергамента. Тогда я смогу увидеть ошибку и исправить её. Именно с такими мыслями я притянул к себе новый лист пергамента и чертёжные инструменты. Пора было приступить к работе.

Когда на башне пробило призыв к обеду, работа была в самом разгаре. Я как раз закончил перенос основных элементов. Надо было сходить на обед и найти капитана. Идея с замком на башню меня заинтересовала. Мне не хотелось ставить магический замок. Следовало об этом поговорить с ним. Я поднялся. Тело отозвалось болью, но всё-таки можно было терпеть. На этот раз я взял посох и направился к люку в полу. Только сейчас я осознал, что люк по-прежнему был открыт. Я был в таком плохом состоянии, что не только не смог, но даже и не догадался его закрыть.

— Люмос — засветил я наверх посоха.

Теперь можно было спускаться. Осторожно переставляя ногами, я стал двигаться по ступенькам вниз. На этот раз я всё-таки не забыл закрыть за собой люк. Шаг. Шаг. Ещё шаг. Оказалось, что спускаться вниз было намного болезненнее, чем подниматься. Меня несколько раз сильно шатнуло. В мозгу всплыли страхи падения. Только этого мне не хватало. Я старался максимально прижаться к столбу, удерживая посох в левой руке. После

этого я двигался почти постоянно боком, приседая на левой ноге и ошупывая правой ногой следующую ступеньку. Движение вниз показалось для меня вечностью. Так я преодолел отверстие в перекрытии между первым и вторым этажами. Когда я лежал в лазарете, мне всё хотелось вырваться и вернуться в свою комнату в башне. Но теперь, спускаясь вниз по ступеням, я не считал эту идею хорошей. Меня посетила мысль вернуться, но я тут же её отбросил. Во-первых, надо работать. Возможно, у меня мало времени, если оно вообще есть. Во-вторых, моя гордость этого не позволит. Оставалось лишь терпеть, закусив губы. Я остановился и разжал зубы, провел языком по губам. Вот же как? Оказывается, я действительно закусил губу, да ещё незаметно для самого себя. Вновь закрыв рот, я продолжил спуск вниз. Посох давал небольшой круг света прямо передо мной. И когда в этом круге света показались плитки пола, желание прыгнуть вниз на них стало почти нестерпимым. Потребовалось большое усилие, чтобы его перебороть. Шаг. Шаг. Ещё шаг. Наконец моя нога ступает на плитку пола. Внутри меня вспыхивает восторг. Я переборол себя. Чувство было такое, будто я могу всё на свете. Находясь в состоянии эйфории, я прошёл к двери и толкнул её наружу. Свет ударил меня по глазам, но не смутил, а лишь добавил радости.

— Нокс — погасил я свет посоха.

Когда глаза немного привыкли к свету, я увидел стражника, смотрящего на меня напуганными глазами, перед собой он держал символ Спасителя. Я постарался успокоить его, сказав, что это заклятие на людей не действует. Но, похоже, что не сильно он мне поверил. Я пожал плечами, натянул капюшон на голову и направился в сторону столовой.

Обед описывать нет смысла. За столами как всегда царило оживление, но чувствовалось общее напряжение. Среди обычных воинов, к которым я привык, были заметны новые лица. Запив в себя пищу и запив её тёплым горьковатым чаем, я расспросил окружающих о месте нахождения капитана. Мне объяснили, что его теперь можно чаще всего найти на площадке для тренировок. Поблагодарив, я направился к выходу.

Когда я подходил к площадке для тренировок на ней находился Раймус и капитан, которые гоняли по площадке ополченцев. Вдвоём они пытались привить им навыки, которые помогут тем пережить свой первый бой. Капитан давал резкие команды на перемещение, парады и атаки. Раймус ходил вдоль строя, громко рыча и ругаясь, он стеком раздавал удары неумехам, пытаясь заставить их правильно стоять или передвигаться с нужной ноги. Ополченцы были покрыты потом, их рубахи промокли в нескольких местах. Похоже, что занятие шло давно, но особых успехов не было. Я понимал, что их основная задача — это глаза и уши армии, а также подпирать спины профессиональных воинов. Но, тем не менее, я испытал определённую жалость к ним. В случае реального сражения их шансы на выживание были ничтожно малы. Только и оставалось, что держаться за профессиональных воинов. Но я понимал и воинов. Если ополчению предстоит прикрывать им спину, то очень важно, чтобы те, хоть что-то умели. А то ведь можно и погибнуть с такой обузой. Именно с такими мыслями я и подошёл к площадке для тренировок. Здесь меня и заметил сначала Раймус, а после и капитан. Увидев мою шатающуюся фигуру, шаркающей походкой движущуюся в сторону площадки, Раймус выставил перед собой ладонь в мою сторону и закричал.

— Стой! Сегодня отдыхаешь. Поправишься — продолжим занятия.

Все повернули головы в мою сторону, пытаясь рассмотреть, к кому обращается наставник. И тут же услышали новый крик Раймуса. Ближайшие ополченцы успели получить

стеком по спинам, остальные предусмотрительно развернули головы вперёд и изобразили преданный взгляд в сторону капитана. Я не стал с ним спорить, лишь согласно кивнул. Сообщи́л, что у меня дело к капитану. Теперь кивнул капитан, изобразил указательный жест рукой в сторону наблюдавших за происходящим воинов. Жест перешёл в манящее движение, а манящее движение перешло указательное в сторону земли у него под ногами. Из толпы воинов отделился один из сыновей тёти Веры и сменил капитана на занятиях. Теперь уже он отдавал команды. Капитан подошёл ко мне. Я заговорил с капитаном и описал ему свою просьбу. Пока я говорил, на лице капитана появилось удивлённое выражение. Он разъяснил мне, что все предыдущие маги без исключений пользовались магическим замком. Никто из них никогда не заботился о безопасности других жителей крепости. Именно это отбило у остальных желание лазить в магическую башню. Лично он не видит необходимости в установке механического замка. Пусть все остаётся как прежде. Для меня будет лучше поставить магический замок, чтобы он смог освободить бойца, дежурившего там, пока я болел. Но моя забота о других членах отряда его порадовала. В его глазах это выгодно отличает меня от всех предшественников.

— Да, кстати. Тебе положено недельное жалование — сказал он с улыбкой.

Достав кошелёк, он извлёк из него монеты и отсчитал мне восемь серебряных монет. Я держал в ладонях свой заработок и бессмысленно смотрел на эти монеты.

— На что же их тратить? У меня всё есть.

— Спрашиваешь совета — улыбаясь, спросил он, и я кивнул. — Для службы — ты хорошо метаеть ножи. Купи дюжину метательных ножей и сумку-ножны для них. Купи себе хороший нож с ножнами для общего пользования, а то твой выглядит жалко. Для себя — купи хорошую верхнюю одежду, а то ходишь постоянно в одном и том же. Так будет смена одежды.

Я лично решил для себя, что прикуплю ещё и нижнее бельё.

— Ну и для души — купи что-нибудь в подарок для Аликс и тётке Веры. Они всё-таки лечили тебя.

Он улыбнулся и ушёл в сторону площадки для тренировок. Я задумался. Это была хорошая идея. Поэтому прямо с площадки я направился в сторону мастерских. В слесарной мастерской меня встретил отец Аликс. После того, как я подарил ему телескоп, его отношение ко мне значительно улучшилось. Я объяснил ему задачу. Своими словами я вогнал его в лёгкий ступор. Ни один из предыдущих магов никогда не покупал у него метательных ножей. Только бытовые ножи и скальпели, ну ещё разную медицинскую мелочь. Но быстро нашёлся. Предложил мне выбрать из готовых изделий. Двенадцать ножей для метания. Это были четырехгранные стилеты без гарды, тонкие рукояти которых были обмотаны кожаным шнурком. В качестве ножен к ним прилагались две сумки из толстой кожи по шесть ножей в каждой. Покупка этих ножей с ножнами мне обошлось в четыре серебряные монеты. Половина моего двухнедельного заработка. Поэтому покупку бытового ножа я решил оставить на потом. Далее я зашёл в швейную мастерскую и за одну монету серебром купил две нательные рубахи, две пары портянок и четыре нижних треугольника. Теперь у меня был личный запас нижней одежды, чему я был весьма доволен. Осталось купить подарки. И здесь я впервые оказался в затруднительном положении. Моё обучение не предполагало познаний о том, какие подарки следует дарить девушкам и женщинам вообще. С одной стороны я боялся показаться жадным и неучтивым, а с другой стороны, не зная местных обычаев, боялся показаться пошлым и невежливым. Поэтому я нашёл в себе силы

спросить об этом женщину, сидевшую в мастерской. Говоря это, я старался выглядеть достойным, но всё равно чувствовал, как от стыда загорелись мои уши и лицо. Глаза женщины хитро загорелись, и она спросила, для кого именно я покупаю эти подарки. Пришлось объяснять, что это благодарность за моё лечение, и подарки пойдут для тёти Веры и Аликс. Она кивнула головой, но было видно, что она мне не верит. Её глаза стали ещё хитрее. Она заговорчески мне подмигнула и облизнула губы, как бы в предвкушении хорошей сделки. Она предложила мне для тёти Веры купить тёплую вязанную шаль, а для Аликс плетёный пояс и мягкий кожаный поясной мешочек, под её мелкие принадлежности. И всё это я мог приобрести у неё в мастерской за скромную сумму в одну серебряную монету. Я понимал, что цена грабительская, но не собирался спорить. Найти эти вещи в другом месте я не мог, приказ о моём заточении в крепости ещё был в силе. Поэтому я заплатил и забрал подарки. В дополнение хитрая швея подарила мне отрез ткани, в которую я и завернул все свои покупки. Теперь предстояла ещё одна тяжёлая задача — преподнести эти подарки. Вся моя жизнь и всё моё обучение не подготовили меня к этому. Я находился в крайне смущённом положении.

Именно в таком виде, смущенный и пунцовый от неловкости положения в котором оказался, я и появился в лазарете. Моё появление вызвало ажиотаж у Аликс и Тёти Веры. В лазарете находились больные и раненные. Это были жители окрестных поселений. Тётя Вера предложила напоить меня лечебным чаем. Оказывается, пока я лежал в лазарете, мне и в голову не приходило, сколько больных и раненных сейчас находится в крепости. Я находился в состоянии прострации. И хотя нас учили усилием воли проводить самолечение, я предпочёл отдыхать и бездельничать. Теперь мне за это стало стыдно. И вот теперь, попивая чай, я со стыдом слушал их рассказы. Оказалось, что две женщины — пожилая и юная, вполне справились с потоком больных, и даже преуспели в этом. А помогла им в этом книга, которую я дал Аликс для прочтения. Она содержала множество рецептов из лекарственных трав. Имея такое руководство, тётя Вера и Аликс быстро разобрались, как им поступить с больными в моё отсутствие. Теперь они хвастали этим передо мной. Я был горд за них, в определённой мере. Теперь они заслужили свои подарки ещё больше. В конце нашего чаепития я преподнёс им подарки. Я был пунцовый от смущения, когда делал это. Визг Аликс при виде подарков почти оглушил меня. Женщины долго примеряли вещи, не забывая благодарить меня. Постепенно моя стеснённость сменилась удовольствием от их радости. Я почувствовал себя намного лучше. Разделяя их радость, я дал себе зарок сразу же по прибытии заняться самоизлечением. Хотя моё вынужденное безделье и пошло им на пользу, мне следовало как можно быстрее вернуться к своим обязанностям. Именно с такими мыслями я покинул лазарет и направился к себе в башню.

***

Мой наставник мне всегда говорил: «Одно дело в один промежуток времени! Кто разбрасывается, тот ничего не достигает». Может это поступок и некрасивый, но по приходу в башню я продолжил работу над заклинанием. Линии, круги, плавные переходы, графики дыхательных циклов ложились на лист пергамента, составляя сложную систему заклинания.

До последнего момента казалось, что заклятие не сойдётся, и придётся начинать рисовать схему заново. Наконец последняя линия легла на схему. Получилось! Мой предшественник ошибся лишь на два-три градуса при проведении ординаты. Используй он заклятие со своей схематической ошибкой, и оно бы не сработало. Я не хотел даже просматривать последствия его ошибки. Просто было неинтересно. Осталось лишь нанести знаки силы и указать точку приложения словесной формулы, приводящей всё заклятие в действие. Мне хотелось кричать, прыгать от счастья и танцевать джигу одновременно, но сил хватило лишь на потягивание с хрустом суставов. Тело ещё не было готово исполнять ритуалы радости, но внутри всё пело. Да. Я шёл по чужим следам, но это заклятие было разработано мною полностью самим. Пару штрихов, знаки сил установлены в углах схемы. Отсчитав два цикла дыхания и S-образное движение палочкой, я установил точку словесной формулы. Эта формула активирует движение сил, и можно будет переносить информацию с «носителя» на «носитель». Мысли потекли при закрытых глазах, я перебирал в уме все словесные формулы, способные активировать заклятие. И наконец, остановился. Да. Это то, что надо. Фраза активатор будет звучать просто и надёжно. Указав точку активации для изъятия образа, я вписал фразу «ремове пиктуре». Найдя вторую точку активации для сохранения образа на носителе, я вписал фразу «ниси имаджо». Вербально или не вербально, но работать должно. Осталось обвести тушью всю схему. Как бы в подтверждение моих мыслей на улице прозвонил гонг, призывая на ужин.

Я оглянулся. Комната погружалась в полумрак. Следовательно, работу лучше продолжить утром. Сейчас надо сходить на ужин и заняться восстановлением тела основательно. Я поднялся из-за стола, взял посох и пригасил фонарь. Слишком быстро я расходую масло для фонаря. Нужно восполнить запасы, или скоро по вечерам станет работать невозможно. Пора идти на ужин.

***

Ужин я позволил себе совсем лёгкий. Немного овощей и чай. Предстояла работа, и допускать перегрузки тела было нельзя. Двигаясь по площади, я чувствовал направленные на меня взгляды окружающих. Пришли слова наставника: «При любых обстоятельствах маг должен оставлять о себе достойное впечатление. Люди уважают силу. Ты должен излучать силу. Это та способность, которая позволит людям относиться к тебе с уважением. Только тогда они пойдут к тебе и за тобой». Я попытался выпрямиться и придать себе достойный вид. Но получилось не очень хорошо. Измученное тело не захотело распрямиться, а шаркающая походка не прибавила мне достоинства. Поэтому моральная боль донимала меня сильнее физической. И только отгородившись от окружающих стенами башни, мне удалось расслабиться. Магический замок отгородил меня от остальных ещё сильнее. Не самое сложное заклятие «каструм». Не убьёт, не обожжёт, не причинит вреда. Открывается примитивным заклятием «алохоморе». А значит, только маг меня мог теперь побеспокоить, а я здесь был единственным магом. Подъём к себе в комнату был привычен. Люк закрыт. Я вновь стою в своей комнате возле стола. Это хорошо, что в комнате полумрак, легче будет работать, меньше буду отвлекаться. Посох опускается в стойку. Табуретка выдвинута на свободное место недалеко от кровати. Работать над собой я буду сидя на ней.

Находясь в полумраке комнаты, я присел на табурет. Если я стану описывать это упражнение не-магу, тот сочтёт меня сумасшедшим, а мои слова бредом. Поэтому я был

доволен, что мне не приходилось делать это в присутствии непосвященных. Сложно объяснить обычному человеку, что мысль материальна и управляет материей посредством энергии. Но меня такие мысли сейчас не волновали. Для меня было важно восстановить тело в максимально короткие сроки. Пора было приступать. Как бы ни странно это звучало, но надо начать с дыхания. Согласовав потоки жизненных сил с дыхательными циклами, становится легче их контролировать.

Внешне не произойдёт ничего. Всё будет происходить внутри меня. Главное, чтобы ничто не отвлекало. Время неважно. Важны вера, воля, визуализация, концентрация внимания и сосредоточение жизненных сил. Тогда, и только тогда всё произойдёт в соответствии с моими замыслами. Я сел прямо, расслабил лишние мышцы, не участвующие в поддержании позиции. Освободил сознание от всех посторонних мыслей. Это сложно, но достигается практикой. Отсутствие лишних мыслей — это залог правильного результата. Руки опустил вниз, наложил ладони друг на друга и приложил их внутренней частью к животу в районе центра воды. Некоторые маги придают большое значение тому, какая ладонь должна быть сверху. Мой наставник относился к этому равнодушно. Он всегда говорил: «Форма вторична. Важно лишь содержание. Ладони ты складываешь не для создания «мистических кругов», а лишь для контроля дыхательных циклов». Я собирался следовать его советам.

Я начал выполнять ритмичное дыхание животом. У него есть красивое название, и даже несколько. Но наставник не озаботился напускать для нас мистики. Просто дыхание животом. Так я его и запомнил.

Выдох. Медленно и плавно я проводил его на четыре счёта, надавливая ладонями на живот. Эта один, эта два, эта три, эта четыре.

Задержка дыхания. Эта пять, Эта шесть.

Вдох. Отпускаю руки, медленно и плавно впускаю в себя воздух. Эта семь, эта восемь, эта девять, эта десять.

И снова выдох без задержки. Как только тело усвоило алгоритм движения, я ввёл новую постоянную. Моё внутреннее видение открылось. Жизненная сила обрела для меня видимость в виде разноцветного тумана. Да. Здесь, внутри магической башни, плотность жизненной силы была велика. Теперь надо было притянуть эту силу в себя и использовать для излечения. Вместе с новым вдохом я потянул жизненную силу в себя, наложив её поток на поток воздуха. Вдыхаемый воздух сразу изменил свой запах, цвет и температуру. Усилием воли я повёл поток жизненной силы к центру воды своего организма, находящийся под слоем мышц живота, в глубине моего тела, чуть ниже пупка примерно на три пальца. Холодная струя протекла через мой живот и сразу же стала его нагревать. Ощущение было такое, будто вдыхаемый воздух протёк до самого центра живота. Конечно, воздух не мог проникнуть дальше лёгких. Но жизненная сила могла и потекла в меня тонкой струйкой. Теперь следовало её здесь удержать. Мысленно я свернул небольшую глобулу, и направил в неё втекающую жизненную силу. Здесь она будет собираться. Чем наполненнее, чем плотнее будет эта «глобула», тем сильнее будет моя эргонасыщенность, выше защитные силы организма к болезням и повреждениям. Я продолжал дышать. Выдох, задержка, вдох, надавливая ладонями на живот. Физическая форма вторична, дыхание вторично, важен лишь поток жизненной силы. Я с каждым вдохом всё сильнее погружался в себя. «Время не важно, число повторов не важно. Важны лишь твои внутренние ощущения. Навредить себе, или излечить себя ты можешь только сам. Смотри в себя, чувствуй себя. Когда глобула станет

плотной, как камень, только тогда ты достиг нужного состояния. Мощная концентрация силы выдавит из тебя любое болезненное начало, а вместе с ним уйдёт и болезнь». Вновь вспомнились мне слова наставника. Выдох, задержка, вдох, надавливая ладонями на живот. Постепенно мои ощущения стали меняться. «Глобула» наполнялась. Вместе с этим приходило просветление организма и мыслей. Выдыхаемый воздух стал менять температуру и вкус. Во рту появился лёгкий запах тёплой крови и гнили. Грязь стала удаляться из организма. Конечно, запах выдыхаемого воздуха не изменился. Ни один нормальный человек не смог бы различить изменений. Это была игра моего мозга. Иллюзия, показывающая происходящие в организме изменения. Выдох, задержка, вдох, надавливания ладонями на живот. Я потерял счёт времени, весь растворился в своём дыхании. Я слушал себя. Поэтому я не смог бы сказать, когда пришло время изменить дыхательное упражнение, выйти на новый этап ритуала.

Выдох, задержка, вдох, надавливая ладонями на живот. Физическая форма не важна. Внешне ничего не изменилось. Я продолжал сидеть на стуле, закрыв глаза и наложив сложенные ладони на живот. Вот только движение силы изменилось. Я свернул вторую глобулу в районе центра земли, расположенного чуть в глубине тела между анусом и половыми органами. Все наставления, прочитанные мною, сходились в одном — именно там энергетическая оболочка человека «прикрепляется» к физической оболочке. Считается, что насыщение этого центра энергией укрепляет физическую оболочку, ускоряет восстановление повреждённых органов.

Вдох. Я повёл поток жизненной силы к центру воды. Центр был полон и не мог вместить новую порцию. Жизненная сила стала растекаться вокруг центра, усиливая давление в этом месте.

Выдох. Медленно и плавно я проводил его на четыре счёта, надавливая ладонями на живот. Эта один, эта два, эта три, эта четыре. Энергия стала перетекать от центра воды в центр земли и накапливаться в глобуле.

Задержка дыхания. Эта пять, Эта шесть. Я дал возможность остаткам энергии впитаться в глобулу.

Вдох. Отпускаю руки, медленно и плавно впускаю в себя воздух. Эта семь, эта восемь, эта девять, эта десять. И вновь энергия течёт к центру воды.

Я был полностью сосредоточен на выполнении дыхания. Внешний мир стал для меня постепенно растворяться. Нет, конечно, он по-прежнему существовал, но я переставал его ощущать внешними органами чувств. Сквозь закрытые веки я продолжал видеть мир вторым зрением. Отблески ауры окружающих меня предметов, движение потоков жизненных сил. Но при этом физически я всё более и более абстрагировался. Наполняя глобулу в центре воды, я ещё ощущал табурет под собой, но, когда я заканчивал наполнять глобулу в центре земли, я перестал чувствовать даже его. Во мне стали бороться два противоречивых чувства. С одной стороны, я понимал, что надо продолжать выполнять обряд излечения. Но при этом во мне стала зарождаться паника, что потеряю мир и не сумею обрести путь обратно. Нет, мне понятно, что это невозможно. Но страх стал требовать прервать обряд и вернуться в мир, открыть глаза, обрести опору в реальности. Пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить свой мозг.

Теперь у меня было две наполненных глобулы. Пришло время приступить к новому этапу обряда. Внешне, как всегда, ничего не изменилось. Моя позиция на табурете и дыхательные ритмы сохранились. Вновь изменился только поток жизненной силы. Новый

этап среди волшебников получил название непрерывный поток жизненной силы вокруг тела. Принцип его прост: сначала поток жизненной силы на вдохе ведут к центру земли, потом поток жизненной силы на выдохе ведут вдоль позвоночного столба снизу вверх к центру мысли, расположенному на макушке, и, не останавливаясь, по темени и лицу выводят через рот при задержке дыхания. Это только сказать так просто. А вот выполнить это упражнение доступно не каждому человеку. Даже не каждому магу. Я был горд, когда это упражнение у меня получилось.

Вдох. Я повёл поток жизненной силы к центру земли на четыре счёта.

Выдох. Медленно и плавно я выполнял его, надавливая ладонями на живот. Эта один, эта два, эта три, эта четыре. Энергия стала перетекать от центра земли в центр мысли и накапливаться в нём.

Задержка дыхания. Эта пять, Эта шесть. Я дал возможность остаткам энергии спокойно вытечь из меня через рот.

Вдох. Отпускаю руки, медленно и плавно впускаю в себя воздух. Эта семь, эта восемь, эта девять, эта десять. И вновь энергия течёт к центру земли.

Мои внешние чувства уже не давали мне никаких сигналов. Ощущение было такое, будто я плавал в темноте. Точнее сказать я плавал в потоках жизненных сил. Остались только внутренние чувства. Паника внутри меня усиливалась. Я прилагал значительные усилия, чтобы не прервать обряд. Но, с другой стороны, во мне стало просыпаться чувство удовольствия и радости. Наступил определённый момент, когда движение энергии вокруг моего тела стало происходить без видимых усилий с моей стороны. Это и была точка перехода на новый уровень обряда.

Дыхательные циклы продолжались. Движение энергии вокруг моего тела продолжалось. Я надеялся, что ещё нахожусь в той же точке пространства, на том же табурете. И я надеялся, что продолжаю надавливать руками на свой живот. В определённый момент я стал сомневаться, что у меня есть руки. Все лишние мысли прочь. Выдох, задержка, вдох. Пора. Перед моим внутренним взором предстало моё сердце. Внутреннее видение помогло мне увидеть его полностью таким, каким оно было в данный момент. Молодое и здоровое сердце, но уже с негативными последствиями, оставшимися от подключения к башне. Усилием воли я исправил картинку. Убрал все негативные последствия. Сделал его таким, каким должно выглядеть идеальное, здоровое сердце. Создание образа и его изменение потребовало значительных усилий. Наконец сердце не просто приняло вид здорового органа, но и засияло. Это обязательное условие обряда. Память на мгновение выдала строки из наставлений: «Плоть — инертная материя. Твой разум подчиняет себе плоть с помощью образов, насыщая их жизненной силой. Анимация — высшая степень управления плотью».

Вслед за сердцем последовали печень, лёгкие, селезёнка, желудок и другие органы. Внутренний взор позволял мне увидеть эти органы в себе, а разум создать нужный образ. Поток образов, казалось, длился целую вечность. Двигая свой внутренний взор по кругу от сердца, я постепенно охватил сознанием всё тело. Я был занят делом, и страх отступил. Время и пространство тогда потеряли для меня всякое значение. И вот настал момент, когда всё тело было осмотрено. Пора возвращаться.

Дыхательные циклы продолжались. Мысленно я направил своё внимание на руки. Заставил себя подвигать пальцами рук. Пальцы отозвались неохотно. Заставил себя подвигать ладонями в запястьях. Предплечьями в локтях. Заставил сократиться мышцы плеч.

Руками вместе с лопатками.

Направил внимание на ноги. Заставил себя подвигать пальцами ног. Напряг и расслабил мышцы голени. Напряг и расслабил мышцы бедра и ягодиц.

Прервал цикл дыхания и сделал глубокий вдох. Задержал дыхание. Вытянул руки над головой. Открыл глаза. Тело повиновалось плохо. Обряд закончен. Я встал на ноги. Меня ощутимо пошатывало, но я быстро брал себя в руки. Дождался устойчивого положения.

В комнате стояла тьма. Была ночь. Внутренним взором я отыскал свой посох. Сделал шаг и взял его. На улице ударил гонг. Я вздрогнул от неожиданности. Была полночь. Пора ложиться спать. Только в этот миг я понял, насколько устал духовно и физически.

Я разжёл фонарь. При неверном свете фонаря я стал раздеваться. Действовал я механически. При этом меня стала наполнять гордость от содеянного. Я улыбался. Изменения организма уже начались. Завтра утром я буду чувствовать себя значительно лучше. За два-три дня тело полностью восстановится. Перед моим внутренним взором промелькнул поток воспоминаний. Свой первый обряд я провёл много лет назад под присмотром наставника. Он длился не более пяти минут. Все циклы за пять минут. Наставник сказал, что при обучении очень важно усвоить последовательность циклов на уровне телесной памяти. Тогда мы, его ученики, ещё не погружались в себя так глубоко, как я сейчас, и слышали каждое его слово. И так много раз. Когда мы проходили свою первую трансформацию, то она заняла у меня сорок суток. Были чемпионы, прошедшие трансформу за двадцать суток. Были аутсайдеры, прошедшие её за шестьдесят суток. Но первый опыт был получен. Как мы восторгались тогда полученными результатами! Кто-то исправил дефекты зрения. Кто-то поправил здоровье. Мне удалось исправить осанку, а искривление позвоночника было врождённым. Но самые большие результаты достиг юноша, отрастивший себе пальцы на левой руке. У него, кстати, трансформа длилась дольше всего. Постепенно практика брала своё. Теперь я мог выполнять трансформу, затрачивая не более трёх суток. А ведь среди нас были чемпионы, тратившие на трансформу всего несколько часов. Их брали на заметку, как вероятных анимагов. При условии постоянных тренировок они могли достичь способности практически мгновенно менять свою форму, оборачиваться, например, в животных при необходимости. В какой-то мере я им завидовал. Я показывал весьма средние результаты в этом направлении. Но у меня всё впереди, если не остановлюсь. В моей голове всплыли образы монстров, в которых мне хотелось бы превращаться. Промелькнули образы волков, огромных ящеров, летающих орлов. Я улыбнулся своим мечтам. Сейчас было не до этого. Назревала война, и мне надо было к ней готовиться. С такими мыслями я и лёг в постель. Тело было сильно уставшим. Я не успел провести и половину обряда релаксации, когда погрузился в глубокий сон без сновидений.

Утро принесло новые тревоги. Я поднялся и осмотрел себя. За ночь произошли перемены с моим телом. Синяки поблекли и пожелтели. Синева сошла почти полностью. Тело практически перестало болеть. Ещё чувствовалась усталость, но полного восстановления ещё не произошло. Однако настроение было приподнятым. Пора было заняться своими прямыми обязанностями. Нужно было излечить как можно больше больных и раненных пока не начались активные боевые действия. Иначе количество раненных бойцов может стать запредельным, а способных к обороне станет не хватать. Я решил заняться этим сразу после завтрака.

Во время завтрака я обратил внимание, что бойцы входят полностью собранными и готовыми к бою, хотя и без оружия. Их лица были напряжены. Из разговоров я понял, что орки начали переходить границу. Далеко расположенные отряды орков стали подтягиваться ближе к границе. Были стычки с врагом, пока без потерь. Война стала ближе. Капитан решил обкатать новичков сейчас, пока не стало слишком поздно. В отряды к проверенным бойцам стали добавлять молодых стрелков и сквайров. Проверяли, как они ведут себя в бою. Следили, чтобы каждый прошёл крещение кровью. Добавилось мелких ран, но в лазарет раненные не обращались. Этим следовало заняться.

Пока шёл к лазарету, наблюдал, как в ворота въехал отряд воинов. Второй отряд как раз собирался выезжать. Вокруг суетились люди, бегали посыльные. Раздавались команды. Выводили и седлали лошадей. Уставших лошадей заводили в конюшни. Там с них снимали сёдла, а конюхи наскоро протирали щётками вспотевшие бока животных. Уздечки не снимались. Становилось ясно, что отдыхать лошадям долго не придётся. Охранников на стенах сменили ополченцы. Сами охранники вместе со сквайрами и стрелками участвовали в рейдах вне крепости. Лаяли собаки. Крепость жила своей жизнью. Людей значительно прибавилось. Даже внешний облик крепости изменился. Сильно прибавилось детей. Они издавали большую часть шума. Над парапетами крепостных стен появились верёвки, на которых по ветру болталось бельё. И только я один был за пределом этой жизни. Странно, но в тот момент я чувствовал угрызения совести. Требовалось скорее влиться в общий поток жизни. Что меня удивило, так это то, что на площадке для тренировок не было ни одного сквайра или охранника.

Неизменный Раймус гонял по площадке только ополченцев. Меня провожали удивлёнными взглядами. Я вполне понимал их. Мой вчерашний вид сильно отличался от вида сегодняшнего. Моя походка была вполне уверенной и твёрдой, осанка прямой. Синяки побледнели, а синева почти полностью растворилась, уступив место желтизне. Я быстро шёл на поправку. А по их меркам так просто молниеносно. Многие из них, получив такие повреждения, пролежали бы в постели достаточно долго. Раймус провожал меня глазами, не забывая при этом отдавать команды ополченцам. Этот взгляд однозначно говорил, что, не смотря на улучшения моего вида, заниматься с оружием он мне не позволит. Я кивнул головой в знак приветствия.

Вот так, кивая головой и здороваясь, я и добрался до лазарета. Внутри всё было, как всегда. Мне показалось, что я пришёл к себе в дом. Внутренне я даже приветствовал это здание и комнаты внутри его как старых знакомых. Аликс и тётя Вера оказались в главной палате лазарета. Они оказывали помощь примерно пятнадцати пациентам, находящимся

сейчас в комнате. Кровати были аккуратно застелены, что говорило о том, что лежачих больных не было. Находящиеся здесь люди пришли сюда своими ногами. Моё появление вызвало определённый фурор у находящихся здесь людей. На лицах Аликс и тёти Веры было написано удивление. Увидеть меня так рано на ногах, да ещё в таком хорошем виде. Пациенты стали приглушённо переговариваться. Слышны были страх в голосах, перемешанные с надеждой. Я выпрямился, прикрыл глаза, раскрыл свои чувства и втянул носом воздух. Чувствовались эманации страха, боли, удивления, надежды и сомнения. Среди больных находились два симулянта. Похоже, юноши призывного возраста, желающих избежать воинских занятий на площадке для тренировок. Один из них испытывал похотливые чувства по отношению к Аликс. Я отыскал его глазами и улыбнулся. С одной стороны мне было забавно. Меня готовили к тому, что это обыденность в нашем мире, и мы с этим будем постоянно сталкиваться. Любой маг легко мог определить чувства и желания окружающих его людей. И даже направленность этих чувств, объект вожеления. Поначалу, когда нас научили распознавать эти чувства, мне было интересно пользоваться своими вновь приобретенными способностями. Потом приелось и даже стало раздражать. Второй стороной моих новых способностей стало то, что мои собственные желания и похоти притупились. Нет, я не перестал желать и чувствовать, но потерял остроту чувств. С другой стороны, я испытал раздражение. Я считал лазарет не местом для таких похотей. Я пообещал себе помочь по мере возможностей больным, а с уклонистами разобраться. Я ослабил осанку, всё-таки ещё было тяжело, и шагнул в помещение.

Я позволил себе немного насладиться восторженными визгами Аликс и тёплыми словами тёти Веры. После чего сразу стал говорить о насущном. Люди нуждались в помощи, я пришёл сюда, чтобы оказать её по мере возможностей. Тётя Вера осведомилась о моём состоянии. Я пожал плечами и сообщил, что чувствую себя в пределах нормы. Аликс с интересом заглядывала мне в лицо. Даже если на многое я сейчас не способен, то сделаю всё возможное. Обе женщины согласно кивнули головой. Я прошёл в сторону операционной. Закатав рукава, я стал с усердием отмывать свои руки. Краем глаза я заметил, как тётя Вера, толкнув локтём Аликс, указала ей на меня. Она что-то шептала ей на ухо, знаками показывая ей на её и мои руки. Этот шёпот больше напоминал старческое бурчание. Понять было не сложно — тётя Вера указывала Аликс на необходимость держать руки в чистоте, приводя меня в качестве примера. Я внутренне улыбнулся. Пора было начать приём пациентов. Выдвинув стул на удобное для меня место, я решил начать прием с бойцов уклонистов.

Подойдя к тётке Вере, я спросил её, сможет ли она приготовить смесь из одного стакана кислого молока, одной ложки растительного масла, трети стакана свекольного сока и четверти ложки соли. Получил утвердительный ответ и попросил приготовить две порции такой смеси как можно скорее. Тётя Вера посмотрела на меня с удивлением, но пообещала выполнить просьбу немедленно. Она развернулась по-военному и ушла. У меня зародился коварный план, и я хотел его реализовать немедленно. Но пока готовилось зелье, нужно было начать принимать больных. Я расслабил мозг и включил второе видение. Обвёл глазами больных в комнате. Догадка была верной. Тяжёлых не было, только легко больные. При этом примерно десять из них просто получили лёгкие травмы, а остальные пришли с заболеваниями. Один был тяжёлым, но умирать не собирался. Значит, решение будет простым. Сначала излечим травмы, а после займёмся болезнями, которые можно лечить неспешно. Что-то в окружении меня настораживало. Я долго не мог понять что, пока не взглянул на Аликс. Она тоже была больна, но обычным глазом это было незаметно. Болезнь

только начинала поражать её тело. Кто-то из больных её заразил. Я оглянулся. Да, подобный рисунок болезни виднелся на одном долговязом мужчине. Мужчина потихоньку кашлял в кулак. Он принес болезнь в крепость. Её следовало погасить, пока в крепости не вспыхнула эпидемия. Было решено начать лечение с него, как самого потенциально опасного больного. Я указал пальцем на него и поманил к себе.

— Аликс, где у нас скипидар? — обратился я к ней — Налей в склянку на донце.

При этом я указал на довольно крупную стеклянную посудину с плотно сидящей крышкой. Аликс принялась выполнять приказ, а я провёл больного к кушетке и усадил на неё. Рядом с ним поставил небольшой столик, а на него поставил стеклянную посудину с налитым на дне скипидаром. Крышку положил рядом. Теперь надо было выполнить излечение. Я сосредоточился на болезни. Снова включил второе видение. Изумительно. Болезнь предстала в моём видении как большая аморфная живая сущность, охватывающая собой всё тело больного мужчины. Тёмным комком она примостилась в его лёгких и медленно поедала его. Тонкие отростки этой болезни колебались под воздушными потоками со всего тела больного. Длинные щупальца сущности вытянулись изо рта больного человека, они колебались, удлиняясь или укорачиваясь вместе с его вдохами и выдохами. Теперь следовало изъять эту сущность из тела.

Я удерживал стеклянную ёмкость левой рукой. Пальцами правой руки я прикоснулся к внутренней поверхности склянки. Обряд начался. Я видел, как от стенки склянки и до моих пальцев протянулась светлая полоса энергии. Стараясь не совершать резких движений, я потянул эту полосу к сущности. Казалось, будто я размазываю пальцами белую краску по поверхности, вот только этой поверхности не было. Полоса тянулась по воздуху. Осторожно я коснулся сущности болезни и вдавил полосу немного вглубь её. Щупальца сущности попытались обвить мою руку. Я сделал усилие и мысленно потянул её из тела больного. Щупальца сразу соскользнули с моих пальцев и тут же прилипли к белой полосе. Я усилил тягу. Щупальца сущности вытянулись и проникли внутрь склянки. Болезнь стала перетекать из тела в стеклянную ёмкость. Я отчётливо видел все поврежденные ткани, и стал расслаивать тело, переводя болезнь в энергетическую оболочку из физической формы. Потеряв связь с физической оболочкой, она стала обильно вытягиваться из тела и по белой полосе перетекать на дно стеклянной емкости. Щупальца сущности стали вытягиваться из тела. Покинув тело, болезнь снова переходила в физическую составляющую. Вокруг стал распространяться сильный запах мокроты и крови. С каждым мгновением запах усиливался. Вслед за сущностью вперёд качнулся и сам больной. Вот для чего нужен был столик под стеклянную ёмкость. Отняв левую руку от склянки, я наложил левую ладонь на лоб пациента. Я усиливал тягу. Всё-таки сущность была очень большой. Лицо больного стало искривляться от боли и неприятных ощущений. Мои ощущения подсказали мне, что моё лицо тоже искривилось, но тягу я не ослабил.

По мере удаления сущности из тела больного, его аура менялась от синевато-серой до сине-красной с серыми участками. Он испытывал боль. И чем дальше, тем больше. Глаза приобретали обречённое, затравленное выражение, он издавал тихие хрипящие звуки. Когда красного цвета стало много, он стал отделяться от тела и пульсирующими каплями утекать в пространство. Человек терял энергию. Не ослабляя тяги, я создал ментальную сеть и набросил на него. Энергию следовало собрать и использовать. Мысленно я потянул к себе плавающие в ментальной сети капельки боли. Надо было скопить комок побольше.

Постепенно склянка наполнялась жидкостью с плавающими в ней каплями темной

крови, которая не стремилась растворяться в жидкости. Я испытал облегчение, когда последние нити шупалец сущности покинули плоть больного и упали в емкость. Полоса втянулась туда же. Теперь можно было убрать склянку подальше от этого места. Я закрыл склянку крышкой. Сквозь прозрачные стенки сосуда было видно, что он заполнен на две трети этой мутной жидкостью. С меня каплями стекал пот. Пациент выглядел не лучше меня. Он был обильно покрыт каплями пота и дышал тяжело, словно рыба, выброшенная на берег. Сам я стоял перед ним, пошатываясь. Подобная процедура для меня была пока тяжеловата.

Но это был ещё не конец. Хотя тело мужчины было достаточно сильно разрушено болезнью, но я за него не волновался. Теперь, когда болезнь была удалена из тела, оно восстановится само. Теперь меня волновала Аликс. У неё была та же болезнь, но в самом начальном этапе. Нужно было удалить эту болезнь, пока она не принесла ей сильных повреждений. Я отодвинул столик от кушетки, и показал знаком ладони мужчине в сторону выхода. Он встал и медленно поплёлся в сторону двери. Я провожал его взглядом. Включил второе видение, чтобы проверить свою работу. Мужчина кашлянул и прикрыл ладонью рот. Да, он был уже не молод, сказывались возрастные изменения организма. В его движениях угадывались старые травмы. Но болезнь он больше не распространял. Я был вполне доволен проведённой работой.

Вернулась тётя Вера и принесла две больших чашки с напитком. Я улыбнулся.

— Так, теперь вы двое. — Сказал я, ткнув пальцем в обоих уклонистов по очереди. — У вас одинаковая болезнь. Это лекарство вам поможет.

Я показал ладонью в сторону тёти Веры, держащей чаши в руках. Они медленно приблизились. В их глазах металось беспокойство, но они продолжали изображать больных. Понукаемые мною и тётей Верой, они выпили содержимое чаш. Я попросил их посидеть отдельно на скамейке, подождать пока лекарство подействует. Теперь надо было заняться Аликс. Окликнув по имени и манящим жестом руки, я подозвал её. Попросил вновь наполнить новую склянку скипидаром на донце. Я наблюдал, как она наливает в склянку порцию скипидара на донце и закрывает склянку крышкой. При этом я пытался немного отдохнуть, чтобы собраться с силами.

— Может, отдохнёшь? — раздался рядом голос тёти Веры.

Я повернул голову и посмотрел её в глаза.

— Нет. Сначала излечим заразных, а потом отдохну.

Она кивнула головой, соглашаясь со мной. Но в её глазах я прочёл беспокойство. Наконец Аликс выполнила поручение и принесла мне склянку. Я глянул ей в глаза и произнёс.

— Садись. Твоя очередь.

В глазах Аликс заметалось беспокойство, смешанное с растерянностью.

— Я? — слабо выдавила она.

— Ты осматривала его, похоже, в отсутствие тёти Веры. Видела, что он кашляет? — я дождался от неё кивка. — Ты была без повязки на лице, а после не помыла руки и лицо. Так?

В её лице беспокойство стало быстро перерастать в панику. Рядом я услышал гневно-возмущенное бормотание тёти Веры. Аликс опять кивнула.

— Ты заражена его болезнью. Садись — я указал на кушетку — нужно излечить тебя, пока не стало хуже.

Ошарашенная, Аликс подчинилась мне. Сразу же после того, как она присела, я

пододвинул к ней небольшой столик, уже использованный мною для этой цели, и поставил на него склянку. Аликс затравленно смотрела на склянку, как я снимаю с неё крышку. Пора. Я приступил к обряду.

Когда последние нити шупалец втянулись в склянку, емкость была заполнена едва на треть. Аликс была покрыта каплями пота. Мир вокруг меня ощутимо плавал. В глазах темнело. Требовалось сделать последнее усилие. Продолжая смотреть на мир вторым видением, я оглядел помещение. Мелкие сгустки болезни еще плавали в палате лазарета, оставленные мужчиной. Я вновь коснулся внутренней поверхности склянки и очертил круг у себя над головой. Я мысленно вдохнул силу в круг и стал его раздувать вширь. Сначала круг силы обратился в прозрачный белесый шар, привязанный тонкой нитью к внутренней поверхности склянки. Это было похоже на праздничный надувной шарик, которым пользуются на праздниках горожане. Я продолжал накачивать шарик силой, и он стал раздуваться. Я продолжал надувать его до тех пор, пока он не заполнил весь объем комнаты. К этому моменту я находился на грани своих возможностей. Пора. Я потянул на себя, и шарик стал сначала сжиматься. Потом по верхней части шарика пошла трещина, и силовая ткань шара стала стягиваться в склянку. Я усилил тягу. Движение силового полотна усилилось. Не ослабляя усилий, я наблюдал, как ткань полностью втянулась в склянку, втянув вместе с собой болезненное начало. Вполне уверенно я закрыл крышкой склянку. А вот распрямиться с достоинством мне уже не удалось. В глазах стало сильно темнеть, а пол под ногами стал шататься и ходить волнами. Я потерял опору и стал оседать на пол. При этом я пытался ухватиться хоть за что-нибудь. Послышался гомон голосов множества людей. Раздались встревоженные возгласы Аликс и тётки Веры. К этому моменту я различал людей в виде цветных пятен. Кто-то схватил меня за руку и помог плавно опуститься на пол. Ощув под собой крепкую опору, я успокоился.

— Я посижу здесь немного.

Странно, но ничего более разумного у меня не получилось сказать. В глазах немного стало проясняться, и я различил тётку Веру, держащую меня за рукав одежды одной рукой, а второй держащую склянку с мутной жидкостью. Я продолжал крениться, и она помогла мне лечь на пол. В глазах продолжали кружиться тёмные пятна. Надо прикрыть глаза, чтобы немного отдохнуть и набраться сил. Ресницы сомкнулись. Создалось чувство погружения в воду. Я плавал в водных потоках, моё тело кружило в водоворотах. При этом я продолжал ощущать под собой пол. Было очень приятно погрузиться в это чувство. Хотелось погрузиться в сон. На грани сознания я слышал голоса больных, обсуждавших меня. Слышал голос тётки Веры, выговаривавший Аликс за пренебрежение чистотой и мерами защиты от болезней. Слов Аликс я разобрать не мог. Мне они казались птичьим щебетанием, перемежающимся всхлипами и шмыганьем носа. Послышался звук перемещающейся мебели. Кто-то передвинул столик. Стук склянок известил, что наполненные склянки убрали подальше. Пора возвращаться, прервать дурманящее блаженство. Я произвёл выдох, а потом вдох. Потянул в себя потоки энергии. На десятом выдохе я остановил круговорот. На двадцать пятом вернул себе нормальные чувства этого мира. Продолжая дышать, я всё больше возвращался в этот мир.

Центр «воды» продолжал наполняться. Постепенно моё самочувствие стало улучшаться. Примерно на пятидесятом вдохе моё самочувствие достигло уровня, когда я мог открыть глаза, не опасаясь головокружения. Я открыл глаза и осмотрелся. Мир перестал кружиться. Я поднял руку к глазам. Рука немного подрагивала, но не сильно. Можно было подниматься.

Я согнул руки и попробовал повернуться на бок. Рядом со мной послышались голоса людей. Раздались шаги и шелест юбок. Тонкая женская ладошка подхватила меня под локоть и потянула вверх. Пробурчав невнятное «спасибо», я стал подниматься с пола на ноги. Оказавшись на ногах, я оглянулся, ожидая увидеть рядом Аликс или тётю Веру. Но меня за руку держала незнакомая молодая женщина. Возрастом чуть старше меня. В одежде замужней женщины. По виду крестьянка из тех, что живут на хуторах вблизи крепости. Правой рукой она держала меня за локоть, а левую держала согнутой в локте на перевязи. Рука была забинтована. Я с удивлением смотрел на повязку. Послышался звук шагов. К нам подходили Аликс и тётя Вера. Я освободил руку. Прикрыл глаза и втянул воздух. Мои чувства нарисовали рану с обломком стрелы. Свежую рану, ещё не успевшую начать гноиться, но уже с занесённой заразой. Стрела была небольшая, похоже — гоблинская. Оглядевшись, я заметил за её спиной чуть в отдалении злой и насупленный взгляд бородатого мужчины средних лет.

— Твой муж? — я указал глазами за её спину.

Женщина мельком оглянулась и вновь посмотрела на меня. После чего кивнула головой.

— Пусть там и сидит. С тебя начнём. — Сказал я как можно спокойнее.

Я спокойно осведомился у тёти Веры, в каком состоянии у нас хирургические инструменты. Мне ответили глаза полные удивления и возмущения одновременно. Мне ответили, что инструменты в полной исправности. Поблагодарив за полученный ответ, я приступил к подготовке. Первым делом я вновь тщательно отмыл руки. Чем вызвал удивлённые взгляды больных. По их мнению, мои руки были чистыми. При этом краем глаза я заметил, как тётя Вера толкнула локтём Аликс и взглядом указала на меня. Аликс, ещё не отошедшая от процедуры очищения, взглянула на меня мрачными, обиженными глазами и затравленно шмыгнула носом. Но назидание, данное ей, подействовало. Она отошла к умывальнику и начисто вымыла руки. Следом за ней это же проделала и Тётя Вера. Подойдя к женщине, я протянул ей деревянный черенок.

— Закуси, легче будет.

Я пододвинул к ней небольшой столик. Сняв у неё с перевязи руку, я расположил её на столике. Наставник приучал нас проводить операции в любых условиях, но если была возможность, то я предпочитал удобства. Молодка закусила черенок. Её явно трясло. Она выглядела испуганной, но бежать не собиралась. Это правильно. Хорошо когда человек понимает последствия и готов пережить боль, чтобы избежать ещё больших неприятностей впоследствии. Я осмотрел повязку. Обычная льняная тряпка, найденная в хозяйстве и наскоро намотанная на рану.

Тётя Вера протянула мне чашку с водой, в которой плавал отрез ткани. Прежде чем снимать повязку, её следовало размочить, чтобы не причинять больному большой боли. Конечно, в полевых условиях, когда счёт идёт на секунды, а больных избыточное количество, не до сантиментальностей. Но мы не были в такой тяжёлой ситуации. Поэтому я мог позволить себе не спешить. Я начал смачивать засохшую корку на повязке, смачивая её мокрой тканью. Когда повязка смягчилась достаточно для лёгкого снятия, я убрал отрез ткани в чашу, и тётя Вера сразу её убрала. Работая по возможности аккуратно, я стал развязывать узел на ткани, заменяющей перевязочный материал. Когда ткань стала разматываться, я постарался смотать её в рулон. Помимо пропитавшей её крови, ткань впитала в себя грязь дорог. Грязная вода капала на пол и столик. Открылась рана, расположенная возле локтевого сустава на внешней стороне руки. Судя по внешнему виду,

наконечник был лепестковый. Это означало, что на нём могут быть зазубрины. Из центра раны торчал небольшой черенок обломанной стрелы. Нравилось мне или нет, но для извлечения стрелы с таким наконечником, требовалось слегка расширить рану. Мышцы вокруг наконечника независимо от желания пациента спазмируют и зажимают остаток стрелы. Наконечник не пробил руку насквозь. Пришлось снова сполоснуть руки.

— Ремень ляточный.

Мне подали тонкий кожаный ремешок с вшитой петлёй на одном конце. Накинув петлю на пострадавшую руку женщины, я затянул хлястик, чтобы избежать выскальзывания руки из петли. Вторую часть ремня я повязал по другую сторону стола, накинув её на ножку. Рука женщины оказалась вытянута вдоль всего стола.

— Жгут.

Теперь в моих руках находился ремень пошире, с пряжкой весьма хитрой, обеспечивающей надёжную и быструю затяжку, а при нажатии на пряжку в особом месте — столь же быстрое ослабление. Я накинул этот ремень женщине на руку, продел кожаную полосу сквозь пряжку, и затянул потуже. Требовалось максимально снизить кровотечение.

— Скальпель остроконечный и зажим Кохера.

Настал момент истины. Получив в руки скальпель, я включил второе видение. Направив взгляд внутрь тела, я ясно разглядел наконечник стрелы и ткани вокруг. Стрела, по всей видимости, была пущена с большого расстояния. Она пронзила мягкие ткани и застряла между костей. Попытка извлечения была неудачна. Вместо того чтобы извлечь стрелу, её умудрились обломать почти под самый корень. Волокна мышц и сухожилий не были повреждены сильно. При условии удаления обломка стрелы, госпитализация не потребуется. Осталось совершить разрез и извлечь обломок. Нужно только делать его вдоль мышечных волокон, чтобы не навредить ещё больше. Зажав обломок древка зажимом, я повёл скальпель внутрь раны. Тупой стороной скальпеля я шёл вдоль древка. Мне во что бы то ни стало, требовалось дойти до зазубрин наконечника. Я почувствовал страх и боль женщины. Она стала дрожать и постаралась убрать руку.

— Сидеть — рывкнул я. — Отвернись, легче будет.

Для гарантии я наступил на нижнюю перекладину столика ногой. Дойдя до наконечника, я ещё немного надрезал вглубь тела. После чего повёл вдоль руки в сторону кисти, стараясь не повреждать мышечных волокон. Я сделал надрез не более дюйма. Надеюсь, этого хватит. Теперь оставалось повернуть наконечник против часовой стрелки, чтобы развернуть плоскость наконечника вдоль конечности. Я старался действовать достаточно плавно, но при этом быстро, чтобы не причинять сильной боли. Слегка расширив рану скальпелем, я с помощью зажима стал проворачивать наконечник в ране. Тело женщины содрогнулось. Конечно, ей приходилось терпеть в жизни боль и сильнее, что не делало её страдание меньше. Она забилась и застонала. В тот миг, когда она развернула голову, чтобы увидеть происходящее с её рукой, обломок стрелы с чавкающим звуком вышел из раны. Тётя Вера подала мне чашу. Положив в неё зажим с обломком стрелы, я вновь вернулся к ране.

— Пинцет.

Работая сразу пинцетом и скальпелем, я проводил хирургический выход, укладывая повреждённые ткани на свои места, где им предстояло проходить процедуру сращивания. Закончив эту процедуру и проведя массирующее движение вдоль руки, я вызвал течение крови. Нужно было, чтобы поток крови вымыл из раны грязь.

— Тампон.

Мне подали отрез ткани, сложенный в несколько раз. Я протер рану вокруг, удаляя излишки крови. Сменив ещё два тампона, я привёл руку в достаточно чистый вид.

— Тампон с раствором.

Мне подали тампон, смоченный в крепком растворе спирта. Я протёр кожу вокруг раны. Рана была достаточно велика, и для успешного срачивания требовалось сшить края раны иглой и нитью. Это было особенно важно, учитывая, что магией я сейчас пользоваться не мог.

— Зажим.

Мне подали зажим, и я, сжав кожу по краям раны так, что она выступила складкой, наложил на эту складку зажим. Я сжал зажим достаточно сильно, чтобы края раны не расходились, но недостаточно, чтобы причинять сильную боль.

— Иглодержатель, игла и нить.

Тётя Вера подала мне чашу, в которой лежали иглодержатель и отдельно изогнутая полумесяцем игла с вдёрнутой в неё шёлковой нитью. Удерживая зажим левой рукой, правой я взял иглодержатель и достал им иглу с нитью. Существует множество различных швов, используемых для сшивания ран. Но я лично предпочитаю самые простые швы. И если длина нити позволяет, то предпочитаю делать непрерывный шов. Если же приходится пользоваться обрезками, и такое случается, то я предпочитаю простой узловый шов. Сейчас я не был ограничен. Проколов плоть руки изогнутой иглой, я аккуратно потянул нить сквозь тело, придерживая края, чтобы не разорвать плоть. За первым швом последовал второй и третий. Всего шесть. Пришлось передвигать зажим. Я сшил рану не плотно, оставив узкую щель, чтобы дать возможность выходить из раны гноем и омертвевшей плоти. Глядя за ходом моей работы, рядом стояла тётя Вера, держа в руках чашу.

— Ножницы тупоконечные — сказал я, укладывая в чашу зажим.

Передо мной возникли кольца ножниц. Взяв иглодержатель в левую руку, я обрезал нить достаточно далеко от края шва, чтобы исключить её вытягивание из раны. Сначала в чашу отправилась игла с нитью, затем ножницы и иглодержатель.

— Линимент бальзамический. Нужна накладка из ткани.

Тётя Вера сразу же подала мне отрез льняной ткани, сложенный в восемь слоёв. Пока я удерживал рукой рану закрытой, тётя Вера с помощью лопатки наносила линимент на сложенный отрез. Отличная вещь этот бальзамический линимент. Мне не известен лекарь или волшебник, изобретший его, но он заслужил память потомков. Состав линимента был так же прост, как и эффективен. Нас заставляли готовить этот линимент на одном из первых уроков по зельеварению. Сколько было слёз и боли. Наставники буквально вбивали в нас знания. «Если волшебник где-то и живёт, то именно он в том поселении часто является единственным лекарем и учителем. Лечит скот, людей. Отличает ядовитые травы, создаёт противоядия, что очень важно. Является источником знаний, а иногда и судьёй. Случается даже роды принимать. Даже не владея магией, можно немало помочь людям. Зелья многое могут, и каждый из вас должен владеть знанием и навыками зельеварения в нужном объёме». Поставив нас по стойке «смирно», наставник заставлял хором кричать состав каждого зелья. И теперь не напрягаясь, я вспомнил состав линимента: одна часть дёгтя берёзового, одна часть выжимки листьев подорожника и три части масла касторового. Так просто, но, сколько жизней было спасено им. И работает просто и эффективно: Масло смягчает ткани, дёготь берёзовый вытягивает грязь из раны, а сок листьев подорожника

обладает сильным заживляющим действием. Потому по всем землям Империи этот линимент является самым распространённым бальзамом для ран. Мне подали тканевую подушку с нанесённым на неё линиментом. Осторожно, стараясь не разжать края раны, я наложил эту накладку на руку женщине. Следом мне подали тканевый валик. Я осторожно стал накручивать ткань поверх раны, стараясь не сдвинуть накладку. При этом я старался наложить двойную петлю вокруг локтя, чтобы избежать смещения повязки со своего места. Конец повязки я наложил выше локтя и загнул уголком. Нас учили не надрывать тканевые полосы на концах для завязок, а использовать для этой цели специальный шнурок. Мне подали тонкую полоску ткани, и я навязал её поверх окончания тканевой полосы, завязав петлевым узлом — бантиком. Закончив повязку, я снял жгут и развязал петлевой ремень, освободив руку женщины. Взамен старого подвеса я изготовил новый, охватывающий тело женщины через плечо. В него я и вставил раненную конечность.

— Готово — я полюбовался своей работой, — седмицу руку не напрягать, чтобы рана не разошлась. Ты молодая, рука должна срастись быстро. Через три дня придёшь на перевязку сюда.

Отодвинув столик, я дал знать, что операция закончена. Окинул взглядом помещение. На меня смотрели бледные лица пациентов с испуганными взглядами. Они не разделяли моих восторгов от проведённой операции. Понятно стало, что они представили себя на месте этой женщины. Похоже, что я совершил ошибку, проведя операцию прилюдно. Тётя Вера была единственным человеком, кроме меня, кто сохранил нормальный вид. Аликс была бледна. Помимо проведённого лечения шок от вида операции, как копания в человеческом теле, ещё больше ухудшил её состояние. Однако никто не пал в обморок, что было частым в обществе горожан. Жизнь в деревне, вблизи природы, вероятно виды разделяваемых туш животных, сделали их достаточно крепкими. Вид операции на человеке был для них неприятен, но не лишал чувств. Помимо них на меня смотрело два мученических взгляда. Наши уклонисты ещё находились в палате, сидя на скамье и не смея ослушаться моего приказа. Я устал. Пора было прекратить и их мучения. Я указал на них рукой.

— Вы двое. Лекарство должно скоро подействовать. Вы можете идти. Если лекарство не поможет, приходите завтра.

Парни как будто ждали этого. Они немедленно встали и, мелко семеня ногами, быстро направились в сторону выхода. Тётя Вера мрачно усмехнулась. Аликс смотрела недоумённо на меня и нянечку. Я дал себе небольшой отдых. И спустя минут десять продолжил работу. Хвала Спасителю. Больше никого из больных не пришлось ни оперировать, ни лечить магическим способом. Люди имели раны разной степени тяжести. Осмотрев рану, я давал рекомендации. А тётя Вера и Аликс занимались обработкой ран и перевязками. Я назначал лечение и дату следующей перевязки. Постепенно число пациентов снижалось, и к вечеру мы отпустили последнего больного. Только тогда я смог перевести дух. Столь же уставшими выглядели и мои помощники. Я ещё подивился. У меня от усталости не было никаких сил двигаться, а женщины продолжали работать — чистили медицинские ёмкости, кипятили в воде и протирали инструменты, поставили кадушку с тёплой водой и замочили в ней с мылом грязные повязки, готовя их к стирке. Сколько же в них сил? Пока я дивился этому, на улице пробил гонг, призывая на ужин. Я поднялся. После прошедшего дня меня ещё пошатывало, но я чувствовал себя вполне уверенно. Чувствовались боли и тяжесть в суставах и мышцах. Усталость вкупе с израненным телом мешали мне двигаться как прежде. Предложил женщинам сходить на ужин. После секундной заминки, они согласились. И

стали собираться. Перед самым выходом Аликс всё-таки решилась задать вопрос.

— Невил, а... что ты дал, этим двоим?

Её вид выражал одновременно интерес к произошедшему событию и, одновременно, стеснительность, как будто она спрашивала что-то неприличное. Я усмехнулся. Такую же улыбку я увидел на лице тёти Веры.

— Слабительно, Аликс, сильное слабительно, чтобы кишки почистить.

С этими словами я вышел за дверь. Женщины последовали за мной. Мы в молчании прошли через здание наружу, миновали двор и приблизились к зданию столовой. Как всегда здесь нас ожидала толпа народа. Кто-то хотел войти, но притормозил, чтобы поговорить о последних новостях, кто-то наоборот уже вышел. Мой опыт показал, что войны едят, как правило, быстро. Но, если есть возможность, продолжают оставаться за столом, беседуя с товарищами. Если же беседа за столом не складывается, выходят наружу. Мы протолкались вовнутрь. Ужасно хотелось есть. Измотанное тело, подвергнутое мною восстановлению, требовало много пищи, но я себя сдерживал. Поэтому взял порцию не больше обычной. Найдя себе место за столом, я начал медленно поглощать пищу. Недалеко от меня расположились тётя Вера и Аликс. Я гордился собой, но их порции были даже меньше моей. Неужели они этим насытятся? Приходилось постоянно бороться со своим телом. Плоть жаждала скорейшего насыщения. Поэтому я медлил, тщательно пережёвывая пищу. Разумом я понимал, что тело надо насытить не быстро, а качественно. Я изжёвывал пищу в жидкую кашу, и только потом проглатывал. Для увеличения своей собранности на пище я прикрыл глаза, и открывал их только для того, чтобы отправить в рот очередной кусочек пищи. Так я мог смотреть не на окружающие меня вещи, а в себя самого. Я слышал шум вокруг себя, но видел себя изнутри. Отрешение от внешних раздражителей стало усиливать сигналы от органов моего тела. Сразу стали болеть повреждённые органы, дали знать о себе синяки.

Внезапно в общем шуме возникли новые звуки. Звуки шагов, направляющихся ко мне. Эта походка была мне знакома. Эта походка капитана. Я сглотнул пищу изо рта, раскрыл глаза и, сделав невинное выражение лица, посмотрел на приближавшуюся ко мне фигуру нашего военачальника. Лицо капитана Рогволда не выражало озлобленности или гнева. Он приближался ко мне с лёгкой усмешкой. Это было даже страшнее, чем откровенная злость.

— Ну, и что же ты натворил, лекарь... — он прибавил к словам пару крепких выражений. В столовой наступила тишина. — У меня два бойца полдня из нужника не вылезают.

Я сделал лицо максимально невинным.

— Ну, капитан, — я смотрел ему в глаза преданным взглядом — солдаты были больны. Им нужно было принять лекарство. Вы же знаете, что некоторые лекарства обладают небольшим побочным действием. Посидеть над отверстием уборной — не такая уж и большая плата за своё здоровье.

Послышались смешки. Лицо капитана скривилось. Было видно, что он с трудом сдерживается. Вот только я не мог понять — хочет он засмеяться или обругать меня. Так продолжалось некоторое время. Наконец капитан улыбнулся ещё шире, чем прежде.

— Лады. Но ты сейчас объяснишь, что произошло.

Я поднялся из-за стола. Сделал глубокий вдох и стал отвечать, как на экзамене перед магической комиссией.

— Они здоровы. В пределах нормы для своего возраста. Они уклонисты. Прикидываются больными. В мирное время я бы их простил. Нежелание напрягаться и

изучать несвойственную им деятельность для людей их типа вполне понятно. Но сейчас война, а они хотят отсидеться за чужими спинами. Я мог бы их сдать, но предпочёл наказать более гуманным способом.

Наступила тишина. Люди перестали смеяться, есть, стучать ложками и даже пить воду. Казалось, что, если упадёт на пол комар, мы услышим звон. Так продолжалось мгновение. Послышался скрип сапог о пол. Капитан развернулся на носках ног. В углу сидело несколько воинов во главе с Раймусом. Среди них виднелись и сыновья тёти Веры. Взгляд капитана впился в Раймуса. Раймус спокойно отпил из чашки чай и поставил пустую чашу на стол. Что-то негромко сказал ближним воинам. Слов я разобрать не смог. После этого он и группа воинов поднялись и вышли из столовой. Капитан взял для себя пищу, занял их место и не спеша стал поедать свой ужин. Шум в столовой возобновился. Вот только он уже не был добродушным. Или мне так показалось. Назревало что-то неприятное. Я взглянул на тётю Веру, надеясь понять происходящее. Она как будто ждала этого. Мы столкнулись взглядами. Её взгляд был спокоен. Она взглядом указала мне сесть и продолжить ужин. Что я и проделал. Закончив ужин, я распрощался с нянечкой и Аликс, пообещав завтра зайти в лазарет, и направился к себе в башню. Обращаться сейчас к капитану было неразумно. Его ярость чувствовалась даже на расстоянии, и я мог стать жертвой его ярости.

Оказавшись в башне, я поднялся на второй этаж, и оказался в библиотеке. Пройдя взглядом по обложкам книг по медицине, я выбрал для себя книгу «Септика и Асептика» Джозефа Листера. Эту книгу я надеялся завтра отнести в лазарет для Аликс. С такими мыслями я поднялся к себе в комнату. Уложив книгу на стол, а посох в стойку, я снял с себя мантию. Предстояло выполнить ещё одну работу. Вопреки своей лени. А именно — обряд восстановления. Я выдвинул стул на середину комнаты. Присел на него. Сложил руки на животе и закрыл глаза. Когда веки сокрыли свет вечера, сочащийся через окна, я включил внутреннее видение. Я начал выполнять ритмичное дыхание животом.

Проснулся я по звуку гонга. Моё состояние, по сравнению с прошлым днём, было намного лучше. Однако тело не желало повиноваться. Желание лениться было практически непреодолимым. Потребовалось много усилий, чтобы заставить себя выполнить утреннюю зарядку. Мне требовалось восстановить кровоток в организме. Тело отзывалось болезненными стонами на протяжении всей разминки. Когда вся разминка была закончена, я испытал лёгкое ощущение победы. Победы над своим телом. Пора было отправляться на завтрак, а потом найти капитана для разговора. После можно было бы отправиться в лазарет. Выбрался я из башни полностью собранный немного раньше завтрака, чтобы не торопиться. Практически полное возвращение подвижности приносило свои радости. Понять это может лишь человек, который был когда-либо ограничен в своих движениях. Я радовался вновь обрётённой возможности гулять свободно. Даже не смотря на то, что моё тело ещё не полностью избавилось от синяков, а в некоторых местах ещё побаливало. С книгой в руках, я не торопясь двигался по площади крепости.

Что-то меня тревожило, но что я сразу понять не мог. А потом внезапно осознал, что в крепости очень мало людей. Стояла какая-то непонятная тишина. Я оглянулся. Не было видно воинов, женщин, спешащих по своим делам. Было не слышно ржания лошадей. Ворота были закрыты. Я сделал ещё несколько шагов и осмотрелся. Наконец, я догадался поднять голову вверх. На крепостной стене собралось почти всё население нашей крепости. Сохраняя полное молчание, люди смотрели на восток. Предчувствуя неладное, я взбежал по ступенькам на площадку крепостной стены и посмотрел в восточном направлении. В восточном направлении от нас, на пределе видимости, поднимался чёрный дым. Я не знал, что именно находится там, но это должно было быть очень крупное сооружение, чтобы дым его пожара был виден даже отсюда. Люди смотрели на этот дым в мрачном молчании.

Раздался звук гонга, призывающий к завтраку. Люди неосознанно вздрогнули. Они стали оглядываться. Раздались голоса. Но люди не спешили расходиться. Появился стражник. Он медленно шёл вдоль ряда людей, стоящих у зубчатого парапета. Весь его вид и походка, лицо выражали скрываемое напряжение. Он был мрачен. Увидев, что люди не спешат расходиться, он заорал на них, стоня со стены и призывая на завтрак. Было видно, что он срывает на них своё плохое настроение. Но люди не спешили расходиться. Они мрачно обращали на него взор, невидящим взглядом и снова поворачивались в сторону востока. Однако стражнику удалось согнать со стены некоторых. Люди стали отходить от парапета и медленно побрели в сторону спуска. Мимо меня проходили угрюмые люди. Среди них я увидел тётю Веру и Аликс, окружённую своими братьями. Никогда ещё мне не приходилось видеть лицо нянечки настолько обеспокоенным. Я остановил её и спросил.

— Что это? — и указал глазами на восток.

Немного помолчав, тётя Вера ответила.

— Там крепость капитана Милоша. До неё верст двадцать будет.

Сглотнув комок в горле, она продолжила.

— Вчера поздно вечером пришло сообщение от капитана Милоша. Орки внезапно осадили крепость и стали расстреливать её из осадных орудий. Стены пали. Им удалось сдержать один штурм, но на большее они рассчитывать не могли. У них много раненных, а воинов осталось мало. Капитан Милош решил ночью прорываться под прикрытием темноты.

Просил помочь, отвлечь орков ударом во фланг. Тебя будить не стали, ты всё равно бы помочь не смог. Капитан поднял стражу на стены. А сам собрал отряд бойцов и выступил на помощь. Вот люди собрались и ждут. Здесь в основном жёны и дети бойцов, ушедших в поход.

Какое-то время я смотрел на неё, ошарашенный этой новостью. Было обидно, что меня капитан тревожить не стал. Как бы временно вычеркнул из жизни крепости. Я понимал, что решение было прагматичным. Маг должен быть отдохнувшим перед выполнением своей работы. Но червяк обиды всё-таки продолжал меня грызть изнутри. Мне стоило большого труда загнать свою обиду вглубь. Потом разберёмся. Я старался взять себя в руки.

— Значит, надо готовить лазарет к приёму больных и раненных.

Мой голос звучал жалко. Я чувствовал себя совершенно растерянным и сбитым с толку. Моё тело начинало дрожать. Казалось, что у меня поднимается жар, а волосы на голове встают дыбом. Опустив глаза, я увидел, что мои руки дрожат мелкой дрожью. Надо было принимать решение. Действовать, чтобы страх не пожрал меня. Я оглянулся назад. Аликс уже достигла подножия лестницы и стояла там в растерянности.

— Аликс! — окликнул её я — После завтрака стражу иди в лазарет. Будем готовиться его к приёму раненых.

Она кивнула и побрела в сторону столовой. Я обернулся и осмотрел стену. Набрав воздуха, в лёгкие я закричал.

— А вы что столпились? Это поможет вашим родным? Все вниз готовить крепость к приёму гостей! Нужны новые помещения, их надо очистить от грязи. Подготовить конюшни и коровники. Ожидается увеличение поголовья скота. — Я понятия не имел, будет это увеличение или нет, но людей надо было занять работой, пока их не убило отчаяние. — Кто отвечает за всё это? Или мне надо назначить людей? Марш со стены.

Я старался изобразить грозный взгляд. Может это и получилось бы, если бы не мои синяки на лице, и не дрожащие руки и колени. Несмотря на грозный рык, меня била крупная дрожь. Но главного я добился — люди повиновались. Они стали расходиться со стен. На стенах оставалась только стража. Большинство люди направлялись в столовую. Но были и те, кто видимо не считал себя голодным. Они расходились по крепости. Я посмотрел в лицо тёти Веры и увидел в нём одобрение и понимание. Деревянной походкой я спустился вниз сразу за ней. Так я и оказался в столовой. Желания есть, абсолютно не было. Я заставил себя взять чашу с рагу и чай. Заняв место за столом, я оглянулся. В столовой расположились люди, вяло ковырявшие пищу в тарелках. Лица были унылые и растерянные. Многие поглядывали на меня, как бы ища у меня поддержки. Это я понимал. Этому меня учили. Люди интуитивно воспринимали меня как неформального лидера. Следовало подать пример. От моего поведения зависело состояние подчинённых. Я распрямился и придал своему лицу спокойное выражение. Зачерпнув ложкой кусочек рагу, я отправил его в рот. Люди исподволь смотрели на меня. Я заставил себя жевать пищу. От напряжения я совершенно не чувствовал вкуса, как будто пытался разжевать солому. Да и ещё было тяжело жевать пищу одеревеневшими мышцами челюсти. Но эту победу над собой я одержал. И чем дальше я заставлял жевать, тем легче мне становилось. Постепенно напряжение меня стало отпускать. Чем легче мне давалась пища, тем оживлённее становилось в столовой. Люди оживали.

После завтрака я передал книгу тёте Вере, сказав, что она для прочтения Аликс. Тётя Вера приняла книгу и медленно прочла название, шевеля губами. Некоторое время она

смотрела на меня удивлённо. Было ясно, что она не понимает значение слов, написанных на обложке. Пришлось пояснить, что это книга о чистоте и защите от болезней. Она понимающе кивнула и на её лице отразилась улыбка, одновременно выражающая радость и злорадное удовольствие. Из чего я понял две вещи: Аликс недооценивает значение чистоты и у меня появился новый союзник, который будет заставлять Аликс читать книги. Сообщил нянечке, что зайду в лазарет чуть позже. И опять встретил понимание. Так мы и расстались.

Так я начал свой обход по территории крепости. Для начала я зашёл на кухню столовой и вызвал к себе главного повара. Повар оказался крупный дородный мужчина с изрядной долей лишнего веса. Стараясь говорить вежливо, я сообщил ему, что у нас ожидается увеличение численности населения крепости и спросил его, сможет ли столовая обеспечить пищей всех прибывших, не считая обычного состава гарнизона. Было видно, что повар испытывает ко мне огромное терпение. Его можно было понять. Какой-то сопляк — без году неделя — даёт ему, умудрённому годами распорядка. Но мужчина действительно был умудрён годами. Он понимал, что я какой-никакой, но начальник, а за моей спиной стоит весьма вспыльчивый и очень скорый на расправу капитан. А значит, ссориться со мной не стоило. Сдержав своё раздражение, он дал утвердительный ответ. Столь же вежливо, но твёрдо я попросил его вернуться к своей работе. Уходя, я чувствовал на своей спине его напряжённый взгляд. Уже оказавшись за дверью, я услышал грозный рык и вопли юного поварёнка, видимо не вовремя попавшего ему под руку.

Сразу из столовой я направился в конюшню. Если правда, то конюшня была едва ли не последним объектом, известным мне. Там меня ждало неприятное зрелище. Несколько конюхов, видимо не получивших приказа капитана, вальяжно развалились на куче соломы и намеривались распить бутылку чего-то спиртного. Стойла конюшни были распахнуты, видно было, что воины выводили лошадей в спешке. В конюшне царил беспорядок. Кругом была разбросана солома, в изобилии валялись куски лошадиного навоза, а кормушки с овсом были опрокинуты. По моим расчётам всадники должны были вернуться к обеду, если ничего не случится. А конюхи собирались предаться пьянству. Меня тряхнуло от злости. Уходя, капитан видимо не имел возможности дать им приказ, и они собирались этим воспользоваться. Когда моя фигура выросла над ними, они лишь лениво оглянулись в мою сторону. Это были крупные, крепкие парни. Они не воспринимали меня как угрозу. На лицах отразились презрительные улыбки. Я заорал на них. Было видно, что они даже не собираются сдвигаться со своих мест, даже разлеглись ещё вольготнее. От злости я совершил то, чего от себя не ожидал. Сделав несколько шагов вперёд, я схватил с куска ткани, используемой в качестве стола, бутылку спиртного и сразу отскочил в сторону. Посох я держал в левой руке, а бутылку с пойлом в правой. После чего заявил, что вылью всё содержимое, если они не приведут конюшню в порядок. Трое из четверых конюхов сидели, глядя на меня ошарашенным взглядом, но вот четвёртый сразу обозлился. Глядя на меня злыми глазами, он медленно поднялся и пошёл на меня. При этом он осыпал меня бранными словами. Не надо быть великим мудрецом, чтобы понять простую истину. Он собирался со мной расправиться, и верил, что ему это удастся. Он был на много выше и крупнее меня. Длинные мускулистые руки с ладонями лопатами не оставляли мне никаких шансов в рукопашном бою. А вот убивать его я не хотел. Надо было «убедить». Он уже тянул ко мне правую ладонь, сверкая глазами и намериваясь схватить за шиворот, но вот дать ему такую возможность было нельзя. Тело сработало быстрее разума. Бросив бутылку на землю, я протянул руку и схватил его ладонь как при рукопожатии. Он мгновенно сомкнул пальцы.

На его лице отразилась злорадная улыбка. Но ненадолго. Я произвёл расслоение реальности и, двинув ладонь чуть вперёд, проник в плоть его руки. Я был готов к тому, что произошло дальше, а вот он нет. Боль покатила от моей ладони по руке вверх и дальше в мозг. Казалось, что ладонь охвачена огнём. Он испытал те же чувства. Он замер, его глаза стали выпучиваться, лицо приняло мученическое выражение, рот открылся в беззвучном крике. Он попытался освободиться, но это было возможно лишь при моём согласии. Набрав в лёгкие воздух, он стал дико орать и трясти рукой, намериваясь стряхнуть меня. При каждом таком встряхивании меня подбрасывало в воздух или кидало из стороны в сторону. Наверное, со стороны я был похож на тряпку, прилипшую к его руке. Но смешно не было потому, что мой противник издавал дикие крики боли. В конце концов, мне удалось поставить его на колени. Я был растрёпан, но мой противник выглядел просто жалко. Я опрокинул его на спину и разжал хват. Освободившись от меня, конюх стал кататься по земле, придерживая свою больную руку и громко вопя. Я встал, оправил одежду. Остальные конюхи сидели тихо, глядя на меня глазами, расширенными от ужаса. Этот бой я выиграл. Злость ещё не оставила меня. Я заговорил тихо. От злости и усталости мой голос издавал шипящие звуки. При каждом моём слове конюхи словно сжимались от страха. Наверное, я им казался ящером, вставшим на задние лапы. Я отдавал приказы убрать, вычистить, подготовить. Забрав бутылку, я направился к выходу из конюшни. Уже находясь в дверях, я обернулся и пообещал вернуться и проверить исполнение. Выходя из конюшни, я услышал шевеление людей. Когда я шёл по площади, я увидел удивлённые и встревоженные взгляды окружающих людей. Это понятно, мученические крики конюха были слышны даже сейчас. Я обвёл взглядом присутствующих. В основном здесь были ополченцы из числа гражданских поселенцев.

— А вы что смотрите? Площадь не метена, вещи разбросаны. Живо схватили лопаты, грабли и мётлы. Прибрать и вымести. Или мне вас надо убеждать как конюхов? — В глазах окружающих мелькнул страх. Я ткнул пальцем в крупного дородного мужчину с лицом, украшенным крупной бородой и густыми бровями. — Ты — главный. Отвечаешь за работу. Вернись, проверю.

Развернувшись, я зашагал в сторону лазарета. Лазить по башням и переходам, постройкам и стенам у меня сегодня желания не было. Это было хозяйство капитана, и вмешиваться в него было не правильным. К тому же морально я был выжат. Мне никогда прежде не приходилось командовать людьми, а это оказалось делом непростым и изматывающим. В таком виде я и появился в лазарете. Наверное, это было забавное зрелище. Взъерошенный и растрёпанный, словно воробей. Раскрасневшийся от напряжения и с бутылкой спиртного. Я был доволен, что нянечка и Аликс не стали смеяться при моём появлении. Я отдал тётке Вере бутылку и присел осмотреться и остыть. Потихоньку я приводил себя в порядок, одёргивая одежду и располагая вещи на своих местах. Попутно нянечка рассказала мне, что больных людей пока нет, а когда будут раненные, меня призовут. Я могу идти к себе. Я обратился к Аликс и спросил, передала ли ей тётя Вера книгу. Надувшись от обиды, Аликс утвердительно кивнула. Я попросил её эту книгу прочитать. Было видно, что это не прибавило ей радости.

— Не дуйся, Аликс, книга описывает, как бороться с заразой. Как и чем обрабатывать инструменты, чтобы не заразить больного от другого больного. Как и чем обрабатывать раны, чтобы они не загнивали. Как уберечься от заражения самому. Это то, чем ты здесь обычно занимаешься. Трудностей у тебя не возникнет. — Я помолчал, приходя в себя. — А мне действительно пора. Если началась война, мне надо подготовить башню.

Я направился к выходу. В дверях меня догнал голос нянечки.

— А что случилось? Почему ты такой потрепанный?

Я остановился. Не оборачиваясь, ответил.

— С конюхом подрался. Слушаться не хотел. Пришлось убеждать. У них и бутылку отнял.

Сразу после этих слов я вышел за дверь и направился к себе.

Оказавшись в башне, я запер за собой входную дверь на магический замок. Мне не хотелось, чтобы кто-то застал меня врасплох и увидел то, что я собирался здесь делать. Эта мысль созрела у меня давно. Зазубривание башенных заклятий могло занять много времени. Об этом говорил мой опыт учёбы в Академии. А времени не было. Поэтому я и решил воспользоваться палочкой и кольцом памяти. При этом я никогда не забывал, что это действие не является законным. Мне не хотелось, чтобы случайные зрители потом стали свидетелями перед следственной комиссией. Изготовить кольцо требовалось тайно. И я собирался изготовить кольцо как можно быстрее.

Осмотревшись и убедившись в полной безопасности, я аккуратно изъясил мешочек из тайника. Подойдя к столу, выложил его содержимое на письменную поверхность. После недолгих размышлений, убрал три кольца в мешочек, оставив одно кольцо и палочку. Мешочек с остальными принадлежностями переместился на край стола к стопке исписанного пергамента. Мне всё не хватало решимости начать работу. Ещё раз осмотрел стол и комнату. Нехитрое убранство: кровать, стол, посох в стойке, шкаф, камин и скамейка для водяного бочка. Перед смертью не надышишься. Ещё штришок и начну. Поднявшись, я дошёл до бочка с водой и зачерпнул воду в кружку. Кружку с её содержимым я донёс до стола и поставил на край. Теперь свитки. На этот раз я взял палочку.

— Люмос.

Кончик палочки засветился нежным бледным светом. Не так ярко как посох, но для работы хватит. Внутри меня опять пронеслась тёплая волна гордости. Моя! Сам настроился. С таким, слегка взбодрённым настроением, я стал спускаться на библиотечный этаж. Ступеньки плавной спиралью убегали вниз под ногами. Круг света был ещё меньше, чем от посоха, или мне так казалось. Я так увлёкся спуском, что чуть не дошёл до первого этажа. Очнулся, когда камни пола второго этажа оказались на уровне моего пояса. Так я увлечённо шёл вниз, или круг света не давал мне увидеть больше, но пришлось подниматься несколько ступеней вверх. Осмотревшись, я двинулся к северной стороне, где был расположен шкаф с магическими книгами и свитками. Чуть поколебавшись, я сгрёб сразу все свитки. Плотно прижав к груди шесть катушек, я стал осторожно подниматься к себе в комнату. Это было не очень легко. Катушки сильно ограничивали обзор. Пришлось идти боком, осторожно ощупывая ногой доски под ногами. Особенно сильно пришлось понервничать на лестнице. Движение шло медленно. Как-то не хотелось споткнуться и загромыхать вниз. Воображение нарисовало мне порванные свитки, созданные мною с таким трудом. Виделось моё изломанное тело, дёргающееся и истекающее кровью, медленно умирающее. Я старался отогнать от себя такие видения. Мозг предупреждал меня о последствиях, и я сильнее напрягал внимание на подъёме по лестнице. Конечно, я основательно взмок, когда моя голова показалась из люка в моей комнате. Приложив ещё немного усилий, я окончательно выбрался из люка на площадку своей комнаты.

— Нокс.

Палочка погасла. Я почти не заметил этого. В комнате было достаточно светло.

Подойдя к столу, я аккуратно выложил все шесть свитков на его середину, прямо над палочкой и кольцом. Начало положено.

Я присел на табурет. Пристроившись поудобнее, я попытался расслабить все ненужные мышцы, устранить все лишние мысли. Развернул первый попавшийся из свитков и стал разглядывать его, избегая напряжения. Это было сложно. С одной стороны я рисовал этот рисунок и знал его досконально, но сейчас требовалось не просто знать его, а закрыв глаза, представить его перед своим внутренним взором в мельчайших подробностях. Этот навык тренируется. В годы ученичества нас заставляли его развивать, ибо без него невозможны многие заклинания. Да, была уверенность. Уверенность, что мне это удастся. Но всегда присутствует червяк сомнения. Да, конечно. Испорченную запись всегда можно стереть с носителя, но хотелось бы сэкономить время. Моё сердце усиленно билось. Усилием воли я стал поднимать своё настроение. Сегодня это далось мне с меньшими усилиями, чем обычно. Сегодня я работал для себя. Кто сказал, что маги чёрствые и бездушные создания? Мы испытываем полную гамму эмоций. Более того, мы способны любую эмоцию создавать для себя искусственно. Может показаться странным, но это умение нужно для сохранения психического здоровья. Это же умение способствует усилению контроля над собой, своим состоянием. Это важно при проведении магических обрядов. Недостатком этого умения является то, что обучившись создавать настроение по команде, маг практически теряет способность поддаваться эмоциям извне. В данный момент, для усиления способности запоминания, мне требовалась сильная эмоция. Это могло быть что угодно. От любви до ненависти, от радости до страдания. Но я следовал словам учителя: «В твоей жизни и так будет достаточно негативных эмоций. Если тебе приходится работать, то работай с позитивными эмоциями. Так ты принесёшь пользу и работе, и своему здоровью». Поэтому сейчас я усиливал искусственно эмоцию радости. Это довольно сложно — радоваться, улыбаться, и при этом стараться держать мышцы лица расслабленными. Но я старался. Напряжений быть не должно. Это мешает проведению обряда. Я рассматривал лист пергамента. Закрыв глаза, я постарался воспроизвести образ в своём сознании. А открыв глаза, сравнивал рисунок из своей памяти с оригиналом. Наконец, мне это удалось и рисунки совпали. Пора. Палочка оказалась зажата в моей ладони. Подняв волшебную палочку, я расположил её под углом чуть вверх и вперёд, так, чтобы её кончик находился на уровне моего подбородка. Двигая палочкой плавно, я повёл её кончик по S-образному движению, которое закончилось возле моего виска.

— Ремове пиктуре — произнёс я заклинание.

Между моей головой и кончиком волшебной палочки возникло напряжение. Меня слегка кольнуло в висок. Было ощущение, будто палочка прилипла к моему виску. Теперь самое главное — вынуть маленький эпизод памяти. Приложив усилие, я потянул палочку от виска. Чувство было такое, будто я вытягиваю из себя часть своей плоти. Было неприятно, но я справился с этим чувством. Наконец палочка отошла от моей головы, и неприятное чувство сначала ослабло, а затем пропало полностью. Кончик палочки вернулся к своему изначальному месту и замер. На кончике палочки светилась и извивалась тонкая энергетическая субстанция. Мне раньше не приходилось выполнять это действие, но из книг я знал, что эта субстанция и есть моё воспоминание, изъятое из моей головы и готовое к записи на носитель.

Я перевёл взгляд на кольцо. Оно безмятежно лежало на столе. Протянув к нему левую руку, я взял его и придал ему вертикальное положение камнем вверх. Кончик палочки, с

притянутым к нему моим воспоминанием, медленно двинулся к камню. Меня настигало чувство отрешённости. Было ощущение нереальности происходящего, будто мне пришлось наблюдать всё это со стороны. Вот только при этом я принимал в этом обряде самое непосредственное участие. Наконец кончик волшебной палочки коснулся поверхности камня, и энергетическая субстанция моего воспоминания начала метаться по поверхности камня кварца. У меня создалось впечатление, будто это маленький живой зверёк, чей-то питомец мечется и скребёт лапками возле двери, прося его впустить внутрь.

— Низи имаджо — Произнёс я последнюю часть заклęcia.

Энергетическая субстанция моего воспоминания впиталась в камень. Будто капля чернил, попавшая в воду, моё воспоминание влилось в кристально чистую поверхность кварца, и стала растекаться в его объёме. Кружась и завихряясь, воспоминание стало принимать причудливые формы, растекаться по объёму камня, пока не растворилось в нём. Камень снова стал чистым и прозрачным. Я заморожено наблюдал за этим действием. Последние энергетические всполохи воспоминания растворились в камне, сверкнув напоследок маленькой искоркой. Я отвёл взгляд от камня. Такое маленькое действие, а сколько усилий? Осталось только проверить содержимое камня и убедиться, что запись полноценная и не расходится с настоящим заклинанием, исполненным на пергаменте. Вот только надо перевести дух. Так же хотелось уточнить, сколько времени затрачено на это действие. Я приподнялся на стуле и выглянул в окно. Солнце сдвинулось по небосклону незначительно. По моим прикидкам прошло не более получаса на все манипуляции. Не много. Но учитывая объёмы библиотеки, придётся затратить недели на запись всех заклятий, хранящихся в башне и моём заплечном мешке. Что же, время у меня будет. Ни умирать, ни уезжать я пока не собирался.

Пора проверить содержимое камня и полноту записи. Я вновь присел на табурет и попытался расслабиться. Вот только сейчас это давалось немного сложнее, чем в первый раз. Всё-таки сейчас я сдавал экзамен самому себе, и пожаловаться будет некому, никто не подскажет и не поможет исправить твои ошибки. Как только мне удалось расслабиться, я активировал у себя второе видение. Взяв кольцо, я приложил его камнем к своему лбу в районе третьего глаза, центра мысли. Своим взглядом я проник внутрь камня. Запись своего воспоминания я нашёл сразу. Перед моим взором в облаке нежноглубого пространства плавал одинокий листок с записанным на нём заклинанием. Мысленно я притянул его к себе и рассмотрел. Продолжая удерживать кольцо возле своего третьего глаза, я опустил свои физические глаза на лист пергамента, лежащий передо мной на столе. Когда-то, в дни моего ученичества, наставник рассказывал про омуты памяти, используемые в больших магических башнях великими волшебниками. Их можно было использовать как большие хранилища памяти, или для временного помещения в них памяти, чтобы погружаться в воспоминания. Отличие от кристалла памяти было в том, что в омутах памяти погружение было полным. Используя же кристалл памяти, я наполовину находился в этом мире. Сейчас я использовал эту особенность, чтобы проверить правильность выполнения записи заклęcia. Это потребовало от меня немалых усилий. Быть одновременно и там, и тут. По моему лбу потёк пот, но затраченные усилия того стоили. Перед моим взором как наяву предстали два листа пергамента. Один реальный, а второй из памяти кристалла. Я начал сверять заклęcia. Когда я закончил, мне захотелось кричать, плясать и веселиться. Сразу захотелось совершить какое-нибудь безумство. Схема заклęcia, нарисованная на листе пергамента, и схема из памяти камня совпадали до мельчайших подробностей. Я мог собой гордиться. Этот экзамен

я сдал.

Я позволил себе насладиться своим триумфом. Где-то на грани своего рассудка было понимание, что меня ждёт много работы, но и не дать себе капельку радости — это жестокость, по отношению к собственному разуму. Так можно нажать кучу стрессов и комплексов. Поэтому я спокойно ждал, пока рассудок успокоится. Мир сверкал радостными красками, которые радовали мои глаза. А когда краски стали блекнуть, мои веки сомкнулись, создав тьму за гранью моих глаз. Мой мозг попытался сохранить палитру радости. Мозг успокаивался, а вместе с ним и я сам. А пришло спокойствие разума, пришло и время дальнейшей работы.

Мои веки распахнулись, приняв для глаз поток света. Даже приглушённый свет комнаты казался мне слишком ярким. Пора работать. Я аккуратно свернул первый лист пергамента с нанесённым на него заклятием, и придвинул к себе второй лист. Дальше работа пошла намного легче. Сомнения отступали. Теперь я верил в себя и заклятие, разработанное предыдущим магом и усовершенствованное мною. Способность к проведению записи оттачивалась. Отдельные элементы давались всё легче и легче. Время, необходимое для выполнения работы, сокращалось. И хотя усталость накапливалась, но азарт от работы не отпускал меня, пока я не выполнил последнюю запись на перстень. Я как раз закончил проверку последнего заклинания, когда на башне гонг пробил двенадцать ударов. До обеда было ещё два часа и мне надо было заглянуть в лазарет, а заодно осмотреть крепость, узнать последние новости.

Улица встретила меня ярким полуденным солнцем и легкими облаками, плывущими по небу. При этом было совсем не жарко. Стены крепости надёжно отгораживали от дуновения ветра. Пройдя мимо бочек, я вышел на центральную площадь. Каменные постройки огораживали большой двор, выложенный обтёсанным булыжником. Вдоль крепостных стен примостились надворные постройки. Южная стена бросала на двор почти правильную тень, лишь слегка размываемую тенью облаков. Окружающие двор постройки смотрели на происходящее тёмными провалами застеклённых окон, блики которых отбрасывали во двор солнечные зайчики. В углах двора были разбросаны охапки сена и соломы, стояли тачки. По двору разгуливали куры, на солнечной стороне разлеглась стая собак, грея свои тела на солнце. Где-то слышалось повизгивание свиней и мычание коров. За время моего присутствия в крепости я так и не осмотрел крепость полностью, и с трудом представлял себе месторасположение этих объектов. Когда-нибудь я исправлю это недоразумение, для этого у меня будет предостаточно времени. Но сейчас есть дела более насущные. Я шёл по площади, наслаждаясь моментом отдыха и осознанием большой выполненной работы. Что-то на грани сознания беспокоило меня, но я не мог это осознать. Я остановился, настороженно оглядываясь.

Наконец понимание моего беспокойства обрело суть. Я понял, что меня беспокоило. Если не считать стражи, стоящей возле ворот, крепость была пуста. Не было слышно обычных звуков, производимых людьми. Отсутствовал звук шагов людей, спешащих по своим делам. Никто не стучал молотком или топором. Не было людского гомона, естественного при большом стечении народа. Детского визга, создающего большую часть шума. Людей просто не было, крепость вымерла. Но такого просто быть не могло. Я обвёл взглядом крепость. Наконец у меня хватило ума поднять глаза вверх и посмотреть на крепостную стену. Там меня ждало зрелище, которое я уже видел утром. Почти всё

население крепости собралось на стене. Они стояли в полном молчании, глядя за предел стены.

Чутьё подсказало мне, что творится нечто из ряда вон выходящее. Я бросился к стене и белкой влетел наверх. Люди стояли плотной стеной, отгораживая меня от парапета. Это не давало мне подойти вплотную и увидеть происходящее. Я заорал, требуя дать мне проход. Люди не повиновались. Разъярённо я стукнул ближайшего мужчину посохом. Тот подпрыгнул и вздрогнул, будто только что очнулся. Он посмотрел на меня ошарашенными глазами. Я вперил в него взгляд и тихим, низким шипящим голосом потребовал пропустить меня. Мужчина сохранял обеспокоенный вид, но повиновался. Заступив на его место, я оказался прижат в проём бойницы между каменных зубцов. И мне открылась ошеломляющая картина.

На поле возле крепости в данный момент выходили два отряда людских воинов. Один из отрядов возглавлял капитан. Его воины сидели в седле, готовые к бою. Даже отсюда было видно, что воины утомлены длительным ночным рейдом. На некоторых были намотаны свежие повязки. Видимо ночью им приходилось вести бой с противником. Второй отряд шёл по другой дороге. Это были явно беженцы. Большинство шло пешком, неся на себе оружие. Их имущество сейчас лежало в повозках, упакованное в спешке. Среди них шли мастеровые, женщины и дети. Конных воинов было не много. Все кто мог из них, сейчас вынимали из повозок немудреное оружие. Видимо это и были те, кого капитан сегодня ночью отправился спасать. Но я не мог понять причины их беспокойства, пока не взглянул вниз. Под стенами крепости, прямо на дороге, ведущей к главным воротам, расположился отряд неприятеля. Это был сборный отряд орков и гоблинов числом около двухсот бойцов. Видимо они в спешке пришли к стенам крепости, получив известие, что основной отряд покинул её, уйдя на помощь другому отряду. Орки и гоблины двигались очень быстро, а потому не стали обременять себя тяжёлым вооружением. Не было видно крупных строевых щитов и тяжёлых доспехов. Все вражеские бойцы были лёгкими, одетыми в кожаные доспехи, вооружённые топорами, мечами и маленькими деревянными щитами. Но у них были длинные пики в два с половиной человеческих роста, на которые они возлагали большие надежды, для борьбы с нашей кавалерией. Гоблины были в основном вооружены луками. А ещё их было больше. Они надеялись не дать воинам людей вернуться в крепость, перебить их под стенами, а потом взять крепость в осаду. Если капитану и его воинам не удастся прорваться, то взятие крепости станет вопросом времени, пока не подвезут тяжёлое вооружение. Войти в крепость капитан мог только одним способом — дав бой. Пощады от врагов никто не ждал, а потому отряд переходил в боевой порядок и шёл на врага. Тоже собирался делать капитан Милош со своими людьми. Путь к их спасению лежал через трупы орков, и они не колебались.

Я почувствовал, как моё тело впадает в ступор. Мне становилось плохо. Внезапно на меня нашло осознание близкой и неминуемой смерти. Смерть капитана Рогволда означала лишь смерть всех жителей крепости. Сейчас или завтра, а может через неделю, но неизбежно. И изменить это мы не могли. На меня нахлынуло чувство беспомощности. Мой подбородок стал непроизвольно дрожать, а глаза стали застилаться пеленой слёз. Осознание беспомощности практически вводило меня в состояние истерики. Я мог лишь наблюдать и не мог ничего изменить. Не мог? Сознание странная и непонятная вещь. Оно для меня как бы раздвоилось. Одна часть меня находилась на стене, а вторую унесло далеко отсюда. Я словно вновь оказался на уроке в Академии. В ушах зазвучал голос моего наставника: «Невил! Не отвлекайся, паршивец! Твой отряд идёт в атаку на врага. Твои действия!»

Неосознанно я выпрямился и, неожиданно для себя, издал мычащий звук отчаяния. «Где тебя нашли, такого безмозглого? Твори магию!» Моя спина между лопаток внезапно заболела как от удара посохом. Магию? Я оглянулся и увидел башню. Вновь нахлынуло озарение, потеснившее отчаяние. Я поднял к глазам левую ладонь с нанизанным на средний палец кольцом. Самое время. Рука поднимается к глазам и прикасается ко лбу в районе третьего глаза. Вторым зрением я проник в камень. Перед моим внутренним взором встают шесть листов с заклинаниями. Надо выбрать. Надо выбрать. Листы кружат перед моим внутренним взором. Но паника моего мозга не позволяет мне разобрать заклятия. Я делаю глубокий вдох. Успокойся. Так настройка — нет. Строительство — нет. Воздушный щит? Не сейчас, нужно что-то более радикальное. Быстрота? Ну, уже лучше. Молния? Да! Я нашёл. Это то, что может сейчас помочь. На поле отряд капитана Милоша быстрым шагом спешил к месту схватки, стараясь на ходу принять боевое построение. Всадники капитана Рогволда перешли в галоп перед решительным ударом. Даже отсюда было видно, как их лица исказились от ярости и гнева. Любому, кто дорожил своей жизнью хоть в малой степени, следовало немедленно уйти с их дороги. Самое время для моего удара.

Мысленно я соединился с башней. Центральный столб башни откликнулся, и я услышал гул энергетического столба в своём мозгу. Мои руки разошлись в стороны. Тело стало вибрировать в такт энергетическому пульсу башни. Внутренним взором я окинул площадку под ногами орков, чтобы увидеть полярность энергетического поля в данном секторе земли. А после перевёл взор на воздушное пространство в поисках сгустков энергетического напряжения противоположной полярности. И нашёл то, что искал. Усилием воли я проложил ионный след между двумя полями напряжённости. Я почувствовал треск разрядов и нарастающую вибрацию. Повторный ионный след я проложил от земли сквозь башенный столб в поле небесного напряжения. Тело начало покалывать. Сознание расширилось. Я был и небом, и землёй. Разряд шёл через меня. Я повысил внимание и концентрацию, выбрал цели для поражения, почувствовал пульсацию жизни в их телах. Набрав в лёгкие как можно больше воздуха, я заорал:

— Магис перисулосум фульгур!

Раздался гром. Моё тело сильно содрогнулось. Меня бросило на парапет грудью. Отбросило назад. Я почти оглох. К своему счастью я не упал. До этого момента я и не осознавал, какую силу имеет башня. Над полем мгновенно сгустились облака, как перед дождём. Частицы воды стали притягиваться к месту ионизации воздуха. Вместе с грохотом, из сгустка облаков вырвалась могучая ветвистая молния и окутала отряд противника. У самой земли разряд молнии разветвился ещё сильнее и поразил сразу несколько десятков воинов врага. Было видно, как тела орков корчатся от удара разряда молнии. Они роняли оружие и хватались за головы, пытаясь закрыть уши от грохота. Многие падали на землю с безумным выражением лица. Их рты раскрывались в безмолвных криках. Строй врагов распался. Орки и гоблины шатались из стороны в сторону, пытаясь прийти в себя. Лишь немногие поднимали оружие, пытаясь оказать сопротивление. Именно в этот момент отряд Рогволда вклинился в разрозненную орочью массу. Началось избиение. Пики воинов согласно легли в таранное боевое положение и, насадив на себя врагов, с грохотом пожали первую жатву жизней. Сразу за этим многие воины, бросив пики, схватились за мечи. Зрелище было ужасным и прекрасным одновременно. Первые ряды орков были сметены. К месту боя подоспели воины Милоша, нанеся удар с другой стороны. Не выдержав удара с двух сторон, орки и гоблины попятились и обратились в бегство. Они понесли сильные

потери, но самое главное — они были ошарашены, а их боевой дух подорван. Капитан Рогволд разделил отряд на две группы. Одна группа во главе с капитаном бросилась преследовать врага. Они гнали его до самого леса, после чего повернули обратно. Лишь немногим удалось добежать до леса и скрыться в чаще. Преследовать их в лесу капитан не решился. Небольшая часть орков и гоблинов во время боя были отрезаны от основной массы отряда и были прижаты к воротам. Здесь они сражались отчаянно, но были полностью истреблены. Победа далась нашим воинам малой кровью. Поле было усеяно телами павших орков и гоблинов, но среди них было лишь малое число наших воинов.

На стене царило молчание. Люди были ошарашены увиденным. Несколько мгновений назад никто не надеялся на победу. А теперь они не могли поверить в произошедшее. Из леса на поле вытягивались повозки со скарбом. Люди подъезжали ближе и останавливались, чтобы рассмотреть картину побоища. Их глаза и сознание отказывались поверить в своё спасение. Несколько мгновений царила тишина. Потом одна из приехавших женщин увидела среди павших своего родственника и, пав на колени, зарыдала. Это действие сработало как спуск тетивы. Люди бурно выражали свои эмоции. Кто-то плакал, кто-то истерично смеялся, упав на землю. Крупный, дородный мужчина в годах пал на колени и громко воздавал похвалу Спасителю, явившему свою благодать в виде спасающей длани. Настроение передалось и людям, стоящим на стене. Люди стали кричать приветствия воинам, издавали радостные вопли, женщины плакали, обнявшись и прижимая к себе детей. Раздались похвалы воинам и Спасителю. Люди стали сбегать вниз к воротам, чтобы встретить вернувшихся воинов. У ворот стала образовываться толпа, но ворота не открывали. Стражники не могли поверить в счастливый исход, были ошарашены громом. Они были готовы подчиниться только приказу. Снизу стал нарастать гомон голосов. На некоторое время обо мне забыли.

Лишь я один оказался отделённым от общего ликования. В моих ушах до сих пор стоял непонятный шум, какой случается от гудения дерева, когда по нему ударяют дубиной. В глазах стояли красные круги. Моё тело, ещё не восстановившееся от прежних повреждений, сильно саднило в районе груди. Я потрогал себя за грудь. Похоже, что я заработал новые синяки от удара о парапет. Во рту стоял привкус крови. Надеюсь, перелома нет. Я вдохнул и выдохнул. Дышалось без напряжения. Я сплюнул кровь и ощупал зубы языком. Зубы были целые. Провёл языком по щекам и губам. Нижняя губа отозвалась болью. От облегчения я даже рассмеялся. Оказалось, что при ударе я просто прокусил себе нижнюю губу. Надо было спускаться. Я развернулся к лестнице. Мир покачнулся в моих глазах. Чтобы не упасть я ухватился за камень парапета. Надо посидеть, успокоиться. Кажется, я сказал это вслух, потому что за моей спиной раздался тихий одобрительный возглас. Кто-то схватил меня за руку и помог добраться до лестницы. Там меня посадили на верхнюю ступеньку, дав мне возможность отдохнуть и набраться сил. Именно с этой ступеньки я и наблюдал за происходящим.

Прямо через стену перелетел капитан на своём пегасе. Приземлившись посреди площади, он спрыгнул на землю. Его лицо показывало бесконечную усталость, но свои обязанности он продолжал исполнять, несмотря ни на что. Развернувшись в сторону ворот и распрямившись, он стал отдавать команды, больше похожие на рёв разъярённого льва. Из сказанного я понимал только общий смысл. Но люди повиновались молниеносно. Толпа мгновенно схлынула от ворот и растеклась вдоль стен, освобождая площадь для въезжающего отряда. Стражники стремглав кинулись отворять створки ворот. Тяжеленный

брус был немедленно изъят из скоб и отнесён в сторону. Клинья были вынуты из пазов, и створки ворот медленно поползли в разные стороны, открывая проход. По другую сторону ворот сновали воины отряда. Они ощупывали трупы врагов, изымая из их карманов и вещевых мешков всё, что могло показаться им ценным, снимали оружие и доспехи. Обысканные, а зачастую и раздетые трупы врагов оттаскивали с моста в поле, освобождая проезд. Доспехи, оружие и ценности сразу же складывали на вовремя подвезённую из крепости повозку. Люди сновали быстро и деловито. Было видно, что эту работу они выполняют не первый раз. Скоро в ворота крепости въехала первая повозка. Её сразу же отвели в дальний угол площади. Постепенно крепость заполнялась людьми, повозками, лошадьми и коровами. Площадь стала напоминать торговую, шумную ярмарку, с множеством пёстрого народа. И посреди этого бедлама выделялась фигура капитана, а громче всего звучали его команды. В последнюю очередь в крепость ввезли подводы с ранеными и мёртвыми. Никто из наших людей не остался за пределами крепости. Прежде, чем закрыть ворота, до меня донёсся запах горелой плоти. Моё сознание нарисовало мне гору трупов поверженных врагов, облитую маслом и подожжённую. Капитан был рационален. Он не собирался оставлять под стенами крепости гниющую и отравляющую окрестности гору орочьего мяса. Он собирался жить на этой земле ещё долго, а трупы врагов надлежало сжечь или захоронить. На похороны времени не было. Последние воины вошли в крепость, створки ворот стукнули друг о друга, закрываясь. С шумом были установлены клинья ворот, а брус с шумом встал на своё место. Поход был окончен.

Я продолжал сидеть на ступенях лестницы, ведущей на крепостную стену. Напрягать волю не было абсолютно никаких сил, ни желания. Я позволил себе отдыхать, обхватив древко посоха руками и прислонив к нему голову. Я наблюдал за происходящим с лёгким чувством апатии, воспринимая картину, но, не прилагая усилий для осмысления. Где-то на грани сознания теплилось понимание, что надо настроить дыхание и собрать силы, но воли для проведения этого действия не было совершенно. Просто наблюдал. Постепенно хаос происходящего на площади стал принимать законные очертания. Животных уводили с площади. Повозки оттаскивали по углам, расчищая пространство площади. Людей распределяли по местам проживания. Благо на улице стояло лето, а потому большинству приезжих предстояло ночевать в повозках. Раненных уводили в сторону лазарета, а мёртвых сложили рядом прямо на землю и накрывали льняным полотном. Эта часть сцены особенно привлекла меня. Сам вид этих тел оставил во мне неприятный осадок. Я насчитал восемь тел. Восемь против почти двух сотен убитых орков. Конечно, это победа, да ещё и малой кровью. Вот только радости у меня она не вызывала. Для нашего невеликого гарнизона восемь погибших воинов были великой утратой. А для многочисленной армии врагов две сотни погибших могли стать лишь малой частью их армии. Здесь, за этими раздумьями, меня и нашла Аликс. Её вид был обеспокоенным. Взбежав вверх по лестнице, она сначала взглянула мне в глаза, а потом, схватив за рукав мантии, стала трясти. Она пыталась меня поднять на ноги и при этом что-то говорила. Вот только её слов я не понимал. Её речь воспринималась моим мозгом как щебетание птички. Я бы наслаждался этим щебетанием, если бы у этой певуньи не был такой встревоженный вид. Приложив значительные усилия, я поднялся на ноги. В этот момент гонг столовой прозвонил призыв к обеду.

— Сначала поедим, — выдавил я из себя — а потом в лазарет.

Она на мгновение замерла, осмыслив мои слова, а потом кивнула и поволокла меня в сторону столовой. Я вяло переставлял ноги. Я позволил Аликс на время стать моей волей и

проводником. Возле столовой никого не было, что было удивительно. Я позволил ввести себя внутрь.

— А вот и наш герой! — Донёсся из полутьмы голос капитана Рогволда, когда меня втянули в помещение столовой. — Слава!

Рёв сотни лужёных глоток практически оглушил меня. Казалось, звук обрёл силу удара. Воздух вокруг меня заколыхался. Пламя в светильниках забило, словно от испуга. Мои ноги подкосились, и у меня создалось впечатление, что сила рёва сейчас вышвырнет меня обратно на улицу. Рядом истошно вопила от радости Аликс. Осознание происходящего слишком медленно доходило до меня. Меня втащили внутрь, усадили на место. Воины хлопали по плечам, едва не вырывая мои руки из суставов, поздравляли и хвалили. Я глупо улыбался и густо покраснел от смущения. Я был счастлив. Это чувство было для меня слишком необычным, что заставляло стыдиться его. Воины радовались, праздновали. Мои же мысли были далеко от этого места. Я жевал пищу, но мысленно находился в лазарете, куда привезли раненых. Может, я покажусь вам странным человеком, и даже ненормальным, но для ощущения полноты победы мне надо было спасти как можно больше больных. Эту странность признавали ещё в Академии, а здесь в условиях войны, эта особенность стала только острее. Воспользовавшись моментом, я вместе с Аликс выскользнули из столовой, оставив воинов пировать, праздновать свою победу. Мой путь лежал в лазарет.

Возле лазарета чутьё заставило меня обернуться. В десяти шагах за нами стоял мужчина средних лет. Среднего роста, плотно сбитый и широкоплечий. Однако на воина он не походил. Уж слишком не воинственной была его оплывшая фигура. Вперёд слегка выступал живот. Одет он был просто, в грубую льняную рубашку и свободные штаны, подвязанные у лодыжки. Ноги были обуты в обмотки, поверх которых зашнуровывались сандалии. Тело поверх рубашки покрывала овчинная безрукавка мехом наружу. Из-под шерстяной шапочки ручной вязки выступали чёрные волосы до плеч и небольшая, вполне ухоженная борода, обрамлявшая лицо правильной формы. На боку у него висела большая перемётная сумка, на крышке которой была нашита белая круглая эмблема с медицинским красным знаком Спасителя в центре. Он шёл за нами среди белого дня, ни от кого не скрываясь. Увидев, что мы его заметили, он сделал в нашу сторону ещё пять шагов и остановился, подняв вверх правую ладонь.

— Мир дому твоему, волшебник! И да пребудет над ним защитой длань Спасителя.

Я развернулся к собеседнику лицом и ответил:

— И твоему дому мир! — я сделал небольшой поклон — Что привело тебя ко мне?

— Меня зовут Назар. Я лекарь и пришёл, чтобы помочь.

Некоторое время мой уставший мозг осмысливал его речь.

— Это хорошо. Мы будем рады любой помощи. Идём с нами.

Так я познакомился с этим удивительным человеком. Мы вошли в здание лазарета и, после непродолжительного осмотра, приступили к лечению раненых и больных. Назар оказался прекрасным лекарем, да ещё с волшебными способностями. Однако, совершенно пренебрегающий гигиеной, септикой и антисептикой. За это он был почти сразу отруган тётей Верой. Смущённый и возмущённый Назар оглянулся на меня в поисках ответа. Я развёл руками.

— Здесь так принято. Тётя Вера здесь хозяйка, а мы — гости. Все подчиняются её правилам.

Больше с Назаром проблем не было. Он быстро стал осваивать правила чистоты. В

перерывах между лечением и операциями мы разговорились. К тому же из-за моей слабости эти перерывы были достаточно длинными. Так мы узнали его историю. Сын пастуха. Был отобран в магическую Академию. Учился, но, в отличие от меня, не смог сдать лечение с расслоением реальности и проникновением в плоть пациента. Был отчислен за неуспеваемость. Но Империя не разбрасывалась талантами. Даже не доучившиеся маги были ценностью. Его приписали к большому госпиталю, где он проходил обучение на лекаря. Но Назар не сдался и продолжал упражняться. Постепенно он смог выполнить расслоение реальности и проникновение в тело больного. Но вот только его не вернули в Академию. Поэтому у него нет заветного посоха и диплома об окончании Академии магических искусств. В доказательство своих слов он провёл лечение с проникновением в моём присутствии. Вместо диплома Академии он получил свидетельство лекаря и распределение в дальний гарнизон, в котором он сейчас и служит, уже много лет. Несмотря на то, что их крепость имела свою магическую башню, но добиться распределения к ним мага капитану Милошу не удалось. Потому крепость и не выстояла. В каком-то смысле мне было его жаль. А с другой стороны, я им восхищался. Не знаю, смог бы я пройти такой путь самостоятельно. Передо мной находился «дикий маг». Так называли тех, кто смог достичь высот в магии самостоятельно, без обучения в Академии или ином месте. Нам, конечно, рассказывали, что такое бывает. Раньше таких «диких магов» было намного больше, но постепенно они исчезли. Чаще всего их вычисляли ещё в раннем детстве и отбирали в магические школы. Однако и в наше время такие маги ещё встречаются. И вот теперь я видел одного такого своими глазами. Ради интереса я попросил его заглянуть в камень кольца. Когда он обрисовал увиденное им в камне, я испытал лёгкое потрясение. Этот мужчина действительно был самородком. Пришлось объяснить ему, что это за перстень и что записано в нём. Я видел, как загорелись его глаза. Пришлось объяснять ему, что прежде, чем пользоваться такими заклятиями, ему нужно настроиться на башню, чем вызвал у него разочарование.

Мы работали полдня, пока гонг не прозвонил на ужин. К этому моменту в лазарете почти не осталось больных. Тяжёлых мы уже прооперировали и отправили из лазарета. Остались лёгкие, которые не требовали немедленного вмешательства, их можно было лечить не спеша. Тётя Вера выпроводила нас за дверь на ужин, сообщив, что останется в палате следить за больными. Здесь она собиралась вкушать свою пищу, и накормить больных. Следуя в столовую, мы оказались на площади как раз в тот момент, чтобы увидеть въезд в крепость ещё одного отряда воинов вместе с гражданскими. Отряд был небольшой. Два рыцаря при двух десятках стрелков. Руководил отрядом капитан-рейнджер. С ними приехало с полсотни гражданских. В основном женщин и детей на шести повозках. С ними было небольшое количество коров и лошадей, стадо мелкого рогатого скота. Однако въехали они достаточно тихо и дисциплинированно. Не было похоже, чтобы им пришлось пробиваться к нам с боем. Капитан-рейнджер спокойно покинул седло. Его встречал Рогволд. Они пожали друг другу руки как старые знакомые. На помощь мне пришёл Назар, пояснив, что рейнджера зовут Ревин. Он командует небольшим пограничным поселением, находящимся западнее нашей крепости. Там неудачное расположение границы. Река, служащая пограничной линией, в том месте делает петлю на юг. Создаётся большой выступ нашей территории с узким «горлышком» вглубь королевства орков. Эта территория трудна для контроля и удобна для проникновения в наше государство, расположения там вражеских отрядов. Создавать там большую крепость невыгодно. В давние времена было решено

создать там небольшой сторожевой пост, со временем, выросший в небольшое пограничное поселение. Каждый раз, как начинается война, бойцы этого поселения отходят в ближайшую крепость, усиливая гарнизон. Что сейчас и произошло. То, что они пришли в нашу крепость — хорошо для нас. Но тревожный признак. Крепость к западу от них, находится к ним ближе. Значит, пройти к нам было для них безопаснее. Видимо орки уже взяли западную крепость в осаду. Люди приехавшего отряда двигались без спешки, но слаженно и быстро. Было видно, что подобное положение дел для них привычно. Повозки и животных располагали по местам. Люди готовились жить здесь некоторое время. Я обратил внимание, что их повозки лучше приспособлены для проживания, чем те, что въехали в крепость ранее.

Среди гостей мне бросилась в глаза одна колоритная дама, разодетая весьма необычно. Даже сказать ярко и броско. Её волосы были стрижены достаточно коротко, но не уложены, а растрёпаны и лежали в беспорядке. Поверх простого платья на плечи была накинута меховая мантия, едва закрывающая женщину до пояса. Она была практически увешана различными магическими амулетами и символами. Амулеты были везде: вдеты в браслеты на запястьях, подвязаны к тонкому поясу, вдеты в уши вместо серёжек, болтались на шее вместе с символом Спасителя. Женщина всеми силами пыталась показать окружающим свой статус знахарки. Её глаза выдавали женщину сильную и властную, но умеющую укрощать свои страсти. Женщина была достаточно молода, ей можно было дать порядка двадцати пяти лет. Повозка, в которой она приехала, была увешана пучками различных трав. Что меня удивило, так это отсутствие детей в её повозке. Из других повозок дети посыпались как горох, сразу же после остановки. Из этой повозки вышло только двое, она и невысокий полноватый мужчина, по виду ремесленник. Одного взгляда на их взаимоотношения было ясно, что он её муж.

Мы проходили мимо. В какой-то момент времени наши взгляды встретились. Её взгляд оказался жёстким и тяжёлым. Я и Назар приветствовали её кивками головы. Аликс улыбнулась и помахала рукой. Видимо они знали друг друга.

— Ты знаешь её? — спросил я.

— Да. — Ответила Аликс. — Это Алкима. Она колдунья и лекарка. Про неё столько рассказывают.

— Охоча до мужчин? — оживился Назар.

— Не-а... — тряхнула головой Аликс. — У неё глаз дурной, и видит она далеко. Она видит врагов за много верст. А если проклянет, то враги слабеют, плохо стреляют, двигаются медленнее. Может словом отсушить причинный орган. Или причинить иной вред. А ещё она знает травы не хуже тёти Веры. Мужики её стороной обходят. Говорят, что раньше она жила у демонов, а потом сбежала и пришла к нам.

Мы прошли мимо суетящихся людей и оказались в столовой. Меня приветствовали радостные возгласы. Я улыбнулся и приветствовал людей. Было понятно, что, увидав меня в реальном бою, они стали относиться ко мне с большим уважением. Теперь они могли на меня надеяться. Однако присела наша команда отдельно. Я механически жевал пищу, не особо задумываясь о том, что ем и насколько это вкусно. Мои мысли были далеко. Столько крутилось в голове. Лазарет с ранеными и больными, башенные заклятия, кольца, запись новых заклятий. У меня совершенно не было времени сортировать заклятия для записи на кольца. А ещё была библиотека, которую надо было просмотреть. Меня интересовала подборка магических книг. Было чувство, что там хранились заклятия, которым нас не обучали. Тайна манила. А ещё надо регулярно осматривать окрестности вторым зрением.

Так я могу больше помочь в обороне крепости. Нас этому учили, не то, чтобы у меня был большой опыт.

Я достаточно глубоко погрузился в свои мысли, когда был прерван резким движением возле стола. Тень промелькнула перед моими глазами. По носу ударил резкий запах благовоний, смешанных с запахом молодого женского тела. Я испытал раздражение и неосознанно отшатнулся. Никогда ещё запахи женского тела не вызывали у меня такого раздражения и возбуждения одновременно. Я не сдержался и моё лицо скривилось.

— Не бойся, мальчик, не покалечу.

Услышал я женский голос низкий контральто, и испытал возмущение от такого обращения. Себя я считал мужчиной. Выражение моего лица поменялось от раздражённого до возмущённого состояния. Я хотел громко высказать своё мнение, но на моё плечо легла рука Назара. Перед нами стояла Алкима. Было в её внешнем виде что-то одновременно дикое, хищное и притягательное. Она стояла полубоком к нам, слегка наклонившись и опершись правой рукой о стол. Декольте было небольшим, но когда она стояла, наклонившись, то мне была видна впадинка между её грудей. Рот был слегка приоткрыт. В её глазах блистали огоньки. Она обводила нас насмешливым взглядом.

— С чем же к нам пожаловала такая колоритная дама?

Бровь Назара изогнулась вопросительно, но лицо оставалось спокойным. Тон был такой, что сразу и не поймёшь похвала это или насмешка. Наступила лёгкая пауза. Алкима подняла левую руку ладонью к нам.

— Успокойтесь. Я знакомиться пришла. Раз уж мы в одной упряжке, то хорошо быть друзьями.

Её рот изогнулся в лёгкой улыбке. Она ещё раз окинула нас взглядом. Её глаза оказались зелёного, травянистого цвета. По мне и Аликс она скользнула взглядом, не задерживаясь, но на Назаре её взгляд слегка задержался.

— Ну... — начал Назар и оглянулся на меня.

— Завтра, после завтрака в лазарете. — Догадался я. — Там и познакомимся ближе, распределим обязанности. Командует в лазарете тётя Вера. А мы все там только гости. Только работаем.

Она перевела взгляд на меня и с интересом оглядела.

— Я слышала о тебе. Дерёшься как мужчина, хотя сам ещё мальчик.

Я опять испытал гнев.

— Я не мальчик. Я уже взрослый. — Проговорил я тихо, но внятно.

Она согласно кивнула головой, развернулась и ушла. Она плавно скользила между столами, отвечая насмешками на взгляды и слова воинов. Я не столько увидел, сколько почувствовал ярость Аликс. Аликс сидела напряжённо, глядя ей в след. Этого я не понимал. Я тряхнул головой, отгоняя наваждение, и сглотнул комок в горле. Осмотрев себя, я понял, что сижу слишком напряжённо. Кулаки были сжаты, а тело словно приготовилось к прыжку. Приложив усилия для расслабления тела, я распрямился и вновь собрался ужинать.

— Всё-таки я был прав. — Сказал Назар. — Она до мужчин охоча.

Я оглянулся на Назара. Он смотрел ей вслед и его глаза блестели уж слишком маслянисто. Алкима была достаточно далеко, чтобы слышать эти слова. Да и в зале было шумно, но сразу после этих слов она обернулась в нашу сторону. Её глаза сузились, на лице расплылась хитрая улыбка, она подняла правую руку вверх с поднятым указательным пальцем и шутливо погрозила Назару. Сразу после этого она выскользнула из зала. Назар

встрепенулся.

— Ух, какая... — он повернул голову в нашу сторону и увидел, что я и Аликс смотрим на него, и закончил — женщина.

— У неё есть муж. — Отозвалась Аликс.

— Дык... — он запнулся — ну, вы ещё не выросли.

Дальше разговор не клеился. Мы вяло доели свою пищу. Попрощавшись до завтра, мы разошлись в разные стороны. Аликс ушла в сторону лазарета, Назар в сторону восточной башни, где он был поселён. Мой путь лежал в магическую башню. До отбоя было ещё время, и я хотел провести его с пользой. Поэтому я планировал, оказавшись в башне и закрыв дверь на замок, направиться на второй этаж, в библиотеку. В первую очередь меня интересовал магический раздел. Нужно было отобрать книги для прочтения, а заклятия для записи.

Однако, добраться до башни мне было не суждено. В тот миг, когда я шёл мимо бочек, стоящих возле башни, на главной башне зазвучал гонг. Это не был набат. Это не было показание времени. Гонг отзвонил восемь протяжных ударов с длинными промежутками. Я встрепенулся и задумался. Этот сигнал был мне не знаком, и я хотел узнать, в чём дело. Поэтому, развернувшись, я отправился на площадь обратно, разумно полагая, что там нам объяснят всё. Дела могут и подождать. Это не должно было занять много времени. Тело продолжало саднить и болеть. К старым синякам добавились новые повреждения. Слава Спасителю, повреждения были не сильными. И всё-таки движения причиняли мне боль и неудобство. Шаг за шагом, медленно двигаясь и постукивая посохом о землю, я приближался к площади. Помимо меня к площади стекались и другие обитатели крепости, а также наши гости. Центром стечения людей являлся наш капитан. Там же находились и другие капитаны отрядов. За их спиной стояли воины крепости, чуть дальше находились члены их семей. Стоял беспорядочный шум, производимый большим скоплением народа. Подойти ближе я не мог. Поэтому и решил наблюдать за происходящим со стороны. В толпе я разглядел Назара и Алкиму. Чуть в стороне стояли тётя Вера и Аликс, почти неразличимые за спинами воинов. Люди продолжали прибывать, толпа разрасталась, шум усиливался. Больше всего создавали шум и неразбериху дети, пришедшие на площадь вместе с взрослыми. В тот миг, когда стало казаться, что на площади собрались все обитатели крепости, капитан поднял вверх руку. На площади стали стихать голоса. Сначала замолкли воины, затем женщины и мастеровые. Долше всего пришлось успокаивать детей. Раздавалось шипение матерей и тихий рык отцов, хныканье детишек. Наконец стало относительно тихо.

— Сыны и сёстры мои, — начал капитан — Я собрал вас здесь, чтобы почтить память павших братьев наших.

Я встрепенулся. Это были первые слова похоронного обряда. Этот обряд был един для всех поклоняющихся церкви Спасителя. Он разделялся на два основных типа: с захоронением и с сожжением. Вторым вариантом появился в Империи, и был утверждён Церковью после столкновения с ордами нежити. В разных провинциях Империи обряд различался деталями. В горных районах умершего человека заворачивали в саван и хоронили в склепе, или сжигали на каменном ложе. На восточном побережье Империи хоронили в лодке, закапывая в землю или сжигая. На равнинной местности предпочитали для захоронения или сжигания деревянные гробы. Но везде и всегда использовался саван, пропитанный специальным составом из воска, смолы и масла. Обычно такие обряды проводит священник. Но за всё время пребывания здесь я не видел ни одного священника, даже проходящего. В крепости не было представителей церкви. Такой вариант оговаривался

в церковных канонах. В этом случае обряд должен был проводить старейшина или вождь общины. В нашем случае это должен был провести капитан. Я корил себя, что мог упустить из памяти такую вещь, как упокоение и похороны. И был намерен участвовать в этом до конца.

— Это были славные воины! Они умерли в бою, как и положено воину! Алекс Мерк, Алексис Волек, Белогор Бажен, Богучар Млад, Вечезар Бойк, Годимир Барк, Дами Суженый, Орислав Млад. Будь милостив над ними, Спаситель. Прости им грехи вольные и невольные. Ошибок их не вспоминай.

Где-то послышался плачь женщин и детей, но приглушённый. А капитан продолжил.

— Восславим Всевышнего и сына его Спасителя, и святого духа.

Он развернулся лицом на восток и спиной к толпе, теперь он смотрел на погибших.

— Всевышний, спаси души их, возьми их к себе, и да сияет над ними свет вечности. Упокой души их в мире.

Капитан дал знак. От толпы отделилось несколько человек. Они поднимали носилки с телами павших воинов, уже завёрнутых в саваны. Теперь их должны были, согласно церковной традиции придать либо земле, либо сожжению. Мне стало интересно, где они их будут закапывать. И тут же сам себя одёрнул. Крепость находилась в осаде. И пусть вражеских войск не было видно, пока, но в лесах наверняка находились отряды лёгкой пехоты. Рисковать людьми в данной ситуации, проводя погребение, капитан не собирался. Значит сожжение. У меня возник вопрос — где? Вряд ли внутри крепости. Но и выносить наружу для сожжения столь же опасно, как и для захоронения. Я заворожено следил за движением носильщиков, как и вся крепость. Мой вопрос решился в тот миг, когда носильщики стали подниматься вверх по ступеням, на крепостную стену. Вслед за ними стали подниматься воины из окружения капитана и родственники погибших. Среди них шёл молодой воин с факелом. Но основная часть населения крепости осталась внизу. Поразмыслив, я решил остаться с остальными. Процессия взошла на стену с северной стороны и двинулась в сторону запада. Проводив взглядом по стене, я увидел на западной стене деревянное покрытие, сделанное из дровяных поленьев. Достигнув этого помоста, носильщики стали укладывать на него тела вместе с носилками. Уложенные тела были обращены ногами на запад, а их головы смотрели на восток.

— Всевышний! Прими души воинов! — Прокричал капитан так, чтобы услышала вся крепость.

По его знаку воин с факелом поджёг помост. Огонь достаточно быстро охватил весь помост. Капитан повернулся к жителям крепости и заговорил достаточно громко.

— Возрадуемся братья! Попросим Всевышнего упокоить души детей его. Пусть дарует им милость свою. А когда придёт их час для нового возрождения, пусть их доля будет лучше прежней. Пусть все их хвори и увечья сгорят вместе со старыми телами. И их новые тела будут лишены болезней и уродства.

Он поднял руки вверх. Я сложил руки в молитвенном жесте. Все взрослые на площади и стене повторили этот жест. Дети копировали действия взрослых. Вскоре вся площадь погрузилась в молчание. Я практически закончил молитву, когда услышал женский визг. Открыв глаза, я увидел, как капитан держит за волосы одну из жён погибших воинов. Капитан ругался на армейском жаргоне. Из ситуации я понял, что она пыталась впрыгнуть на костёр к своему мужу, но капитан этого не позволил. Используя весьма грубые слова, капитан объяснял женщине её глупость, её ответственность перед детьми и людьми. И хотя

он старался не повышать голоса, чтобы не нарушать торжественность момента, но его слышала вся крепость. Закончив говорить, он довольно грубо швырнул женщину на пол к остальным родственникам. Несмотря на этот неловкий момент, я закончил молитву. Можете считать меня странным, но я серьёзно отношусь к подобным вещам. Некоторое время мы все дружно продолжали молиться, наблюдая за игрой огня. Тела не спешили испаряться и превращаться в пепел. Мои познания говорили, что для полного сгорания тел потребуется несколько часов. Поэтому, уже спустя несколько минут, люди стали покидать площадь и в молчании расходиться по своим делам. Капитан тоже спустился вниз со стены. При этом он согнал вниз родственников, оставив на посту лишь стражников охранять место сожжения. Дочитав молитвы, я покинул площадь и направился в магическую башню.

После увиденного работать совершенно не хотелось. Настроение было тягостным. Я отправился обратно той же дорогой, которой пришёл на площадь. Синяки продолжали болеть, движения были мучительны, а мысли были далеко от дороги к башне. Двигался я в основном на автомате. Когда я достиг двери, моё тело остановилось. Мой взгляд бессмысленно упёрся в дверь. Некоторое время я стоял не в состоянии понять, что меня остановило. Наконец до меня дошла мысль о двери, которую я сам закрыл заклятием. Протянув руку к двери, я сконцентрировался.

— Алохоморе!

Произнёс я негромко. Не было никаких звуков или вспышек, но я сразу ощутил, как изменилось состояние двери. Её как бы освободило, она сразу отошла от косяка на небольшое расстояние, образовав щель. Потянув на себя за рукоять двери, мне удалось открыть дверь, после чего сразу же стал проходить вовнутрь. Когда я уже был в проёме двери и повернулся боком, чтобы закрыть дверь, мне показалось, что за бочками мелькнула чья-то тень. Тогда я не придумал этому значения. Оказавшись по другую сторону двери и закрыв её, я прикоснулся к ней и произнёс:

— Каструм.

Почувствовал, как изменилось состояние двери. Её как бы втянуло в дверной косяк. Дверь была закрыта, а замок установлен. Постояв немного в темноте, добавил:

— Люмос.

Навершие посоха засветилось бледным светом. Пора было двигаться. Мне надо было преодолеть два этажа по винтовой лестнице. И от этой перспективы мне становилось плохо. Но попасть в мою комнату можно было только так. После преодоления расстояния до лестницы, начался мой подъём. Шаг. Шаг. Шаг. Больно, но терпеть можно. Поворот, ещё поворот. Хочется отвлечься от боли, и мозг пытается зацепиться за внешние предметы. Внимание отвлекается. Неосознанно я рассматриваю пространство. Свет достаёт недалеко. Концентрация снижается. Я покачнулся. Присел в коленях и напрягся, чтобы не упасть. Боль стеганула по телу. Нельзя отвлекаться. Делаю успокоительное дыхание и продолжаю подъём. Так я и оказался на втором этаже.

Здесь я смог расслабиться и перевести дыхание. Здесь внутри меня родилось два мнения. Одна часть меня стала вопить о необходимости отдыха. Вторая стала возражать, что надо продолжить движение и дойти до своего этажа, где и начать отдыхать. Я не привык давать поблажки своему телу, но в данном случае моя воля не спешила прийти мне на помощь. Поэтому пересилила первая часть. Но и здесь я нашёл силы не уступить до конца. Поэтому решил посмотреть магическую библиотеку, ну раз я уже здесь. Медленно двигаясь и шатаясь из стороны в сторону, я направился к северной стене. Здесь стояла книжная полка

с магической литературой. Так и началось моё знакомство с миром магических книг моей башни.

Я стоял перед книжным шкафом и, проводя рукой по полкам, перечитывал названия книг. Вытаскивал фолианты, перелистывал страницы. Даже сейчас, много лет спустя, я, закрыв глаза, вспоминаю названия этих книг. В составе библиотеки были:

1. «Общие заклинания». Новая магия, древняя магия, шаманизм. Теория магии. Общая теория заклинаний. Телекинез — управление предметами без прикосновения. Сборник заклинаний.

2. «Книга Стихий»: «Книга стихии воздуха», «Книга стихии воды», «Книга стихии огня», «Книга стихии земли», «Книга пустоты».

3. «Трансфигурация». Общие принципы построения материи: физическая, энергетическая и информационная части. Принципы расслоения реальности. Воздействие на материю. Пошаговое изменение формы. Примеры заклятий для трансфигурации.

4. «Некротеленикон» общие причины неупокоенности, частные следствия, общая классификация неупокоенных: зомби, скелеты, мумии. Способы мумификации, общая теория пыток. Заклятия упокоения, первоначала, высшие точки, падения и взлёты. Разумная нежить: вампиры низшие и высшие, оборотни, чудовища, боги. Жертвы и жертвенники, алтари для призывания, сосуды для хранения силы.

5. «Защита от тёмных искусств» Теория защитной магии. Пособие по самозащите. Групповые защитные заклинания.

6. «Книга Бестиария» Простые звери и магические, а также места их обитания. Разумные и неразумные твари. Различные разумные расы.

7. «Зельеварение» Теория магических отваров, настоев и соков, магические свойства камней и растений, магические растения и грибы, магические отвары и зелья.

8. «Сокрытое за гранью». Методика подготовки магов.

9. «Гипнотизм» — Теория гипнотизма. Гипнотизация субъекта и самогипноз. Методы достижения, проведения, пробуждение субъекта. Способы развития способностей. Противодействие. Примеры.

10. «Магнетизм» — Теория магнетизма. Постулаты. Предметы магнетизма. Способы установления духовной связи. Методы воздействия.

11. «Ясновидение» — второе видение. Теория духовного видения. Методы развития второго зрения.

12. «Книга Ужаса». Сборник предсказаний.

13. (книга листвы) Сборник заклятий.

14. (книга сакральных тайн) Подготовка магов.

15. (книга зелий) Теория создания зелий. Рецепты ядов, лекарств, мазей, стимуляторов.

16. (книга мыслей) Виды духовной практики. Предвидение, гадания, хиромантия.

На внутренней стороне обложки эльфийских книг стояли пометки сделанные карандашом одним из предыдущих магов, живших здесь. Именно по ним я и узнавал о содержимом книг. Практически все книги я прочитал и отложил на потом, если это потом будет. Сейчас меня интересовали лишь «Общие заклинания», «Трансфигурация» и «Книга стихий». Я надеялся найти в них нечто полезное для себя и для обороны крепости. Конечно, половина того, что было в этих книгах, уже было записано в моих конспектах. И всё равно, надежда была. Я надеялся пополнить свою коллекцию личных заклятий. Книгу эльфийских заклятий я пока брать не стал, разумно рассудив, что времени для перевода заклятий на наш

язык у меня нет. Прихватив с собой обе книги, я направился к лестнице. Подъём снова дался с болью, но теперь я уже не отвлекался. Хорошо, что остановился передохнуть. Провёл время с пользой. Возвращаться обратно за книгами у меня возможно сил уже не будет. Разве что когда восстановлюсь. И вот люк уже за спиной.

— Нокс.

Посох отправляется в стойку. Надо восстановиться. Я снял с себя мантию. Выдвинул табурет на середину комнаты и сел на него. Всё это я делал на автомате, не задумываясь о происходящем, лишь отдавая себе команды. Но когда я уже сидел на табурете, меня накрыла сильная лень. Всё тело прямо таки заныло от нежелания работать. Хотелось только одного — лечь и расслабиться, чтобы уснуть. Не двигаться, не работать над собой. Нежелание работать было таким сильным, что я даже испытал боль во всех органах своего тела. Было безумно тяжело пересилить себя. Я сложил руки на животе и закрыл глаза. Тело заныло ещё раз, требуя оставить его в покое. Я начал выполнять ритмичное дыхание животом. Внутри меня родилось чувство жалости к самому себе и своему телу. В уголках моих глаз появились капельки слёз. Я включил внутреннее видение. Сдавшись, моё тело подчинилось моей воле и стало работать. Я потянул к себе жизненную силу. Этот вечер требовалось провести с пользой. Что день грядущий нам готовит? Неизвестно. Нужно готовиться. Отдыхать будем потом, если останемся жить. А чтобы остаться жить, надо быть готовыми сейчас. Я продолжал работать, и делал это до тех пор, пока не охватил сознанием всё тело. Пора возвращаться. Заставив откликнуться руки и ноги, я пошевелил ими. Прервал цикл дыхания и открыл глаза. В комнате было темно, но по моим ощущениям до полуночи было ещё далеко. Я поднялся. Через окно со стороны запада в комнату проникало свечение. Память полностью вернулась. Моё сознание вернулось в этот мир. Огонь сожжения павших ещё не отгорел, и, похоже, будет гореть ещё долго. Этот огонь ночью видно на многие вёрсты, облегчая поиск нашей крепости. Крепость ночью будет заполняться запахом горелой плоти, который ни с чем не спутаешь. Меня передёрнуло. Я дошёл до стола и разжёл фонарь. Пора было поработать разумом.

Оказавшись за столом и удобно расположившись на табурете, я придвинул к себе книгу, лежащую сверху. Это оказалась книга «Общие заклинания». Книга была не очень толстой. В ней было около сорока листов. При свете лампы я раскрыл книгу на первой странице. На меня обратился старый, пожелтевший и потрёпанный лист пергамента. Сверху был нарисован знак Спасителя — вертикальная линия, перечёркнутая накрест двумя диагональными линиями. Ниже вписана короткая молитва Спасителю. Далее шло обращение автора, создавшего книгу. Мелким, бисерным подчерком он описывал историю развития магии. От шаманизма до первых образцов древней магии, тогда ещё бессистемной, представляющей просто набор примитивных заклятий. Но уже эмпирическим путём нашедшей путь подготовки волшебников. И от древней магии до современной магии, прошедшей путь систематизации, собирательства и усовершенствования заклятий. Автор желал успехов потомкам в освоении силы волшебства. Я пробежал этот текст глазами, не утруждая себя пониманием. Всё описанное на этих страницах нам рассказывали в Академии на лекциях.

На следующих двух листах пергамента была изложена теория составления заклинаний. Указаны общие принципы и приведён пример. Листы были пожелтевшими, но не затёртыми. Это говорило, что предыдущие маги либо не интересовались методами создания новых заклятий, либо были с ними хорошо знакомы со времён Академии. Внезапно я

подумал о Назаре. Для дикого мага эта книга могла стать большим подспорьем. Но в любом случае, он был лишён посоха, а потому для него эта книга была бесполезна. Интересно, этой книгой пользовался предыдущий волшебник, создавший заклятие записи в кристалл? Или он пользовался другими источниками?

Я перевернул листы. Как я и ожидал, далее шёл набор наиболее употребительных заклятий. В отличие от предыдущих листов, эти были не только старые и пожелтевшие, но и сильно истрёпаны. Было видно, что предыдущие маги временами заглядывали на эти страницы. Обновляли знания, или даже дополняли их. Моя память говорила, что в Академии ученики обучались с разной степенью успеваемости. А опыт Назара показал, что некоторые заканчивали обучение, уже оказавшись за стенами Академии. Возможно, что по этой книге кто-то из прежних магов дополнял своё образование. Я задумался. Если изначально здесь находились только свитки, то книги были, либо созданы, либо привезены сюда уже значительно позже окончания Великой войны. А это означало, что недостающие утерянные свитки могли быть вписаны именно в эту книгу. Я перевернул книгу и осмотрел её корешок. Простая кожаная обложка книги имела тиснение и укрепление по углам металлическими накладками. Название было выдавлено на внешней стороне книги и само тиснение залито краской. Частично краска осыпалась от времени, но название читалось достаточно легко. Обложка и листы были скреплены друг с другом обычным шитьём. Мастер просто проколол листы крупным шилом и продел сквозь проколы витой льняной шнурок. Сделано всё было очень просто, но аккуратно. Приглядевшись, я понял, что книгу несколько раз расшивали и сшивали обратно. Возможно, что переписывали, а возможно дополняли. Моя надежда окрепла.

Я вернулся к просмотру заклятий. Схемы были старые. Частично выцветшие, но читались легко. Книгу надо было давно переписать. Я дал зарок, что если останусь жив и продолжу служить в крепости, то займусь этим. И для себя, и для крепости. Продолжая просматривать книгу, я понял, что листы написаны разными авторами. Различались и подчерк, и стиль изложения. Мелкий бисерный подчерк с завитушками на одних листах пергамента, сменялся грубым, размашистым подчерком, похожим на руническую письменность. Но читался легко, шрифт был кириллический. Встречались листы с мелким, квадратным подчерком, изобилующим сокращениями. Приходилось додумывать содержимое. Видимо заклятия докладывались в книгу с течением времени. Разные маги, служившие здесь, привозили их с собой и дополняли эту книгу, а её копию могли увезти с собой. Листы также различались и по возрасту. Относительно новые листы чередовались с очень старыми и растрёпанными. Не вдаваясь в подробности, я бегло их осматривал, знакомясь с содержимым. Читал названия. Стало ясно, что маги старались в той или иной степени систематизировать содержимое книги. Листы с вновь привозимыми заклятиями вкладывались в уже существующую подборку, располагались с максимально близкими по содержанию заклятиями. Теперь требовалось надеяться, что заклятия для башни тоже будут собраны в одном месте.

Постепенно я пролистал книгу до конца. Здесь меня ожидал сюрприз. Те самые заклинания, которых не оказалось в свитках, были аккуратно пришиты в конце книги. Выполнены они были относительно недавно. Подчерк мага, исполнившего эту работу, был грубым и размашистым, похожим на руническую письменность. Читался текст легко, маг старался писать аккуратно и понятно для окружающих. Меня сразу заинтересовали два вопроса. Он сам подключался к башне? Почему не создал новые свитки взамен утраченных?

Может он был просто коллекционер заклятий. Сделал копии для себя и для книги. Определить дату создания листов в книге с заклинанием было невозможно. Но как мне помнится, после Великих Войн я первый маг, совершивший подключение к башне. Чем и перепугал жителей крепости. Маги здесь менялись достаточно часто, если бы они подключались по чаще, то моё шоу не напугало бы местное население. А может быть, он считал, что свитки устарели. Их содержимое следует переписать в книгу, а сами свитки выбросить. Тогда почему он переписал только три свитка? Много вопросов без ответов. В любом случае в конце книги было вшито три листа с заклятиями для башни. Это были заклятия для увеличения силы атаки всего отряда, повышения точности бойцов отряда и заклятие повышающее стойкость бойцов отряда к атакам противника. Если башня была приспособлена к этим заклятиям, то это значительно увеличивало способность гарнизона крепости к обороне. Следовало как можно быстрее записать эти заклятия на камень перстня. Если будет возможность, то эти заклятия нужно записать на свитки, для полноты коллекции. Но это позже. Сначала надо просмотреть другие книги.

Я закрыл и отложил в сторону книгу «Общие заклинания». Огляделся вокруг. Глаза начали немного слезиться от усталости. Я протёр глаза руками. Нужен отдых, но это позже. Я взял в руки следующие книги. Эти книги были не тоньше предыдущей. Слегка поколебавшись, я отдал предпочтение «Книге Стихий». Почти половина книги занимала теория стихий. Их взаимодействие, усиление и противодействие. Описывались цветовые гаммы, принадлежащие различным стихиям. Физические органы человека, имеющие отношение к различным стихиям и подвергающиеся их влиянию. Указывались вкусовые качества различных стихий. Приводились примеры запахов, растений, камней и лекарств, имеющих отношения к стихиям. Психические эмоции, относящиеся к разным стихиям. Описывались примеры влияния эмоций на психическое здоровье человека. Приводились примеры психического и физического излечения больных с помощью эмоционального противостояния стихий. Приводились различные схемы. Это всё было интересно. На уроках в Академии нам давали самые общие познания в этом направлении. Волшебник, написавший эту книгу, подошёл к изложению более углублено. Вот только времени на внимательное изучение материала у меня не было. Для выживания жителей крепости, и меня в том числе, требовались заклятия. Небольшая подборка заклятий была приложена к книге в самом конце. Не вдаваясь в подробности, я пролистал эти страницы, попутно пересчитав их. Всего тридцать одна страница. Условно все заклятия делились на четыре основные части: причиняющие вред, защищающие от вреда, облегчающие жизнь и усложняющие жизнь. Сила заклятия зависела исключительно от силы самого мага. Чем сильнее маг, тем выше он мог усилить свои способности или способности членов своего отряда. Мог причинить большой урон врагу. Это было мне понятно. Было приятно и радостно на душе обнаружить здесь такой кладёзь. Конечно, нам в Академии дали определённый багаж заклятий, но это в основном были заклятия бытовые. И лишь малое число заклятий было годных для применения в бою. Эта и другие книги были неоценимым дополнением к моим возможностям. Становилось понятно, почему служба в пограничных крепостях так высоко ценилась магами из благородных семейств. Здесь, на пограничных рубежах Империи, законы, ограничивающие распространение запрещённых и иноплемённых заклятий, были не столь строги. Постоянная опасность со стороны врагов, угроза гибели, заставляли капитанов крепостей исполнять законы контроля не столь ревностно. Делай что хочешь, если это поможет нам победить и выжить. Разумный маг мог, при таком подходе, познакомиться с

некоторыми редкими и специфичными заклятиями, что увеличивало его ценность и способности. Нужно было только не полениться и сделать подборку заклятий для себя самого. Это могло сильно облегчить тебе карьерный рост. Впоследствии нужно было только держать язык за зубами, чтобы не лишиться твоих потомков такой возможности, и при этом не навредить самому себе. Я усмехнулся. Открывая такие знания, я больше понимал мир. Закрыв «Книгу Стихий», я отправил её на стол следом за «Общими заклинаниями». Теперь меня интересовала третья книга.

В моих руках оказалась «Трансфигурация». Книга была достаточно толстой, но почти весь её объём занимала теория. Древние маги постарались, собирая в этой книге столько мудрых мыслей. В Академии нам давали трансфигурацию лишь в том объёме, чтобы мы могли проводить лечение. Объяснение процессов было поверхностным. Здесь давался более углубленный курс теории трансфигурации. Кто и зачем привёз сюда эту книгу? Такие книги можно встретить только в библиотеке Академии или в арсеналах древних магических семейств. Так просто такие книги не выдают на руки. Содержимое слишком опасно для незрелых умов. Подготовку по этой книге можно вести только под руководством опытного мастера. Известны единицы волшебников, совершивших трансформу в одиночку. Конечно, я не собирался проводить трансформу, но наличие таких глубоких знаний меня завораживало. Приоткрыть тайну. Это так будоражит. Ведь это только для избранных. И мне, по огромной случайности, выпала такая уникальная возможность. Я был благодарен хозяину этого фолианта за такой дар. И где-то я его жалел. Ведь такими книгами не раскидываются. И если она осталась здесь, значит её хозяин погиб, а она сама пополнила библиотеку башни. Книга действительно была информативна. Она включала общие принципы построения материи: физическую, энергетическую и информационную части. Описывались принципы расслоения реальности. Воздействия на материю посредством изменения информационной составляющей. Описывалось пошаговое изменение формы. Приводились примеры. В конце была приложена подборка заклинаний для трансформации. Число заклятий было невелико. Всего четырнадцать листов. Я пролистал из любопытства и заодно пересчитал и прочёл название. Больше всего меня впечатлила возможность создания голема. Не то, чтобы я собирался создавать нечто такое. Мне приходилось слышать легенды об оживлённых статуях, которые выходили на бой с противником или выполняли тяжёлую работу. Снизу листа было приписано предостережение. Создание голема требовало приложения очень чёткой программы действий. Иначе он становился опасным для своего создателя. А ещё он требовал вложения большого количества энергии, а его время действия было ограничено, как правило, одним днём. К тому же я не мог припомнить в крепости ни одной статуи, в том числе и пригодной для оживления в големы. Значит, это заклятие было для нас в данной ситуации непригодно. Но интересно для развития кругозора. Когда я закончил осмотр трёх выбранных книг, на улице стояла темнота, лишь свет погребального костра освещал крепость. Пора было ложиться. Лечение будет происходить во сне. Книги я оставил на столе. С завтрашнего дня мне придётся заниматься отбором заклятий и переписью их на камни колец-носителей. С такими мыслями я разделся и загасил фонарь.

***

Нар Дролл в задумчивости замер над картой местности. Он считал себя опытным военачальником. Ему довелось участвовать в войнах с людьми ещё во времена ранней

молодости. Двадцать лет назад, когда закончилась большая война, и люди смогли отбросить вражеские войска со своих территорий, он уже командовал большим отрядом бойцов. Когда Имперские легионы нанесли удар по орочьей армии, большинство отрядов было либо уничтожено, либо понесли большие потери. Пришлось бежать, бросив добычу. Он был один из немногих, кто не только вывел своих бойцов из-под удара, но и смог вынести добычу и даже увести пленников. Он считался среди орочьих старейшин удачливым военачальником. Много раз ему поручали нападения на земли людей, и всякий раз он возвращался с добычей. Когда старейшины предложили ему командовать этой войной, он испытал сразу два чувства. Первое, он почувствовал гордость. Командовать такой большой армией означало признание и повышение статуса. Второе — опасность. В Королевстве орков было много военачальников, происходящих из великих и благородных родов. Должность военачальника очень почётна и прибыльна, в случае удачи. Назначение на пост главнокомандующего неблагородного воина могло означать лишь то, что шансы на успех в этой военной затее минимальны. Осмотр войск подтвердил его худшие подозрения. Слишком много новобранцев, неопытных и необученных. Пришлось устраивать военную подготовку уже в ходе военной компании. А ещё пришлось смешивать рода. То, чего он избегал в течение всей своей боевой карьеры. Бойцы из разных родов не будут заботиться друг о друге, защищать в бою. Но иначе было не прикрыть новобранцев опытными бойцами. Армия была слаба изначально. Значит, и войну надо было вести крайне осторожно. Военачальника, проигравшего войну и потерявшего воинов, ждала только смерть. И хорошо если в бою. В назидание могли подвергнуть публичным пыткам и мучительной, позорной смерти. Будь шансов больше, его бы не допустили до командования. На кону стояла его жизнь и честь. Именно поэтому он сейчас так внимательно впивался глазами в карту местности. Нужно было отыскать слабые места в обороне границы.

Задание, данное ему накануне войны, было однозначно. Уничтожить как можно больше приграничных крепостей и гарнизонов, человеческих поселений вдоль границы. После чего отступить. Его младшие воеводы уже размечтались идти дальше вглубь человеческих земель. Блеск славы и добычи в их глазах, заслонял им разум. Они не понимали, зачем они потом должны отступать. Но Нар Дролл хорошо понимал мысли старейшин. Перед большой войной всегда ослаблялись границы и прощупывались вражеские армии, определялась реакция врага на нападение. Именно для этого использовались не самые лучшие войска, которыми можно пожертвовать. И не самые именитые военачальники, по тем же причинам. Потом в образовавшийся прорыв будут брошены лучшие войска, под командованием благородных военачальников. Они и принесут победу. Если войска, проводящие первый этап войны, останутся в живых, то приобретут боевой опыт. Они станут более ценными, а погибнут — не жалко. Вот только быть расходной монетой в играх вождей Нор Дролла не улыбалось. Да и жертвовать вверенными бойцами он не хотел. Да, их уже принесли в жертву. Вот только он постарается сберечь как можно больше воинов, назло всем этим благородным ублюдкам.

При свете масляной лампы он раз за разом обходил карту вокруг, ощупывая пальцами знаки на листе пергамента. Как будто это могло предсказать действия вражеских военачальников. До сих пор всё шло так, как он и запланировал. Из шести вражеских крепостей две восточные уже были взяты и разрушены. Один гарнизон был полностью уничтожен вместе с жителями окрестных поселений. Второй гарнизон поверженной крепости предыдущей ночью совершил прорыв при поддержке воинов соседнего гарнизона. Маленькое неудобство, но он его предвидел. Поэтому приказал не препятствовать прорыву.

Его бойцы должны были оказать лишь символическое сопротивление. Настоящим уничтожением должен был заняться другой отряд. Поэтому они и не стали уничтожать посыльного. Всё было разыграно как по нотам. Сражаться с противником в крепости, даже разрушенной, всегда сопряжено с большими потерями. Поэтому надо было выманить вражеские гарнизоны на открытую местность. Вчетверо превосходящий по численности отряд был спешно переброшен к месту боя. Но всё пошло не по плану. Враги прорвались в крепость, уничтожив три четверти его отряда. Да, это была лишь малая часть его армии, но это стал болезненный удар по его самолюбию. Он не принял в расчёт вражеского мага. А ведь его предупреждали. Тот гоблинский шпион, кажется, Кхарог, предупреждал их, что маг этой крепости опасен. Но он не принял эту новость во внимание. За его ошибку заплатили жизнями простые воины, доверенные ему. Нор Дролл заскрежетал зубами. Эту ошибку он больше не повторит. Надо срочно принять особенность этой крепости во внимание. Магу должны противостоять маги. Нужно запросить срочно магическую поддержку. Он сделал узелок на матерчатом шнурке, использующимся им для этой цели, на память. Развязывая узелки, он вспомнит о задуманном.

Ещё один гарнизон добровольно и в спешке покинул своё поселение. Он предвидел это. Обычно бойцы гарнизона отступали в направлении западной крепости. Она и ближе и лучше укреплена. На пути движения он расположил второй отряд бойцов, чтобы отрезать и уничтожить. Но неожиданно отряд двинулся в сторону восточной крепости и скрылся в ней, вместе с двумя другими гарнизонами, упущенными его армией. А ведь основная часть его армии сейчас находится вблизи западной крепости и готовится к утреннему штурму. Остановить штурм и перебросить к восточной крепости пока не укрепились? Или сначала уничтожить западную крепость, а заодно и дальний укрепленный гарнизон, вместе с поселениями людей? Армия слаба, а рисковать без нужды он не хотел. На уничтожение западных укреплений потребуется пару дней. Столько же потребуется на прибытие магической помощи. Нор Дролл вздохнул и оторвался от карты. Он вышел из-под навеса своего командного пункта и посмотрел на восток. Туда, где стояла вражеская восточная крепость, устоявшая под натиском его армии. Ночь была ясной. Отчётливо виднелись звёзды и нараставший месяц. К востоку от этого места небо озарялось жёлто-красным сиянием, отгороженным от наблюдателя стеной леса вблизи горизонта. Было что-то зловещее в этом сиянии. Умом он понимал, что это враги жгут трупы павших врагов и друзей. Своих он мог сосчитать сам, и надеялся, что врагов тоже пало не мало. Показания бежавших бойцов разнились о потерях врагов. Что ж, скоро они сами смогут их сосчитать. Хорошо. Он принял решение. Западные крепости падут, потом он займётся «центральной». Подтянет войска, получит подкрепление, даст воинам отдых. Половину задания его армия уже выполнила. Осталась вторая половина. Он не сомневался в успехе. Трупы врагов сокроют его ошибки. Свои станут говорить о «блестящей разведке боем». Но даже если он не сможет уничтожить одну крепость из шести, это всё равно успех. Поселения людей они всё же сожгут, а это сильно ослабит оборону границы. Обстрел крепости машинами уменьшит число защитников. Скоро войска Империи людей придут на помощь защитникам крепости. Тогда его миссия станет бессмысленной и даже опасной. Он не собирался приносить себя в жертву интересам благородных семейств, а также жертвовать своими воинами. Сделает всё возможное, а потом выведет войска из-под удара, сохранив большую часть армии. Плевать на мнение благородных. Его честь и его воины были для него важнее. Разведку вглубь людской территории. Пусть следят за перемещениями вражеских войск. Он завязал ещё один

узелок.

Нор Дролл отдал приказ. Сказал он негромко. Но посыльный боец вскочил на ноги с лежанки и стал утираться, приходя в себя. Он порадовался. Раньше приходилось орать и даже пинать ногами. Армия приобретала вид боевого отряда, единого организма. Отдав приказ, он стал ждать, считая про себя. Скоро к штабу стали подтягиваться его воеводы. Первым пришёл начальник разведки. Нор Дролл глянул. Был загнут только один палец, то есть он успел досчитать до ста. Ещё через два пальца пришли два начальника связи. Ещё через один палец, когда Нор Дролл стал терять терпение, пришёл весь заспанный начальник снабжения армии. Раздражённый за медлительность, Нор Дролл решил испортить ему сладкую жизнь. Но внешне ничего не показал. Он начал отдавать приказы.

Через час распоряжения были отданы, и большой механизм армии был приведён в движение. Только после этого главный военачальник решил прилечь отдохнуть. Голуби посыльные были отправлены к Хозяину с просьбой о магической помощи армии. Посыльные были отправлены к различным орочьим и гоблинским отрядам. С утра они должны были начать движение. Войска снимались с восточного направления и спешно перебрасывались на запад. Туда же требовалось переместить машины и заряды к ним. Западные крепости должны были пасть в самое ближайшее время. По пути следования отрядам предписывалось сжигать все человеческие поселения, даже пустующие, и убивать всех жителей, не успевших укрыться в крепостях. Отрядам гоблинов предписывалось в виде разведки выдвинуться вглубь человеческих земель и вести наблюдение за передвижением вражеских отрядов. Именно разведка должна была стать их глазами и вестницей. Отсутствие резервов не позволяло выставлять фланговое и тыловое прикрытие. Войска требовалось держать в едином кулаке. Напротив покинутого военного поселения на пограничном выступе было приказано построить три моста, на случай экстренного отступления армии. Уже засыпая, Нор Дролл продолжал думать о распоряжениях, прокручивая их в уме и стараясь найти хоть один изъян в своих планах.

***

Меня разбудил звук гонга. Пробило шесть ударов. Удары гонга выдернули меня из моих кошмаров. Мне снилось, что я стою посреди большой круглой комнаты, ярко освещённой. Вокруг меня летали листы пергамента с нарисованными на них заклятиями. Я стоял и смотрел на их полёт по кругу вокруг меня. Моё тело было избито и изранено, двигаться было тяжело и больно. Я знал, что должен поймать и выбрать заклятия для защиты крепости и тянулся за ними, чтобы поймать. Но как только я вытягивал руку к заклятию, оно ускользало от меня, и я ловил воздух. Заклятия были живыми и играли со мной, призывая поймать их. При этом они издавали смех, что было для меня особо болезненным. Я тянулся к ним в попытке поймать, понимая, что от этого зависит моя жизнь и жизни моих товарищей. На одной из этих бесплодных попытках меня и разбудил гонг. Мир снов начал отдаляться и меркнуть, оставляя неприятный отпечаток в моём сознании. Конечно, я понимал разумом, что во сне ко мне приходили мои страхи. События развивались слишком быстро, и мне было тяжело угнаться за ними. Я боялся, что не успею подготовиться к решающей битве. Как бы

мне ни хотелось остаться в постели, но разум и страх уже гнали меня вон. Я почувствовал себя загнанным оленем. Чтобы выжить, нужно постоянно двигаться. Без всякой радости я поднялся из постели. Вышел на середину комнаты, встал прямо, развёл руки в стороны и сделал глубокий вдох. Выдох. Я согнул спину и потянулся к носкам ног. Пора жить.

Утреннюю гимнастику я выполнял полностью на автомате. Мои мысли были очень далеко от этого места. Ночью пришло понимание очерёдности моих действий. Раз уж мы на войне, то в первую очередь следовало собрать все заклятия для башни, как основного оружия нашей обороны. Во вторую очередь следовало собрать боевые заклятия для себя лично. Меня лично не впечатляла перспектива сражаться на поле боя наравне с простыми стражниками. До сих пор умение владения оружием воспринималось мною как умение абстрактное, нужное для моего личного развития и личного удовольствия. До сих пор война для меня была чем-то далёким. Теперь я находился на переднем крае обороны. Я понимал, что капитан вряд ли пошлёт меня в бой, но случаи бывают разные. Нужно было подготовиться. А потом уже, если будет время и возможность, заниматься остальными заклятиями. Я пообещал себе, что если выживем, то я займусь обновлением библиотеки. Сделаю перепись всех книг магической библиотеки на новые носители. Если меня переведут когда-нибудь, то с собой я увезу старые книги, а новые оставлю здесь. Именно такие мысли крутились в моей голове, когда закончилась моя утренняя тренировка. Я оделся, переложил книги на моём столе так, чтобы сверху лежала книга «Общих заклятий». Теперь требовалось посетить столовую во время завтрака и лазарет. Если больных будет не много, переложу ответственность на Назара, а сам займусь насущным.

Когда я вышел из башни, на башне пробили гонг, сзывая на завтрак. Я направился к столовой, по пути рассчитывая узнать последние новости. Люди в столовой сидели угрюмые, и вяло ковыряли в своих тарелках. Не было слышно шуток и шумного говора. В столовой встретил Назара. Не было видно Алхимы и Аликс. Из разговоров воинов я понял что никаких происшествий за последнюю ночь не произошло. Мы находимся на войне? А вокруг тишина. Я задал этот вопрос Назару. Тот скривился как от неприятного запаха и угрюмо осмотрел меня.

— Ты ещё молод, Невил. Это стандартная тактика орков. — Он пожевал губы. — Ты ведь слышал, что они всегда нападают внезапно. Как такое можно на войне? Да просто. Их перемещения всегда скрыты. Сильная маскировка. Быстрые перемещения. И это вместе с осадными орудиями! Они намеренно несколько дней не показываются вблизи крепости или города, который хотят атаковать. А поскольку большинство городов не подвергаются нападению, то трудно предугадать, какой город дальше подвергнется атаке. Кажется, что нападения бессистемны, но это не так. Орки строго планируют атаки. Защитникам кажется, что у них есть время подготовиться, но всегда они не успевают. Ожидание смерти — хуже самой смерти. Люди ждут нападения. Постепенно они начинают нервничать, начинается паника. И в самый пик истерии происходит нападение. Так орки пускают страх впереди себя. Сначала они истребляют малые гарнизоны, вроде нашего. Особенно те, в которых нет магических башен. Или, где маги молодые, что есть возможность на слабое сопротивление. Города сопротивляются дольше, особенно те, в которых есть много магов и воинов. Чем больше профессионалов, тем крепче город. Чем больше в городе ополченцев, тем быстрее гарнизон подвергается моральному разложению, и легче падёт. Но большинство набегов редко затрагивает большие города. Чаще уничтожается инфраструктура, обеспечивающая города продовольствием и питьевой водой. Без неё города ослабевают. Происходит отток

населения вследствие массового голода и болезней. В Академии этому не учат. Скоро на нас нападут. Сейчас в округе нет ни одного орка или гоблина. Но наружу лучше не выходить. Не похоже, что в этом походе орки будут штурмовать большие города. Скорее, их цель — мелкие поселения и крепости вдоль границы. По крайней мере, действуют они именно так. По нашим сведениям, орки глубоко в нашу территорию не заходят. Уже сожжено несколько пограничных крепостей и мелких поселений. Но поселения в глубине наших территорий не пострадали. Мы на очереди.

— Сколько у нас времени?

— Кто знает? — Назар пожал плечами. — Может день, может два. Такие набеги не бываю длительными. Не больше месяца — двух. Потом орки уйдут. Осталось только пережить. Зачем спрашиваешь?

— Мне нужно пару дней, чтобы подготовить башню к войне.

— Но, ты же настроен, и у тебя есть заклятия для неё?

— Я настроен всего пять дней. Из которых половину пролежал в лазарете. Я ещё не знаю всех возможностей башни. Да и заклятия у меня не все. Некоторые лежат отдельно. Их надо освоить.

Назар смотрел на меня некоторое время отрешённо. Потом произнёс.

— Ты умеешь больше, чем большинство магов до тебя. Мы все только и делали, что лечили. И крепость стояла силой воинов. А я видел, как ты бьёшь молнией...

— Это лишь малая часть возможностей башни. Ты видел заклятия для башни? А ведь это не все. Есть ещё, но они в другом месте записаны. Если использовать их все, то это значительно повысит боевые возможности гарнизона. Но сначала сходим в лазарет. Я хочу убедиться, что там во мне нет нужды.

Назар смотрел на меня удивлёнными глазами. Похоже, что я в его глазах выглядел как редкий экзотичный зверь. В одной руке он крутил ложку, а второй чесал подбородок, спрятанный под бородой.

— На моей памяти ты — первый, кто так думает. Других магов никогда не заботили люди, с которыми они служили. Только лечили по предписанию, и никогда не заботились, сколько умрёт не-магов. — Он пожевал губу. — Пойдём в лазарет, поздороваемся с женщинами.

Ложка отправилась в пустую тарелку. А он сам поднялся из-за стола.

Я стоял перед входом в башню. Когда мы с Назаром оказались в лазарете, там уже кипела жизнь. Тётя Вера и Алкима перевязывали раненых и осматривали больных, Аликс сидела на стуле заплаканная и надутая, читая книгу «Септика и Асептика» Джозефа Листера. Всякий раз, как она отвлекалась, следовал грозный окрик тёти Веры. Пока я приглядывался к больным и шёл к операционной, Назар успел дойти до нянечки с Алкимой и переговорить с ними. Не успел я расположиться, как тётя Вера вместе с Алкимой и Назаром грубо попросили меня на выход из лазарета. Мотивируя это тем, что я здесь лишний. И, если у меня есть работа в башне, то мне там самое место. Пришлось собраться и уйти. Я испытывал чувство стыда, мои уши стали пунцовыми. Двигаясь к выходу, я старался прятать глаза и не смотреть на окружающих. Дорога к башне не отложилась в моей памяти. Вот я выхожу из лазарета, а вот я уже смотрю на двери башни. И при этом я до сих пор испытывал чувство неловкости.

— Алохоморе.

Дверь вздрогнула и отошла от дверного косяка. Приоткрыв её, я проскользнул внутрь.

— Люмос.

Навершие посоха осветилось ярким желтоватым светом. Повернувшись к двери, я направил на неё посох и произнёс.

— Каструм.

Я отгородил себя от внешнего мира и нежелательных свидетелей. Пора приступать к работе. Путь наверх по винтовой лестнице привёл меня в мою комнату.

— Нокс.

Посох отправился в стойку возле стола. Расположившись на табурете, я придвинул к себе книгу «Общих заклинаний». Передо мной стояла диллема: перерисовывать заклятия на свиток, с последующим записыванием на камень кольца, или попробовать сделать запись не перерисовывая заклятие. Я опасался, что мне не удастся запомнить заклятие, написанное не мной. А с другой стороны меня поджимало время. Перерисовывание могло занять несколько дней. На запись в кольцо могло не хватить времени. Просматривая заклятия, я не напрягался с их пониманием. Заклятия были выполнены относительно недавно. Листы были не старыми и читались легко. Надо сказать, что колебался я недолго. Последним аргументом стало то, что испорченную запись с кольца всегда можно удалить и записать заново, до тех пор, пока не запишу без ошибок. А переписать заклятие на свиток можно и позже, если останусь жив и будет возможность.

Пристроившись поудобнее, я попытался расслабить все ненужные мышцы, устранить все лишние мысли. Развернул первый лист в книге «Общего волшебства» с башенными заклятиями и стал разглядывать его, избегая напряжения. Во мне уже была уверенность, что всё удастся, ведь я уже выполнял эту процедуру с переписью. Я постарался изгнать всякую неуверенность. Усилием воли я стал поднимать своё настроение. Я усиливал искусственно эмоцию радости. Я рассматривал лист пергамента. Закрыв глаза, я постарался воспроизвести образ в своём сознании. А открыв глаза, сравнивал рисунок из своей памяти с оригиналом. Наконец, мне это удалось и рисунки совпали. Пора. Палочка уже находится в моей ладони. Подняв волшебную палочку, я расположил её под углом чуть вверх и вперёд, так, чтобы её кончик находился на уровне моего подбородка. Двигая палочкой плавно, я повёл её кончик по S-образному движению, которое закончилось возле моего виска.

— Ремове пиктуре — произнёс я заклинание.

Между моим виском и кончиком волшебной палочки возникло напряжение. Было ощущение, будто палочка прилипла к моему виску. Теперь нужно вынуть маленький эпизод памяти. Приложив усилие, я потянул палочку от виска. Медленно палочка отошла от моей головы, и неприятное чувство сначала ослабло, а затем пропало полностью. Кончик палочки вернулся к своему изначальному месту и замер. На кончике палочки светилась и извивалась тонкая энергетическая субстанция. Нужный эпизод памяти был изъят и готов к записи.

Я перевёл взгляд на кольцо. Отложив книгу, я протянул к нему левую руку. Я взял его и придал ему вертикальное положение камнем вверх. Кончик палочки, с притянутым к нему моим воспоминанием, медленно двинулся к камню. Наконец кончик волшебной палочки коснулся поверхности камня, и энергетическая субстанция моего воспоминания начала метаться по поверхности камня кварца.

— Низи имаджо — Произнёс я последнюю часть заклятия.

Энергетическая субстанция моего воспоминания впиталась в камень. Осталось только проверить содержимое камня и убедиться, что запись полноценная и не расходится с настоящим заклинанием, исполненным на пергаменте. По моим прикидкам времени было

затрачено не более двадцати минут. Обряд теперь давался мне быстрее, чем в первый раз. Пора проверить содержимое камня и полноту записи. Я активировал у себя второе видение. Взяв кольцо, я приложил его камнем к своему лбу в районе третьего глаза. Внутренним взором я проник в камень. Записи своих воспоминаний я нашёл сразу. Перед моим взором теперь кружились уже не шесть, а семь заклинаний. Я отыскал нужное заклинание. Мысленно я притянул его к себе и рассмотрел. Продолжая удерживать кольцо возле своего третьего глаза, я опустил свои физические глаза на лист в книге, лежащей передо мной на столе. Я проверял правильность выполнения записи заклятия. Это потребовало от меня немалых усилий. Перед моим взором как наяву предстали два листа пергамента. Один реальный, а второй из памяти кристалла. Я начал сверять заклятия. Когда я закончил, то испытал облегчение. Схема заклятия, нарисованная на листе пергамента, и схема из памяти камня совпадали до мельчайших подробностей. Я опустил камень на стол и расслабился. Надо дать себе небольшой отдых и приступить к дальнейшей работе. Как бы это не звучало высокопарно, но время не ждёт.

Так с перерывами я и записал все три заклятия. Некоторое время я наслаждался, рассматривая в камне кольца девять листов заклятий для башни. Даже если это всё, что могла дать башня, это было уже не мало. Для начала очень даже хорошо. Некоторое время я испытывал удовольствие от выполненной работы. Очень не хотелось возвращаться в наш мир. Начинать заново работу? Но теперь мне требовалось отобрать заклятия на второй перстень для себя лично. Но сначала их надо было отобрать. Приложив значительные усилия, мне удалось вернуться обратно в свою комнату. Перстень я надел на палец. Там ему самое место. Хорошо, что перстень был безразмерный. Разогнув полоски серебра, отходящие от оправы камня, я придал ему нужный размер. Будь кольцо цельным, мне бы это сделать не удалось. Полюбовавшись ещё немного, я отложил волшебную палочку в сторону. Придвинув к себе книгу «Общих заклинаний», я принялся за работу. Требовалось отобрать те заклинания, что я уже сегодня начну записывать в камень.

Я стал пролистывать листы пергамента с заклятиями. Заклятия были в основном боевые. Сказывалась специфика работы местных магов, вынужденных постоянно заботиться о своём выживании. А выживание здесь было связано с участием в боевых действиях. Поэтому в книге скапливались те заклятия, которые в той или иной степени могли обеспечить превосходство в бою. Или выживание после боя. Часть заклятий я посчитал бессмысленными для себя и отмёл как ненужные, а часть решил внести в память кристалла памяти. И вот здесь передо мной встал вопрос: Сколько заклятий можно поместить на кристалл одного кольца? Девять поместились точно, но дальше сколько? Мне никогда не доводилось слышать о количестве заклятий, вписываемых на внешние носители. Значит, придётся рискнуть. Проверить это я мог только экспериментально. Я решил не рисковать с кольцом, на котором были записаны заклятия для башни. Нужно пометить его и отложить отдельно. Немного подумав, я принял решение. Отложив книгу, я снял с пояса нож. Хорошо, что серебро — мягкий металл. Особенно такое дешёвое серебро. Взяв кольцо, я расположил его на край стола. Медленно двигая остриём ножа, мне удалось нацарапать на его внешней поверхности вблизи камня маленькую букву «Б». Значит башня. Примитивно, конечно, но для создания более элегантной надписи у меня сейчас не было, ни времени, ни возможности. Пока сойдёт. Надев кольцо на палец, я просунул руку в мешочек и наугад вытащил из него первое попавшееся кольцо. Что ж, тебе повезло. Ты у меня следующий артефакт для записи.

Какое-то время я сидел и просматривал книгу «Общие заклинания», пытаюсь отобрать пригодные для себя. Я находился в ступоре. Возможно, сказывалась усталость. Возможно — стресс от недостатка времени. Надо было расслабиться. Я закрыл глаза и расслабил мышцы. Когда я довёл расслабление до глаз, в мой мозг пришло озарение. Не надо делить все заклятия на общие, телекинетические и трансфигурационные. По большому счёту для меня разницы не было. Нужно просто записывать все заклятия одно за другим, как они записаны в книгах, в одно хранилище. Это облегчит и ускорит работу. Я встал, прошёлся по комнате. Выполнил дыхательные упражнения. Я поприседал и повращал руками. Тело затекло от нахождения в одном положении. Но, на самом деле, я просто оттягивал момент начала работы и пытался набрать энергию для действия. Но своего я добился — у меня проявилось желание продолжать работу. Или точнее я разгорячился и разозлился на обстоятельства, загнавшие меня в безвыходное положение. Вот с таким настроением я и вернулся к столу.

Время ещё было. Нужно работать. Я раскрыл «Общие заклинания». Дальнейшую мок работу описывать нет смысла. Она была однообразна и монотонна. Временами я поднимался и разминал тело, а потом возвращался к столу и продолжал работу. Мой разум основательно утомился, и мне приходилось работать в некотором иступлении. В эти моменты я терял контроль над временем и пространством. Мой мир сузился до уровня маленькой комнаты с небольшим набором старой мебели и четырьмя окошками, дававшими мягкое освещение. Блик света на столе успел проделать большой путь, сместившись из правой части поверхности стола до левого угла. Мои мысли были очень далеко, когда на улице гонг пробил призыв к обеду. За это время, не особо задумываясь, я вписал в камень кольца заклятия открывания и закрывания магического замка двери, заклятия для увеличения силы удара и заклятие увеличения стойкости к вражескому удару, заклятие повышение точности и универсальное контрзаклятие, заклятие поиска, которое заставляет твой посох, подвешенный на весу, указывать нижним концом на искомый объект. И, как великое достижение, я вписал заклятие лечения, которое не вынуждает мага проникать в тело пациента. Такое заклятие было огромной ценностью, и было мало магов, знающих его и способных его исполнить. Такое заклятие было огромной редкостью, и я хотел им обладать, чтобы изучить на досуге. Остальные заклятия я посчитал неважными в данный момент, поэтому и записывать их не хотел, сейчас. Может после, когда будет поспокойнее. Но раз на улице звонит гонг, надо сходить подкрепиться. Тем более что проведённая работа вызвала у меня чувство голода. Спрятав волшебную палочку в мешочек, а мешочек в тайник, я вышел из башни и направился в сторону столовой.

Площадь встретила меня лёгким запахом гари. Я двигался среди повозок и не сразу придал ему значение. Если честно, то я так сильно был погружён в свои мысли, что не обращал внимания на окружающие меня предметы и людей. И только когда запах гари коснулся моего сознания, я остановился и огляделся. Сначала мне показалось, что в крепости что-то горит. Но, ни вида огня, ни его признаков, ни признаков беспокойства людей, тушащих огонь, я не заметил. Только сейчас я обратил внимание на мрачные и угрюмые лица мужчин, стоящих возле повозок. Обиженные, надутые лица детишек и горестные, заплаканные лица женщин. Они тихо переговаривались между собой. На площади стоял тихий гомон. Что-то произошло за то время, пока я сидел запертый в башне и занимался своими делами. Мимо брёл угрюмый мужчина. Я поймал его за рукав и спросил.

— Что произошло?

Сначала мужчина пытался вырвать руку из моего захвата, но потом, услышав мой

вопрос, он замер. В ответ мне он мрачно мотнул головой в сторону крепостной стены. Я отпустил его, и он пошёл дальше своей дорогой. Я взглянул на крепостную стену. На верхней площадке стены плотной стеной стояли люди, в основном жители окрестных поселений. Просочившись мимо повозок, я оказался возле лестницы, ведущей наверх стены. Здесь мне пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Нет, одышки не было, но было мрачное чувство чего-то плохого, и к этому плохому требовалось подготовиться. Наконец, собравшись с силами, я двинулся вверх, преодолевая ступеньку за ступенькой. Так я и оказался на верхней площадке. Люди стояли плотной стеной, и многие из них были выше меня ростом, поэтому мне не было видно происходящего за их спинами. В этот раз я не стал тратить время на разговоры. Отработанным ударом посоха я стукнул ближайшего дородного мужчину и громко потребовал пропустить меня к стене. Мужчина сжался от удара, но огрызаться или размахивать руками не стал, а молчаливо пропустил меня к парапету. Протиснувшись вперёд, я стал рассматривать окрестности и почти сразу обнаружил источник запаха. За кромкой леса в разных местах к небу поднимались столбы чёрного дыма. В тех местах что-то горело, причём очень сильно. А ветер принёс этот дым и запах гари в крепость. Внутри меня что-то сжалось от страха и боли, а к горлу подступил комок. Я уже знал, что происходит, но всё равно задал вопрос.

— Что там горит?

Ответа я не ждал, но мне ответил один из мужчин, стоящих поблизости.

— Дома наши горят. — Он вздохнул — Мы знали, что так и будет. Но знать и видеть — разные вещи. Там горит наш труд, наша прошлая жизнь, наши сердца, которые мы вложили в наши жилища. А ещё там наши соседи. Не все пришли в крепость. Некоторые решили отсидеться в своих домах. Надеялись, что орки далеко не пойдут. А потом капитан их отгонит, как всегда. Но сейчас не так, как всегда. Крепости пали. Потом падёт и наша крепость.

Он громко шмыгнул носом. Я мрачно повернул к нему лицо и громко, так, чтобы слышали остальные, заявил.

— Наша крепость не падёт.

Я вперил взгляд в него. Люди стали медленно оборачиваться на мой голос. Их лица были мрачны и угрюмы, в их глазах застыло отчаяние. Мужчина поглядел на того, кто с ним заговорил.

— Но ты... — он осекся под моим взглядом.

— Я. Да. Я сражался с ними. Я не стану ни бежать, ни прятаться, ни скулить. Только драться!

В тот момент я испытывал сильную ярость. Казалось, что я сейчас поколочу этого скулящего мужика. Под моим взглядом он невольно сжался и стал визуально меньше. На его лице мелькнули одновременно стыд и страх. Он зажмурился и медленно отвернулся. Мне больше ни мгновения не хотелось оставаться на стене. Развернувшись, я протолкался к спуску со стены и направился в столовую.

Обед пролетел незаметно. Есть совершенно не хотелось. Кое-как впихнул в себя непонятную кашу и запил горьковатым чаем. Мысли были слишком далеко. События разворачивались так, как и рассказывал Назар. Дальше будет только хуже. А это значит, что времени мало. Надо как можно быстрее записать заклинания. Меня легонько трясло. Поднималась температура, и чувствовался лёгкий озноб. Я осознавал угрозу, страх, нехватку времени. У меня создавалось ощущение загнанного зверя. Мне становилось хуже. Я

встрепенулся. Пора взять себя в руки. Незаметно я оказался вблизи своей башни.

Запершись в башне и оказавшись в своей комнате, я, прежде чем приступить к работе, провёл обряд расслабления. Это кажется глупостью для непосвящённого, но действительно помогает. Расслабив тело, а следом за ним свои мозги, я изгнал прочь все посторонние мысли. Некоторое время я наслаждался блаженством этого состояния. Создавалось ощущение, будто я плаваю или летаю в пустоте. Нет, конечно, я никуда не улетел и продолжал чувствовать под собой поверхность кровати. Но в моём сознании создавалось впечатление парения над поверхностью постели и проблемами этого мира. Я потерял чувство реальности и времени. Единственным моим маяком в наш мир стало моё дыхание. Я лежал и считал вдохи и выдохи. Насчитав пятьсот вдохов, я заставил пошевелиться свои руки и ноги, мышцы лица. Сделал плотательное движение. Ощущения реальности возвращались. Я открыл глаза и поднялся. Чувство равновесия вернулось не сразу, я покачнулся. Пришлось схватиться за край стола, чтобы не упасть. Мои мысли успокоились. Пора продолжать работу. Нетвёрдым шагом я прошёл к табурету возле стола. Сел. Придвинул к себе книгу «Общая магия». Некоторое время до меня доходила суть происходящего. Чувство времени было ещё не совсем реальным, сколько я затратил на вхождение в себя, мне не ведомо.

Я раскрыл книгу на странице, где закончил свою работу. Сосредоточился. Время за работой также полетело незаметно. Наконец-то я втянулся в свою деятельность. Внимательный просмотр, запоминание, изъятие страницы из памяти, запись на кристалл, проверка. И по новой. Навыки, привитые мне в Академии, наконец-то стали давать результаты. Когда прозвонил гонг, призывающий на ужин, в кристалле уже были записаны новые заклятия. Заклятие, притягивающее предметы, и заклятие, отталкивающее от тебя предметы, заклятие ускорения движения и заклятие замедляющее падение предмета, заклятия замедляющие движения противника. А ещё вписал заклятие, обезоруживающее противника, и заклятие, разрушающее неживые предметы, заклятие, создающее под предметом магическую подушку, что позволяет его транспортировать по воздуху и заклятие, очищающее предметы от грязи. На этом заклятия из книги «Общих заклинаний» закончились, по крайней мере, те, что я хотел собрать на кристалл. Дальше я вписывал заклятия из «Книги стихий». Они были разложены по стихиям, поэтому именно так они и сохранялись на носитель. Из «Книги воздуха» я выбрал заклятие атаки молнией из посоха и заклятие невербальное для прочистки дыхательных путей от пыли, газа и кашля, заклятие немоты и заклятие усиления громкости. Странный подбор, но лишь на первый взгляд. Наша магия активировалась произносимыми заклятиями, отсюда и выбор. Из «Книги воды» мною были взяты заклятие тушения пожара водой и заклятие вызова воды для наполнения емкости, заклятия выталкивающее человека из воды и отталкивающее воду от человека, заклятие, создающее над магом зонтик, защищающий от водных осадков, и заклятие, снимающее жидкость с одежды, сушащее её. Из «Книги земли» мною были выбраны заклятие разрушения предметов и заклятие восстановления разрушенных предметов. Из «Книги огня» взял заклятия разжигания и тушения огня управлением стихией, заклятия разжигания и гашения осветительного огня на конце посоха, заклятие, заставляющее предметы гореть внутренним огнём и обжигать всякого, кто к ним прикоснётся. Но больше всего заклятий подарила мне «Книга пустоты». В камень кольца добавились заклятие, позволяющее обнаружить присутствие постороннего человека, и заклятие, открывающее тайные проходы, заклятие, временно ослепляющее человека, и заклятие полной парализации на время, заклятия потери сознания и возвращения сознания, заклятие, отнимающее

воспоминания, и заклятие, временно дезориентирующее противника. Под конец, ради интереса, я вписал два очень редких заклятия для чтения чужих мыслей и для защиты от чтения твоих мыслей. Нам рассказывали об этих заклятиях на уроках, но не показывали. Эти заклятия были запретными. Они практиковались лишь магами из благородных семейств, в закрытых сообществах, или отдельными наставниками, допущенными к этим тайнам. Магическое сообщество опасалось бесконтрольного чтения мыслей. А ещё для этого заклятия нужны были особые способности, которые есть не у всех. Лишь у избранных. Получить такие заклятия в свои руки — это большая удача. Чувство было таким, словно я прикоснулся к избранности, к тайне тайн. Хотелось попробовать это заклятие, но позже, когда всё утрясётся. Вдруг я тоже избранный. Но, даже если и нет, то защитное заклятие всегда полезно. Нужно освоить, но позже.

Закончив перепись заклятий из второй книги, я какое-то время сидел расслаблено и наслаждался своей маленькой победой. Именно в этот момент и прозвонил гонг, призывающий на ужин. Уже? Но ведь я только начал? Или уже давно? Я поднялся и огляделся. А где я? Вернувшись в наш мир, я на некоторое время потерял ориентацию и чувство реальности, своё местоположение в пространстве. И только спустя некоторое время ко мне вернулось чувство реальности. Я осознал нелепость положения, в котором оказался. Мне стало смешно. Именно в этот момент меня поразил сильный истеричный смех. Я смеялся до колик в животе. Всякий раз, когда я пытался остановиться, мне на глаза попадался тот или иной предмет, вызывавший у меня новый приступ смеха. И так продолжалось некоторое время. Напряжение, которому я подверг своё тело, нашло выход. Мой разум сам боролся с перегрузкой, пытался сохранить равновесие психики. Мне стало ясно, что надо выйти, прогуляться. Не для того, чтобы наесться, для смены обстановки. Нужно остудить свой перегруженный мозг. Да, времени мало. Но спалив свой мозг, я не принесу пользы, ни людям, ни себе. Убрав палочку в тайник и заперев башню, я отправился в столовую. Я пытался двигаться медленно, стараясь запомнить каждый свой шаг. И всё равно. Путь в столовую, ужин и путь в лазарет не задержались в моей памяти. Моё появление в лазарете напугало находящихся там тётю Веру, Аликс, Назара и Алкиму. Лазарет был забит больными и легкоранеными, но от моей помощи отказались. Мне сказали, что я похож на бледную тень и, с руганью, выпроводили за дверь отдыхать. Вот только отдыхать я не мог. Чувство опасности снова настигло меня. Время не ждёт. Для выживания нужны заклятия. Записать и освоить. А как мало времени.

Оказавшись в своей комнате, я не мог вспомнить, запер я входную дверь или нет. Быть пойманным на незаконной деятельности даже во благо людей мне не улыбалось. Поэтому, для надёжности, я наложил закрывающее заклятие на входной люк. Только после этого я раскрыл тайник и приступил к работе. Осталась последняя книга «Трансфигурация». Эта книга пополнила кристалл заклятиями связывания противника верёвками и разрезания пут, заклятиями наложения шины и сращивания сломанных костей, заклятиями уменьшения размеров предметов и увеличения размеров предметов, заклятия создания дубликата предмета и исчезновения предметов, заклятие, создающее на глазах противника повязку. Дополнительно я записал такие сложные и редкие заклятия как заклятие создание голема, заставляющее статуи и доспехи оживать и двигаться, и заклятие, заставляющее оживших големов атаковать указанного противника, заклятие строительства, позволяющее по определенной схеме возводить строения. Когда я закончил, на улице было совершенно темно. Меня шатало, и комната плыла вокруг меня. На улице гонг прозвонил полночь. Уже?

Я закончил? Не всё, но камень, судя по всему, почти полон. Заглядывая в него, я видел себя как бы в шаре из листов пергамента, который вращался вокруг меня. В этом шаре практически не было пробелов. Мог ли шар расшириться? Мне это не известно. Своего я добился — заклятия записаны. Осознание окончания работы накатило на меня сильной усталостью. Мне стало ясно, что спрятать палочку обратно в тайник уже не могу. И решил оставить всё на столе. Утро вечера мудренее. Пора ложиться. Я затушил фонарь. При свете растущего месяца, чей свет падал через окно, я, держась за край стола, добрался до кровати и буквально упал на неё. Раздеваться не было сил. Обряд расслабления не потребовался. Едва коснувшись постели, я провалился в глубокий сон. Сегодня, много лет спустя, мне с трудом верится, что я, за один длинный день, сумел переписать на носитель столько заклятий. В нормальных условиях, три-четыре заклятия, перенесённые на носитель, полностью выматывали меня морально. Конечно, я понимаю, что страх, угроза гибели подстегнули меня и мой мозг. Это придало мне сил, позволив в столь короткий промежуток времени совершить такую большую работу. И всё равно вспоминается это как нечто нереальное.

Меня разбудил звук гонга. Лёжа в постели поверх одеяла и будучи полностью одетым, я долго не мог сообразить, где и зачем нахожусь. Память возвращалась медленно. Сказывалась моральная усталость. Тело отказывалось слушаться. Я был морально и физически истощён. С новой силой заболели ещё не зажившие синяки и ссадины по всему телу. Состояние было ужасным, хотелось снова погрузиться в сон, дать телу отдых и ни о чём не думать. Моё сознание плавало на грани сна и бодрствования. Где-то там остатки моей воли пытались пробудить меня и поднять из постели. Одновременно мысли об отдыхе и мысли о дисциплине, о боли и необходимости движения, о восстановлении и разумности совмещались в моей голове и плавали там, сменяя друг друга. Так продолжалось до тех пор, пока в мою голову не прокрались мысли об опасности, угрозе жизни и начавшейся войне. Только после этого я ощутил острую необходимость шевелиться, сделать всё возможное, для выживания своего и людей, окружающих меня. Эта мысль заставила меня выбраться из постели. Движение далось мне большой ценой. Тело взорвалось болью. Казалось, заныли все синяки на моём теле одновременно. В глазах плавали красные круги боли. Какое-то время я осмысливал своё состояние, стоя на карачках, упираясь в поверхность кровати всеми четырьмя конечностями и потрясая головой, отгоняя гул в голове. Мне потребовались значительные усилия воли и мускулов, чтобы спустить одну ногу с кровати на пол. А спустя некоторое время, когда туман боли слегка рассеялся, мне потребовалось столько же усилий, чтобы опустить на пол вторую ногу. Теперь я стоял на ногах, вот только руками я по-прежнему держался за кровать. Собравшись с духом, я оттолкнулся от кровати и принял вертикальное положение. Но, кажется, я не рассчитал силы. Мир вокруг меня зашатался, наклонился на бок, и я почувствовал, как пол начал стремительно приближаться к моей голове. Мне пришлось сделать несколько шагов в сторону, чтобы сохранить равновесие. В этот момент я понял, насколько моё тело стало деревянным и перестало слушаться моего разума. После нескольких шагов по полу, мне удалось найти устойчивое положение. И если я не упал головой на пол, то только потому, что упёрся в него руками. Мир продолжал кружиться вокруг моей головы. Сотрясение от остановки тела было столь сильным, что едва не сорвало всё мясо с моих костей. Тело опять отозвалось волной боли, а живот спазмом. Будь мне чем, то я бы непременно отрыгнул содержимое желудка. Несмотря на новые приступы боли, я предпринял новую попытку подняться на ноги. На этот раз вполне удачную. В конце этой эпопеи я стоял вертикально на ногах, хотя и не совсем твёрдо. Я произвёл глубокий вдох. Пора было возвращаться в этот мир.

Для начала мне надо было пробудить моё тело. Непосвящённому кажется, что сделанное мной — глупость. Но это не так. Я делал утреннюю зарядку. Правда, это только звучит так гордо. На самом деле зарядка выполнялась медленно. После каждого упражнения приходилось останавливаться и ловить равновесие. Приходилось постоянно следить, чтобы оставаться в этом мире. Тело не хотело слушаться. Но по мере того как я выполнял всё больше и больше упражнений, возвращался контроль. Я качался всё меньше, и постепенно приобретал устойчивость. В конце разминки я вполне устойчиво стоял на ногах. Меня ещё клонило в сон, но это было следствием усталости тела. Сознание вернулось и постепенно брало контроль над ситуацией. Окончив разминку, я решил сегодня не выполнять физическую нагрузку, дать телу отдых. Тело вполне слушалось моих приказов, но было

измотано. Надо было дать накопить ему сил, а не добивать до конца. Оставалась только борьба со сном. Чтобы противостоять этому, я занялся уборкой. Для начала я спрятал палочку и оставшиеся перстни в тайник. Убрал со стола все компрометирующие меня бумаги. Собрал и подготовил к выносу книги. Что-то мне не давало покоя. Прислушавшись к себе, я понял, что хочу пить. За всеми хлопотами и заботами, болью и усталостью я совершенно упустил из вида потребности своего тела. Я слышал о таком. Сильно обезвоженное тело перестаёт подавать сигналы мозгу о жажде. Неужели я настолько обезвожен? Я дошёл до бочонка с водой, зачерпнул чашей воду и стал осторожно пить. Именно в этот момент на улице пробил гонг с призывом к завтраку. Жалобно заурчал желудок. Пора напитать тело. Заодно узнаю последние новости.

Взяв со стола книги, я направился к люку. Дернув крышку на себя, я вдруг обнаружил, что она прилипла намертво к полу. Какое-то время мне пришлось искать причину столь сильного заклинивания напольного люка. Это практически довело меня до истерики, пока я не вспомнил, что сам же его и запечатал заклятием. Осознав это, я испытал одновременно облегчение и горечь разочарования. Неужели я в столь плохом состоянии?

— Алохоморе.

После этих слов крышка слегка подпрыгнула на месте и отошла вверх.

— Люмос.

Зажег я наверху посоха и, откинув люк в сторону, стал спускаться по лестнице. Достигнув второго этажа, я вложил книги на полку магического шкафа. После чего продолжил движение вниз. Наружная дверь оказалась закрыта.

— Алохоморе, — и, выйдя на улицу, добавил — Нокс.

Солнечный свет практически ослепил меня. Некоторое время мне пришлось привыкать к нему. Казалось, что в этом мире есть только я, солнечные блики в глазах и почва под ногами. До меня не долетали даже звуки, обычные для крепости. Я наслаждался умиротворением, кратким мгновением тишины и покоя. Но лёгкий червяк опасности уже стал проникать в меня. Тишина! Почему не слышно людей? Ведь крепость переполнена людьми. Я зажмурился и стал часто моргать, чтобы быстрее восстановить зрение. Включить второе видение у меня в тот момент не хватило соображения. Постепенно картинка прояснилась. Я двинулся к площади. Оказавшись на площади, я нашёл людей. Женщины и дети сидели тихо возле своих повозок. Стояла неестественная тишина. В глазах женщин я прочитал обречённость. Некоторые плакали. Привычно я взглянул на вершину стены. Практически все мужчины и множество женщин стояли вдоль парапета и смотрели в сторону запада. Я почувствовал неприятный осадок внутри себя. Мой разум подсказал мне, что случилась очередная беда. Кажется, я стал привыкать к этому состоянию. Подниматься наверх стены сегодня я не стал. Возможно, сказала усталость, а может быть мне не хотелось видеть этого. Медленно я прошествовал в столовую. Внутри люди сидели мрачные. Они, не спеша пережёвывали свою пищу. Среди них я увидел Назара. Пища, увиденная мною на раздаче, вызвала у меня раздражение, смешанное с отвращением. Моя усталость вкупе с негативными мыслями и событиями, произошедшими за последнее время, плохо влияли на моё пищеварение. И всё-таки тело надо было кормить. Набрал в чашу порцию овощного рагу и взяв чашу чая, я подсел к Назару.

— Что плохого случилось? — спросил я.

Он глянул на меня спокойными глазами, в которых накопилась усталость наполовину с обречённостью. Некоторое время осмысливал мои слова и ответил.

— К западу от нас поднимаются в небо два больших столба дыма. Похоже, что западные крепости пали. Люди, жившие в них и вокруг них, возможно уже мертвы, а те, что не умерли — стали пленниками. В лазарете спокойно. Кого могли — подлечили. Но людей убивают не раны и болезни, а отчаяние. Похоже, что надеяться нам больше не на кого, кроме себя.

— Но мы ещё живы, а это достижение. — Ответил я. — Я сделал подборку заклятий — при этих словах я поднял вверх руку с перстнями — так что мы ещё поборемся.

— Поборемся — кивнул он в ответ — В лазарете делать нечего. Мы отдыхаем. И тебе советую отдохнуть. Завтра — послезавтра на нас свалится орда. Лучше к этому моменту выспаться и набраться сил.

Я кивнул в ответ. Разговор больше не клеился. Я с трудом запихивал в себя пищу, тщательно пережёвывая и разглядывая окружающих. В столовой царила тишина, нарушаемая лишь стуком ложек в тарелках. Люди жевали пищу медленно и тихо. Не было разговоров, не было шуток, не было шума общения. В глазах людей действительно застыло отчаяние и обречённость. Отчаяние буквально витало в воздухе, казалось, что его можно пощупать, или хотя бы почувствовать на вкус и запах. Чувство было заразительным. Мне сильно захотелось уйти отсюда, отгородиться стенами своей башни. Меня ждали обряд восстановления и сон. Запив пищу чаем и убрав за собой посуду, я немедленно покинул столовую и направился к себе.

Закрывшись в башне и поднявшись к себе, я отправил посох в стойку. На этот раз я не стал располагаться на табурете. Я присел на кровати. Выпрямился, расслабил лишние мышцы, не участвующие в поддержании позиции. Освободил сознание от всех посторонних мыслей. Руки опустил вниз, наложил ладони друг на друга и приложил их внутренней частью к животу в районе центра воды. Я начал выполнять ритмичное дыхание животом.

Выдох. Медленно и плавно я проводил его на четыре счёта, надавливая ладонями на живот. Эта один, эта два, эта три, эта четыре.

Задержка дыхания. Эта пять, Эта шесть.

Вдох. Отпускаю руки, медленно и плавно впускаю в себя воздух. Эта семь, эта восемь, эта девять, эта десять.

И снова выдох без задержки. Как только тело усвоило алгоритм движения, я ввёл новую постоянную. Моё внутреннее видение открылось, и я увидел потоки жизненных сил. Вместе с новым вдохом я потянул жизненную силу в себя, наложив её поток на поток воздуха. Усилием воли я повёл поток жизненной силы к центру воды своего организма. Мысленно я свернул в центре воды небольшую глобулу, и направил в неё втекающую жизненную силу. Выдох, задержка, вдох, надавливая ладонями на живот. Постепенно мои ощущения стали меняться. «Глобула» наполнялась.

Момент потери сознания и переход в состояние глубокого сна я не заметил. Вот почему я расположился на кровати. Моё сознание отделилось от тела. Пространство расширилось и растянулось, исказилось. С трудом угадывалось направление вверх и вниз. Меня наполнило чувство парения и полёта. Тело отсутствовало или совершенно не чувствовалось. Моё сознание парило в пространстве, наполненном свечением самых разных оттенков и тонов. Эти свечения простирались во все стороны, скручивались спиральями и завихрялись в самых непредсказуемых формах. Эти потоки, вихри и спирали воздействовали на движение мельчайших частиц, наполняющих Вселенную. Эти частицы приходили в движение, создавая упорядоченный хаос, как бы ни казалось парадоксальным это выражение. Во многих местах эти частицы располагались очень плотно, выстраиваясь в замысловатые

цепочки и создавая плотные сгустки материи. Но материя меня сейчас не занимала. Моё внимание было приковано к первоисточнику этого движения — к свечению. На уровне неосознанного, я понимал, что это свечение и есть источник жизни, а также магической силы. И меня этот источник манил. Ведь разгадав его работу, я мог увеличить свои способности. Или мне так казалось. Как зачарованный я смотрел на движение свечения и потоков частиц, но не мог уцепиться за него разумом. «Познание начинается с вопросов», так говорил мой наставник. Но в моей голове не было вопросов, только очарование. Разум отказывался работать в этом мире. Понимание не требовалось, только восприятие. Моё сознание плавало в этих потоках и делало меня счастливым. Было ещё нечто, что удерживало меня здесь. И это были образы, всплывавшие из пространства в моей голове. Мне говорили, что такое бывает, но как управлять ими, нас не учили. И я просто воспринимал образы как данность. Перед моим внутренним взором проплывали люди, города, поля и лесные массивы, моря с плывущими по ним кораблями. Я видел лица незнакомых мне людей, эльфов и орков. Армии, марширующие на марше. Где они? Но внешние пейзажи мне были незнакомы, а потому бесполезны. Перед моим взором мелькали сцены битв и крупных сражений. Когда они были? Или будут? Эти люди. Я их знаю, или буду знать? Эльфы и орки? Почему? В мельканиях сцен передо мной выплыло видение большого зала. Посреди зала стоял игральный стол, за которым сидели игроки. Чем-то они были мне знакомы. Кто они? Игроки разговаривали за игрой и передавали друг другу стаканчик с игральными костями. Раздавались насмешки и тихий говор. Мне стало интересно, и я решил посмотреть на них вблизи. Я заставил себя двинуться вперёд. Что-то было не так. Предметы в зале были не просто большими, они были огромны. Мне приходилось двигаться к столу, лавируя между предметов. При этом я двигался достаточно быстро для человека. Что это такое? Оказавшись рядом со столом, я понял, что сидящие за столом не просто огромны, они — гиганты. Или я слишком мал? За столом произошло замешательство. Сначала один игрок, а следом за ним и остальные игроки повернули головы в мою сторону. Они стали внимательно меня разглядывать. Будь я на их месте, то точно так же мог бы разглядывать мышь, вбежавшую в комнату.

— Этот, похоже, твой.

Сказала дама, сидящая за столом и разодетая в меха и шкуры. Её лицо можно было бы назвать красивым, не будь оно столь огромным. Говоря это, она толкнула рукой в плечо сидящего за столом мужчину. Крупный, надменный, дородный мужчина, облачённый в нарядные и роскошные одеяния, который до этого сидел расслабленно, наклонился ко мне и посмотрел на меня более внимательно. От его взгляда становилось тяжело, будто этот взгляд обладал массой каменной глыбы. Спустя некоторое время он ответил.

— Да, этот мой. Тот самый. — Вновь посмотрев на спутницу, он добавил — Как ты разглядела его под этой оболочкой?

На лице дамы появилось раздражение.

— Мои ближе к природе, нежели твои. А через них и я.

Мужчина кивнул головой. За столом раздались взволнованные голоса. Я расслышал слова «Запрет», «Нарушение», «Устранение» и много других, непонятных мне. Я почувствовал, что разговор идёт обо мне и сжался от страха. Любой из них мог прихлопнуть меня, не моргнув глазом. Что я мог противопоставить такой мощи? Мне захотелось убежать отсюда, но я не знал места спасения. Как я вообще попал сюда? Но не страх приковал меня к месту, более всего во мне заиграло любопытство. Что это за место? Кто эти... люди? Или не

люди? Но тогда кто? Между тем дородный мужчина, признавший меня своим, поднял руку ладонью вперёд. Дождавшись тишины за столом, он заговорил.

— Моей вины нет. Не знаю, как он проник к нам, но это потом. Устранить его мы не можем. На нас запрет на убийство самостоятельно. Всё в своё время, когда его кость ляжет смертью. А сейчас надо его вернуть обратно.

Сидящие за столом начали друг за другом согласно кивать, соглашаясь. Кто-то спокойно, кто-то с неудовольствием. Дождавшись последнего кивка, дородный мужчина вновь повернулся ко мне. Слегка наклонившись ко мне, он сложил руки в молитвенном жесте. После чего проговорил.

— Возвращайся.

При этом он развёл руки в стороны, так что они оказались ладонями на уровне его плеч, и повернул ладонями ко мне. Его лицо было совершенно спокойно. Исчезла тяжесть в глазах. Вместо неё появилась бесконечная мудрость и доброта. Именно в этот миг я его и узнал. Этот лик рисовали живописцы и иконописцы на стенах храмов. Всевышний. Меня подхватили потоки энергии и унесли прочь. Пропали мои видения. Я возвращался.

***

Когда я открыл глаза, то долго не мог понять, где нахожусь. Видения ещё не полностью покинуло моё сознание. Часть меня была ещё там. Где там? В Академии меня и других учеников приучали относиться к высшим силам с почтением. Было ли реальностью моё видение? По крайней мере, эмоции были настоящими. Я испытывал страх, трепет и восторг. Пора было возвращаться. Нас ждала война, и к ней надо было подготовиться. Мне пришлось сконцентрироваться на реальности и происходящем. Пошевелив сначала руками и ногами, я медленно привёл своё тело в вертикальное положение. Конечности затекли. Поднявшись, я сделал несколько осторожных разминочных движений. Моё сознание полностью вернулось в наш мир, а тело подчинялось командам. Я мысленно осмотрел своё тело. Синяки ещё не сошли, но внутренние повреждения моё тело уже устранило. Я улыбнулся. Именно в этот момент на улице прозвонил гонг. Сосчитав удары, я понял, что это призыв к ужину. Меня накрыло лёгкое потрясение. Оказывается, что я проспал обеденный приём пищи. Вот что значит глубокий сон. В ответ на это осознание мой живот недовольно заурчал. Пора было накормить этого зверя. Мысленно усмехнувшись от этой мысли, я стал собираться на ужин.

Спуск и выход из башни не стал чем-то знаменательным. Самый большой отпечаток в моей памяти оставил путь в столовую. Пришлось идти через площадь, мимо повозок и людей, находящихся в них. Я видел людей, уныло бродящих по площади без всякой особой необходимости. Женщин, обнимающих плачущих детей. Те из детей, которые не плакали, сидели уныло в повозках или просто на земле. Не было игр, обычных для них. Не было шуток. Людей накрывало отчаяние и уныние. В этих лицах я видел обречённость. Они уже ни на что не надеялись. Им некуда было возвращаться, их дома были сожжены. Некуда было бежать, враги отрезали все пути. Они нашли последнее убежище, которое действительно могло стать для них последним. На стенах и возле ворот я увидел солдат ополченцев. Отчаяние накрывало даже их. Лучше них чувствовали себя профессиональные воины. Однако и они ходили угрюмые. В атмосфере крепости ощущалось предчувствие большой беды. Капитан дал своим людям отдых перед боем. Отдых восстанавливал тела, но безделье негативно действовало на моральный дух армии. На меня эта атмосфера обречённости тоже

действовала угнетающе. Пищу я проглотил, не задумываясь о её содержании. Просто набил желудок. На обратном пути зашёл в лазарет. Здание было пустым. Аликс спала на кровати, укрывшись покрывалом. Будить её я не стал. Тётя Вера сидела на табурете, прислонившись спиной к столу, и вязала шапочку. Впервые видел её за этим занятием. На плечи нянечки была накинута шаль, что ещё сильнее показывало её возраст. Увидев меня, она вскинула бровь. Я успокоил её жестом. Также жестами объяснил, что пришёл просто посмотреть. Нянечка сразу успокоилась. Её лицо было абсолютно спокойным, как будто общее отчаяние к ней абсолютно не относилось. Это сильно контрастировало с увиденным на улице. Возможно, пережив столько войн и страданий, она стала относиться к этому спокойно. А, возможно, возраст делал её равнодушной к смерти. Стараясь не производить много шума, я обошёл лазарет по кругу и осмотрел состояние операционной. Придаться было не к чему. Всё блистало чистотой. Вновь кивнув нянечке, я покинул лазарет и направился в башню. Снова пришлось идти через людское отчаяние. Я испытал огромное облегчение, когда дверь башни отгородила меня от внешнего мира. Только оказавшись здесь, я внезапно понял, что не видел ни Назара, ни Алкиму. И тут же отругал себя за глупость. Если это последний день их жизни, то они захотели провести его со своими семьями. А как я проведу свой вечер? С такой мыслью я и поднялся в свою комнату.

Оказавшись в своей комнате, я снова задал себе этот вопрос. Пока я обдумывал его, моя рука неосознанно провела ладонью по груди. Грудь чесалась и болела. Тело ещё не восстановилось. Требовалось продолжить работу над собой. Если завтра меня ждёт сражение, то надо быть к нему готовым. Тело должно быть здоровым максимально. Пока я обдумывал эту мысль, в голову закралась и вторая. Моё тело хотело, чтобы я предался отдыху и безделью. Это тоже давало регенерацию тканей, но медленнее. Зато безболезненно. Но я отмёл эту мысль. Я боялся в ходе безделья поддаться отчаянию. Признаюсь, этого в тот момент я боялся больше, чем боли и работы. Отправив посох в стойку, я поставил табурет и сел на него. Закрыв глаза и сложив руки на животе, я начал обряд восстановления. Постепенно мне удалось очистить свои мысли и погрузиться в работу с головой.

Проснулся я перед самым рассветом. Меня разбудил мочевого пузыря. Я поднялся и облегчил его. Тело легко отвечало на команды мозга. Боль прошла практически по всему телу. Меня наполняло чувство лёгкости и блаженства. На улице только начинало светать. Где-то на востоке у самого горизонта появились первые полосы света. Внутри меня родилось сразу два чувства. Хотелось одновременно лечь и насладиться последними минутами радости и покоя, пока не пробьёт гонг. И не ложиться, а продолжить движение и готовиться к жизни и битве, ведь мы на войне. Пока мозг принимал решение, я дошёл до бочонка с водой и, зачерпнув воды, стал пить. В тот миг, когда я поставил ковшик обратно на бочонок, снаружи раздался грохот, и всё здание башни содрогнулось от удара. С потолка посыпалась пыль. Началось.

Второпях я натянул на себя свою нехитрую одежду и открыл люк входа. За стенами башни раздавался постоянный грохот. Башня сотрясалась. У меня было чувство, что она сейчас обвалится. Жаль, что мне не хватило времени укрепить её. Теперь за это приходилось платить. В первую очередь страхом. Засветив посох, я стал спускаться вниз, прижимаясь к столбу. После каждого удара и сотрясения башни, меня толкало в сторону, прочь от центрального столба. Каждое такое мгновение я прилагал немислимые усилия, чтобы не упасть вниз с лестницы. Шаг. Шаг. Шаг. Счёт не помогал, я постоянно сбивался. Я испытал огромное облегчение, когда камень пола первого этажа ударился мне в подошвы башмаков. Я даже не заметил, как кончилась лестница, и попытался сделать шаг ещё ниже. Потребовались время и усилия, чтобы сообразить, что ниже пути нет. Напрягаясь из всех сил, я выпрыгнул на улицу. От башни отслаивалась и осыпалась вниз штукатурка. Было очень пыльно. Мною овладела паника. Бежать. Бежать. Оказаться на площади, среди людей. В этот миг стены крепости содрогнулись ещё раз. Верхняя часть крепостной стены с грохотом разлетелась в разные стороны, оставив на месте ровной площадки рваную брешь, точно огромный великан откусил зубами верхнюю часть. Камни стены поднялись в воздух и стали падать внутрь крепости, прямо на площадь, забитую повозками. Раздались истошные женские и детские крики. По площади заметались в беспорядке люди. Какой-то мужчина выпал из повозки, держась за живот, и, с громким воплем, завертелся по земле волчком. Мои волосы встали дыбом от ужаса происходящего. Мои ноги вросли в землю и отказывались двигаться. Передо мной умирали люди. Невинные. В муках. И крепостные стены, казавшиеся мне надёжной защитой, были бессильны их защитить. Я был бессилен им помочь. Некому было меня пробудить и подсказать, что делать. Капитан был где-то там, в опасной зоне, а я не мог заставить себя пойти туда. Раздался новый грохот. Стена содрогнулась и пошла трещинами, но не рухнула. Надо было принимать решение. Да, решение.

— Это не первый твой бой, Невил. — Проговорил я себе. — Ты уже использовал магию в бою.

Мой собственный голос прозвучал для меня глухо, будто я обращался к себе через стену. Я поднял левую руку и посмотрел на свою ладонь. Было что-то чужое в этой ладони. Она не хотела меня слушаться.

— Посильнее — сказал я своей руке, и ударил себя по щеке.

Таким ударом мне вряд ли бы удалось прибить даже комара. Но было в нём то, что

помогло мне вернуться. На моей щеке остались две царапины. Что царапает? Я с удивлением посмотрел на свою руку и увидел на ней перстни. Время замерло вокруг меня. Я развернул ладонь наружной стороной к себе. Вот оно решение. Во рту образовался комок слизи, который мешал мне говорить. Попытка сглотнуть его не помогла. Как я буду говорить, если забито горло? Я попытался успокоиться и отогнать посторонние мысли, активировал второе видение. Который из камней? И приложил ко лбу первый попавшийся. Это оказался сборник заклинаний для личного пользования. Неосознанно я проник в него. Заклятия закружились вокруг меня как калейдоскоп, словно шар с нанесёнными на внутреннюю сторону рисунками. Как найти нужное заклинание. А какое нужное заклинание? Для начала прочистить горло. Я не понял, что произошло и как, но сразу, как я об этом подумал, шар пришёл в движение и стал вращаться. Вращение остановилось мгновенно, и передо мной возник лист с заклинанием. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — это заклинание, которое мне нужно. Так вот как ты работаешь! Если заклятие есть, то о нём надо только подумать, и оно появится. Я взгляделся в лист пергамента. Заклятие было простым. Набрав в легкие воздуха, я мысленно произнёс.

— Анапнео.

Мгновение спустя меня согнул спазм. Все лишние массы в моем горле и лёгких пришли в движение. Меня согнул кашель. Комок вязкой мокроты вылетел из моего горла и упал на землю в шаге от меня. Кашлянув ещё дважды, я сплюнула землю остатки мокроты. У меня изо рта в направлении земли повисла тягучая слюна. Я утёр губы рукавом мантии. Теперь я был готов. Дышалось легко. Я сменил камень.

— Броню на крепость — прошептал я.

Круг с заклятиями повернулся и остановился передо мной листом пергамента. Я взгляделся в лист. Да, оно. Я распрямил тело. Развёл руки в стороны. Постарался максимально очистить сознание. Мысленно соединился с магической башней. Башня отозвалась гулом магического столба. Когда соединение стало максимально сильным, я произнёс с выдохом на распев.

— Магикус экстремус Протего максима.

Сначала мне казалось, что ничего не произошло. Потом я почувствовал высвобождаемые силы, приведённые в движение силой магического столба. Я понимал, что сила течёт через столб, но ощущение было такое, будто вся эта сила протекает через меня, будто я и есть столб магии. Моё сознание раскрылось, и я увидел, как нашу крепость накрывает прозрачный магический купол. Сила, создающая этот купол, вышла из верхней площадки моей башни, скопилась над ней и стала растекаться во все стороны, опадая и двигаясь к земле вдоль внешних крепостных стен. Зрелище было завораживающим. Мне стоило больших усилий оторваться и вернуться назад. Снова раздался грохот. Но на этот раз более приглушённо. Стены вновь содрогнулись и пошли трещинами, но устояли. Камни теперь не летели во внутренний двор. Я стоял ошеломлённый, но внутри меня возникло чувство радости от моей первой победы.

Теперь надо было найти капитана. Переставляя ставшие ватными ноги, я направился на площадь со всей возможной для меня скоростью. Моя походка была деревянной, но всё-таки она привела меня куда надо. Меня ужаснула увиденная картина. Повсюду валялись обломки камня. То, что недавно было парашютом, теперь в беспорядке было разбросано по всей площади. Большинство повозок было разрушено. У них были пробиты крыши и каркасы, оторваны колёса. Валялся разнообразный скарб. Вокруг побитых повозок сутились люди.

Стоял невообразимый гвалт. Множество людей одновременно стенали, плакали и кричали от боли. Я уже не мог отличить крики мужчин от женских и детских криков. Множество людей звали на помощь. Громко плакали брошенные дети, призывая своих матерей. Оказавшись среди этого невообразимого шума, я потерял ориентацию и способность мыслить. А то, что показывало моё внутреннее видение, описанию вообще не поддавалось. Столько боли одновременно мне до сих пор видеть не приходилось. Я стоял растерянный и оглушённый одновременно, не в состоянии принять хоть какое-то здоровое решение. Хуже всего для меня в тот момент было то, что я стал поддаваться панике.

Именно в таком виде меня и нашёл сквайр. Один из тех, с кем я приехал в крепость. Встав напротив меня, он заглянул в моё лицо и начал что-то говорить. Я смотрел на него непонимающими глазами. На его лице было написано беспокойство. Он кричал и размахивал руками, но я не понимал его. Он махнул рукой, призывая меня следовать за ним, и сделал шаг в указанном направлении. Я продолжал стоять на месте, скованный болью и шоком людей, обрушившихся на меня. Он вернулся, схватил меня за руку и насильно поволок через площадь. Двигался он быстро, и я почти бежал за ним, неуклюже переставляя ноги. Именно в таком виде он и привёл меня к капитану.

Когда я оказался там, то испытал шок не меньший, чем когда попал на площадь. Прямо в арке, под башней группой столпились сквайры во главе с Раймусом. Они стояли над телом человека, которого я не видел. Когда один из сквайров потеснился, то я понял, что на земле лежит наш капитан. Один из сквайров поддерживал его голову. Я вздрогнул. Капитан. В своём сознании я не мог представить его поверженным. Гордый и сильный, мудрый и непобедимый, но не сражённый. Раймус повернулся ко мне и заговорил, но слова я различал с трудом. Однако общий смысл был понятен. Нужно было осмотреть капитана и других раненных. Лицо Раймуса было залито кровью из разбитой брови, но больше видимых ранений не было заметно. А вот капитан. Он был на грани сознания. Его голова была разбита осколком камня. А лицо залито тёмной кровью. Опять не повезло левой части головы. Левый глаз, бывший бельмом из-за плохого лечения, вытекал. Доспех на груди был помят, но не проломлен. У него в бедре торчала стрела. Это меня удивило. Хорошо, что руки и ноги были целы. Голова — это плохо, но решаемо. Теперь я начал приходить в себя. Раны — это моя стихия.

— Держите его.

Это они поняли. Сквайры тут же оседлали его руки и ноги. Конечно, лучше всего было бы отнести его в лазарет и провести операцию в стерильных условиях, со всеми удобствами. Но времени не было. Жизнь капитана утекала вместе с потерянной кровью. Я присел на колени рядом с телом. Пора. Сосредоточившись, я выполнил расслоение реальности, и вошел в плоть головы капитана. Меня пронзила боль. Не о таком пробуждении я мечтал. Рука завопила от боли и окутавшего её огня. Я погрузил её глубже в тело. Капитан дёрнулся всем телом, и сквайры закричали от неожиданности. Они с трудом удерживали его на месте. Их подбрасывало и швыряло из стороны в сторону. Я активировал второе видение и повёл руку увереннее.

Прикоснувшись к вмятым вовнутрь костям черепа, я прикрепил к ним силовые полосы. Вытягивая руку из головы, стал тянуть кости наружу. Я пытался вернуть кости черепа в нормальное для них положение. Было безумно сложно совершить это действие. Тянуть на себя руку, объятую болью, вместе с костями. При этом пытаться уложить их в нормальное положение. А капитан при этом метался в разные стороны, мешая мне выполнить эту

работу. И это притом, что сквайр удерживал голову капитана. Но мышцы шеи капитана были столь мощны, что несчастного сквайра подбрасывало в воздух. Усилие моей второй руки можно не считать. Это не помогало удерживать капитана на месте. Боль вернула капитана в сознание. Он издал звук, похожий одновременно на крик и рык. Его правый глаз открылся и упёрся в моё лицо, как в источник страданий. В тот миг на этом лице была написана моя смерть. Я испытал одновременно страх и радость от того, что его конечности скованы воинами. И продолжил работу. Наконец кости черепа встали на своё место. В местах соединения раздробленных костей я создал силовые магические связки, видевишиеся мне в виде белых полос вдоль линий разлома. Вместе моего проникновения в плоть головы аура капитана изменилась с насыщенной синей на ярко-красную. Он испытывал сильнейшую боль. Рой красных капель стал отделяться от головы капитана и уплывать в пространство. Я накинул на него ментальную сеть и потянул к себе. Рой стал притягиваться к голове капитана. Так я усиливал его боль и, одновременно, ускорял лечение. Необходимая жестокость, как говорил мой наставник. Мне нужна была эта энергия, чтобы срастить кости черепа. Продолжая стягивать ментальную сеть, я загнал почти весь рой красных капель обратно в рану. Теперь надо было их использовать. Я задал программу и наблюдал, как она исполняется. Я наблюдал как соединительные клетки ткани — фибробласты — синтезируют коллаген и эластин, соединительные белки организма. Видел, как белковые волокна укладываются вдоль соединений магических связок, заполняя травмированную зону. Красные капли боли врывались в рану и впитывались тканями. Конечно, нельзя срастить кость, но можно её склеить с помощью органического соединительного белка. Что сейчас я и произвёл. Это соединение слабее нормальной кости, но постепенно организм заполнит его кальцием и коллагеном. Тогда кость станет нормальной. Но сейчас это было лучшее, что я мог сделать для него. Мне пришлось ещё трижды погрузить руку в плоть раненого капитана. Один раз для того, чтобы срастить мышечные волокна, другой раз — стянуть кожу, третий — чтобы восстановить пробитый и вытекающий левый глаз капитана. Я мог гордиться своей работой. Работал я второпях, и шрам получился не такой аккуратный, как можно было надеяться. А ещё мне пришлось попутно выводить из тела грязь, попавшую в него.

Когда я уже заканчивал работу, то почувствовал боль в горле. Мне стало тяжело дышать, а в глазах потемнело. Пришлось вернуться в наш мир, чтобы оценить ситуацию. Увиденное повергло меня в шок и ужас. Капитану удалось освободить свою правую руку. И он дотянулся до моего горла. Боль застилала ему глаза и отнимала способность думать разумно. Но реакции у него были воинские. Убить обидчика. И сейчас этим обидчиком был я. В тот момент меня посетило понимание, что жить мне осталось считанные мгновения. Раймус и сквайры вцепились в его руку и пытались разжать его пальцы. Может им это и удастся, но уже после моей смерти. Неосознанно я шарил руками вокруг себя. Бессмысленное занятие, порождённое отчаянием. Когда моё сознание стало меркнуть, я нащупал под рукой рядом со своей ногой нечто деревянное. Сомкнув на нём пальцы, я опознал свой посох. Схватив его левой рукой, я направил его наверх в сторону капитана. Мне не было видно, во что упёрся мой посох, но это было не важно. Заклятие само проявилось в моей голове. То самое, из первого канона умиротворителей. Осталось только его произнести. И в тот миг, когда мой мир почти померк, это заклиание было произнесено.

— Петрификус тоталус.

Мне неизвестно, произнёс ли я его вслух, поскольку горло было зажато. Возможно, мне удалось это сделать невербально. До этого такое заклиание мне удавалось только вербально.

Но оно подействовало. В следующий миг меня подбросило в воздух. Закричали сквайры и стали раскатываться в разные стороны. Упал на землю Раймус. Прежде, чем я коснулся земли, наступила тьма.

Когда я открыл глаза, молодой сквайр легонько бил меня по щекам. Лежал я на спине, но неудобно. Потребовались усилия, чтобы прийти в себя и подняться. Похоже, что времени прошло совсем немного с момента, когда я потерял сознание. Капитан лежал смиренно, стянутый заклятием, с руками и ногами, вытянутыми вдоль тела. Волосы капитана на темени слиплись от крови, но шрам был полностью залечен и больше не кровоточил. Глаза капитана смотрели на мир яростно, но более разумно. Похоже, что боль постепенно отпускала. Осталось залечить ногу. И сделать это надо сейчас, пока заклятие не перестало действовать. Я осторожно приблизился к капитану, готовый немедленно бежать. Осторожно подошёл к раненой ноге. Остальные наблюдали за мной, ожидая моих указаний.

— Поверните его больной ногой вверх — прохрипел я, борясь с болью и першением в горле.

Сквайры осторожно повернули его. Достав с пояса нож, я срезал оперение орочьей стрелы. Хорошо, что стрела пробилась ногой навывлет. Постаравшись вытянуть стрелу из раны, понял, что эта работа мне не по силам. Глянув на Раймуса, я попросил.

— Попробуй вытянуть стрелу за наконечник.

Раймус протянул ладонь и, схватив торчащий наконечник, провернул древко стрелы в ране. После чего легко вынул её из ноги капитана. Кровь обильно хлынула на землю. Протянув руку и совершив расслоение реальности, я вновь вошёл в тело капитана. Когда я закончил лечение, у меня обильно тёк пот. В ушах пульсировало. Снова раздался грохот. Занимаясь лечением, я и забыл, что нас обстреливают. Я осмотрелся. Вокруг столпились воины.

— Интересно, мне его освободить, или пусть пока так полежит? — Спросил я, указав на капитана.

— Лучше освободи. — Ответил Раймус.

— Но, он же меня убьёт?

— Мы же здесь. Чего ты боишься?

Рядом согласно зашумели сквайры.

— В прошлый раз это не сильно помогло. — Ответил я, потирая горло.

И увидел виноватые взгляды окружающих. Протянув руку с посохом в сторону капитана, я совершил над ним движение наверху посоха дугообразно и проговорил.

— Фините Инкантатем.

Капитан сразу зашевелился. Одновременно с этим я отступил за спины сквайров, готовый в любой момент снова наложить заклятие умиротворения. Но этого не потребовалось. Капитан достаточно овладел собой. В его глазах ещё билась боль и ярость, но уже проявилось новое чувство. И это было чувство вины. Он прокашлялся и прочистил горло. Отвёл глаза в сторону и произнёс.

— Не серчай.

Мы осторожно выглянули из-под арки башни. По-прежнему раздавался грохот ударов камней о стену. Вопли раненных людей и животных, плач детей и женщин. Но камни больше не влетали вовнутрь крепости. Оглядевшись, я осторожно стал выходить наружу. Следом за мной потянулись сквайры. Среди них вышел и капитан, продолжая держаться за голову. Мы огляделись.

— Почему камни не падают внутрь? — Задал вопрос Раймус.

— Я поставил на крепость защитный купол. — Ответил я хриплым голосом.

Все с удивлением посмотрели на меня.

— Это башенное заклятие — поспешно добавил я — я его освоил недавно, уже здесь, после подключения к башне.

Я стал смущенно отводить глаза. Было неудобно стоять под таким пристальным вниманием.

— И как оно работает? — спросил капитан.

В этот момент крупный камень, размером с голову среднего человека, попал в защитное поле выше крепостной стены. В месте попадания прозрачная синь неба исказилась, пошла кругами, точно водная поверхность. Камень замедлил полёт и постепенно остановился. После чего невидимая глазу сила мягко вытолкнула его наружу. Камень стал скатываться вниз, оставляя после себя на покрытии купола расходящиеся волны. Вблизи верхнего края крепостной стены его скорость движения сильно упала. Камень просочился сквозь завесу и упал на площадку крепостной стены. Стена в этом месте была уже значительно разрушена, поэтому камень просто скатился к подножию и остался лежать неподвижно.

— Раньше мне не приходилось пользоваться такими заклятиями, — ответил я смущенно, — но в книгах записано, что силовая завеса замедляет движение быстро летящих тел, камней или стрел. Но медленно движущийся объект пропускает. Человек через неё может пройти спокойно. У завесы есть свой срок действия и количество ударов, которые она может выдержать. Когда ресурс будет исчерпан, нужно будет поставить завесу снова.

— Замедляет, но не останавливает. Я так понял? — переспросил Раймус.

Я кивнул головой.

— Завеса слишком близко проходит около стены. Поэтому камни и ударяют в неё. Они теряют часть своей энергии, но не всю — я указал на стену — скоро стена всё равно падёт. Позже, чем без завесы, но неминуемо.

— Понятно — заявил капитан.

И, обернувшись вокруг, он заорал яростным голосом. Он раздавал команды. Люди начали шевелиться, и в крепости стал появляться порядок. Женщин и детей уводили в дальнюю часть крепости, подальше от летевших извне камней. Имущество было брошено. Мужчины хватались за оружие и занимали свои места на крепостной стене и возле ворот. Капитан не разрешил бойцам размещаться вблизи места обстрела. На земле осталось много раненных мужчин и женщин. Мёртвых оттаскивали в сторону. Паника постепенно утихала. Люди, занятые работой успокаивались. Повернувшись ко мне, капитан проговорил.

— Подними как можно больше воинов. Женщин и детей после. Если переживём день. — Он потрогал веко левого глаза и покачал головой. — Что с моим глазом. Перед взором какая-то муть.

— Я восстановил твой глаз. Ты им долго не пользовался. Мозг пока не понимает картинки, посылаемые им. Но это ненадолго. Скоро прозреешь и будешь видеть обоими глазами.

Сразу после этих слов, я направился на площадь. Почти сразу я натолкнулся на Алкиму. Она перевязывала раненную женщину. Пройдя несколько шагов до неё, я остановился и заговорил.

— Где Назар?

Алкима неопределённо махнула рукой в сторону столовой. Я обернулся и увидел Назара

в двадцати шагах, несущего на руках ребёнка в сторону лазарета.

— Назар,

Заорал я, стараясь перекричать шум на площади. Он обернулся. Поняв, что он меня видит, стал громко кричать.

— Капитан хочет, чтобы сначала подняли воинов. Сколько сможем. Потом остальных.

Назар кивнул и продолжил путь. Я дошёл до мужчины, которого видел выпавшим из повозки. Его живот был разорван, но внутренности не выпали. Он сжимал руками разорванное тело, не давая кишкам выпасть наружу. Пора лечить. Внезапно засадило горло. На грани сознания мелькнула мысль, которая сразу же оформилась в идею. Испытывать на себе побой мне больше не хотелось. Я вскинул посох и проговорил.

— Петрификус Тоталус.

Мужчина дёрнулся, вытянулся и замер. Его лицо исказила гримаса сильной боли. Рот открылся для крика, но из него вырвался лишь хрип. Откинув стопой мелкие камни, я встал перед ним на колени и начал лечить, сращивая разорванную плоть. Когда последняя часть кожи была мною сращена в виде грубого, корявого шрама, я смог распрямиться. Ещё раз окинул взглядом тело излеченного воина. Других повреждений не было. Воин пребывал в состоянии сильного шока от боли, но был вполне здоров. Я поднялся на ноги.

— Фините Инкантатем.

Воин сразу освободился от магических пут. Его скрутило в жестких спазмах боли. Он дико закричал и забился. Но это длилось не долго, и воин успокоился. Рядом раздался голос Назара.

— Быстро ты. Поможешь? Здесь случай тяжёлый.

Я обернулся.

— Сначала лёгких. Тех, кого можно сразу отправить на стены. Потом тяжёлых. Остальных потом, когда бой закончится. Приказ капитана.

Он кивнул.

— Понимаю. Идём.

Идти пришлось целых пять шагов. На земле недалеко друг от друга лежало два воина. Один был лёгкий, второй тяжёлый. Легко раненному воину осколок камня вошёл в грудь и торчал наружу. Он елозил по земле. От безумия и боли не подпускал к себе никого. Вокруг сновали две женщины, пытаюсь увести его в лазарет, но боялись подойти. Тяжёлый воин лежал рядом тихо. В его глазах застыла обречённость. Большой камень, пробивший стену, упал прямо на него и придавил ему левую верхнюю часть тела. Его плечевой сустав и большая часть руки покоились под этой неподъёмной глыбой. По другую сторону камня торчала его левая рука. Стало ясно, что, когда мы доберёмся до него, руку спасти не удастся. Мне стало жалко его. Я признал в нём стражника, обнаружившего вражеского шпиона. Решение созрело мгновенно.

— Твой лёгкий, мой тяжёлый. Приступим.

В глазах Назара мелькнуло понимание. Было чувство, будто он и не сомневался в моём решении.

— Осталось только поддержать — озадаченно сказал Назар, глядя на движения своего пациента.

— Подержим — ответил я, направляя посох на бойца — Петрификус Тоталус.

Воин дёрнулся и замер, вытянувшись в струну.

— Ловко — Назар восхищённо приподнял бровь.

— Жестоко — ответил я и добавил — Но необходимо. Времени нет.

Назар сел верхом на своего воина и достаточно грубо ввёл в него свою руку. Второй рукой он вцепился в обломок камня и потянул его на себя. Камень медленно пошёл наружу. Я развернулся к своему и направил посох на камень. Совершил петлеобразное движение наверху посох и произнёс.

— Вингардио Левиоса.

Камень медленно оторвался от земли и повис в воздухе. Это ненадолго. Протянув руку, я толкнул камень в сторону. Он медленно отплыл и стал опускаться на землю. Взглянув по сторонам, я обнаружил, что женщины ещё здесь.

— Вы обе. Сядьте ему на ноги и на руку.

Женщины повиновались. Снова раздался грохот ударов камней о стену крепости. Это становилось привычным. Я и не обратил бы на это внимание, если бы стена не пошла трещинами, и приличный кусок верхней части стены не осыпался вниз. Времени было мало. Я присел на колени перед раненым. Перемещать его было нельзя. Включил второе видение, произвёл расслоение реальности и вошёл в тело бойца. Лечить нужно от груди и наружу к пальцам его руки. Воин застонал, крепче сжал губы, но не шелохнулся. Он переносил свою боль стоически. Сильный воин, духовно сильный. Я был рад, что взялся его лечить в нарушение приказа. Медленно я продвигался по его конечности, склеивая кости и восстанавливая ткани. Я почувствовал присутствие Назара, который стал помогать мне укладывать сломанные кости в единую систему. Сказать, что время пролетело незаметно нельзя, но операция окончилась. Я сидел на коленях, покрытый каплями пота, и тяжело дышал. Окинув последний раз тело бойца вторым видением, я дал знак отпустить его. Он лежал неподвижно некоторое время, видимо приходя в себя. Без всяких приказов он поднялся на ноги, опробовал свою левую руку. По лицу было видно, что он испытывает остаточную боль, но его глаза выражали бескрайнюю благодарность. Шатаясь, он направился к стойке с оружием и наткнулся на лежащего воина, которого лечил Назар.

— Ты чего разлётся — рыкнул он — марш на стену.

И пнул ногой хнычущее тело.

— погоди — остановил его я — Фините Инкантатем.

Воин сразу начал двигаться и, продолжая хныкать, потопал к стойке с оружием вслед за моим воином. Проводив их взглядом, я взглянул на Назара.

— Где ещё раненые воины?

Я задал вопрос специально громко, чтобы услышал не только он. Вокруг нас раздались голоса. Меня звали к себе сразу несколько человек. Я ещё раз осмотрел стену. Она продолжала рушиться и покрываться трещинами, хотя и не так быстро, как задумывали орки. Я мог собой гордиться, но у меня совсем не было сил на это. Я и Назар двинулись по кругу от одного раненого к другому. Работать в тандеме оказалось очень эффективно. Болезненное всего было смотреть на израненных женщин и детей, истекающих кровью. Моё сердце обливалось кровью, но помогать им сейчас было нельзя. Вот так, под грохот падающих камней, стоны раненых и плач детей мы продолжали работать. Один я бы работал намного дольше, но в паре с Назаром мы в течение часа излечили всех воинов и отправили их на стену к капитану. Только после этого мы приступили к лечению женщин и детей. Это жестоко, но жестокость оправданная. Перед глазами мелькали лица, изломанные тела и конечности, выпавшие внутренности, лужи крови. Наверное, когда-нибудь я стану жестоким и циничным человеком, но в данный момент мне было больно. Второе видение открывало

поистине жуткие картины. Растекающиеся рои человеческой боли, эманации страха и страданий, запахи испражнений. Последней на площади я лечил женщину и её ребёнка. Девочка была ранена не сильно, но двигаться не могла. Женщина была ранена значительно сильнее. Жизнь уже покидала её, когда я её нашёл. Но даже на грани жизни она продолжала тянуться к своему ребёнку. Её позвоночник был переломлен ударом камня, а из разорванной спины мелкими струйками вытекала кровь. Она теряла сознание, но приходя в себя, продолжала тянуться рукой к девочке. Чудо, что она ещё была жива. Она лежала на животе и была в сознании, когда я наложил ей руку на лоб.

— Ей помощи — хрипло прошептала она.

— Да, помогу — ответил я.

Я открыл второе видение. Усилием воли я ввёл «силовой щуп» в её голову прямо через свою ладонь. Протянув щуп внутрь её головы, я уцепился за её сознание. Я знал, что сейчас причиню ей сильную боль, практически на грани болевых возможностей человека. Нельзя было дать ей умереть, нужно было удержать её сознание в этом мире. Уцепившись за её сознание, я наложил заклятие.

— Петрификус Тоталус.

Тело женщины дёрнулось и вытянулось. Боль, испытанная ей, практически оглушила меня. Недостаток удержания сознания «силовым щупом» в том и заключается, что маг испытывает всю гамму страданий больного через эмоциональный перенос. Сознание женщины заметалось в её голове и постаралось «уйти», спрятаться от боли этого мира. Меня скрутило от боли, но я не разорвал захват. Несмотря на сильнейшую боль, женщина была жива. Я надеялся, что она сможет сохранить рассудок после перенесённого потрясения. Продолжая удерживать её сознание, я провёл расслоение реальности и вошёл в её тело напротив сломленного позвоночника. Её боль явилась невероятным источником силы. Никогда прежде мне не приходилось сращивать ткани и склеивать кости с такой скоростью. От боли женщина не могла даже кричать. Вся её аура превратилась в огненно-красную. Завершив лечение, мне пришлось ещё некоторое время сидеть рядом и удерживать её сознание. И только убедившись, что сознание останется и не покинет своё тело, я осторожно отпустил её. Но заклятие снимать не стал. Перевернув её на бок, я перенёс ребёнка так, чтобы она могла его видеть. Лечение я провёл прямо перед глазами и под надзором матери. Только когда девочка поднялась и пошла своими ножками, я отпустил мать.

— Фините Инкантатем.

Женщина подтянула к себе колени и выгнулась дугой. Остаточная боль была не так сильна, как та, что она перенесла недавно, но достаточна, чтобы причинять ей неудобства. Её глаза горели безумием, сомневаюсь, что она что-то соображала. Её лицо перекосило от боли, и слёзы обильно хлынули из её глаз. Рот открылся, и протяжный крик пронёсся над площадью. Тело женщины содрогнулось от страданий. Она громко заплакала. Вместе с ней заплакала и её дочь. Это и был момент, когда в ней мог победить или разум, или безумие. Продолжая рыдать, женщина вытянула руки и притянула к себе дочь. Крепко обнявшись, мать и дитя продолжали рыдать. Я не мог пошевелиться. Назар оказался мене трогательным, чем я. Схватив её за волосы, он поднял женщину на ноги и поволок в сторону дальней башни, в которой мы устроили временное убежище для женщин и детей. Там передав её в руки другой женщины, он вернулся на площадь.

— Я думал, что она умрёт, — сказал он ошеломлённо — ты совершил чудо. В тебе задатки великого волшебника, если не растеряешь.

Я был слишком уставшим и ошеломлённым, чтобы уточнять. Я окинул себя взглядом. Моя одежда была грязной и запылённой, местами перепачканной пятнами крови. Руки были покрыты коркой грязи и крови. Я вытягивал грязь из пациентов, но со своих рук снять не догадался. Тело дрожало от усталости, в глазах плавали круги. Правая рука горела от боли. Сзади меня окрикнули. Усталость была так сильна, что на удивление сил просто не осталось. Мы с Назаром обернулись. К нам направлялся капитан. Слышался грохот обстрела крепости из вражеских метательных машин, которые я ещё не видел, да и не смог бы опознать или отличить от других боевых машин. В целом же, на площади установилась тишина. Мужчины, женщины и дети уже покинули её. Крепость и её гарнизон готовились встретить вражескую волну, когда пробьют стену. Капитан улыбался, хотя я не видел причин для радости.

— Молодцы! — Он растянул рот в улыбке. — И за лечение бойцов, и за купол. — Он ткнул пальцем в небо. — Сейчас мы уже должны были все умереть.

Он потёр ладонью шрам на голове. Видимо боль до сих пор причиняла ему неудобства.

— Стены уже должны были пасть, а большая часть гарнизона — погибнуть. Спасибо за купол. А теперь марш в лазарет и сидите там до конца боя.

— Это не все возможности башни. — Ответил я. — Ещё пара заклятий и мы уйдём.

Я встал прямо, хотя это было и нелегко. Прикоснулся ко лбу камнем кольца и включил второе видение. Передо мною сразу всплыл образ кольца из листов пергамента, вращающегося вокруг меня. Я попытался напрячь память, чтобы вспомнить какие заклятия были на кольце, но понял, что это бесполезно. Сильно уж я устал. Поэтому решил просто просмотреть листы один за другим. И сразу приступил к этому занятию. Щит, строительство, молния, настройка на башню, быстрота. Да, сначала это заклятие. Я встал прямо и попытался связаться мысленно с башней. Башня отозвалась гулом магического столба. Я обратил внимание, что гул был слабее, чем утром. Да. Башня слегка разрядилась, а сейчас я разряжу её ещё сильнее. Когда связь с магическим столбом стала устойчивой, я произнёс.

— Асселератио омнис.

Я почувствовал, как потекла энергия из магического столба. Но при этом никаких изменений в себе не заметил. Однако энергия, выделившаяся из столба, растеклась волной по крепости и затихла. Я снова приложил камень кольца ко лбу и заглянул в него. Лечение, Сила атаки. Вновь установил связь со столбом башни.

— Потентиа Сумма Эним Омниа.

Вновь выделилась энергия и растеклась по крепости. Опять заглянул в камень кольца. Заклятие точности.

— Сублимтер Плюс Эним Омниа.

Вновь выделилась энергия и растеклась по крепости. Опять заглянул в камень кольца. Броня для воинов.

— Лорика Ферреа Ад Омнес.

Вновь выделилась энергия и растеклась по крепости. На этом мои возможности были исчерпаны.

— Теперь мы уходим. — Я попытался развернуться.

— Что ты поставил? — остановил меня капитан.

— Быстроту, увеличение атаки, повысил точность и добавил стойкости брони. Всё, что мог. Чем сильнее маг, тем выше прибавляется способностей.

— И на том спасибо. — Капитан улыбнулся.

Я и Назар отправились в сторону лазарета.

Наше появление в лазарете произвело фурор среди присутствующих в нём людей. Было много легкораненых, которые смогли сами добраться до лазарета. Многие из них поддерживали повреждённые конечности. Среди них было четверо мужчин. Один из них бросился к нам, требуя, чтобы его немедленно вылечили. Остальные вели себя более сдержанно. Аликс и Алкима сновали между ранеными и делали перевязки. На входе нас встретила нянечка. Она заставила нас умыться и отмыть руки. Я добрался до умывальника и заглянул в зеркало, висевшее на стене возле него. Моё лицо было покрыто слоем пыли со следами потёков пота и размазанных пятен крови. Видно было, что, вытирая пот, я размазал по лицу грязь и кровь. Волосы были грязны и перепачканы слоем грязи, пыли и крови, были растрёпаны в разные стороны и спадали на лоб грязными сосульками. Мантия с грязью и кровью вместе с поясом отправились на лавку. Я и Назар встали по обе стороны от сливной бадьи. Нянечка принесла кувшин с тёплой водой. Плеснув водой нам на руки, она подала нам маленький ковшик с жидким мылом. Я намылил руки и стал ожесточённо оттирать грязь, заметив, что Назар внимательно за мной смотрит и повторяет мои движения. Смыть грязь с рук, я испытал определённое удовольствие. Я ещё наслаждался чистотой рук, когда нянечка грубо схватила меня за шею и пригнула к бадье. Мне на затылок полилась тёплая вода. Мой возмущённый крик захлебнулся в потоке грязной воды, стекающей мне на лицо. Следом на мой затылок пролилась вязкая жидкость, которую я определил как мыло. Следом до меня донёсся резкий окрик няни.

— Мойся.

Я стал усиленно растирать волосы головы и царапать кожу. На лицо мне стала стекать пена. Я закрыл глаза и ладонями растёр лицо, смывая грязь, и снова вернулся к волосам. Скоро мои волосы превратились в густой клейстер, и на мою голову обильно потекла тёплая вода. Я наслаждался потоком тёплой, приятной воды, смывающей с меня клочки серой пены и уносящей её в сливную бадью вместе с грязью. На душе становилось чисто и приятно, как и на теле. Сквозь потоки воды я расслышал грозный окрик няни.

— Ты это куда?

Я вздрогнул и насторожился. Захотелось сказать, что я, в общем-то, не ухожу. Но услышал приглушённый и одновременно жалобный и виноватый голос Назара.

— Ну, я же чистый...

— Ты — следующий. Будете у меня тут грязь разводить...

Водяной поток прекратился, и я поднял голову. С меня ещё текла вода, и мне на голову кто-то накинул матерчатое полотенце. С удовольствием и некоторым остервенением я растёр волосы и протёр лицо. Отняв полотенце от лица, я увидел Аликс. Она держала в руках новое полотенце и пустой кувшин из-под воды. Видимо она и принесла новый кувшин с полотенцами. В это время нянечка пыталась пригнуть к бадье голову Назара. Назар медленно пригибался, продолжая жалобно и негромко возмущаться, утверждая, что он всё-таки чист. Но при этом подчинился настойчивости нянечки. Его пыльные, грязные, серые патлы были отброшены вперёд. Оголилась не менее грязная шея. После этого на шею, а потом и на волосы полилась струя воды. Следом за водой из маленького ковшика на волосы плеснули немного мыла. Назар отнял руки от бадьи и стал вяло размазывать грязь по волосам. Нянечка заворчала и взглянула на Аликс. Между двумя женщинами — старой и юной, вспыхнуло понимание. Аликс кивнула головой. Закинув полотенце себе на шею, она

встала напротив Назара и пальцами впиалась в его волосы. Она стала усиленно растирать мыло в волосах. Назар жалобно заскулил и попытался подняться от бадьи, но грозный окрик вернул его обратно. Аликс продолжала растирать волосы на голове Назара, пока они не превратились в сплошной серый колтун.

— Лицо умывай усердней.

Сказала тётя Вера и стала поливать голову Назара водой. Аликс тормошила его волосы, давая возможность их промыть лучше. Назар усиленно тёр лицо. В бадью полилась грязно серая масса, вызвавшая у меня приступ отвращения. Неужели грязь, смытая с меня, выглядела также? Промыв голову Назара от пены, нянечка его отпустила. Аликс накинула ему на голову полотенце. Глядя на всю эту процедуру, я продолжал тереть голову своим полотенцем. Поэтому моё полотенце было уже совсем мокрым. Бадья при этом была уже полна грязной воды, с плавающими в грязной воде волосами и комками пены. Аликс взялась за одну ручку бадьи, а нянечка попыталась взяться за другую, но я её отстранил, дав знаками понять, что сам отнесу вместе с Аликс. Нянечка тут же переключилась на Назара, схватив его за рукав, и поволокла его в главную палату лазарета. Мы вынесли бадью на улицу и отнесли к отхожему месту, где и вылили в яму, наполовину заполненную отходами и, видимо, не раз используемую для этой цели. Аликс бежала впереди, а я нёс за ней бадью в направлении входа в лазарет. Перед входом я оглянулся на стену. Она была уже наполовину разрушена, трещины были видны даже отсюда. Стена содрогалась от ударов, но ещё не пала. До сего момента я даже не видел врагов, а сейчас не видел и наших воинов, затаившихся в стороне от зоны обстрела. Мне было страшно. Я гнал от себя мысли о том, что же произойдёт, когда падёт эта наша защита. Я отвернулся от вида разрушенной стены и вошёл в лазарет.

Вернувшись, я осмотрел свою мантию. Она требовала основательной стирки, но времени на это не было. Натянув на себя мантию, я закатал рукава. Надел пояс, и, прихватив посох, направился в палату. Оказавшись внутри, я заметил в помещении двух новых людей, явно не больных. Раньше я видел их на кухне. Один из них толкал перед собой небольшую тележку, а второй раздавал раненым чашки с пищей. Я подивился и восхитился одновременно. У этих людей всё было размеренно. Война войной, а обед по расписанию. Грохот обстрела, смерть людей, крики раненых не помешали этим людям приготовить пищу для гарнизона крепости, а потом накормить людей. А ведь действительно. За всеми делами и бедствиями я не заметил, что наступило время обеда. А ведь я ещё и не завтракал. В животе заурчало. Я повёл глазами по палате и увидел, как из операционной мне машет рукой нянечка. Я протиснулся между ранеными людьми к операционной. Прямо на операционном столе был накрыт наш обед. Пища была простая. Овсяная каша, раздробленная перед варкой, с кусочками фруктов, кажется яблок. Для каждого была своя плошка с воткнутой в кашу ложкой. Рядом стояли чашки с чаем. Чем богаты — тому и рады. Аликс и Алкима уже уплетали свою кашу с большим аппетитом. Нянечка вяло ковыряла свою кашу ложкой, тщательно пережевывая порцию. Назар держал свою плошку руками. Его бородатое лицо и весь внешний облик имели вид как у маленького ребёнка, которого подвергли жестокому и незаслуженному наказанию. Я задал себе вопрос: а он часто моется? И усмехнулся этой глупой мысли. Я навсегда запомнил свой первый боевой обед. Страх смерти, ужасы войны, стоны раненых и эманации боли, витавшие в воздухе, давили на психику. И на этом фоне любое действие, говорившее, что ты ещё жив, ценилось очень высоко. Еда. Маленькое торжество жизни. Даже эта простая пища в тех условиях, стала для меня настоящим

лакомством и наслаждением. Оно продлилось не долго, но оставило во мне яркий отпечаток на фоне войны.

***

Нор Дролл стоял на расстоянии от вражеской крепости в пятистах шагах. То, что он увидел, с трудом помещалось в его голове. Последний раз он видел подобное в далёкой юности. Только сильнейшие людские маги могли создавать такое. Крепость людей была накрыта огромным прозрачным магическим куполом, колыхающимся волнами от каждого попадания огромных камней, пущенных из метательных машин. Да, стена рушилась, но значительно медленнее, чем было задумано. По плану, ещё до обеда должен был начаться штурм. Но обед уже наступил, а стена была разрушена только наполовину. Штурм затягивался. В голове орочьего военачальника стали закрадываться сомнения. Весь его опыт говорил об опасности поражения. В юности он наблюдал за другими военачальниками и заметил, что каждый раз, когда у противника обнаруживался столь сильный маг, они избегали столкновений с ним. Его положение отмечалось на картах, а передвижения отслеживались разведчиками. Армия старалась обходить такие места. И если он чему-то научился в жизни, так это не брезговать опытом своим и других. Это не раз спасало жизнь ему и его воинам. Нор Дролл передёрнул плечами. Ведь его предупреждали. Но в такие вещи чаще всего веришь тогда, когда видишь своими глазами. За последние годы маги людей размякли, стали утрачивать силу и таланты. Штурмы предыдущих крепостей подтверждали это мнение. Но эта крепость оказалась крепким орешком. И всё из-за мага. И ведь отказаться нельзя. Это не простой набег, а ослабление пограничных рубежей Империи перед большой войной. Он вздохнул. У него под рукой две тысячи бойцов. Наполовину орки, наполовину гоблины. На этот раз он приготовил осадные щиты и крепкие доспехи, второй раз он ошибки не повторит. При них шесть крупных метательных машин, с помощью которых он уже взял пять крепостей. Этого достаточно, чтобы взломать и шестую.

А ещё у него есть козырь в рукаве. Нор Дролл мельком взглянул влево. Там, ближе к тени леса в окружении прислуги расположились два человеческих мага-ренегата. Они сидели на роскошных креслах, которые зачем-то привезли с собой. Жили они в роскошных шатрах и перемещались не в повозках или верхом, как вся остальная армия, а в паланкинах. Носили роскошные одеяния, украшенные драгоценными побрякушками. Для Нор Дролла явный признак разложения и упадка. Прибыв в ставку орочьего военачальника по приказу своего барона, они осмотрели его с таким презрением и высокомерием, как будто это не их прислали для усиления орочьей армии, а сама орочья армия придана им в прислугу. Нор Дролл внутри вскипел от гнева, но внешне ничего не показал. В конце концов плевать, как вы на нас смотрите. Главное — уничтожьте этого мага. А потом я закрою на это глаза. Главное — победа. Я запомню ваши презрительные взгляды. Будь у меня возможность, я лично сорву шкуры с вас и вашей прислуги и отдам вашу плоть на поедание воинам. Но это потом. Ради мести он не собирался приносить в жертву своих бойцов. Поэтому и стерпел явное оскорбление.

Штурм затягивается, но не отменяется. Возникли новые проблемы. Но решаемые. Стена всё равно падёт. Войска пойдут на штурм. Маги нейтрализуют вражеского мага, а солдаты перебьют защитников. Надо только приложить максимальные усилия. Штурмовать всей мощью армии, а не мелкими группами. Задавить массой. А здесь у него было явное

преимущество. Развернуть конницу они больше не смогут, значит, будут драться в пешем строю и преимущества у них не будет. Быстрый удар, быстрое сокращение, быстрое смешение войск и даже если вражеский маг переживёт бой с магами, то он не сможет использовать магию, опасаясь задеть своих.

А если атака захлебнётся? Как опытный и умный военачальник он должен предусмотреть и эту возможность. Второй раз он в атаку своих бойцов не бросит, а сметёт эту крепость метательными машинами, разрушит до основания. От этого вражеский маг защитить не сможет. Устроим осаду. Без продуктов на развалинах они долго не протянут. Так или иначе — эта крепость обречена. Скоро сюда заявится вражеская армия числом больше, чем у него. Время уходит. Сразу после штурма нужно подготовить пути отхода. Большую часть армии сразу отвести к мостам, расположить там лагерем. Это облегчит отвод основной армии и переход границы. Но сейчас нужно выиграть этот штурм, а всё остальное — потом.

Сразу после обеда я заявил, что сначала надо излечить воинов и отправить их к капитану, потом женщин и детей. Остальные кивнули головами. На их лицах отразились улыбки. Только сейчас я осознал, что в этой компании младше меня только Аликс. Остальные были старше, опытнее и мудрее. Они, конечно, подчинялись, но было видно, что они просто позволяют маленькому ребёнку играть в начальника. Официально я для них начальником не был, только формальным. Они могли и не подчиняться, но предпочитали не спорить. Мы приступили к работе. Отдали тарелки и чашки работникам столовой и очистили стол от остатков нашей трапезы. Позвали первого мужчину с пробитым стрелой бедром. Я и Назар помогли ему взобраться на стол и лечь на него.

— Надо поддержать? — спросила нянечка.

— Поступим по-другому. Петрификус Тоталус. — проговорил я, направив на него наверх посоха.

Мужчина дёрнулся и вытянулся на столе. Заклятие сковало его. На удивлённые взгляды нянечки я ответил.

— Набираюсь опыта.

Сразу после этого я приступил к лечению. Дальше всё пошло по накатанной. Мы лечили людей с Назаром по очереди. Это сильно ускорило и облегчило нам работу. Скоро всё сплелось в сплошную полосу из заклятий и расслоений реальности. Казалось, что мир существует только в этой последовательности. Мы лечили, Алкима и Аликс меняли повязки, а нянечка руководила всем процессом. Её крик наводил порядок. Часто она грубо руками выталкивала за дверь кричащих и заплаканных женщин, излеченных нами, но ещё не успевших отойти от боли. Их визги выводили меня и Назара из равновесия, но не тётю Веру. Скоро палата почти полностью опустела. Именно в этот момент сквозь открытые окна палаты донеслись громкие крики и грохот с улицы. Начался штурм. Стена пала, и огромная ватага орков и гоблинов, прикрываясь большими щитами, пошла в атаку. Даже отсюда было слышно, как запели луки наших рейнджеров. Стрелы густо утыкали щиты наших врагов, а часть стрел, отразившись от доспехов, отскочила в сторону. Лишь малое количество орков споткнулось и упало на землю. Они ещё шевелились, но следующая волна орков уже шла по ним, выбивая из них жизнь сапогами. Я оглянулся на лица своих людей, ища поддержки, но их лица были столь же потрясенными. Кого-то не хватало. Ещё раз, осмотревшись, я понял, что нет Алкимы.

— Где Алкима! — заорал я.

— Ушла к... к воинам. — испуганно проговорила Аликс.

— Нам приказали быть здесь!

В ярости проорал я и, схватив посох, бросился прочь из лазарета. Зачем я бежал? Сейчас я и сам не могу это сказать. Остановить Алкиму я не мог. Она бы просто не подчинилась мне. Пробегая через палату, я мельком разглядел встревоженное и готовое расплакаться лицо Аликс. Увидев, что я бегу к выходу, она попыталась броситься за мной, но её схватила за шиворот и остановила тётя Вера. Я уже находился в дверях, когда меня догнал крик нянечки.

— Она старая для него...

Больше мне расслышать ничего не удалось. Как безумный я выскочил из дверей

лазарета и бросился в сторону начавшейся битвы. Что я мог там сделать? Чем помочь? Эти мысли меня в тот момент не посетили. Я просто бежал в самое пекло боя, надеясь отыскать там Алкиму и вернуть обратно в лазарет, где нам и было приказано находиться. И мне это удалось лишь отчасти. Я добрался до поля боя и нашёл её.

Место сражения поразило меня своим ужасом происходящего. Конечно, мне раньше приходилось видеть сражения на гравюрах и картинах, изображающих батальные сцены. Кто сказал, что это выглядит красиво? Этот человек, наверное, сам никогда не бывал в таких сражениях. Можно наслаждаться чужой смертью и болью, только находясь в безопасности и тишине тёплых комнат. Нет в реальной битве ни красоты, ни благородства. Ярость и злость бойцов, перемешанная с болью, полосонула меня точно удар кривого кинжала. Множество людей, орков и гоблинов одновременно пытались убивать друг друга. Боль и страх пронзали пространство, дополняя картину. Запах крови и испражнений, крики боли. Находиться здесь было невозможно. Вокруг стоял сильный грохот. Мечи и топоры издавали лязг при столкновении и чавкающие звуки при попадании в плоть. Звенели тетивы луков, посылающих смертоносные жала навстречу жизни. И вся эта какофония звуков сплелась воедино, мешая мне думать сосредоточенно. Бой пока шёл на развалинах крепостной стены. Но было видно, что враги превосходят нас числом. Именно числом они намерены проломить нашу защиту. Узкое пространство пролома стены пока помогало нам сдерживать их. Но это ненадолго. Если им удастся прорваться внутрь, то численное превосходство сразу даст им преимущество. Тогда поражение защитников крепости станет лишь вопросом времени. Поэтому наши воины напрягали все силы, чтобы остановить их здесь.

Наши воины расположились в два ряда. В первом ряду стояли опытные бойцы. Они уже сложили два ряда противника и сейчас сражались с третьим. Второй ряд составляли ополченцы. Враги регулярно прорывались внутрь крепости через первый ряд. Задача второго ряда была бить их, не давая прорываться дальше вглубь крепости. Сверху на атакующих сыпали стрелы наши рейнджеры, прореживая их ряды. Алкиму я увидел сразу позади первого ряда. Она пыталась вытащить из боя раненого воина. Возможно, что ей это могло и удастся, но смерть уже была рядом с ней. Огромный орк, отпихнув с дороги двух наших воинов, оказался за спинами защитников первого ряда. Воины, отброшенные им, уже откатывались в стороны и готовились встать, чтобы вновь принять участие в битве. Орк грозно зарычал и стал искать себе жертву. Он мог обрушиться на спину стоящего рядом воина, но, увидав Алкиму, изменил решение и повернулся, чтобы атаковать её. Его топор взвился вверх, готовясь обрушиться на голову женщины. Алкима видела угрозу своей жизни. Как замороженная она смотрела на поднимающийся топор, раскрыв рот.

Я прорвался сквозь вторую линию защиты. Чёткого плана у меня не было, я просто шёл на помощь. Действовал я неосознанно. Моё тело ещё не встало в боевую стойку, а мозг уже проложил к цели ионный след. Яркая вспышка моего заряда с грохотом перекрыли грохот битвы. Орки неожиданно отпрянули, и наши воины восстановили боевой порядок. Орк получил мой заряд в голову. Шлем в месте удара почернел и оплавился, но это не остановило моего врага. Он дико заревел и развернулся. Теперь его карие, разъярённые и дикие глаза смотрели прямо на меня. Он шагнул в мою сторону. Внутри меня всё сжалось от страха. Что я мог противопоставить ему? Его бешенные глаза, казалось, проглотили всё моё внимание. Разум отказался работать в состоянии опасности. Но тело сработало лучше него. Я как будто наблюдал за своими действиями со стороны. Перебросив посох в левую руку, я правой рукой достал с пояса метательный нож. Какой-то неконтролируемой частью

сознания я проложил силовую полосу к его лицу. Движение, и нож рыбкой вылетает из моей руки, чтобы через мгновение вонзиться в его глаз по самую рукоятку. Голова орка дёрнулась, но движение он не прекратил. Сделав ещё шаг в мою сторону, он обрушил свой топор на меня. Я принял удар топора на свой посох и отшвырнул его в сторону. Как раз перед тем, как этот огромный орк обрушился на меня с высоты своего семифутового роста. Он подмял меня под себя, задавил своей массой. Его лицо оказалось прямо перед моим лицом. Он напоследок дыхнул мне в лицо смрадным потоком воздуха вперемежку с тихим ревом, и затих. Его взгляд потускнел. Он был мёртв. Мой первый поверженный враг.

Придавленный этой тушей, я не мог шевелиться. Умирать в таком беспомощном положении мне не хотелось. Страх, боль и отчаяние ударили меня сильнее физической боли, и я закричал. Подбежали воины. С меня сдёрнули тушу орка, откатив его в сторону, и помогли мне подняться на ноги. Меня шатало. Мир кружился перед глазами. Я опустил глаза на поверженного противника. Впервые в жизни я отнимал чужую жизнь. Жизнь разумного существа. Меня замутило. Всё внутри меня сжалось. Меня скрутил спазм. В следующий миг я упал на колени, и содержимое моего желудка прорвалось наружу, образовав на камнях мокрое пятно с не переваренными остатками моего обеда. Ко мне подбежала Алкима. Её глаза выражали целую гамму эмоций. Тревогу, радость, восторг и перенесённый страх. Мой мозг отказывался здраво работать и рассуждать. Я испытывал ужас от действия, совершённого мною, раскаяние и обиду, что мне это пришлось сделать. Понимание, что у меня не было выбора, пришло позже. И в том, что произошло, в тот миг я винил Алкиму. Бойцы вновь стали меня поднимать. Перед моим взором появилась Алкима. Я зарычал.

— Ты, тварь. За неповиновение... — я задыхался — убью. Марш... в лазарет.

Алкима подпрыгнула на месте. На её лице появился страх, и она метнулась за спины бойцов, проводивших её недоумёнными взглядами. Я с трудом справлялся с гневом. Я дёрнулся, и воины отпустили меня. Спустя годы мне стыдно, что я не сдержался и накричал на неё. Но в тот миг мой разум плохо справлялся с моими эмоциями. У каждого из нас есть моменты в жизни, за которые нам стыдно. Главное — сделать выводы и жить дальше, не заикливаться на этих моментах.

Именно в этот момент орки атаковали ещё раз. Атака была столь мощна, что наши воины попятились вовнутрь крепости. Линия обороны изогнулась и растянулась. Между воинами образовались большие промежутки. Я и Алкима вынуждены были бежать вместе с воинами, чтобы не быть сметёнными нападающими орками и гоблинами. Капитан бросил в бой резерв. Во главе резерва шёл Раймус. Они просочились сквозь линию второго ряда и вклинились в атакующие порядки противника. Казалось, что Раймуса нельзя остановить. Как вестник смерти он бросился на своих врагов, орудуя двумя мечами сразу. Эти мечи мелькали, словно ураган стали. И вот размазанные полосы металла достигли вражеской плоти. Вот пал один его враг вместе с разрубленным пополам щитом. Кровь фонтаном била из раны на его груди. Пал второй враг. Откатилась в сторону голова гоблина, а его тело мешком осело на землю. Враги пытались попятиться перед этим смертоносным ужасом, но сзади уже напирала другие воины. У них был только один путь — идти вперёд и умирать. И вновь волна орочьих и гоблинских тел поползла вперёд, прямо на размазанную полосу стальных клинков Раймуса. Враги прибывали. Они шли по телам убитых товарищей, оскальзывались на трупах, но продавливали нас вглубь крепости. Мы отступали, оставляя за собой трупы врагов и друзей. Раненые стенали от боли, и их затаптывали сражающиеся бойцы. Нас практически выдавили вовнутрь крепости, когда Раймус пал. Сначала ему в

грудь попала стрела. Её черное оперение было как знамя его смерти. Раймус пошатнулся, и в следующий миг орочий топор вклинился в его грудь, прорубив доспехи. Ноги Раймуса подкосились, и он медленно осел на землю, не забыв вонзить свой меч в горло ранившего его орка. Раймус ещё был жив. Что-то перевернулось в моей голове, и я бросился в битву, чтобы защитить своего друга. Орки опешили и замерли, увидев перед собой такого воина, как я. Наверное, я им казался маленьким и тощим, недостойным противником. А может их удивила моя наглость, когда я посмел бросить им вызов. В любом случае они на мгновение растерялись, и этого хватило мне, чтобы изменить ход битвы.

Я развёл руки в стороны. Я использовал это заклятие только один раз, но в тот миг я был абсолютно уверен, что смогу повторить его, не заглядывая в камень кольца. Время вокруг меня замедлилось, а пространство расширилось. Моё внутреннее видение включилось без всякого приказа и усилия. Я сразу увидел всё поле боя. Движущихся и сражающихся людей, движущиеся в колоннах в сторону пролома орочьих отряды. Почувствовал запах ненависти и вкус страха, увидел цвет боли умирающих воинов. Мог пощупать энергию злости. Я мысленно потянулся к башенному столбу, и магический столб откликнулся. В моём сознании раздалось гудение накопленной энергии столба, готовой разрядиться по первому моему приказу. Перед моим внутренним взором встал лист пергамента с нанесённым на него заклятием. Я мысленно окинул потенциал поля под ногами атакующих врагов в проломе, а потом нашёл противоположный по напряжённости потенциал в небе над нашими головами. Усилием воли протянул ионный след между этими полями, а обратный след провёл через башню.

— Магис Перисулосум Фульгур.

Прокричал я во всё горло. На мгновение стало темно, а потом, оттеняя темное небо, мелькнула яркая ветвистая молния. Перед самой землёй она разветвилась на множество отростков и ударила прямо в пространство разлома в стене. В этом разломе сейчас находился один из ударных отрядов орков. Они стояли там очень плотно друг к другу, поэтому удар был особенно результативен. Многие из них пали уже мёртвыми.

От грохота заложило уши. Раненые орки катались по земле с раскрытыми ртами. Возможно, они вопили от боли, но крика не было слышно. Основная масса вражеской армии после моего удара бежала от пролома в стене, давя друг друга от страха. В проломе снова завязалась битва. Наши бойцы вытесняли наружу обезумевших врагов. Удар молнии и грохот потрясли меня. Некоторое время я не осознавал, что делаю. Разум ещё не взял под контроль моё тело. Поэтому я подчинялся стадным инстинктам и бежал вперёд вместе со всеми. Орки в панике покидали крепость. И только оказавшись в проломе, я почувствовал опасность. Не увидел, не услышал, а почувствовал каким-то шестым чувством. Звериным чутьём, пробудившимся во мне в тот миг. Неосознанно я выставил защиту.

— Протего.

Это спасло мне жизнь. По щиту заплясали искры и всполохи огня.

— Назад!

Заорал я диким голосом. Вспоминая об этом сегодня, я думаю, что мой неосознанный крик спас многим из них жизни. Бойцы горохом посыпались прочь из пролома, а вслед им понеслись магические разряды из посохов. В проломе теперь стоял я один. Напротив меня, в двадцати шагах стояли два мага. Человеческих мага. В тот миг я был полностью ошарашен, чтобы удивляться. Надо было принимать бой. Даже спустя много лет мне не удалось узнать их имена. Так они и сохранились в моей памяти как правый и левый. Я разрядил свой посох

в одного правого. Он, шутя, отвёл мой удар в сторону. После этого маги переключились на меня. Магические разряды посыпались как горох из порванного мешка. Я с трудом успевал отбивать их и уклоняться. Чтобы сбить наводку вражеских магов, я прыгал из стороны в сторону. Это помогало, если бы не одно «но». Я стоял посреди валявшихся в беспорядке камней и трупов людей и орков. Некоторое время мне удавалось уклоняться от атак или отбивать их, но выиграть бой таким образом я не мог. А ударить самому мне не давали маги-ренегаты. Я ушёл в глухую защиту и понимал, что этот бой мною проигран, я мог только оттянуть конец. Отчаяние стало заполнять меня. Мысли путались. В голове всплывали разные непонятные образы, которые были для меня совершенно не к месту. А потом произошло то, что и должно было произойти. Я споткнулся о чьё-то тело и упал. Падая, я разглядел, как над моей головой мелькнул заряд и унёсся куда-то вглубь крепости. В своём мозгу я отчётливо представил, как сейчас меня лежачего и неподвижного ударит заряд из вражеского посоха. Как я дернусь от удара, и моя жизнь оборвётся в самом её начале. Перед моим внутренним взором промелькнула вся моя жизнь. Сколько я сделал, а сколько ещё надо сделать? Книжки, заклятия, перстни, отремонтировать башню. Я ведь только что её убрал. Перед моим внутренним взором предстала бочка, в которую я собрал весь мусор из башни. Надо было хотя бы выкинуть его наружу, трансгрессировать мусор. Я смотрел на левого мага. Время замедлилось. Я видел, как он поднимает посох и прицеливается. А сам при этом думал о бочке с мусором. Заклятие трансгрессирования предстало перед моим внутренним взором как наяву. Я до сих пор не могу понять, что заставило меня это заклятие реализовать. Прежде, чем левый маг ударил, я взмахнул посохом и произнёс заклятие. То, что произошло в следующий миг, потрясло меня до глубины души. Прямо над головой левого мага образовалась огромная серая масса, и сразу же рухнула на него, подняв в воздух массу пыли. Засушенные орочки и гоблинские головы посыпались прямо на него, ошарашив его и сбив заклятие. Посох мага пыхнул искрами, которые упали и обожгли самого волшебника. Он попытался закричать. Вдохнул воздух и набрал полное горло пыли. Он стал ожесточённо кашлять, сгибаясь в три погибели. Я перевёл взгляд на правого мага. Тот стоял ошеломлённый таким нестандартным способом атаки. Это был мой шанс. Я вскочил на ноги и направил посох на противника. Прицел. Ионный след проложен. Но посох оказался разряжен. Энергии не хватило бы на полный разряд. Большого разочарования я не испытывал в своей жизни. В отчаянии я закричал.

— Стреляй!

И затряс посохом. Посох накапливал энергию быстро, но недостаточно, чтобы остаться в живых. Я уже успел почувствовать и поражение, и близкую смерть. Но рейнджеры, сидевшие на стенах, восприняли мой крик иначе — как приказ. Два десятка человек отделилось от стены, натянули луки и пустили стрелы в свободный полёт по магам. Левый маг, ещё не пришедший в себя после моей атаки грязью, мгновенно стал похож на большого ежа, утыканного стрелами, словно иголками. Правый же маг среагировал быстро. Его щит отразил с десятков стрел, разбросав их в стороны. Именно в этот миг мой посох зарядился до нужной точки заряда. Я разрядил свой посох в правого мага. Отражая стрелы, он прозевал мой удар и пропустил его. Посох опять начал заряжаться. Удар пришёлся правому магу прямо в лицо. Левая сторона его лица мгновенно покрылась волдырями и покраснела от сильного ожога. Конечно, мой заряд имел минимальную мощность, но на ожог его хватило. Издав дикий крик, маг схватился за своё лицо обеими руками, при этом выпустив посох. Посох начал заваливаться на землю. У меня не было никакого желания оставлять врагу

оружие.

— Ацио посох.

Прокричал я, направив наверх посоха на посох противника и совершив им вращательное движение. Посох врага подпрыгнул в воздух и, вращаясь, полетел в мою сторону. Вражеский маг сначала пытался его поймать, потом заворожено смотрел, как тот летит ко мне. Протянув левую руку, я поймал посох врага. Осознав, что остался без оружия, вражеский маг попытался сбежать с поля боя. Однако рейнджеры не хотели дать ему такой возможности. Стрелы вновь запели песню смерти. Хотя маг петлял, но две стрелы всё-таки воткнулись ему в спину, опрокинув его на грудь. Он ещё попытался встать, но я не хотел отпускать его живым. Что-то во мне в тот день перегорело, и я жаждал его смерти. Я взмахнул посохом и произнёс заклятие. Большой кусок земли, диаметром примерно в пять шагов и глубиной в три шага, исчез из-под вражеского мага и оказался прямо над ним. Маг рухнул в эту яму, а следом на него упала земля, образовав на этом месте могилу. В самый последний миг мне показалось, что я разглядел мерцание трансгрессии. Но это было уже не важно. Развернувшись, я вытянул свой посох в сторону второго вражеского посоха и, совершив заклинание, притянул его к себе. Посох упал возле моих ног. Я поднял посох. Теперь в моих руках было уже три посоха. Вокруг стояла тишина. Я был измотан и опустошён, меня шатало от усталости. Я с трудом осознавал происходящее вокруг. Развернувшись, я медленно побрёл вовнутрь крепости. Взгляды воинов провожали меня в абсолютной тишине. Внезапно сверху какой-то рейнджер закричал.

— Невил двух магигов завалил! — и другой голос подхватил — Наш маг чужих магов положил!

Вокруг раздались крики радости и восторга. Люди зашумели, бурно выражая свою радость и восторг этой победой. Я продолжал идти вглубь крепости, прижимая к себе три посоха и не осознавая происходящего. Навстречу мне бежал капитан во главе отряда воинов. Он отдавал команды, размахивая мечом. Его доспехи имели свежие царапины, а меч запачкан кровью по самую рукоятку. Он бежал прямо на меня, а я шёл к нему, перешагивая через трупы друзей и врагов. Что-то меня остановило. Сначала я не мог понять что. Приглядевшись, я понял, что стою над телом Раймуса. Седовласый богатырь. Гроза врагов и верный друг был мёртв. Одно из заклятий, предназначенных мне, прошло мимо и задело его. В его груди, прямо под горлом виднелась тёмная багровая дыра, прожегшая его тело насквозь. Из-за него я вступил в бой. Благодаря ему одержал первую победу. Наверное, он и хотел так умереть, на поле боя, окружённый телами павших врагов. Я поднял глаза. Капитан смотрел прямо мне в лицо.

— Невил, ты нам нужен. Крепость разрушена. Сейчас они пойдут на последний приступ. Нам нужна твоя магическая сила.

— Крепость разрушена?

Значение слов с трудом доходило до меня. Он кивнул.

— Значит будем строить.

Наверное, капитан решил, что я сошёл с ума от переживаний. И он был недалёк от истины. В моей голове всё перевернулось, но именно от этого я мыслил сейчас намного острее. Перед моим внутренним взором всплыло кольцо с заклятиями. И было в нём одно заклятие, которое я ещё не испытал. Я выронил посохи. Они сейчас были не нужны. Развернулся в сторону разрушенной стены и закрыл глаза. Моё внутреннее видение пришло мне на помощь. Где-то здесь, в основании крепости должен был быть спрятан кристалл

памяти с чертежами крепости. Я окинул взором основание крепости и нашел искомое в основании магической башни, прямо под основанием волшебного столба. Убедившись, что это он, я направил свою энергию к магическому столбу. Он отозвался гудением. Энергии уменьшилось, но её было достаточно, чтобы выполнить задуманное. Я поднял левую руку с кольцом к голове и прикоснулся камнем к третьему глазу. Проник в него и нашёл нужное заклинание. Прошёл мысленно всю схему, подключил детали и активировал нужные каналы. Набрал в лёгкие воздуха и произнёс пусковую фразу.

— Ресургере Максима Структуре.

Я почувствовал, как произошло движение энергии, как задрожала земля и камни, составляющие когда-то стену крепости, зашевелились и поползли в сторону наружной части крепости. Внутренним взглядом я наблюдал, как тела людей и орков, павших в битве, выталкиваются за предел будущей стены. В моём сознании возник призрачный облик будущей стены, и меня постигло понимание, что камни движутся, чтобы занять свои места в пределах этого призрачного строения. Крепость восстанавливалась. Вот только досмотреть до конца это представление мне не удалось. Я рухнул на землю прямо под ноги капитана и потерял сознание. После стольких бед и тревог этого дня я оказался в мире тишины и покоя.

***

Нор Дролл смотрел на вражескую крепость и не верил своим глазам. Прямо перед его взором вражеская крепость отстраивалась сама, под действием заклятия. Земля дрожала и вблизи крепости ходила ходуном. Его отряды рассыпали строй. Он был достаточно умен, чтобы понять — сейчас враги опомнятся и в его воинов полетят стрелы. Не видя нужды в такой расточительности, он отдал команду на отступление. Раздался звук труб, сигнальная мачта выложились в командное положение на отступление. Отряды стали отходить назад, забирая с собой своих раненых и убитых, тех, кого могли забрать. Скоро в пределах полёта вражеских стрел не осталось ни одного воина. Подчиняясь приказам, отряды расходились по своим местам. Многие отряды уходили в лес, чтобы выйти из зоны прямой видимости. Так можно было надеяться проводить скрытое перемещение войск.

Затаённая злость внезапно вспыхнула в орочьем военачальнике. Если маги мертвы, а он сам видел, как они умерли, то до их слуг он теперь доберётся. Отдав команду, он взял с собой отряд личной гвардии, и направился в сторону шатров людских ренегатов. Шатры были окружены, а слуги пойманы. Он приказал пересчитать всех слуг, чтобы никто не убежал. Первый шатёр оказался пуст. Во втором шатре его ожидал сюрприз. Посреди шатра, на лежанке расположился один из магов-ренегатов. Его лицо было обожжено и перекошено гримасой боли. Из его спины слуга только что вырвал две человеческие стрелы. Роскошные одежды мага были перепачканы кровью и грязью. А сам внешний вид слегка ошарашенным. Посоха при нём видно не было. Нор Дролл не сомневался ни мгновения. Проигравший маг да ещё и лишённый посоха был для него бесполезен. Осталось только совершить месть. Кто с него спросит? Все же видели, как он погиб в бою. Нор Дролл сделал два шага вперёд. На лице мага отразилось удивление, перемешанное с возмущением. Не произнеся ни слова, Нор Дролл мгновенно выхватил топор и взмахнул им. Голова мага отделилась от туловища и покатила по полу. На ней так и сохранилось удивлённое выражение.

— Живых не оставлять!

Рывкнул командующий. Его подчинённые знали, что означает этот приказ. Через

несколько мгновений всё было закончено. Весь оставшийся вечер его солдаты снимали кожу с человеческих трупов. Расположившись в одном из роскошных кресел, Нор Дролл с удовольствием наблюдал за этим процессом. Среди человеческих трупов сейчас находился и второй человеческий маг, которого принесли воины. Его кожа не годилась как трофей, уж слишком она была пробита стрелами. Но сам процесс доставлял орочьему военачальнику большое удовольствие. Скоро мясо людей будет разделено среди воинов, и сам военачальник вкусит плоти от их тел. Это будет высший акт победы. Никогда в жизни он не прощал оскорблений. Месть сладка.

Я очнулся лёжа в постели. Некоторое время соображал, где я нахожусь. Мозг отказывался прилагать хоть какие-то усилия. Осмотревшись, я понял, что нахожусь в лазарете. На этот раз я не был раздет и укрыт одеялом. Постепенно в голове стало проясняться, а шум уступать раздельным звукам. В палате раздавался звук множества голосов. Они что-то восторженно обсуждали и даже спорили. Я зашевелился, и это было замечено присутствующими.

— Он ...

Раздался звонкий девичий голос, вслед за этим последовал топот лёгких шагов. В поле моего зрения возникла Аликс. Её лицо было сильно встревоженным. Следом появились лица нянечки и Назара. Мне помогли сесть. В голове кружился мир, и били молоты. Сильно хотелось пить. Я не успел изъявить желание, когда в поле зрения появился капитан в сопровождении капитана рейнджеров и одного из сыновей тёти Веры. Он широко улыбался.

— Молодец!

Он хлопнул меня по плечу. Мир перевернулся в моих глазах. Кровать почему-то выпрыгнула из-под меня, а пол понёсся прямо мне в лицо. В следующий миг я почувствовал натяжение в районе моей поясницы, а пол замер в непосредственной близости от моего лица. Мои волосы подметали пыль на этом полу. Некоторое время я рассматривал доски пола, после чего меня втянули обратно. Капитан осторожно усадил меня на кровать. Его лицо проявило слегка виноватый вид. Нянечка и Аликс переняли меня из его рук.

— Пить.

Прохрипел я. И сразу же почувствовал, что теперь меня держат руки только нянечки. Аликс принесла мне воды в ковшике. Я стал жадно пить. Вода с гулким шумом проваливалась в меня. Рядом раздавались голоса.

— Я осмотрел его — слышался голос Назара — переломов нет. Повреждения незначительны, только синяки и ушибы. Ему нужно отоспаться.

Голос капитана пробубнил что-то неразличимое. Потом голоса приблизились. Лицо капитана опять появилось в поле моей видимости.

— Ты молодец. — Сказал он тише — Крепость как новая. Будто её только что построили. Даже рвы углубились. Я и не знал, что ты так можешь.

Сглотнув комок в горле, я ответил хриплым и тихим голосом.

— Я и не могу. А крепость может. В магическую башню заложено... такое заклятие. Я просто его активировал. Любой маг мог бы, если бы был подключён к магической башне.

На меня смотрели внимательно. Слушали, затаив дыхание. Где-то там, за пределами нашей компании слышались обычные звуки лазарета. Стонали раненые, шла ругань. Кто-то звал на помощь. Но здесь царила тишина.

— Тогда нам повезло, что ты такой беспокойный.

Проговорил капитан. Он осторожно и задумчиво почесал бороду.

— Отдыхай. Назар справляется. Видел бы ты своё лицо. В гроб краше кладут. Так что отсыпайся.

Меня вновь положили на кровать и оставили в покое. Я был этому рад. Внутри себя я чувствовал сильную усталость и опустошение. Радовался я и по другой причине. Я просто боялся сегодня идти домой. Едва закрыв глаза, я увидел перед собой лицо убитого мною

орка. Он шёл на меня с топором, а потом падал. А дальше я ощущал свою беспомощность, будто я снова лежу прижатый его тушей. От этого кошмара я снова открыл глаза. Мне было страшно. Страшно закрыть глаза и снова увидеть его. Так я и лежал с открытыми глазами. Мысли не хотели приходить в уставшую голову. В моей голове было пусто. Тело болело от новых синяков и ссадин. Я чувствовал отрешённость. Где-то там за гранью моего восприятия раздавались голоса людей, крики раненых, ругань. Но меня они не трогали. Я всё больше отдалялся от этого места. Я почувствовал парение тела. Меня закружило. Момента перехода в сон я не почувствовал.

Ночь для меня прошла тяжело. Постоянно снились кошмары. Всё смешалось в моих видениях. Убитый мною орк, давящий меня своей массой. Маги-ренегаты, стреляющие в меня разрядами. Полчища орков и гоблинов, идущих на штурм крепости через пролом. При этом в проломе почему-то стоял лишь я один. И в своих видениях я был полностью беспомощен. У меня не было ни посоха, ни ножей на поясе, а башня отказывалась подчиняться моим командам. У меня остался только один шанс на спасение — бегство. Я попытался развернуться и убежать, но даже моё тело отказалось подчиняться мне. Движения выходили вялыми и медленными. Я напрягался изо всех сил, но бег был очень медленным. Я чувствовал приближение врагов своим затылком. От страха я стал покрываться холодным липким потом. Почувствовал холод вдоль спины. Враги всё ближе и ближе. Сейчас они меня схватят. Я закричал и заметался. Чьи-то руки вцепились в меня и затрясли. Я постарался оторвать от себя эти скользкие пальцы. Ощущение собственной гибели стало почти материальным. Кто-то позвал меня по имени. Какой знакомый голос. Зов повторился. Я мысленно двинулся на этот голос и вырвался из своего сна.

Открыв глаза, я некоторое время не мог понять, где нахожусь. Меня за одежду держала тётя Вера. Она трясла меня и звала по имени. На улице стояла ночь. В палате было темно, но свет давала масляная лампа на столике. Было тихо. И в этой тишине слышался тихий разговор нескольких человек, переговаривавшихся между собой в районе операционной. Я чувствовал сильное напряжение во всех органах своего тела, а волосы на моей голове поднялись дыбом. С меня обильно лил пот. Наверное, моё лицо выражало сильный ужас, пережитый мною во сне. Но вернувшись в наш мир, я начал успокаиваться. Нянечка отпустила меня и поглядела сочувственно. Казалось, что она прекрасно понимает всё происходящее со мной. Я откинулся на подушку и попытался расслабиться.

У меня не было ни малейших сомнений, что мне приснились мои кошмары, страхи пережитого дня. В голове стояла мешанина. Мысли путались. Было страшно закрыть глаза. Ужас перед возвращением моих страхов был практически непреодолимым. Я тяжело дышал, как рыба, выкинутая на песок. Что же делать? Этот вопрос прозвучал в моей голове, и мысли понеслись круговоротом. Самые разные образы и звуки стали проноситься перед моим внутренним взором. Я не мог на них сосредоточиться, настолько я был обескуражен. Мне стоило огромных усилий просто остановить этот круговорот и сосредоточиться на чём-то одном.

***

Когда-то давно в Академии наш наставник, во время уроков логики, пытался нас наставлять. Сейчас его слова всплывали передо мной в виде образов. Я снова был на том уроке. Мне было скучно, но я принимал много усилий, чтобы просто смотреть на учебную

доску.

— Чаще всего вы попадаете в тяжёлое положение из-за незнания предмета вашей проблемы. Когда вам надо решить сложную проблему, то первое, что вы должны сделать — это задать все возможные вопросы, какие только придут в вашу голову. Именно ответы на эти вопросы дадут вам решение вашей проблемы.

Дальше он разбирал схемы на учебной доске, описывающие решение самых распространённых проблем, указывал авторов этих схем. Нас заставил вы зубрить наизусть полный список вопросов, уточнив, что данный список может быть дополнен в зависимости от ситуации.

***

Почему я вспомнил эту сцену? И сразу ответил на этот вопрос. Хаосу мыслей противопоставляют логику. Именно логика позволит мне сейчас если не решить вопрос, то успокоить эмоции. Я задал мысленно себе вопрос и получил ответ в виде образа. Я не старался сейчас придать своим ответам конкретную форму, образа было вполне достаточно. Надев на себя маску логики, я стал постепенно успокаиваться. Моё дыхание выровнялось, лицо расправилось от мышечных напряжений. Я постарался расслабить мышцы тела. Тётя Вера, увидев изменения во мне, отпустила меня. Она задала вопрос, не нужно ли мне чего-нибудь. Я отрицательно покачал головой.

Меня оставили в покое. Я продолжил работу над собой. Для меня сейчас это было очень важно. Это был вопрос моего психического равновесия. Некоторое время я играл в игру вопросы-ответы, не стремясь получить конкретного результата. Тётя Вера ушла, оставив меня в покое и забрав фонарь. Я лежал в полутьме, рассматривая отблески света на потолке от фонаря в операционной. Я успокаивался. Отблески света плясали на потолке, сплетаясь в незамысловатые узоры. Я стал уставать от вопросов и ответов. Теперь ответы на мои вопросы приходили в виде картин абсурда. Иногда вызывая во мне улыбки, но смеяться не хотелось. И где-то среди этих картин пришло решение моего первого вопроса — что делать. В моём мозгу прозвучали слова наставника: «Многие волшебники презрительно относятся к религиозной литературе. При этом они сами не могут объяснить причин чудес, совершаемых с помощью религиозных наставлений. Реальность такова, что книги «Благой вести Спасителя» являются одними из самых сильных магических наставлений. Методики реализации этих наставлений могут быть разными, но суть от этого не меняется. Магия Спасителя является сильнейшей защитной и восстановительной системой. Она решает главный вопрос — борьбы с вашими страхами. Поскольку страх является сильнейшим способом воздействия на психику, и как следствие — тело. По книгам Спасителя мы знаем, что самым эффективным способом победить свой страх — это встретиться с ним лицом к лицу, а не бежать от него. И самым лучшим способом будет пойти навстречу своему страху. Когда у тебя уже не хватает решимости, а разум отказывается работать, — лучшим решением станет самопожертвование. То, чего ни один самовлюблённый кретин не сможет ни понять, ни осуществить, сохраняя себя рабом своих страхов. Для вас быть магом — значит быть готовым на самопожертвование. Только встретив свои страхи, только приняв их, вы сможете их побороть. И если в плане мужества встречи со своими страхами я не смогу вам помочь, то могу посоветовать, как их разрушить. Мой личный опыт, который я хочу передать вам, заключается в стирании своей проблемы. Повернувшись к ней лицом и приняв её, вы

должны картину своего страха разрушить, разорвать на мелкие кусочки. Увидеть своим внутренним взором, как образ вашего страха покрывается трещинами, разваливается на куски, а те, в свою очередь, распадаются в прах. Увидеть, как ветер сдувает прах ваших проблем и уносит прочь. И когда прах, несомый ветром, удалится от вас, вы должны мысленно от всего сердца расстаться с ними, отпустить их, простить их и простить себя. Это сложно. И не гарантирует, что страх не вернётся. Но, справившись с ним один раз, вы уничтожите его вторично. Большинство людей становятся религиозными фанатиками, не постигая внутренней сути. Им это недоступно. Даже магам».

Теперь я знал, как должен поступить. Я расслабил мышцы своего тела. Попытался расслабить свой мозг. Перед моим внутренним взором сразу предстал убитый мною орк. Его стальные доспехи были запылены и поцарапаны во время боя за брешь. Кровь из глазницы оставила на его лице кровавый потёк. Он шёл на меня. Меня снова сковал страх. Захотелось убежать. Открыть глаза и вырваться из этого страха. Я остановил свой порыв. Постарался стабилизировать своё дыхание. Мне удалось это с большим трудом. Орк рухнул и снова придавил меня своей тушей. Я физически почувствовал его тяжесть на себе. Почувствовал на своём лице его предсмертное дыхание. Паника метнулась во мне и была подавлена моей волей. Мне пришлось приложить значительные усилия, чтобы начать изменять картинку. Орк покрылся трещинами и стал расползаться на части. Эти части упали по разные стороны от моего тела. Стало сразу значительно легче дышать. Я наблюдал, как эти части рассыпаются в пыль. Мысленно вызвал ветер, и наблюдал, как эту пыль уносит от меня. И когда пыль уже развеяло по воздуху, я произнёс ритуальную фразу: «Я отпускаю тебя. Вечная Леди, прими душу врага моего, павшего в бою со мной. Да будет его посмертие достойным дел его. Без зла и ненависти отпускаю его. Покойся в мире». Я поднялся в своём видении и направился к пролому. В моём видении я снова был в крепости с разрушенной стеной. В проломе меня ждали орки и гоблины. «Я отпускаю вас. Покойтесь в мире». И ветер унёс пыль их останков. Сразу за проломом меня ждали два мага-ренегата. Они стали стрелять. Захотелось спрятаться, убежать. Я сдержал порыв и шагнул прямо под их заряды. Я жертвовал собой. Заряды прошли сквозь меня, не причинив мне ни боли, ни вреда. «Я отпускаю вас. Покойтесь в мире». Ветер унёс пыль их останков. Я стоял посреди пролома. Усилием воли я возвёл вокруг себя прозрачный кокон, покрывший меня целиком. Кокон поднялся вверх. Усилием воли я восстановил стену, заставив камни в моём воображении двигаться к стене и складываться в единую конструкцию. Я стоял на верхней площадке крепостной стены. Меня окружал мрачный пейзаж. Небо, затянутое тучами, и холодный ветер, пронизывающий насквозь. Вокруг царил полумрак. Усилием воли я разогнал тучи на небе и остановил ветер. Наполнил окружающий пейзаж солнечными красками. Момент перехода в сон я не заметил. «Я отпускаю Вас. Покойтесь в мире». Ночью мои страхи возвращались и вновь развеивались мною. До самого утра меня больше никто не будил и не тряс, пытаясь освободить от кошмаров. Я освободил себя сам.

Проснулся я ещё до рассвета. Сильно хотелось пить. Тело занемело от нахождения в одном положении. В голове гудело. Какое-то время я ещё пытался вспомнить, где нахожусь, потому что комната не напоминала жилую комнату в волшебной башне. Попытка воспоминаний событий вчерашнего дня сначала далась тяжело. Что-то мешало мне вспомнить происходящее. Мой разум сопротивлялся этим воспоминаниям. Пришлось прилагать усилия, но потом воспоминания вчерашних событий лавиной хлынули в меня, причинив мне боль. Пришло ощущение, будто мне пришлось съесть нечто неприятное. Убийства. Смерти людей. Сильнейшее напряжение битвы. Я застонал, но никто не откликнулся. Склонившись через край кровати, я стал искать свою обувь и обнаружил её возле спинки кровати. В проходе между кроватями, возле их спинок стояли табуретки. А под ними находилась обувь раненых и больных людей. Присев на табурет, я надел на ноги свои башмаки. Очень захотелось выйти в уборную. Пошевелив тело, я активировал его деятельность. Движение в сторону уборной далось мне тяжело. Я и сам чувствовал, как меня шатает в стороны. Покинув лазарет, я добрался до уборной и некоторое время с наслаждением справлял свою нужду. Меня радовал тот факт, что на этот раз мне не нужна помощь в такой незначительной потребности. Закончив, я почувствовал себя вполне уверенно и бодро. Пора жить дальше.

Я вышел на улицу и вдохнул свежий воздух. Воздух в крепости был прохладный и сырой, но почему-то отдавал гарью со специфическим запахом. Сначала я этот запах опознать не мог. Я стоял в одной нижней рубашке и испытывал озноб. Это бодрило и пробуждало. Было ещё темно, и крепость освещалась только звёздами и растущим месяцем. Но ощущать себя живым было очень приятно. Я открыл внутреннее видение и закрыл глаза. Окинул пространство внутренним взором. Рассмотрел спящих людей. Движущихся по стене охранников, уставших и борющихся со сном. Ауры спящих людей были тревожны и напряжены. Страх, боль потерь и неизвестность сплелись в них. Я простёр взор дальше на поле за пределом крепости. Крепостные стены не мешали мне видеть сквозь них и за ними. Поле было живым. На нём сновали орки и что-то разыскивали в траве, подходя очень близко к стенам крепости. Интересно, их видят охранники на стенах? Протянув взор дальше, я разглядел большие метательные машины орков. Вокруг них орки развели бурную деятельность. Подносились округлые камни, подновлялись верёвки и пращи. Орки готовились к дневному штурму. Это навело меня на мысль заранее поставить защитный купол на крепость.

Я мысленно соединился с магической башней. Магический столб отозвался гудением. По моим прикидкам заряда было примерно наполовину. Сколько же времени требуется на полную зарядку башни? Мне это было неизвестно, но я понял одно — если не буду использовать магию столба для пассивной защиты — проверять будет скоро некому. Я приложил камень башенного кольца к месту третьего глаза.

— Броню на крепость — прошептал я.

Круг с заклятиями повернулся и остановился передо мной листом пергамента. Я взгляделся в лист. Да, оно. Я распрямил тело. Развёл руки в стороны. Постарался максимально очистить сознание. Мысленно соединился с магической башней. Башня отозвалась гулом магического столба. Когда соединение стало максимально сильным, я

произнёс с выдохом на распев.

— Магикус экстремус Протега максима.

Сначала мне казалось, что ничего не произошло. Потом я почувствовал высвобождаемые силы, приведённые в движение силой магического столба. Теперь я мог расслабиться. Крепость защищена силой магического купола. После этого я вернулся в лазарет. Требовалось найти свою мантию и посох. Да! У меня теперь уже три посоха! Жаль, что после окончания войны, если переживём, мастера архивариуса изымут у меня лишние посохи, но пока я мог наслаждаться ими. Печально, что я не мог подключиться сразу на три посоха. Законы магии позволяли подключиться только на один артефакт своего уровня силы. Я мог быть подключён одновременно на магическую палочку, посох и магическую башню, но не мог быть подключён сразу на три посоха. Сложные законы магических сил отдавали в моё пользование лишь один из этих артефактов. Но порадоваться обладанием я мог. Свою мантию и посохи я нашёл в кладовке, хотя для этого потребовалось потревожить ключника. Пожилой лысый мужичок спал на большом сундуке в комнате, расположенной в швейной мастерской. Открыв глаза на моё прикосновение, он начал тихонько ворчать, что я разбудил его в такую рань. При этом он выглядел так, будто и не ложился. По крайней мере, его лицо не было заспанным. Пришлось объяснять, что я замёрз, поскольку всю мою одежду у меня забрали. Получив свои вещи, я вышел на улицу. Над восточной стеной крепости небо начинало светлеть. Скоро намечался рассвет. Моя мантия сильно пахла пылью. Прежде чем её одевать, нужно вытряхнуть пыль. Приставив посохи к стене лазарета снаружи здания, я развернул мантию, взял её за плечи и встряхнул. В воздух поднялась масса пыли, видимая даже в тусклом свете месяца и начинающегося рассвета. Я делал несколько шагов в сторону и ещё раз встряхнул мантию.

В этот самый момент раздался громкий грохот о крепостную стену снаружи. Начался обстрел. Глянув в сторону удара, я рассмотрел волны на силовом поле купола от попавшего в него камня. С нашей стороны раздалась крики, затрубил боевой рожок и бешено забил гонг. По стене забегали часовые. Потом на стену вбежали другие стражники и воины, чтобы оценить ситуацию. На этот раз разлетающихся камней внутри крепости не было. Появился капитан. С этого места я не мог его видеть, но прекрасно слышал его голос. Рёв его приказов быстро наводили порядок в крепости. Воины быстро ушли из зоны обстрела, переместившись в безопасные места. Отсюда они собирались наблюдать за происходящим. Внутренне я порадовался, что вовремя поставил магический щит. Встряхнув мантию ещё несколько раз, чтобы вытряхнуть из неё максимальное количество пыли, я попытался надеть её на себя. Не взглянув на её состояние, я впихнул правую руку в рукав и попытался впихнуть в рукав левую руку. Но рукав по закону подлости оказался вывернут вовнутрь. Положение было донельзя нелепое. В это самое мгновение из здания выскочил Назар и Алкима. Они на бегу пытались привести себя в порядок и застали меня в этом нелепом виде. Солнце только что начало подниматься над горизонтом, но видимость была уже хорошей. Увидав меня, они испытали явное облегчение.

— А мы решили, что ты убежал на стену.

Проговорил Назар. Он успокаивался, продолжая наводить порядок в одежде.

— В этом нет нужды. Чтобы увидеть происходящее там, не обязательно туда бегать. Магический щит я поставил прямо отсюда. А капитан приказал нам быть здесь ещё вчера.

Я пожал плечами, снял мантию и выправил рукава. После чего спокойно одел её на себя, застегнули опоясался поясом с ножами. Одного не хватало. Память о том, как я его

потерял, заставила меня передёрнуться. Прихватив посохи, я направился в лазарет.

— Если мы понадобится, за нами придут. Будем готовить лазарет к приёму раненых. Наблюдать за ходом битвы тоже будем отсюда. А сейчас надо готовиться к завтраку.

На этот раз на их лицах не было усмешек. Они смотрели мне вслед с задумчивым видом. Чуть позже двинулись следом за мной. Обдумывать их изменившееся поведение, у меня не было ни времени, ни желания. Внутри помещения было ещё темно, но я двигался уверенно потому, что прекрасно знал дорогу. Палата лазарета освещена не была. Путь к операционной происходил в полутьме по лучу света, идущего от лампы на операционном столе. У стола суетились две женщины — юная и пожилая. Тётя Вера выглядела спокойной, а Аликс — обеспокоенной. Услышав мои шаги, они обернулись.

— Нашли?

Начала Аликс и осеклась, увидев меня. Я выступил на свет. Следом за мной вышли Назар и Алкима.

— Ты почему убежал?

Практически истеричным голосом закричала Аликс. Это слегка меня удивило.

— Да я же недалеко. До уборной и обратно. Ещё оделся. Что ты так беспокоишься? Или хочешь из-под меня утки вытаскивать?

— Не хочу... — проговорила Аликс, кусая губы.

— Видел бы ты себя, тоже бы испугался. Сегодня ты выглядишь лишь немного лучше, чем вчера. Ты бледный и шатаешься из стороны в сторону.

Это я и сам чувствовал, потому и не стал спорить. На моё предложение помочь, мне ответили, что лучшая помощь от меня будет, если я сяду в уголок и не стану мешаться. Шаркая ногами, я доплёлся до табурета и присел на него. Вокруг меня двигались люди, суетились, выполняли разную полезную работу, а я в это время сидел на табурете, обнимая свои посохи. Меня стало клонить в сон, а время шло. Снаружи доносился шум ударов о стену камней, по земле до нас долетала ударная волна, но в целом ничего необычного мы не замечали. Пробил гонг, призывающий на завтрак. Моё предложение сходить в столовую, было встречено прохладно. Тётя Вера спокойно заявила, что нам всё привезут, а мне лучше сидеть и набираться сил. Назар привёл раненого мужчину из тех, кого не долечили вчера. Его уложили на стол. Ранение было не тяжёлым. Назар и Алкима стали готовить его к операции. Но раненый был крепким мужчиной. По его рычанию было понятно, что следует ожидать сильного сопротивления. Назар украдкой посмотрел на меня.

— Невил, ты как себя чувствуешь?

Я развёл руками в стороны, пытаюсь показать, что вполне нормально.

— Можешь его... спеленать... заклятием, ну как в прошлый раз.

Это я понял. Отложив в сторону чужие посохи, я встал и направил на воина свой. На лице воина отразилось беспокойство. Он стал набирать воздух в лёгкие, чтобы что-то сказать, но не успел.

— Петрификус Тоталус.

Тело воина дёрнулось и вытянулось. Руки и ноги его вытянулись и притянулись к телу заклятием. На лице воина мелькнула боль, перемешанная с удивлением и злобой. Я занял своё место. Назар стал проводить операцию по излечению конечности. Алкима наблюдала. Я тоже смотрел на его работу с удовольствием. Нянечка и Аликс ассистировали. Операция шла на удивление быстро. Скоро на излеченную конечность намотали повязку.

— Фините Инкантатем.

Ещё раз потребовалась моя помощь. Воин был ошеломлён. Он с трудом поднялся и, подволакивая только что излеченную ногу, сначала слез со стола, а затем прошёл через палату к выходу. На предложение позавтракать здесь, воин отказался. Он стремился как можно быстрее покинуть место своих мучений. О своей злобе и угрозах нам он уже забыл, и был рад избавлению от раны. Назар с нескрываемой завистью рассматривал мои посохи.

— Будь у меня посох, мне бы не пришлось тревожить тебя.

Я усмехнулся. Желание Назара было вполне понятным. Почти маг, обладающий большими способностями. Но не закончивший обучение в Академии. Для него владение посохом было мечтой и навязчивой идеей. Я задумался. А почему бы нет? Протянув руку в сторону двух трофейных посохов, я заявил.

— Выбирай. Но с подключением придётся подождать.

— Подключением? — спросил он удивлённо.

Я потянулся. Спина занемела.

— Любой магический артефакт требует подключения к нему. Это такой магический обряд. Он отнимает много сил. После подключения к башне, я три дня лежал в синяках. — Тётя Вера и Аликс согласно закивали головами. — А после подключения к посоху, я сутки ходил бледный, как тень. Если ты подключишься сейчас, то не сможешь лечить. А я пока не готов тебя сменить. Подожди пару дней, и я тебе помогу.

— И не жалко? — спросила Алкима.

В этот момент работники кухни ввезли в лазарет тележку с пищей. С улицы продолжался грохот обстрела. Но никто из нас не тревожился. Защита спасла нас от мгновенного пробития стены. Новых раненых не прибывало, а до начала штурма было ещё далеко. Как и в прошлый раз, мы расположились на операционном столе. Назар подошёл к столу позже других. Он долго возился возле посохов, отбирая для себя один из них. Один посох был чуть длиннее, чуть выше роста человека, и покрыт наклеенными поверх основного ствола посоха барельефами из деревянных и медных накладок. Эти накладки были выполнены искусными мастерами, представляли собой различные виды пиктограмм и магических надписей. Нижний конец посоха был одет в металлическую трубку, предохраняющую нижний конец от раскалывания. Верхний конец был выполнен в виде сжатого кулака. Посох представлял собой впечатляющее изделие, которое должно было внушить окружающим значимость его владельца. Второй посох тоже был выше человеческого роста, хотя и ниже первого. Внешне он был прост. Лишён украшений и инкрустаций, накладок и каких-либо надписей. Нижний конец его был одет в трубку, для крепости. Верхний конец был выполнен из меди в виде стилизованной четырёхпалой лапы, сжимающей кристалл. В тот миг я не придавал этому кристаллу значения, хотя и предположил, что это кристалл памяти. Повертев посохи в руках, Назар остановил свой выбор на богато украшенном посохе. Он присел к столу, любовно обнимая свою новую игрушку.

Пища была простая, но привередничать никто не стал.

— Нет. — Продолжил я, пережёвывая кашу. — Не жалко. У меня эти посохи долго не проживут. Окончится война, и сюда сразу нагрянут мастера архивариуса из Академии. Будут собирать магические артефакты. По закону владеть более чем одним артефактом-накопителем запрещено. Значит, эти посохи у меня отнимут. Лучше я один из них отдам Назару.

Назар просто лучился после слов, сказанных мною. Благодарность в его глазах

буквально выплёскивалась наружу и грозила затопить палату. Я понимал, что сегодня сбылась его мечта. После тревог вчерашнего дня мне было приятно сделать такой подарок. Только побывав на грани жизни и смерти, человек начинает чувствовать отвращение к обладанию большим количеством предметов. Бойцы, прошедшие множество битв, предпочитают в жизни простоту и нетребовательность. Моя собственная жизнь только что подверглась серьёзному испытанию. Мгновенно всё изобилие предметов и страсть к накопительству потеряла для меня смысл. Я и раньше не был склонен к накопительству и собственности. Теперь у меня на душе было желание раздарить всё, что я в тот миг считал для себя лишним. И если я мог осчастливить человека, подарив ему трофейный посох, то я это сделал. У меня тогда даже в мыслях не возникла мысль потребовать за него хоть какую-то компенсацию. Назар при этом смотрел только на посох, и было сомнительно, чтобы он что-то слышал из сказанного мною.

— Ты сказал Накопители? — Поддержала разговор Алкима. — Что это такое?

Назар отвлёкся от созерцания подарка и прислушался.

— Посох и является накопителем энергии. Посох сам не может ничего. Нет в нём никакой магии. Творить магию может лишь сам волшебник. Но моя собственная магическая энергия невелика. От меня идёт только заклятие и волевое усилие, а энергию я заимствую из посоха или иного носителя энергии. Например, из башни. Есть ещё магические жезлы, трости, мётлы и волшебные палочки. Но последние артефакты — редкость.

Некоторое время мы ели молча. Все осмысливали сказанное мною. Я уже совсем решил, что разговор на этом закончится, но он продолжился. И продолжила его Алкима.

— Ты сказал мётлы? На них летают?

На какое-то мгновение я замер.

— Да. Есть такое. И, тем не менее, это тоже накопители энергии.

— Чем же они отличаются от твоего посоха?

Не унималась Алкима. Все прямо задержали дыхание, слушая нашу беседу. Я потёр подбородок, покрытый сильной щетиной.

— Конструктивно рукоять метлы ничем не отличается от моего посоха. Разница, как всегда, в начинке. Пирожок отличается от другого пирожка не внешним видом, а только начинкой. Соответственно и назначение у пирожка разное. Мясной пирожок является сытным обедом, а сладкий ягодный пирожок — лакомством к чаю. Также и посохи, и иные накопители энергии. Мой посох больше рассчитан на боевые заклятия. Он мне дан для самообороны. Но есть посохи, созданные для строительства, есть для превращений и много для чего. Мой посох тоже может лечить или строить, но это не его основное назначение. Он делает это хуже, чем посох специально для этого созданный. Начинка рукояти метлы лучше накапливает полётную энергию. А прутья метлы позволяю её лучше рассеивать, что создаёт лучшую полётную силу. На моём посохе тоже можно летать, но он для этого не создан, а я ещё и не знаю подходящего заклятия. Есть ещё одна особенность. На метле может летать любой волшебник. На неё не надо настраиваться, как на посох. Метлу можно использовать и вместо посоха, но её эффективность невелика. Спектр энергии отличается.

— Что? — Переспросила Алкима.

— Не забивай голову. Это академическое слово, научное. Вам его знать не обязательно. Вы — практики, пользователи. Просто примите факт, что так есть.

До конца обеда сохранялась тишина. Я отдышал, поедая пищу, и наслаждался этим. Стук ложек сопровождался далёким грохотом обстрела, доносящимся со стороны раскрытых

окон. Только это и говорило, что мы находимся на войне. На этот раз тишину довелось нарушить мне. Я попросил окружающих рассказать, что произошло вчера после того, как потерял сознание на площади. Рассказы были сбивчивыми. Рассказчики перебивали друг друга, но в целом картина была следующей. После того, как я запустил заклятие строительства и потерял сознание, крепость стала отстраиваться заново. При этом сложенные камни были стянуты новым раствором, а снаружи покрылись слоем штукатурки. Крепость приобрела вид, какой она имела сразу после постройки. Сразу после этого обстрел прекратился, а противники отступили. Капитан приказал собрать все трупы в одном месте. Раненых принесли в лазарет. Туда же доставили меня. После разговора с капитаном, я заснул. После подсчёта потерь капитан провёл на закате похоронный обряд. Крепость потеряла почти треть своих защитников. В основном ополченцев, но пало и несколько опытных воинов. Было много погибших среди мирного населения, искавшего укрытия в стенах крепости. Особо тяжело было воспринимать гибель детей. Почти все они погибли в самые первые минуты обстрела, пока не было защитного купола. Но без защитного купола число потерь было бы неизменно большим. За что жители крепости мне благодарны. По идее все жители крепости должны были погибнуть ещё вчера. Я продлил их жизнь ещё на один день. Незаметно закончился обед. Было решено вернуться к своим обязанностям. В лазарете находилось ещё двое раненых. Их надо было вернуть в строй до начала штурма. Взгляд за окно подтвердил наши опасения. Стена была разрушена наполовину. Посуда была отдана работникам кухни, обедавшим в лазарете. После чего мы приступили к работе.

Когда мы заканчивали лечение второго раненого, к нам в гости заглянул капитан. С ним принесли бойца, неаккуратно попавшего под отлетевший от удара кусок камня. У него шла горлом кровь, а на груди виднелась большая рваная рана. Отпустив уже излеченного воина, на стол сразу уложили вновь принесённого бойца. Я наложил заклятие, а Назар и Алкима принялись за лечение. Капитан наблюдал за ходом операции некоторое время. После, обернувшись ко мне, он сказал.

— Спасибо за всё сделанное. У меня к тебе подарок.

С этими словами он вынул из-за пояса метательный нож и отдал мне. Он усмехнулся, а я сглотнул слюну от волнения. В моих руках был мой собственный нож, которым я убил орка во время вчерашней битвы. Взяв его в руки, я испытал определённый трепет. Меня настиг целый ряд эмоций, сейчас сразу все и не вспомнишь, настолько они были мимолётными.

— Спасибо...

Протянул я слабо.

— Теперь для всех. — Он подождал, пока мы обретём внимание. — Чтобы ни случилось, оставаться здесь. Вы мне нужнее здесь. Раненых вам принесут.

Обернувшись ко мне, он проговорил.

— Больше никаких молний и подвигов. Без вас мы долго не протянем. Понятно?

— Мы тоже так подумали. Молний больше не будет. В башне заряда только наполовину. Я поставил защитный купол с утра. Теперь энергии только на то, чтобы заново отстроить крепость. Надо дождаться начала штурма. Потом я сразу отстрою стену, и штурм закончится. Надо только, чтобы мне дали знать, когда это сделать.

Капитан кивнул. Сообщил, что перед началом штурма протрубят в сигнальный рог и ударят в гонг несколько раз. Это и будет сигналом. Сразу после этого он ушёл. Жизнь вошла в своё привычное русло.

Предусмотреть всего, конечно, невозможно. Мы уже достаточно долго отдыхали, когда

протрубил боевой рог и на башне как бешенный застучал гонг. Это был сигнал к началу штурма. До нас донеслись крики идущих в атаку воинов. Оставив посох прислонённым к кровати, возле которой сидел, я встал и выпрямил спину. Приложив камень кольца ко лбу, я быстро нашёл нужное заклятие. Мысленно я соединился с магической башней. Магический столб отозвался гудением. За время, прошедшее с утра, он успел подзарядиться. Я мысленно прошёл всю схему заклинания, подключил детали и активировал нужные каналы. Набрал в лёгкие воздуха и произнёс пусковую фразу.

— Ресургере Максима Структуре.

Я почувствовал, как произошло движение энергии. Внутренний взор показал мне, как задрожала земля и камни, составляющие когда-то стену крепости, зашевелились и поползли в сторону разрушенной стены. Моя задача была выполнена. Однако крики и шум битвы, доносящиеся до нас, не прекратились. Дойдя до окна, я выглянул на улицу. Зрелище было неутешительным. На верхних площадках восточной и западной крепостных стен шла ожесточённая битва между нашими воинами и вражескими. В основном на стенах бились гоблины. Орков было видно мало. Нам оставалось только ждать. Битва продлилась недолго, и менее чем через четверть часа она закончилась. По ту сторону крепостных стен прозвучали рожки на отступление. Вражеская орда схлынула со стен наружу. Для нас это были самые тяжёлые четверть часа ожидания. Началось движение. Скоро в лазарет стали приносить раненых бойцов. Мы приступили к лечению. От раненых бойцов мы и узнали, как происходил штурм. Вражеский военачальник, правильно оценив наши силы, решил проводить штурм с разных сторон, чтобы разделить наш отряд на части. Когда прозвучал призыв к началу атаки, на штурм крепости пошла не одна колонна, а сразу три. Недостаток боевых машин не позволил им пробить сразу три стены, да это и не имело значения. Две колонны, заходящие с боков, принесли с собой лестницы и верёвки с крюками. С флангов на штурм пошли в основном лёгкие гоблины. Они мгновенно вскарабкались на стену и устроили резню. Наши воины оказали ожесточённое сопротивление. Не сумев сломить наше сопротивление и отбить площадки для высадки резервов, они отступили. Более тяжёлые орочьи резервы в бой так и не вступили. Этот штурм мы тоже выиграли. Но не обошлось без жертв. Часть гоблинов прорвалась внутрь одной из башен, и наткнулась на женщин и детей. Прежде, чем их нагнали и уничтожили, они смогли убить много невинных. Погибли и воины. Среди погибших оказался и капитан Милош. Мы работали до позднего вечера. Раненых, по сравнению с вчерашним днём оказалось не много. После ужина наш капитан снова провёл обряд огненного погребения. Для меня сюрпризы на этот день ещё не закончились.

На улице уже сгущались вечерние сумерки. Западную часть неба покрывала жёлто-красная полоса солнечного света, окружающая жёлтый диск заходящего солнца. Весь день мне пришлось проводить циклы восстановительного дыхания. К вечеру я почувствовал себя значительно лучше. Под конец даже стал проводить операции по лечению ран. Дело шло на поправку. Наконец мы излечили последнего раненого бойца. Я стоял возле умывальника и ожесточённо отмывал руки, растирая на них мыло и смывая его уже не в первый раз. Тётя Вера о чём-то разговаривала с Назаром, и в их разговор вставляла слова Аликс. Её голос как щебетание птички достаточно громко раздавался в палате на фоне приглушённого разговора старших. Удивительно, но, ни Назар, ни нянечка не одёргивали её, видимо вставляла слова по делу. Возможно, что я и мог бы расслышать суть разговора, но не имел такого желания. Мне было приятно находиться среди людей. Даже получал удовольствие, что вокруг

движется жизнь. Именно в этот момент за моей спиной и зазвучал голос Алхимы. От неожиданности я даже вздрогнул.

— А второй посох у тебя действительно отнимут эти, ну...

Она замялась, пытаюсь вспомнить новое слово, услышанное от меня. В палате наступила тишина. Все замерли и посмотрели на меня, как будто только и ждали её слов.

— Мастера архивариуса.

Договорил за неё я.

— Точно. — Она щёлкнула пальцами. — Не жалко?

Прежде, чем ответить, я ещё раз сполоснул руки и вытер их о полотенце, висящее на моей шее. Все настороженно следили за моими действиями. Только теперь я понял, что этого разговора они ждали. Возможно, что его они и обсуждали до этого.

— Жалко. Но разве есть другие варианты? Башню обыщут. Потом обыщут крепость. Маги умеют различать ложь. Они спросят у меня: где трофейные посохи? Солгать я не смогу.

Все помолчали.

— Разве нельзя обойти это?

— Можно. Но сказать надо правду. Только я пока не знаю какую.

— А если отдать посох кому-нибудь? А сказать, что у тебя его нет.

— Отдать посох я могу лишь другому магу, потерявшему свой посох. За это не накажут. Или дикому магу, как Назар.

Я ткнул рукой в Назара, и тот крепче сжал свой новый посох.

— Если я отдам посох не-магу, то для мастеров это будет всё равно, что посох остался у меня. Отдавать посохи простым людям — расточительство. Их мало, и стоят они дорого. Каждый из них состоит на учёте в архиве Академии. Посох всё равно отнимут. Но при этом ещё и накажут. Мне жаль отдавать, но для себя сохранить не могу, а передать его больше никому.

В лазарете наступила тишина. Я мельком взглянул за окно. Внутри крепости начала сгущаться тьма. Последние лучи заходящего солнца освещали лишь верхушки крепостных стен. По тёмному небу медленно ползли редкие облака, подсвеченные снизу лучами заката. В просветах между туч стали показываться первые звёзды. Я вновь перевёл глаза на присутствующих. Они все дружно смотрели на меня и Алхиму с ожиданием. Тягость момента показала, что сейчас наступит кульминация — пик нашего разговора. И в этой тишине прозвучал голос Алхимы.

— А ты подари посох мне, а мастерам скажи, что отдал его дикому волшебнику.

Я ошарашено посмотрел на неё. Неожиданность этого предложения поразила меня. Меня будто поразило изнутри разрядом. Я застыл с разинутым ртом.

— Женщин волшебников не бывает.

Наконец смог выдать из себя я.

— Почему?

Задала она мне простой вопрос, который буквально загнал меня в ступор. Тишина в лазарете стала давить. К такому повороту в жизни меня никогда не готовили. Единственное, что я смог выдать из себя в тот момент, была глупость.

— Я их никогда не видел.

Мне стало неловко за сказанное. Я отвёл глаза в сторону и стал тереть полотенце в своих руках, вытирая и без того уже сухие руки. Состояние было такое, что я хотел

спрятаться за этим полотенцем. Алкима сделала шаг ко мне и положила руки на мои руки сверху. Мягким голосом она проговорила.

— Ты много чего не видел. Среди женщин маги рождаются столь же часто, как и среди мужчин. Возможно даже чаще. Но церковники запрещают им заниматься магией. Каноны церкви запрещают женщине принимать участие в общественной жизни общества, оставляя ей право заниматься лишь домашним хозяйством, детьми и молитвами. А волшебники принимают самое активное участие в жизни общества. В центральных областях Империи инквизиция сдерживает занятия магией среди женщин. Но здесь на границе контроль церкви не такой строгий.

Она перевела дух, отпустила мои руки и отошла к столу, за которым сидели остальные.

— Решение не допускать женщин к магии в Империи — исключительно политическое. Церковники боятся ослабления своей власти. Маги — их прямые оппоненты, но постоянные войны с другими расами и их магическим могуществом, вынуждает церковных боссов мириться с властью волшебников. Делить с ними влияние на людей. Но они боятся увеличения численности волшебников. А женщины-маги способны увеличить число волшебников как минимум вдвое. Политика.

Она перевела дух. Установилось краткое молчание. В моей голове было пусто. Я получал знания, о которых ранее даже не задумывался. Возможно, мне действительно не хватало опыта, но ответить ей мне было нечего. Тем временем она продолжила.

— В других расах отношение к женщинам-магам более спокойное. Среди эльфов много женщин-волшебниц. Есть они и среди гномов, хотя их магия чаще предметная, более тяжёлая и трудоёмкая. У орков и гоблинов магией занимаются исключительно женщины. Мужчины презирают занятие магией. Среди них если рождаются мужчины со способностью мага, то они всю жизнь скрывают это. Чаще такие мужчины становятся выдающимися стрелками и следопытами. Такая же ситуация у северных варваров, змеекожих и морского народа. У них, как и у орков, магией занимаются только женщины. Людская раса не является исключением. Инквизиторы регулярно сжигают на кострах ведьм и колдуний. А ведь вся их вина в том, что они дикие маги женского пола. Демоны и ересиархи поступают также.

Последнюю фразу она сказала с какой-то особой горечью. Мне стало немного не по себе. Я позволил себе взглянуть на неё сквозь призму второго зрения. Алкима была явно рожавшая женщина. При этом — не единожды. Мне стало одновременно стыдно и ещё более неловко.

— У тебя были дети — проговорил я тихо.

— Муж и три дочери. — Ответила она, глядя прямо на меня. — Я всю жизнь прятала свои способности. Удачно вышла замуж за тёмного мага, родила трёх дочерей. Все — магички. Мы ждали четвёртого ребёнка — мальчика. Он мог родиться магом и сделать моего мужа счастливым. Дать ему волшебника — наследника. Но девочки были маленькими и не смогли скрыть свои способности. Шпионы демонов узнали об этом и нас схватили. Муж пытался защитить семью. Его и наших дочерей придали мучительной смерти. Принесли в жертву Бетрезену. О том, что я колдунья, они не знали. Поэтому меня просто заставили смотреть на смерть моей семьи. При этом у меня случились преждевременные роды, а ребёнок родился мёртвым. Его тоже бросили на алтарь. Вся моя семья погибла. Несмотря на боль, я смогла сдержаться. Они так и не узнали о моих способностях. Как только я окрепла, то приступила к мести.

Её лицо стало злым и жестоким. В глазах загорелись красные огоньки. В тот момент

она напоминала выпущенного на свободу демона.

— Шпионы, выследившие мою семью, и жрецы, предавшие их смерти, умерли в страшных мучениях, покрывшись жуткими гнойными ранами. — Её глаза заблестели ещё сильнее, а на лице заиграла зловещая улыбка. — Перед смертью они узнали, чьих рук это дело, но сделать уже ничего не могли.

Её взгляд стал отрешённым. Стало ясно, что в это мгновение она находится слишком далеко, в своём прошлом и видит тела поверженных врагов. Она встрепенулась.

— Мне удалось выскользнуть из города и не пойманной пройти через земли демонов и орков. Они искали меня вдоль имперской границы, но я ушла в другом направлении. — На лице отразилась злорадная улыбка. — Я умею отводить глаза, когда хочу. Уже из королевства орков я перебралась в земли Империи и поселилась в пограничных землях. Там меня и нашёл наш капитан Ревин. Прятаться я не стала. Так и оказалась в его отряде. Делаю, что могу. С посохом я могла бы сделать больше.

Сказать, что рассказ шокировал меня, значит не сказать ничего. Но решение я уже принял. Посох всё равно мне не будет принадлежать. А так хоть принесёт пользу. Причинить вред у неё было много возможностей. Я прошёл к кровати, возле которой стоял трофейный посох. Прихватив его, я прошёл к операционной и протянул Алкиме.

— У меня будут неприятности, если тебя увидят с посохом.

Некоторое время она смотрела на посох удивлёнными глазами, будто не веря, что теперь он будет принадлежать ей. После чего её лицо постепенно изменилось. Никогда не думал, что лицо человека может выражать одновременно столько эмоций. Удивление, радость, недоверие, боль воспоминаний, предвкушение. И всё это одновременно. Она осторожно протянула руку и потрогала посох пальцами, будто сомневаясь в его нахождении здесь. Наконец её пальцы сомкнулись на древке и жёстко обхватили его. Я разжал свою руку и отошёл в сторону.

— А если у меня не увидят посох?

Я обернулся и, подняв удивлённо бровь, спросил.

— Как же ты его спрячешь? Такую большую палку в карман не уберёшь.

Я усмехнулся.

— Это потому, что ты думаешь как мужчина. — Она вернула мне улыбку.

Она кивнула Аликс, и та вытащила из-под кровати большой лоскут ткани, в котором было что-то завёрнуто. Когда она откинула край лоскута, на свет показался пучок веток. Ловко орудуя, втроём они быстро собрали достаточно большой веник из этих веток. Перетянули его шнурком и насадили на нижний край посоха, получив вполне приличную метлу. Я подошёл к столу, чтобы лучше рассмотреть это произведение.

— Да здесь заговор! — Выразил я своё восхищение. — Вы трое уже обо всём договорились за моей спиной.

Женщины посмотрели на меня с улыбками и хитринкой в глазах.

— Не было никакого заговора. — Внезапно вмешался Назар. — Идея принадлежит мне. Но даже я не был уверен, что ты согласишься передать посох Алкиме. Ну, там суеверия, предрассудки. В конце концов, нежелание предстать перед советом магов и инквизицией. Мало ли какие у тебя могут быть размышления на этот счёт. А вот способ маскировки придумала Алкима.

Я удивлённо посмотрел на Назара.

— Размышления, конечно, есть, как и предрассудки. — Сказал я спокойно. — Но

прежде, чем я предстану перед советом или инквизиторами, нам нужно ещё остаться в живых. Я не забыл, что мы на войне. И за стенами крепости стоят враги. И их много. И первое, что я сейчас подумал, так это то, что три мага — это больше, чем один. Какой смысл от посохов, если мы умрём? Может то, что мы сейчас делаем, как раз и поможет нам всем выжить. Так я им и объясню. Но маскировка — это хорошо. Можно сказать, что посох погиб и был уничтожен. И это будет почти правда. Они вряд ли спросят про метлу, если мы им сами не подсказем.

— Да. — Продолжил Назар. — Надо только убрать камень. Он сильно демаскирует посох в метле.

Он ткнул пальцем в кристалл, вделанный в навершие.

— Я бы этого делать не стал. — Остановил его я. — Ты же маг. Вглядишься в кристалл.

Назар, не спеша, прошёл к месту изготовления метлы и, получив разрешение Алкимы, притянул к себе кристалл и заглянул в него вторым видением. Его лицо стало слегка отрешённым. Он замер на некоторое время. Через некоторое время он отстранился от посоха и выпустил его из рук. Его взгляд возвращался в наше пространство и стал фокусироваться. На лице Назара проступило удивлённо-обиженное выражение.

— Если бы я знал, то взял бы этот посох.

Пробурчал он.

— Не обижайся. Твой посох мощнее. Он больше подходит мужчине.

— А в чём собственно дело. — Спросила Алкима с подозрительным выражением и решительно притянула к себе свой посох. — Ну?

— Ты же колдунья! — Я изобразил на лице возмущённое выражение. — Вот и загляни в камень.

Некоторое время Алкима колебалась. Потом отодвинулась от нас и осторожно сфокусировала зрение, включая второе видение. Видимо вхождение в камень ей далось сложнее, чем Назару, поскольку времени она затратила значительно больше, чем он. Её лицо расслабилось и приняло спокойное и отрешённое выражение. Спустя некоторое время она «вынырнула» из своих видений. Лицо Алкимы приняло удивлённое выражение.

— Что там такое?

Она указала на кристалл пальцем. Ошарашенный взгляд упёрся сначала в меня, а потом в Назара.

— А что ты видела? — В свою очередь спросил Назар.

— Какие-то вроде листочки плавают по кругу, и на них что-то нарисовано.

— Не что-то, а заклития. В графическом виде. — Проговорил Назар.

— Позволь мне глянуть.

В свою очередь я приблизился к Алхиме и протянул руку к посоху. Поколебавшись, она протянула мне посох навершием вперёд. Прикоснувшись к нему рукой, я притянул посох ближе к голове. Включение второго видения произошло без напряжения. Мгновение спустя я был уже внутри кристалла. Моё сознание оказалось в круге из вращающихся вокруг меня листков пергамента. Мысленно остановив первый из листов, я попытался разглядеть его содержимое. Нужно было определить его назначение. Постепенно я узнавал знакомые схемы. Прокрутив все листы и вернувшись к началу, я вышел обратно в наш мир. Переход был практически мгновенным. Мир кристалла сменился палатой лазарета.

— Ты долго. — Встревожено проговорила нянечка.

— Просмотрел назначение заклитий. Ничего выдающегося. Стандартный перечень

заклятий. — Предупредил я следующий вопрос. — Стрельба зарядом, воздушный щит, энергетическая броня, увеличение силы, увеличение скорости, парализация противника и обезоруживание. Как раз то, что нужно обычному магу.

Наступила тишина. На лицах Назара и Алкимы читались вопросы, при этом сразу несколько. Тётя Вера смотрела на меня с уважением, как на грамотного и умного человека. Аликс смотрела с восторгом юной девицы, обретшей кумира. Мне это льстило.

— Мне бы такой кристалл... — Наконец выдавил Назар.

— В башне есть все эти заклятия. Найди такой камень, и мы сделаем запись. Это вполне возможно.

— А как этим пользоваться? — Задала вопрос Алкима.

— Сначала подключиться к посоху. Потом разобраться в записях. На листах пергамента просто записано, как эти заклятия делаются. Потом нужна тренировка. Без тренировки знания мало чего стоят. Можно обойтись и без кристалла, но с кристаллом легче вспоминать заклятия. Это я проверил на себе. В бою обычная память отказывает из-за волнения и страха. Не можешь вспомнить самое простое заклятие. Кристалл с записями в данном случае сильно помогает. — Я поднял вверх левую руку с кольцами. — Без этих колец мы бы погибли ещё вчера. Я так сильно напугался и растерялся, что не мог ничего вспомнить. А кольца мне сильно помогли. Хорошо, что успел сделать записи.

Снова наступила тишина. Люди обдумывали мои слова. Время текло медленно, в воздухе чувствовалось напряжение. И это напряжение разрядилось словами Алкимы.

— Я хочу подключиться прямо сейчас!

Это слегка меня шокировало. Я попытался отказаться, указывая на поздний час и общую усталость. Но на помощь Алкиме пришёл Назар. Я попытался переложить подключение на утро. Но это не помогло. Точку в наших пререканиях поставила тётя Вера.

— Невил, дай им то, чего они хотят. Не отстанут ведь.

Аликс высказалась идти с нами, посмотреть. Вдруг потребуется помощь. Окинув её взглядом, я решил, что помощь скорее может потребоваться ей. Поворчав ещё немного, я обречённо согласился провести этот обряд прямо сейчас. Видит Всевышний, как мне этого не хотелось делать прямо ночью. Глянув за окно, я рассмотрел только ночную тьму. Не хотелось ни делать обряд, ни даже выходить за предел лазарета, где тепло и светло от масляных ламп. Вздыхнув напоследок, я стал собираться в путь. Тётя Вера решила подождать нас в палате. Вот так большой компанией мы отправились ко мне в башню.

Ночь встретила нас непроглядной тьмой. Месяц ещё не взошёл. Внутри крепости тьма была столь плотной, что казалось, будто её можно потрогать руками. Единственным источником света были висевшие в ночном небе звёзды, изредка заслоняемые проплывающими облаками. Неосвещённые формы крепостных стен и башен угадывались лишь тогда, когда они заслоняли звёздный свет. Ещё одним источником света были фонари стражников, двигавшихся по площадкам крепостных стен. С того места, где я находился тусклые пятна фонарей казались маленькими медленно плывущими звёздочками. Я вступил в темноту из освещённого проёма двери и сразу же потерял направление движения и ориентацию в пространстве. Единственным надёжным источником направления была земля под ногами. Сила притяжения указывала мне направление вниз. Оказавшись перед лицом тьмы, мои спутники сразу стали терять свой энтузиазм. Двигаться во тьме к моей магической башне для проведения обряда, уже не казалось им хорошей идеей. Они стали перетаптываться с ноги на ногу вероятно в поисках оправданий, чтобы не идти дальше. И вот

в этот момент я совершил ошибку.

— Люмос!

Навершие моего посоха осветилось бледным светом, осветив небольшой круг вокруг навершия. Стала видна брусчатка под моими ногами и ближайшие предметы ко мне. Мгновение спустя в круг света вошли мои спутники. Их лица благоговейно смотрели на светящееся пятно, дававшее света не больше обычного факела, но не издававшего копоти. Позади моих спутников смутно угадывался слабо освещённый прямоугольник двери, от которого они подошли ко мне.

— А мы уже хотели отказаться от похода...

Высказал общее мнение Назар. Меня постигло разочарование и злость на мою глупость. Я негромко чертыхнулся. Но поворачивать назад было поздно. Решимость и некоторая доля фанатизма уже стала просвечиваться в глазах моих спутников. Или мне так показалось в неверном свете моего посоха. Чем больше они узнавали о свойствах посоха, тем больше им хотелось им обладать и пользоваться его возможностями. Я вздохнул обречённо.

— Аликс, ты пойдёшь рядом, — я протянул левую руку ладонью к ней — у остальных есть второе видение. Если что, они не заблудятся.

Аликс вышла вперёд и взяла меня за ладонь. Вот так мы и возглавили процессию. Впереди шли я и Аликс, сразу за нами Назар и Алкима. Двигались мы достаточно медленно, чтобы остальные не потерялись в темноте. К тому же площадь всё ещё была засыпана обломками разбитых повозок, валялись брошенные в беспорядке жерди, колёса и остовы, чьё-то брошенное имущество. Под ногами иногда попадались округлые камни, бывшие некогда метательными снарядами, пущенными в нашу крепость и оставшиеся внутри. По дороге нам не попалось ни одно живое существо. Казалось, что вся живность попряталась от бедствий войны. Стояла неестественная тишина, нарушаемая лишь редкими звуками живой природы. Шелест деревьев под порывами ветра, далёкое уханье совы, крики ночных животных, приносимые ветром даже через стены. Но внутри крепости стояла абсолютная тишина. Крепость будто замерла в ожидании неизвестности. И при всём этом наш путь прошёл без всяких приключений. Не спеша мы дошли до моей башни. По крайней мере, именно в этом месте она должна была находиться. Когда круг света осветил стену с провалом двери, я не сразу признал в этой крепкой, добротной сложенной и качественно оштукатуренной стене с новенькой дубовой дверкой свою башню. Некоторое время я смотрел на неё удивлёнными глазами. Я не мог ошибиться. Этой дорогой я ходил много раз и хорошо её знал. Не мог я ошибиться даже в темноте. Мы же только что прошли мимо бочек, по-прежнему старых и разохшихся. Но это место было новым. Мгновение растерянности прошло, и я обругал себя за глупость. Я же сам и отремонтировал все строения в крепости. Отпустив руку Аликс, я прикоснулся к двери и тихо произнёс.

— Алохоморе.

Дверь отошла от косяка. Потянув её за рукоять, я прошёл внутрь. Следом за мной в освещённый посохом проём пробрались и остальные. Оказавшись внутри башни, они некоторое время озирались по сторонам. Спокойно себя вела только Аликс и то лишь по тому, что она уже ранее была здесь. Изнутри башня изменилась не сильно. Разве что исчезли трещины на стенах. Я подошёл к столбу с вделанной в него лестницей. Прикоснувшись к нему, я испытал удивление. Никогда не думал, что столб мог быть изначально покрыт вполне приличным слоем лака. Рука скользила по полированной и лакированной поверхности. Я испытывал удовольствие от прикосновения к лакированной поверхности

столба. Древние мастера постарались на славу, создавая это место на века. А ещё они заранее вложили в крепость способность по продолжению срока её службы. Подвергаясь постоянным разрушениям и восстановлению, эта крепость простояла более ста лет. Если мы устоим в этой войне, крепость простоит и дольше. Я испытывал восхищение и трепет перед мастерами древности. Можем ли мы достичь их уровня? Из этой задумчивости меня вывел голос Назара.

— А... дальше что?

Теперь я вспомнил, зачем сюда пришёл.

— Мне надо подняться наверх. Нужно взять фонарь и чертёжные устройства. Вам лучше подождать меня здесь.

— В темноте? — Подала голос Алкима.

— Посох будет работать лишь в моих руках. Если я его передам, то он сразу погаснет. У вас есть второе видение. Не пропадёте. А вот Аликс лучше идти за мной. В темноте она беспомощна.

— Смотрите, не пропадите там... в любви — усмехнулся Назар.

Аликс смутилась и покраснела. Я вспыхнул.

— Для этого ей надо ещё подрасти, — сказал я с нажимом — а потом... жениться.

В тот миг мне было трудно говорить. Назар примирительно поднял руки вверх и улыбнулся.

— Я так, пошутил. Напряжение хотел снять.

Повернувшись к лестнице, чтобы идти в свою комнату, я встретился глазами с глазами Алкимы и Аликс. Аликс смотрела на меня выжидательно, с интересом изучая моё лицо. Алкима хитро улыбалась одними глазами, поджав губы. Мне стало не по себе. Я почувствовал, как краснеют кончики моих ушей. Повернувшись ко всем спиной, я направился к лестнице и по ней вверх. Аликс тенью поспешила за мной. Уже находясь почти под самым потолком, я обернулся и буркнул.

— Сами не залюбитеесь здесь, в темноте.

Снизу послышались смешки. Преодолев ещё один этаж башни, мы оказались в моей комнате. Комната встретила меня своей не уютностью, заброшенностью. Оказавшись возле стола, я зажёл фонарь. Набрав в руки чертёжных инструментов и коробочку с мелом, мы так же неспешно направились обратно. По пути мы забрали с этажа библиотеки свиток с настройкой. Аликс держала в руках фонарь, а я посох со светящимся навершием. Вот так, шагая первым с нагруженными длинными линейками руками и светящимся посохом, я появился из отверстия люка второго этажа башни. Назар и Алкима ждали нас внизу, находясь в разных сторонах комнаты. Весь их вид был скучающим из-за ожидания. Увидев нас, Назар выразил удивление.

— Так быстро?

И сам же закрыл свой рот ладонью. Алкима же удивления не показала. Её вид как бы говорил — так и должно быть. Я постарался сделать вид, будто ничего не расслышал. Примерно такой же вид был и у Аликс.

Спустившись, я разложил вещи по столам. Отдал свиток Аликс, взял длинную чертёжную линейку и мел. Сверяясь с развёрнутым листом пергамента, я начал работу по построению пентаграммы. Прошёл примерно час, когда на пентаграмме была нанесена последняя линия и последняя черта в обозначении. Я разогнул спину и потянулся. Было чувство усталости, но сильнее всего меня рапирало чувство гордости и радости. Мои

спутники ходили вокруг меня, стараясь не мешать и не поддаваться своему любопытству.

Теперь следовало поставить абитуриента внутри звезды, как можно ближе к её центру. Я предложил вызваться добровольцем одного из моих спутников. Назар и Алкима одновременно открыли рты и заговорили. Потом вместе замолчали и переглянулись. Каждому из них не терпелось. Некоторое время они смотрели друг на друга, потом Назар уступил место Алкиме. В его глазах застыло нетерпение. Я приказал Алкиме приподнять полы юбок, чтобы не замести линии, аккуратно шагая, мы вошли внутрь начертанной звезды. Я расположил её спиной на юг, а лицом на север. В моей памяти учитель стоял ко мне лицом, поэтому я поднялся по ступеням лестницы, чтобы оказаться лицом на юг по другую сторону столба. Длины моих рук хватало, чтобы охватить столб. Присев на ступени, я обнял столб руками и, взяв волшебный посох Алкимы, приложил его к столбу вертикально, уперев нижним концом в землю. Алкима наложила свои руки на посох, одну выше другой. Я наложил свои руки поверх её рук, левую на левую, а правую на правую. Глянув ей в глаза, я произнёс.

— Когда я скажу «давай», ты произнесёшь фразу: «Мисцере корпус», не раньше. — Она повторила несколько раз, пока не добилась нужного для меня результата. — И ни за что не отпускай посох, что бы ни произошло. Открой второе видение.

Она кивнула головой, и её взгляд стал сразу слегка расфокусированным. Я открыл своё второе видение. Мой взор проник внутрь посоха. Теперь я ясно видел его внутреннюю структуру, расположенную за массой магического столба. Мир расширился и уменьшился одновременно. Мои руки казались мне огромными, а посох в наших руках такой маленький и миниатюрный. Вокруг нас струились потоки магических сил. За пределом круга пентаграммы они клубились как пар, но внутри их потоки упорядочивались. Мир осветился многообразием красок. Многие цвета были просто безумны, они находились не на своих местах. Краски мира обрели запахи, а запахи обрели цвет. На углах пентаграммы магические силы сгущались и светились ярче. Пора было использовать эти силы в своих целях. Мысленно я протянул силовые линии от семи лучей, находящихся позади Алкимы к нижней части посоха. Ещё одну силовую линию я протянул от верхнего конца посоха к северному лучу. Теперь, чтобы привести силы в движение требовалось произнести словесный ключ, активирующий заклинание.

— Давай — сказал я Алкиме.

— Мисцере корпус — проговорила она на одном дыхании плавно и протяжно.

Сначала не произошло ничего. Но я знал, что силы активированы. Теперь следовало пропустить их через посох. Я усилил нажим. Было сложно удерживать второе видение, посох с руками Алкимы и одновременно магические связи с углами пентаграммы. Но я справлялся. Я медленно стал изменять цветовую гамму прилагаемой силы, добавляя в неё разнообразие вкусов. Начал от блекло-серого цвета и, задержавшись на нём, начал медленно перебирать вкусовую гамму, начав с простых вкусов и дойдя до сложных сочетаний. Не получив ответа, я изменил цветовую гамму на более тёплую и вновь прокрутил вкусовую гамму. Какое-то время я не получал никакого ответа, пока не довёл цвет до жёлтого. Именно в этот момент я и почувствовал движение магических сил в посохе. Трепещущее и прерывистое ощущение, как будто чей-то голос пытался докричаться сквозь гомон голосов и порывы ветра. Я стал менять вкусовую гамму. Голос магической силы становился всё более ровным и устойчивым. Когда я довёл вкусовую гамму до солёного, посох ответил ровным «голосом» и спокойным течением магической силы через себя. Настройка на артефакт прошла успешно. Алкима

застонала как от боли, но протяжно и с удовольствием. Ранее мне не приходилось слышать таких стонов от женщины. От неожиданности я отпустил её руки.

Из верхней части посоха брызнули искры. Некоторое время я успокаивался. В глазах Алкимы сочетались испуг и восторг одновременно. Я возвращался в наш мир, и мир возвращался в свои привычные очертания.

— Ты запомнила цветовую и вкусовую гамму? — Я дождался кивка её головы. — Теперь вызови у себя эти гаммы и взмахни посохом, но не сильно.

Она перехватила посох удобнее в руках. Некоторое время она сосредотачивалась, потом взмахнула им. Из посоха вылетел целый сноп жёлтых искр. Глаза Алкимы светились от радости.

— Всякий раз, когда ты будешь творить волшебство, тебе потребуется вызывать у себя эти гаммы. Тогда сила посоха пойдёт на исполнения твоего заклęcia. Теперь осторожно выйди из круга. Нужно будет обновить пентаграмму, прежде чем займёмся Назаром.

Приподняв полы платья и мантии, мы осторожно вышли из круга пентаграммы. Я испытывал восторг. Впервые мне довелось настраивать на магический артефакт постороннего человека. Некоторое время я приходил в сознание. Хотелось всё бросить, но нежелание завтра начинать заново пересилило. Обновив линии и знаки пентаграммы, я пригласил внутрь Назара.

Второй раз обряд дался значительно легче. Назар произнёс фразу так правильно и легко, что стало ясно — он не просто так стоял и смотрел. Посох Назара отозвался на бордовую цветовую гамму и сладкий вкус. Когда настройка закончилась, Назар издал громкий кричающий звук и зарычал. Настройка была закончена. Из посоха брызнули искры. Объяснять ему способы использования посоха не пришлось. Он сразу же вызвал большой пучок искр, покрутив посох вокруг себя. Пришлось его одёрнуть, вернуть с небес блаженства на грешную землю. Было видно, что Назар с трудом справляется со своими чувствами. Оторвавшись от столба, я взял метлу, стоящую возле входа, и сам размёл остатки пентаграммы. Мне не хотелось оставлять следы своей деятельности.

Я попросил всех подождать меня внизу и отнёс свиток на место. Спустившись обратно, я предложил всем вместе отправиться назад в лазарет. Этим я удивил окружающих.

— Ты не останешься у себя? — спросила Алкима.

— Мне пока... страшно оставаться одному. — Я смутился и потупил взгляд.

В полном молчании заговорил Назар.

— Так бывает после первого убийства. Дня три-четыре ещё будешь отходить. Потом твой мозг привыкнет к новому состоянию. Состоянию убийцы. Таков наш мир.

С этими словами мы и покинули мою башню. Дождавшись пока все выйдут за дверь, я её закрыл.

— Каструм.

— А заклęcia?

— Завтра. Не всё сразу.

Освещая дорогу посохом, я вновь повёл людей мимо бочек по тропе на площадь. Тропа петляла меж разбитых повозок и разбросанного имущества. Проведённые обряды настройки меня слегка утомили. Однако моя усталость не могла сравниться с тем, что ощущали мои спутники. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, как они устали. Назара шатало из стороны в сторону. Он сильно зевал. Алкима шла относительно ровно, но при этом шаркала ногами и волокла свою метлу веником по земле. Они оба постоянно запинаясь за лежащие

поперёк дороги предметы и производили много шума. При этом они ещё умудрялись говорить, оглашая ночную тишину шумом голосов и смехом. Несмотря на усталость, оба бурно выражали свою радость от нового приобретения. Меня же их шумная компания начинала раздражать. Они шли за мной, доверившись моему направлению движения. Мне же приходилось постоянно смотреть во все стороны, сверяя своё движение с внешними признаками. Я рассматривал дорогу, одновременно смотрел на расположение крепостных башен по пути движения, пытаюсь угадать правильность направления. Заблудиться в нашей крепости сегодня — это последнее, что я хотел. Мой взгляд регулярно скользил вдоль крепостных стен, отмечая направления движения стражников с фонарями. Внезапно что-то заставило меня напрячься. Сначала я не понял, что именно. Потом до меня дошло озарение. Один из фонарей уже достаточно долгое время не двигался. При этом он не освещал площадку стены, а был установлен между зубцов в стрелковой нише.

Я мгновенно замер и взгляделся в этом направлении. Стена смутно угадывалась на фоне звёздного неба без месяца, всё ещё не взошедшего. Внезапно пространство прямо над стеной зашевелилось. Непонятная тень на мгновение закрыла в этой части стены свет звёзд. Моя внутренняя суть почувствовала опасность. Маленький зверёк внутри меня забился от страха. До этого места было достаточно далеко, но мощности заряда хватало для выстрела.

— Стой!

Крикнул я. Мой отряд уставших магов вместе с Аликс мгновенно замер. Включение второго зрения произошло мгновенно без дополнительного приказа моего мозга. На стене копошилась живая масса, неразличимая с этого расстояния. Но при этом некто в данный момент пытался перелезть через парапет крепостной стены. Ионный след построился сам без видимых усилий с моей стороны. В следующий момент я разрядил посох в лезущую через стену фигуру. Вспышка моего разряда осветила крепость изнутри на краткий миг, но этого хватило, чтобы разглядеть сгрудившуюся на стене группу гоблинов и огромного орка, пытавшегося перелезть через стену. Именно ему и достался мой разряд. Не ожидавший его орк откинулся от удара назад и упал наружу. Если он был ещё жив, то приземление с высоты стены наверняка убило его. Громко взвизгнула Аликс.

— Тревога! Орки!

Бешено заорал Назар. Я приготовился нанести ещё один удар в копошащуюся массу из гоблинов, но меня опередила Алкима. Она заорала что-то бешенное и взмахнула метлой в сторону крепостной стены. Над моей головой вспыхнула огненная петля, заставив меня пригнуться, и понеслась в сторону крепостной стены. Растянувшись словно удар кнута, огонь прошёлся через всю площадку стены, обжигая и поджигая всё на своём пути. Раздались громкие вопли обожженных и горящих живых существ. Стена осветилась, и для нас стало легче прицеливаться. С криками гоблины стали разбегаться по стене, спасаясь от наших ударов. Я ещё дважды разрядил посох, отрезая путь со стены для бегущих гоблинов. Второй удар огненной петли Алкима нанесла по лестнице, ведущей со стены вниз. Я прозевал отряд гоблинов, находящийся на ней и движущийся к главным воротам. Гоблины заметались, пытаясь сбить пламя с горячей одежды. Горохом они посыпались с лестницы на землю и стали кататься по ней. Не знаю, насколько бы нас хватило сражаться с этой оравой, перебить их всех мы всё равно не смогли бы. Но помощь уже пришла. На крики Назара из арки главных ворот стали выскакивать стражники. Они мгновенно оценили ситуацию и с ходу вступили в бой, убивая обезумевших и горящих гоблинов. Послышались громкие крики и ругань бойцов. Из конюшни, казармы и от жилых построек к месту битвы уже спешили

другие воины. Ещё один дикий крик Алхимы заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Однако огненной петли не последовало, но истекание силы почувствовали все. На площади завязались отдельные схватки. И только в этот миг я заметил, что гоблины двигаются не так резво, как от них можно было бы ожидать. Их движения замедленны. Нет резких прыжков и подкатов под ноги, столь любимых ими. Теперь с ними справлялись даже ополченцы. Я разрядил посох ещё раз, преградив гоблинам путь по стене и прижав их к лестнице. Сбив наскоро небольшой отряд, по этой лестнице уже поднимались наши воины. Впереди отряда я заметил Хедина. Прикрывшись большим щитом, закрывавшим ему ноги, он разил сверху мечом. Бешенство на его лице было видно даже отсюда. За его спиной шли четверо ополченцев, выставив острия копий с боков от щита Хедина и подпирая его в спину. Щит Хедина совершал быстрые, едва уловимые глазом движения, отражая удары в стороны. А его меч мелькал со скоростью молнии, и каждый его удар отнимал жизнь. Я увлёкся созерцанием и пропустил момент, когда на поле битвы появился капитан. Только рёв его приказов оповестил меня о его появлении. Битва сразу стала упорядочиваться. Появились факела и фонари. Бойцы рассеялись по двору, обыскивая каждую подворотню и заглядывая в каждую тень. На стену вслед за отрядом Хедина двинулся второй отряд, а ещё один стал заходить с другой стороны, закрывая ловушку. Некоторые гоблины попытались влезть на парапет, чтобы сбежать по верёвкам, привязанным снаружи крепостной стены. Но со двора запели стрелы рейнджеров, неся им смерть. Если кто-то и покинул стену, то только со стрелой в спине. Мы всей компанией двинулись на голос капитана. Скоро мы уже увидели его. Битва заканчивалась. Гасли последние очаги сопротивления. Наступала тишина, прерываемая голосами воинов. Капитан проводил переключку, определяя число погибших и раненых. В кучу стаскивали мёртвых гоблинов, попутно добивая тех, что ещё шевелились. Сразу пытались определить число нападавших. Мы были уже совсем рядом, когда капитан стал отдавать приказ о прочёсывании крепости в поисках незамеченных врагов.

— Вы молодцы! — крикнул нам капитан. — Если бы не вы, то они вырезали бы охрану ворот и впустили орков в крепость. А второй отряд вошёл бы через стену. Зажали бы нас с двух сторон.

Он присовокупил несколько грубых выражений. Он был одет в штаны и лёгкую рубашку. На нём не было шлема и доспехов. В руках находился лишь его верный меч и небольшой щит. Лицо было разгорячённым, а глаза блестели диким огнём.

— Отдыхайте. Заслужили. Мы обещем крепость, найдём оставшихся. Похоже, спать не придётся. Все награды завтра.

Он улыбнулся.

— Капитан! — заговорил я. — Есть способ лучше! Мы осмотрим крепость вторым зрением. Если кого найдём, укажем воинам. И все пойдут спать.

Капитан замер, глядя на нас недоумённо. Похоже, что такой помощи он не ожидал. Я повернулся к Назару и Алхиме. В нескольких словах объяснил, что надо делать и указал каждому свой участок для осмотра. Так мы и приступили к работе. Переход мозга на второе видение дался с неохотой и напряжением. Сказывалась усталость. Теперь я знал, что надо искать. Единственного гоблина, оставшегося после боя живым, обнаружил я. Он притаился под обломком повозки, вывернув тело и приняв неудобную позу, полностью сливавшую его с окружающими предметами. Полагаю, что обычному взгляду воинов он был бы неразличим и не пойман. Но моё второе видение сразу выявило его по источаемому теплу тела и лёгкому дыханию, выделяющему тонкую струю тёплого воздуха. Он был обожжён, испытывал боль,

но не шевелился. Его терпение и выносливость заслуживали уважение. Убивать его у меня желания не возникло. Вытянув в его сторону посох, я произнёс.

— Петрификус Тоталус.

Тело гоблина дёрнулось и вытянулось струной. Руки его притянуло к туловищу, а ноги друг к другу. Находящийся ближе всего воин подпрыгнул от неожиданности. Увидев обозначившего себя гоблина, он резко развернулся и занёс копьё для удара.

— Нет! — крикнул я. — Он нужен живым!

Воин замер. Капитан повернул ко мне голову и спросил.

— Зачем?

— Мне нужно обучить Назара и Алкиму пользоваться посохами. Изучить заклятия. Нужна мишень. Не по нашим же долбить?

— Согласен. — Произнёс капитан после небольшого молчания.

Он отдал приказы. Гоблина скрутили верёвками и обыскали. У него изъяли все найденные вещи, даже не понимая их назначения. Это был единственный гоблин, найденный нами. Гоблина привязали к столбу, в который во время занятий воины метали ножи. Выставив посты и срезав найденные верёвки со стены, капитан отправил людей спать. Наконец мы всей командой добрались до лазарета. Назар и Алкима буквально падали с ног. Я отправил их спать, и они уснули, не раздеваясь, едва коснувшись кроватей. Почти сразу за нами в лазарет стали приносить раненых бойцов. Хорошо, что их было мало. Тётя Вера взяла командование на себя, распределяя их по кроватям. Аликс откровенно чуняла, и её отправили спать. Я заявил, что сегодня все устали и лечение будем проводить утром, когда все выспятся. Ко мне сон не шёл. Ночное нападение напугало меня. Мне мерещились гоблины, крадущиеся во тьме к стенам нашей крепости, чтобы взобраться на неё. Я задремал, сидя на табурете и прислонившись к посоху головой. Дрёма была тревожной, я регулярно просыпался. Война показала мне ещё одну из своих сторон. И эту сторону я стал бояться больше других. Я тогда ещё не знал, что именно такая форма сна станет для меня обычной на протяжении многих лет. Просыпаясь, я окидывал окрестности вторым видением, стараясь разглядеть происходящее за пределом крепости и внутри её. Только убедившись в полной безопасности, я вновь впадал в дрёму, под стоны раненых. И так до следующего своего просыпания. С первыми лучами солнца в палату вошла тётя Вера. Увидев меня сидящим на стуле, она, тихо бурча, согнала меня в постель. Едва сомкнув глаза, я услышал звук гонга, призывающего к подъёму.

Я поднялся сам. И, шатаясь, не понимая, что происходит, побрёл по палате. Проснулся я, только наткнувшись на Тётю Веру. Она стала ворчать, загоняя меня обратно в постель. Я проявил упрямство и настоял на своём подъёме. Она ещё ворчала, но в её глазах появилось уважение. Она сама поливала мне воду из кувшина для умывания. А вот Назара, Алкиму и Аликс мы решили не будить до завтрака. Выйдя на улицу, я осмотрел окрестности вторым зрением, проник сквозь стену, осмотрел пространство за пределом крепости. Было тихо. На всякий случай я соединился со столбом башни и поставил над крепостью магический щит. После этого я вернулся в здание.

Завтрак нам привезли в лазарет. Аликс повеселела после сна, а вот Назар и Алкима выглядели плохо. Ели вяло и заторможено. Мой вид тоже оставлял желать лучшего. Под глазами появились синяки, щёки впали, а кожа лица стала бледной после бессонной ночи. Сразу после завтрака к нам наведалься капитан. Высказал благодарность. Осмотрел наши лица и заявил, что выглядим мы плохо. Пришлось объяснять про магический обряд, про настройку на посохи. Упадок сил после настройки, меньший, чем при настройке на башню, но достаточный, чтобы выглядеть плохо. Указал про наше случайное появление на площади во время нападения.

— Значит нам опять повезло — печально усмехнулся капитан. — Значит Всевышний на нашей стороне. Вот и не верь теперь в проведение. Предложения будут?

— Два. Первое, нам теперь по очереди придётся дежурить и осматривать окрестности вторым видением. Второе, после излечения больных, нужно будет изучить заклятия и потренироваться на пленном гоблине.

— Тоже не плохо. — Согласился капитан. — Воинов стало мало. Хороша любая помощь.

— Тогда у меня третье предложение — подала голос Алкима. — Нужно обучить женщин и девушек стрельбе из лука, а стрелкам-мужчинам выдать мечи.

— Женщинам оружие? — Удивился капитан.

— Но, я же ношу посох! Почему они не могут носить лук?

— Это так. — Добавил я. — Вчера она показала себя эффективной магичкой. Это она подожгла гоблинов и осветила стену. Полагаю, что, если дать женщинам луки послабее, как у гоблинов, толк будет. Больше на полсотни луков в бою — это лучше, чем без них.

Капитан задумался.

— Это надо обдумать. Но за совет спасибо.

Он ушёл. Мы вяло доедали свой завтрак. Впереди нас ждала большая работа. Для начала излечить раненых. А потом уже и заклятия с тренировками.

После завтрака я отправил Алкиму и Назара спать. Они поворчали, но особс сопротивляться не стали. Моя воля победила, и они подчинились. Лечил больных я, помогала мне тётя Вера и Аликс. Между операциями были большие промежутки времени, чтобы отдохнуть. Моё состояние тоже было не самым прекрасным. Но к обеду я завершил всю работу и отпустил излечённых воинов обратно на свои места. К этому моменту меня самого клонило в сон.

Но меня ждала ещё работа. Поэтому я направился к себе. Но путь мой всё равно лежал мимо столовой. Там я видел поленницу дров, и сейчас мне нужно было несколько поленьев.

Разговор с работником кухни был короткий. На мой вопрос он неопределённо кивнул головой, схватил несколько поленьев и побежал на кухню. Я расценил это как разрешение. Прихватив три полена в охапку, я направился в сторону башни. Было лето, и я, конечно же, топить камин не собирался. Дерево мне было нужно для других целей. Дойдя до башни, я открыл дверь и вошёл внутрь. Поленья высыпал прямо на каменный пол башни первого этажа. Мне потребовался небольшой отдых. Это путешествие отняло у меня достаточно много сил. Пришлось некоторое время делать восстанавливающее дыхание. Впереди меня ждала лестница.

Подъём на второй этаж в мою библиотеку дался мне достаточно тяжело. Я ещё не восстановился полностью, а прошедшие события меня достаточно сильно утомили. Меньше, конечно, чем моих спутников, но чувствовал я себе не лучшим образом. Отдышавшись, я начал осмотр книжных шкафов. Из всей магической библиотеки я решил остановиться на книге «Общие заклинания». Дополнительно прихватив книгу «Трансфигурация», поскольку помнил, что нужное заклинание находится в ней, я стал спускаться вниз. Винтовая лестница привела меня на первый этаж. Разложив книги на столах, я раскрыл «Трансфигурацию» и углубился в просмотр, подсвечивая себе посохом, поскольку фонарь из башни сейчас находился в лазарете.

Заклятие создания дубликата предмета находилось на первой странице с заклинаниями. Я осмотрел страницу. Схема заклятия была не самой сложной. Сложнее было осуществить это заклятие, поскольку требовалось большое напряжение ума. А так всё просто. Создание астральной копии с энергетической оболочки предмета, наполнение его энергией, а затем насыщение физическим веществом. Как это легко сказать, но как сложно выполнить, да ещё в том состоянии, в котором я находился. Одна беда — время не ждёт. Изучение заклятий нужно провести как можно быстрее. Прежде, чем противник решится на следующий штурм. Мне приходилось уже пользоваться этим заклятием в Академии. Но было это давно. Да и результаты меня тогда не сильно впечатлили. Теперь же я не мог рассчитывать на ошибку. Но как сложно справиться с духом. Именно в этот момент прозвонил гонг, призывающий на обед. Решив оставить это действие на потом, я закрыл дверь башни и отправился в лазарет.

На площади, мимо которой мне предстояло пройти, собралась большая толпа народа. Сначала я не придавал этому значения. Я принял как должное, что люди собираются в столовую на обед. Однако по мере моего приближения толпа не убывала, а наоборот стала увеличиваться. Подходили всё новые и новые люди. Скоро, по моим прикидкам, на площади скопилось почти всё население крепости. И я направлялся в том направлении. Подходя к площади, я рассмотрел капитана, возвышавшегося над площадью. Видимо, он стоял на какой-то подставке. Оказавшись рядом с людьми, стоящими с краю площади, я хотел задать вопросы, чтобы прояснить происходящее. Но, открыть рот я не успел, меня заметил капитан. Выкрикнув громко моё имя, он поманил меня рукой к себе. Вняв приказу, я стал пробиваться через толпу и, через некоторое время, оказался недалеко от большой бочки, служащей капитану помостом. Вокруг стояли его старшие воины. Недалеко от них я разглядел стоящих особняком Алкиму и Назара. Сразу же изменил направление движения и оказался рядом с ними. Вокруг стоял шум, издаваемый толпой. Все что-то обсуждали. Назар и Алкима выглядели заспанными и помятыми. Их одежда была неопрятной, какой она бывает, если человек спит в ней, а потом сразу же поднимается и идёт по делам. Стало ясно, что их подняли прямо из постелей и привели на площадь. Встретившись с ними глазами, я

спросил, по какому поводу идёт собрание. Они ответили недоумёнными взглядами, Назар пожал плечами, как знак неизвестности. Я присоединился. Капитан поднял руку и громко крикнул, призывая к порядку. Постепенно на площади воцарилась тишина.

В абсолютной тишине капитан заговорил. Люди слушали, понимая, что просто так капитан не станет собирать людей. Именно из речи капитана мы узнали, что к нам прилетел почтовый сокол. Из письма было ясно, что Император Эмри одержал победу над армией демонов, и сейчас его войска вытесняют остатки их отрядов за предел нашей территории. Скоро армия Императора развернётся и направится в нашу сторону. Но, чтобы закончить войну с демонами, укрепить границу на востоке, и преодолеть весь путь до нашей крепости, им потребуется около двух месяцев. Этот срок нам надо продержаться. Получив весть от нас, что мы выдержали натиск орков, хотя остальные крепости пали, Император был обрадован. Он восторгается нашим подвигом и надеется, что мы и дальше выдержим осаду.

Вторая весть была менее приятна. Хотя капитан посылал просьбу в Тругард о дополнительной помощи продовольствием, мы эту помощь не получили. Сейчас не сезон. Только что закончилась зима, запасов продовольствия в крепости мало. Даже если начать резать скот, а этого он хочет избежать, при нормальном питании на два месяца продовольствия может не хватить. Поэтому всё население крепости с сегодняшнего дня переводится на урезанный паёк. Основной пищей станет молоко. В первую очередь его станут получать дети, потом женщины и воины. Надо рассчитывать, что ожидание может затянуться больше, чем на два месяца. На этот срок пиры, увеселение и бесконтрольное питание будут отменены и, даже, подвергаться наказанию.

Третьей новостью стало решение совета воинов о перераспределении ролей в организации обороны. С этого дня все рейнджеры и стрелки будут вооружены мечами, и станут носить их постоянно во время службы, помимо лука со стрелами. Поскольку гарнизон крепости понёс значительные потери в предыдущих боях, капитан объявляет набор в стрелки из женщин, находящихся в крепости. Луками и стрелами их обеспечат за счёт крепостного арсенала. Здесь же они пройдут обучение. Все желающие должны подойти к крепостному писарю и записаться в список, чтобы потом по этому списку вооружать людей. Писарь — молодой юноша лет шестнадцати — поднял руку вверх и помахал ею, привлекая внимание. За его спиной я разглядел колчан со стрелами и большой пехотный лук. Капитан попросил мужчин не чинить препятствий женщинам, желающим научиться стрелять, если они, эти мужчины, не хотят чтобы крепость пала. После чего он пригласил всех желающих подходить.

На площади началась суматоха. Люди громко обсуждали последние новости. Люди радовались победе над армией захватчиков и надеждой на помощь. Кто-то жаловался на невезение, из-за того, что им придётся голодать. Другой заткнул его, сказав, что он ещё жив, и голодный паёк переживёт. Ему даже на пользу — жир сгонит. Нашёлся даже такой, по виду крестьянин, который высказал мнение, что капитан сошёл с ума, призывая баб на войну воинами. Находящийся рядом воин резко развернулся и сунул под нос этому мужику кулак в половину его головы. После чего шипящим голосом посоветовал держать язык за зубами. Если он не хочет сражаться и прячется за бабскими юбками, то пусть не мешает тем, кто хочет бороться за свою жизнь, даже если это будут бабы. Вот его лично воин на стенах в бою не видел, так что его мнение окружающих не волнует. Тем временем по площади в сторону парня писаря начали двигаться многие женщины. Отдавая предпочтение в первую очередь женщинам молодым и среднего возраста. Вокруг него столпилась настоящая толпа, которая

постепенно выталкивала меня и Назара с Алкимой в сторону.

Капитан протолкался в нашу сторону. Вместе с ним двигались оба сына тёти Веры. Они плавно и нежно расталкивали толпу в стороны, словно нос корабля раздвигает воду, по которой движется корабль. Капитан остановился возле нас. Вокруг стоял невообразимый шум, поэтому капитан дал нам знак двигаться за ним. Пристроившись сразу за спинами сынов Тёти Веры, мы стали протискиваться к выходу. Так мы и дошли до канцелярии. Здесь шум был значительно тише. Дав нам возможность отдышаться, капитан стал интересоваться состоянием наших дел. Мне заново пришлось объяснять, что после вчерашней настройки на трофейные посохи, отданные Назару и Алкиме, у нас в крепости теперь есть не один, целых три мага. Проблема заключается в том, что Назар и Алкима плохо подготовлены, им нужно осваивать заклятия. По этой причине я и просил сохранить жизнь тому гоблину, чтобы не использовать для опытов кого-нибудь из жителей крепости. Капитан кивнул на эти слова, но в его глазах зажёгся недобрый огонёк, что навело меня на мысль, будто у него в крепости есть провинившиеся, которых он хотел бы наказать нашими руками. Я спросил его, является ли этот юноша единственным писарем в крепости. Удивлённо капитан ответил, что есть ещё его престарелый отец и старший брат. Но зачем я спрашиваю? На это я ответил, что нам нужно создать копии книг по магии и медицине. Поскольку в соседних крепостях магические библиотеки погибли, то в нашей башне осталась последнее собрание книг. А после войны Назар и Алкима уедут к местам службы. Им нужны собственные сборники книг. Конечно, книги по магии мы перепишем сами, но переписку книг по медицине лучше возложить на писарей, для экономии времени. Капитан думал недолго. Сообщил, что озадачит бездельников. При этом на его лице растянулась злорадная улыбка. А то они постоянно жалуются на отсутствие практики в чистописании. Спросил, много ли в башне книг. Я сообщил, что достаточно, но сначала актуальное, потом остальное. Капитан сопровождал мои слова кивком согласия. Сыновья нянечки слушали нас молча, а вот Назар и Алкима умудрялись зевать и сонно тереть глаза. Пришлось сообщить, что это последствия подключения к посохам и ночного боя. Я после подключения к башне чувствовал себя ещё хуже. И опять дождался кивка согласия, но уже от всей троицы воинов. Дополнительно я сообщил, что мы приняли решение, с этого дня будем ночами дежурить по очереди, просматривая окрестности вторым видением. Днём воины и сами справятся, видно хорошо. Если пойдут на штурм днём, вы сами увидите, а ночью — мы предупредим. На лицах воинов отразились злорадные улыбки. Дополнительно я попросил ещё листов пергамента под наши нужды. На что получил разрешение зайти в канцелярию (капитан указал рукой на здание канцелярии) и взять всё нужное самостоятельно. Возмущений быть не должно. На этом капитан развернулся и вместе с воинами удалился по своим делам.

Переговорив с Назаром и Алкимой, мы решили вернуться для обеда в лазарет. С трудом протолкавшись сквозь толпу, мы выбрались на тропу к зданию мед службы. Люди до сих пор обсуждали решение капитана. Ближе к выходу нам пришлось даже наблюдать драку между двумя крестьянами. Прикрикнув на них, мне удалось усмирить их порывы разбить друг другу лица, не знаю на сколько. Люди подчинились, но по их злобным взглядам было видно, что при первой возможности они продолжают драку. Выбравшись из толпы, мы вышли не только на свежий воздух, но и на тихое место. Шум толпы остался позади. Перешагивая через разбитые повозки и разбросанную утварь, мы вышли на дорожку к нашей цели. Уже оказавшись возле двери лазарета, я обернулся и задумался, а как же работники кухни провозят тележку для раненых. И тут же получил ответ. Из толпы вышли два парня в

поварских одеяниях с тележкой на руках. Они двигались по направлению к лазарету. Я кивнул своим спутникам, указав глазами на приближающийся обед в руках парней. С лёгким вздохом мы прошли вовнутрь. Начиналась долгая осада. За стенами крепости находились враги, с большим числом воинов, чем мы могли им противопоставить. Нам с трудом удалось отбить три штурма. Помощь к нам должна была прийти ещё не скоро. Но всё это я понимал смутно, как бы сквозь пелену своего ужаса. Впервые я осознал тяжесть нашего положения, лишь взглянув в чашу со своей пищей. Рацион урезали на треть. Да, мы остались жить. Да, мы победили. Но цену этой победы я смог испытать на себе в полной мере. Я и так не был полным человеком, но к концу осады мои рёбра прощупывались отчётливо. Назар сильно подтянулся и стал весьма стройным. Ему это пошло на пользу. Но не его характеру. В конце осады он стал резким и ворчливым. В основном он молчал, но, когда он начинал говорить, его занудство начинало раздражать. Алкима похудела, а её щёки впали, отчего черты лица стали только острее. Глаза на этом лице, казалось, начали светиться, налились особой яростью. Аликс выказала неутомимость. Она продолжала работать и выполнять свои обязанности, хотя глаза и выдавали её голод. Меньше всего скудный рацион повлиял на тётю Веру. Её рацион и так был невелик. Она вела аскетическую жизнь и, в отличие от нас, достаточно легко перенесла осаду. Единственное, что выдавало её — это осознание опасности и тревога за судьбы своих детей, читаемое в её глазах. Осада и скудный рацион ударили по всем жителям крепости. Мы все изменились, но главное — мы остались живы. Но сейчас нас ждал наш первый осадный обед, съев который я начал сразу мечтать об ужине.

Сразу после обеда, я отправил Алкиму и Назара отсыпаться, набираться сил. Переговорив с тётей Верой и Аликс, я вышел из лазарета и отправился выполнять задуманное. Проходя мимо площадки для тренировок, я обратил внимание на развернувшуюся активность. С полсотни молодых женщин и девушек стояли возле стрелковой полосы и внимательно слушали капитана Ревина, возглавившего всех стрелков крепости. В руках женщин и девушек находились луки, большей частью трофейные, гоблинские. Женщины внимательно наблюдали за движениями капитана и слушали его. Тыкая пальцами в свой лук, Ревин что-то им объяснял, но с этой дистанции мне было не слышно его слов. На площадке для тренировок с мечом расположился наш капитан со своими воинами, а также группой рейнджеров, вооружённых лёгкими мечами и небольшими кулачными щитами — баклерами. На площадке стоял мой знакомый сквайр Макс. По приказу капитана к нему вызывали по одному рейнджеру, чтобы Макс их испытал в поединке. По площади передвигались группы мужчин, женщин и детей, пытавшихся в данном бедламе навести хоть какой-то порядок. Обломки повозок сгребались в отдельные кучи. Люди пытались определить, что из этого подлежит ремонту, а что уже можно отправить на дрова. Разбросанное имущество разбиралось по своим местам. Люди пытались в этом кавардаке найти свои вещи и собрать их в кучу. Я видел, как у некоторых из присутствующих здесь людей в глазах появлялись искры наживы, но прибирать чужое имущество никто не решался. По крепости ходили устойчивые слухи о нетерпимости капитана к ворами, а проверять его гнев на себе никто не решался. Да ещё и в условиях войны, когда расправа могла быть особо быстрой. Достаточно было взглянуть на кучу мёртвых гоблинов, чьи трупы сейчас стаскивали на западную крепостную стену, где обычно проводили обряд огненного погребения. Излишняя жадность к чужому добру могла прибавить твоё тело к этой подготавливаемой для сжигания куче. Либо, в лучшем случае, если это лучший случай, привяжут к столбу, рядом с пленным гоблином. И хорошо, что

погода стояла не такая уж и жаркая. По небу плыли кучевые облака, регулярно закрывая солнце с его палящими лучами. Поэтому никто не пытался отнять чужое, несмотря на блеск наживы в глазах. Постепенно я оказался возле бочек на тропе, ведущей в мою башню. А спустя некоторое время и возле двери.

— Алохоморе!

Приложив руку к двери, я открыл её. Меня ждала приготовленная работа. Осталось лишь решить, где я буду её проводить, в башне или на улице. Я потратил на размышления некоторое время. С одной стороны здесь светлее, чем внутри башни, тем более, что фонарь я так и не вернул. Но показывать свои магические опыты на глазах окружающих мне не хотелось. Не люблю лишних любопытных глаз. А учитывая мой неудачный опыт этого заклятия в Академии, это нежелание было только сильнее. Обдумав ситуацию, я решил пойти на компромисс. Работать внутри крепости при открытой двери. Так начался мой эксперимент.

Внимательное изучение листа из книги «Трансфигурации» помогло мне спустя много лет осознать ошибку, совершённую мною в Академии. Несколько раз я прошёлся по полу первого этажа башни. Раз за разом я обдумывал последовательность выполнения заклятия и всё не мог решиться его провести. Слишком много во мне накопилось. Страх, усталость, ужасы войны, апатия к происходящему. Закончилось тем, что я разозлился сам на себя. От моего хождения дела сами не сделаются. Достав линейку и мел, я стал чертить на полу ближе к выходу пентаграмму. Конечно, опытные волшебники могли обойтись и без неё, особенно если они специализировались на этом и имели соответствующие посохи. Но я сделал поправку на то, что не являюсь опытным волшебником, это не является моей специализацией, и мой посох был создан для других целей. По этой причине я не стал брезговать таким инструментом заклятия, как пентаграмма. При свете, падающем из раскрытой двери, на полу постепенно появлялись круги, углы, линии их соединяющие и знаки магических сил. Эту пентаграмму можно было создать силой ума, но я не хотел прилагать лишние усилия. Прошло достаточно много времени. Луч света успел проделать достаточно большой путь по полу моей башни, когда последняя линия пентаграммы легла на своё место. Полубовавшись своей работой, я разогнул спину, чтобы приступить к выполнению заклятия.

В этот момент луч света перекрыла большая тень. Подняв глаза, я разглядел Назара, Алкиму и Аликс, заглядывающих внутрь через открытую дверь башни. Назар и Алкима держали в руках посохи и стояли гордо, как настоящие маги. Эта картина почему-то показалась мне смешной, и я улыбнулся.

— Чем ты занят?

Поинтересовалась Аликс. Остальные рассматривали мою работу в молчании.

— Готовлюсь провести магический обряд — произнёс я торжественно, чем вызвал интерес окружающих. — Проходите, только не затопчите пентаграмму.

Осторожно ступая, они вошли в башню, перешагивая через мои рисунки. Столь же плавно они разошлись вокруг, оставляя пространство между ними и пентаграммой. Послышался шёпот.

— Разговоры после, если всё получится. Сейчас просто смотрите.

Они затихли, и, кажется, затаили дыхание. Теперь у меня были зрители. Отступить было поздно. В их присутствии мне было труднее найти себе отговорку. Я принёс взятые мною возле столовой чурки и положил их внутри основной звезды пентаграммы. В северном углу

возле главной окружности я расположил книгу «Общие заклинания». Пора было начинать. Ещё раз взглянув в «Трансфигурацию», и сверившись со схемой заклѣтия, я начал обряд. Расположившись в северной части пентаграммы, я встал прямо. Упѣр посох нижним концом возле правой ноги, удерживая его правой рукой чуть наклонѣнным вперѣд. Левую руку я вытянул перед собой, ладонью раскрытой вперѣд в отталкивающем жесте. Я закрыл глаза. Я начал проводить ритмичное дыхание. На десятом вдохе я включил второе видение. Мир перед моим внутренним взором изменился. Теперь он был совсем другим. Я почувствовал потоки жизненных сил и, приложив усилия, потянул их к себе, наложив на потоки дыхания. Постепенно мир расширился до бесконечности и сжался до точки одновременно. Свет заструился вокруг меня во многих спектрах и диапазонах. Звуки обрели запахи, а свет стал материален настолько, что казалось, будто его можно потрогать. Диапазон моих чувств расширился, а время перестало существовать. Опустив взгляд вниз, я рассмотрел под своими ногами рисунок. Мысленно я потянулся к нему и прикоснулся силою своей мысли. При моѣм прикосновении рисунок ожил. Линии засветились бледным светом, а символы силы стали блистать различными оттенками, в зависимости от того, какое значение придавал им мой мозг. Заклѣтие, заклѣченное на рисунке, обрело форму. Потянув взгляд ещё ближе к себе, я увидел книгу с заклѣтиями.

Пора. Книга предстала передо мной во всех своих аспектах. Я видел её насквозь и мог бы прочитать каждую из её страниц, сосредоточившись на ней. Я видел каждую ниточку в структуре. Видел внутреннее строение пергамента каждого листика, передо мной предстал полный состав вещества, из которого данная книга была создана. А ещё я видел различные тела этой книги. Физическое тело, астральное тело, энергетическое тело и информационное. Теперь мне надо было создать астрального и информационного двойника книги. После чего нужно было насытить эти тела энергией. Только после этого следовало насытить эти тела физической составляющей, плотью книги. Если астральное, информационное и энергетические тела созданы правильно, то насыщение этих тел физической составляющей должно было создать физического двойника этой книги. И в ней должна была отразиться вся информация, записанная в изначальном образце. Я внимательно рассмотрел астральное и информационное тела книги. Усилием воли я заставил эти тела расслоиться, создавая, таким образом, своих двойников. Астрального и информационного двойников я усилием воли переместил в центр пентаграммы.

— Джеминио.

Я почувствовал, как сила потекла вокруг меня, как стал разряжаться посох, отдавая энергию будущей книге. Астральное тело засверкало в моѣм сознании сильнее, делаясь более материальным. Одновременно менее материальным стали становиться поленья, выбранные мною как расходный материал. Освободившись от сдерживающих сил, мельчайшие частицы стали перетекать во вновь образованную энергетическую оболочку. Поленья разрушались, а книга становилась всё более реальной. Теперь энергия из поленьев стала утекать в копию книги. Вокруг стали раздаваться удивлѣнные возгласы. Мне некогда было удивляться. Я продолжал следить за появлением книги. От меня требовалось до конца заклѣтия поддерживать астральные и информационные части тела книги. По моему лицу потѣкли капли пота. Постепенно потоки сил стали успокаиваться. Мир возвращался к своему первичному состоянию. Окончание работы заклѣтия ознаменовал шлепок, с которым книга-двойник упала на практически полностью разрушенные поленья. Заклѣтие закончило свою работу. Напоследок я ещё раз проник внутренним взглядом внутрь первичной книги,

осмотрел её во всех подробностях. После этого я проник внутренним взглядом в книгу-двойник, стараясь по памяти определить различия в них. Различий не наблюдалось. Я открыл глаза. В первый момент меня покачнуло от снятого напряжения. Потребовались усилия, чтобы сохранить равновесие. Конечно, освоившись с этим заклятием, я буду тратить меньше усилий, но не сейчас.

Люди вокруг меня стояли с изумлёнными взглядами. Они смотрели на появившуюся из ниоткуда книгу. На их лицах было слишком много вопросов. Именно поэтому они и не могли говорить, поскольку не знали, с чего начать. Я осторожно сошёл со своего места. Потребовалось время, чтобы в занемевшие органы вернулась жизнь. Всё это время присутствующие провожали меня заинтересованными взглядами. Наконец, я подошёл к пентаграмме сбоку и вынул из неё книгу. Это был двойник. Открыв её на первой странице, я загнул листок с краю.

— Зачем? — спросила Аликс.

— Чтобы отличать оригинал от копии. А теперь надо сравнить их на наличие ошибок.

Подобрав вторую книгу, я направился на улицу. Вся компания осторожно вышла за мной, перешагивая через мой рисунок. Расположившись на улице, я отдал оригинальную книгу Аликс. Попросив её листать книгу медленно по одной странице, я стал внимательно сверять рисунки в книгах. Это заняло некоторое время. Только убедившись, что расхождений нет, я успокоился.

— Невил, — подал осторожно голос Назар — если ты можешь так изготавливать копии, зачем их переписывать?

— У копий есть недостаток — я посмотрел на своих спутников, — у них слишком короткая жизнь. Они быстро разрушаются. В среднем они существуют год — полтора. Потом распадаются.

Я перевёл дух.

— Это заклятие я делаю успешно впервые. До этого мне не удавалось оно ни разу. Об этом заклятии я впервые узнал в Академии. Волшебники из службы архивариуса с помощью этого заклятия изготавливают учебники для учеников на один учебный год.

— Не знал — удивлённо проговорил Назар.

— Я тоже не знал, пока не увидел это действие. Оно ведь не является секретным, просто его не показывают всем. Мне повезло это увидеть. Они каждый год изготавливают копии для каждого ученика. За год копии изнашиваются. Дети их портят, рисуют в книгах, даже рвут. Их за это не наказывают. Умные ученики делают с этих книг копии или конспекты для себя. После окончания года книги либо сжигают, либо закапывают в землю. Через некоторое время книги распадаются в труху, которая идёт на удобрение растений. В архивах хранятся оригиналы, которые регулярно обновляются, в смысле переписываются. Купить оригинал невозможно, но мудрые волшебники покупают копии с оригиналов. Так действует архив Академии.

— Что ты намерен сделать с копией? — вступила в разговор Алкима.

— Идёт война. Может быть всякое. Я хочу создать три комплекта книг по магии и медицине для каждого из нас. Остальные книги менее ценны. Постепенно, в течение года вы должны будете их переписать. Так мы сможем сохранить библиотеку. После войны мы разъедемся в разные крепости. У каждого из вас будет свой комплект магических и лечебных книг.

— Хорошая идея — согласился Назар. — Что надо делать?

— Для начала нужны дрова. Это расходный материал — я указал на три основательно изъеденных полена, оставшихся после обряда. — На одну книгу ушло почти три полена. А ведь я брал с запасом. Не знал, сколько потребуется. И всё это придётся делать, не отрываясь от остальных дел.

— Каких? — Удивление возникло в глазах Алкимы.

— Ваши тренировки по заклятиям, лечение больных, дежурство по ночам. А ещё надо начать писать. Я не такой уж и профессионал по этому заклятию, мне неизвестно — сколько проживут эти копии. Чем раньше перепишем — тем лучше, больше вероятности сохранить. А ещё нужно создать запись заклятий на кристалл для Назара. Если Назар найдёт кристалл горного кварца. Лучше в украшении — кольцо или подвеска, чтобы носить было удобнее. — Назар кивнул головой. — А сейчас давайте сходим за дровами.

После этих слов я отнёс книги в башню. Выйдя из башни, я закрыл за собой дверь. Мои спутники ждали меня во дворе. Пора было действовать. Осмотрев своих спутников, я сообщил им, что раз времени мало, то нам желательно совместить приятное с полезным. На удивлённые взгляды, я ответил, что всё равно нам придётся идти мимо площади, где сидит привязанный гоблин. Поэтому лучше сразу отработать одно из заклятий. Чтобы не перегружать мозг, лучше изучать одно заклятие за один раз. После небольшого обсуждения, мои спутники сошлись на парализующем заклятии из первого канона умиротворения — «Петрификус Тоталус». Я согласился.

— Невил, а что значит «первый канон»? — подала голос Аликс. — Разве есть и другие каноны?

Я поглядел на неё и внезапно понял, что она из нашего разговора почти ничего не поняла. Подумав, я решил дать понятное для неё объяснение.

— Аликс, «первый канон» — самый первый и самый простой. Есть ещё «второй канон» и «третий канон». Заклятия каждого следующего канона сложнее, чем в предыдущем. Но в каждом из этих канонов присутствуют заклятия четырёх типов: парализующие, обезоруживающие, защитные и снимающие заклятия. В первом каноне присутствуют «Петрификус Тоталус» — парализующее заклятие; «Экспелиармус» — обезоруживающее заклятие; «Протего» — защитное заклятие; «Фините Инкантием» — универсальное контрзаклятие. Во втором и третьем каноне заклятия сложнее, но эффективнее. Каждое заклятие последующих канонов изначально строилось на основе заклятий предыдущего канона. Чаще всего маги изучают заклятия первого канона. Те, кто изучает заклятия следующих канонов, — редкость. Да, у нас в арсенале книг нет этих заклятий. Будем изучать то, что есть.

Аликс стояла, глядя на меня непонимающим взглядом. Не знаю, поняла ли она хоть что-то из сказанного мною, хотя я и пытался говорить простым языком.

— А зачем было создавать следующие каноны? — Наконец выдала она.

— Каждый следующий канон мощнее и эффективнее предыдущего. Например, заклятие «Протего» отражает не все заклятия, направленные на тебя. Когда были изобретены заклятия, способные проникать сквозь этот щит, было создано новое защитное заклятие, более эффективное. И так далее. Со всеми заклятиями.

Мы двинулись в сторону площади. За время, которое мы провели в башне, создавая копию книги, площадь преобразилась. Люди разобрали завалы, разложили обломки и скарб по своим местам. На площади образовались свободные проходы, облегчающие движение по крепости. Несмотря на осаду, крепость возвращалась к своей привычной жизни. Сновали

рабочие, пытавшиеся отремонтировать поломанное имущество. На площадке для тренировок стоял довольно вялый перестук деревянных мечей. Каждому сквайру достался один из рейнджеров для обучения. Сквайры обстукивали их мечами, пытаясь привить защитный рефлекс. На стрелковой площадке женщины, сменяя друг друга, пытались освоить стрельбу из луков. И у тех и других пока получалось не очень хорошо. Но инструкторы были полны решимости привить им полезные навыки. Приказ капитана исполнялся неукоснительно. Крепость и её гарнизон готовились к предстоящим боям. Пора было и нам приступить к тренировкам.

Мы оказались возле столба с привязанным гоблином. Он сидел неподвижно, как будто такое положение было для него привычным. Он терпеливо ждал своей участи. Когда мы оказались рядом с ним, он даже не шелохнулся. Мне было неизвестно, понимает ли он наш язык или нет. Я пришёл сюда не проводить допрос. Мой интерес был более прозаичным. Отправив Аликс в лазарет под предлогом, что дальнейшее будет для неё скучным, я обернулся к Назару и Алкиме и стал старательно объяснять способ выполнения этого заклятия. Я старался использовать максимально простые слова. Достаточно долго пришлось объяснять способ хвата посоха, его движение, выполнение дыхания при этом. Объяснял матрицу заклятия, вызывающую усиленное движение импульсов по нервным окончаниям, что приводит к спазму мышц жертвы. Как при этом использовать энергию посоха, чтобы усилить этот сигнал. В каком месте надо произносить активирующую фразу. Предложив им включить второе видение, я показывал личным примером все эти движения с активацией потоков энергии. После чего направил посох на гоблина и произнёс заклятие. Гоблин дернулся всем телом. Спазмы мышц прижали его руки и ноги к туловищу. Из-за перенапряжения мышц он едва мог хрипеть. Но его глаза говорили за него красноречивее всего. В них отразилось бешенство. Я увидел в них жажду мести и обещание смерти.

— Фините Инкантатем.

Отпустил я гоблина. Когда спазмы спали с него он некоторое время лежал, вытянувшись на земле. Я знал, что спазмы вызывают достаточно сильные боли в органах тела. Через некоторое время он сел. Его глаза смотрели на меня с нескрываемой ненавистью. Вот только достать меня он не мог. Мы стояли на достаточном расстоянии от него. Он вновь принял прежнее положение, но глаза закрывать не стал. Пока мы находились рядом с ним, он внимательно наблюдал за нами.

Далее Назар и Алкима некоторое время отрабатывали движения с посохом и пытались правильно дышать, активируя при этом энергию посоха. Активирующее слово я им произносить пока не позволил. Энергия в их посохах колебалась, но не выбрасывалась, возвращаясь после каждого колебания назад в посох. Я ходил вокруг них, указывая на ошибки, пытаясь добиться от них правильного выполнения движений. Прошло около тридцати минут, прежде чем у Назара получилось повторить движение правильно в соответствии с канонами. Для Алхимы потребовалось ещё минут двадцать, но и она справилась. Занимаясь с ними, я некоторое время не смотрел за окружающим пространством. Спустя примерно тридцать минут я заметил, что на площадке стоит тишина. Обернувшись, я увидел, что все присутствующие прекратили свои занятия и внимательно смотрят за нами.

— У вас что — дел нет? — Закричал я. — Занимайтесь своими занятиями!

Люди стали расходиться в разные стороны. Вновь послышался перестук мечей и щёлканье луков, отправляющих стрелы в полёт. Но люди всё равно украдкой поглядывали на

нас.

— Не каждый день увидишь, как тренируются маги. — Обронил Ревин, уходя к площадке для стрельбы.

Я задумался. Это было действительно так. Тренировки магов держались в строжайшей тайне. Увидеть такую тренировку, для простого человека — большая редкость. Если бы не крайняя необходимость, то и наши занятия мы бы старались проводить в тайном месте, подальше от глаз. Так, кстати, советовалось во всех наставлениях по подготовке магов. Ну что же, для этих людей сегодня действительно произошло событие. Мы устроили для них настоящее представление. Но для нас ничего не менялось. Нам нужно было продолжать занятия. Мы продолжили тренироваться. Как только Алкима выполнила движение правильно, мы решили попробовать это заклятие на пленнике. Назар и Алкима заняли позиции рядом друг с другом, напротив гоблина. Гоблин молча смотрел на нас, ожидая своей участи. Сначала заклятие произнёс Назар, после него Алкима. Ничего не произошло. Движения тела и выделение энергии происходили не синхронно. Посохи разрядились, но эффекта не дали. Они растерянно посмотрели на меня.

— Всё в порядке. В первый раз ни у кого не получается. Я бы удивился, если бы у вас заклятие сработало. Я потратил на освоение этого заклятия четыре дня. Но мне было пятнадцать. Вы старше, у вас получится быстрее. Пробуйте дальше, по очереди.

Здесь я, конечно, приврал. Это заклятие у меня заработало через один день работы, но я хотел подбодрить их. Они продолжили занятия. Через два часа только Назар смог выполнить это заклятие, да и то частично. Удар заклятия скрутил гоблину лицо и левую руку. Гоблин упал на землю и стал сучить ногами по земле, вцепившись в онемевшую руку второй рукой, и зарычал. Я снял с него заклятие. Некоторое время он лежал на земле, пытаясь отдышаться. Потом поднялся и занял прежнее место. В его глазах запылал огонь, который он даже не пытался спрятать. Ненависть в них была столь сильна, что казалось, будто она способна спалить нас живём. Получив первый результат, я решил закончить занятия. Успокоив расстроенную Алкиму, я увёл её и Назара в сторону столовой. Люди провожали нас заинтересованными взглядами.

Набрав из поленницы возле столовой поленьев, мы направились обратно в сторону магической башни. Мы осторожно вошли внутрь башни. Работать в компании оказалось на много интереснее. По мере необходимости я подновлял пентаграмму. По мере расходования, мы подкладывали поленья в круг выполняемого заклятия. И чем дальше продвигалось дело, тем легче и быстрее давалась мне эта работа. К моменту, когда гонг прозвонил с призывом на ужин, мы уже успели изготовить по три экземпляра книги «Общие заклинания» и «Трансфигурация». И только когда прозвонил гонг, я почувствовал, как устал и проголодался. Было решено на сегодня окончить работу и проверить состояние дел в лазарете. Убрав книги оригиналы в шкаф библиотеки, мы направились в лазарет за ужином. Ужин был весьма скудным. Остаток вечера пролетел в мелких заботах.

Утро в лазарете было для меня достаточно лёгким. Наконец я почувствовал себя достаточно здоровым. Проснулся я как раз перед тем, как зазвонил гонг, оповещающая шесть часов утра. Первая мысль, которая меня посетила, была о войне. Память об обстрелах из метательных машин противника была ещё свежа. Поднявшись из постели, я встал на пол и, закрыв глаза, связался мысленно с магической башней. Магический столб отозвался упругим гулом энергетической мощи. Башня была заряжена. Память услужливо подсказала мне нужное заклятие. Перед моим внутренним взором предстал лист пергамента со схемой нужного заклятия.

— Магикус Экстремус Протега Максима.

Мои чувства показали истечение магической силы из столба. Второе видение показало мне, как из башни вверх поднялся столб энергии, остановился на определённой высоте и стал разливаться в стороны, закрывая собой крепость словно куполом. Энергетическое покрывало достигло земли, расстилаясь вдоль крепостных стен. Невидимый купол накрыл собою крепость.

Я открыл глаза. Расслабляться хорошо, особенно оправдываясь болезнью. Однако, теперь, когда тело восстановилось, и прямой опасности больше нет, следовало вновь вернуться к тренировочному процессу. Мне не хотелось, чтобы тело потеряло свои способности. Вместе со способностями физическими, уменьшатся и мои магические способности. Я развёл руки в стороны и выполнил глубокий вдох. Вслед за вдохом я произвёл выдох, втягивая в себя живот и наклоняясь к своим ногам. Задержался на десять счётов. Произвёл вдох, разогнув тело и выпрямившись, сделал задержку дыхания на пять счётов. Пора приступать к тренировке. Тело привычно стало выполнять упражнения разминки. Мне не приходилось ему приказывать. Единственным моим занятием при разминке стало проведение счёта. Это было настолько привычным, что, окончив разминку, я не мог вспомнить, делал я это упражнение или нет. Уже много лет зарядка была для меня ежедневной обыденностью. Говоря словами наставника — повседневной рутинной, которая есть и которую не замечаешь. Только в таком состоянии не приходится себя заставлять выполнять упражнения. Да, многие люди в этом мире не выполняют утреннюю зарядку. С этим я столкнулся, едва покинув Академию и оказавшись в военном городке, в котором ждал распределения. Увидев, что я тренируюсь, начальник спросил: «Зачем?» Не задумываясь, я повторил слова наставника, забитые в нас ударами посоха. «Утренняя зарядка нужна телу так же, как военный совет нужен армии перед сражением. Военный совет определяет, как будут действовать отдельные отряды, и за что отвечает каждый военачальник. Так же и зарядка отдаёт распоряжения мозгу телу и каждому органу в отдельности». Выслушав меня, офицер презрительно усмехнулся и ушёл, ковыряя во рту зубочисткой. У меня после разговора остался неприятный отпечаток в памяти о нём. Но на мои привычки это не повлияло. Закончив разминку упражнениями для глаз, я приступил к выполнению комплекса упражнений «Приветствие солнцу».

Когда я уже выполнял последние упражнения своей зарядки, в палату вошла тётя Вера. На её лице не отразилось удивления. Была просто констатация факта. Маг выполняет упражнения. Что такого? После разговора с тем офицером, я старался упражняться наедине, чтобы не привлекать к себе внимания. Я уже усвоил, что обычные люди с удивлением

реагируют на мои упражнения. Это можно было понять. Для них маг — нечто само собой разумеющееся. Взял и родился магом, и уже всё умеешь. Зачем тренироваться и учиться? Тебе же повезло? Живи и получай удовольствия. На память пришли слова наставника, сказанные нам ещё в самом начале обучения: «Только глупцам и лентяям кажется, что магом надо родиться, и жизнь уже удалась. На самом деле быть магом — это значит постоянно трудиться, а трудиться никто не любит. Таково условие жизни мага, что тот, кто отказывается трудиться над собой, теряет свои магические способности. При этом не имеет значения, насколько ты был талантлив изначально. Трудолюбивый маг с самыми малыми способностями, трудом постепенно развивается в великого мага. А талантливый лентяй достаточно быстро превращается в ничтожество более слабое, чем человек, лишённый всяких магических способностей».

То, что нянечка спокойно отнеслась к моим занятиям, было для меня удивительным. Но удивление прошло, как только я вспомнил, с кем ей приходилось служить. Наверняка она видела подобные упражнения и раньше. Потому и принимает мои действия спокойно. Следом появилась заспанная Аликс. Она была уже полностью одета, но её глаза ещё норовили закрыться, и продолжала зевать. Увидев меня, изгибающегося на полу, она полностью проснулась и удивлённо уставилась на меня. Для неё это длилось не долго. Тётя Вера позвала её, и она ушла за ней в кабинку для умывания. В тот момент, когда я уже закончил и сам направился умываться, они вернулись обратно полностью умытые и проснувшиеся. Тётя Вера дала знак, и Аликс без лишних разговоров вернулась обратно, чтобы полить мне воду для умывания.

Скоро в лазарет пришёл Назар. От него пахло свежим потом. На вопрос, что произошло, он ответил, что участвовал в утренней зарядке, которую проводил на площади капитан. Я почувствовал возросшее уважение к нему. Чуть позже появилась Алкима. Она была свежа и бодра. Сказать уверенно была у неё тренировка или нет, было нельзя, но движения у неё были гибкими и бодрыми. Эту ночь они оба ночевали за пределами лазарета, со своими родственниками или отрядом. До завтрака было ещё около получаса. Что не помешало им появиться здесь. Внезапно я задумался, а чем занят муж Алкимы, если они обедают раздельно. Этот интерес как появился, так и исчез. Лично я считал, что неправильно лезть в чужую семью.

Время до обеда прошло в мелких хлопотах. Я пытался помогать приводить лазарет в порядок, но тётя Вера спокойно попросила меня этого не делать. Они сделают это без мужских рук. В то время, пока Аликс, нянечка и Алкима проводили уборку и опраивали кровати, я и Назар сидели в операционной. Назар взялся опраивать лезвия скальпелей на плоском мелкозернистом точильном бруске. Мне только и осталось, что наблюдать за процессом. Сам я был в точении ножей не силён. Назар регулярно окунал кончики пальцев левой руки в чашку с водой и смачивал этой водой поверхность бруска. Лезвие скальпеля укладывалось на поверхность бруска сначала левой стороной, потом правой. Несколько раз он проводил скальпелем по бруску, двигая по лезвию. Потом сторона менялась, и снова скальпель точили по лезвию. После этого он проводил осторожно скальпелем по бруску против лезвия с обеих сторон скальпеля. И заканчивал точение продольными движениями лезвия с обеих сторон. Его лицо выражало одновременно сосредоточенность и удовольствие. Закончив точение скальпеля, он проверял его остроту, рассматривая кромку лезвия на свет. Но, не удовлетворяясь этим, проверял остроту пальцем, проводя осторожно по лезвию с обеих сторон.

— Зачем ты смачиваешь брусок? — задал я вопрос.

— Чтобы не испортить лезвие. — Спокойно пояснил Назар мне, как маленькому. —

Если точить по сухому камню, то лезвие быстро выходит из строя.

— А как проверяешь остроту?

— На свет. Чтобы правильно заточить, надо выдержать угол. Тогда лезвие не станет скруглённым. Это приходит с опытом. При правильной заточке на кромке лезвия не должно быть бликов. — Он поставил лезвие скальпеля поперёк потока света так, чтобы я тоже мог его видеть. — Если заточка правильная, то ты видишь только две плоскости лезвия — правую и левую. Между ними не должно быть лишних плоскостей или заусенцев. Крупные ты увидишь на свет, а мелкие, невидимые глазу, ты почувствуешь пальцем. Главное при этом не порезаться, но это опыт.

Выходило, что не только я мог их чему-то научить, но и Назар с Алкимой могли чему-нибудь научить меня. Хорошо бы у Алкимы узнать, как она выполняет «огненную петлю». Это знание могло стать полезным, как и умение тормозить противников. Но это потом. Потом пополню коллекцию магических заклятий в библиотеке. В этот момент в лазарет ввезли тележку с завтраком. За время завтрака мы старались растянуть свою скудную трапезу. Между редкими приёмами пищи, мы старались разговаривать. И первое, что мы обсудили, было наше ночное дежурство. После того, как мы вчера разошлись, было уже темно. Первую треть ночи дежурил я. Пристроившись в лазарете на операционном столе, я читал книгу, чтобы не заснуть. Книга была тяжёлая, спать она мне не дала. Алкима и Назар спали тогда в лазарете. Разбудив Алкиму в два часа ночи, я сдал пост и отправился спать. Алкима провела ночное дежурство, примерно, как я. Она занялась прочтением книги «Общие заклинания», пытаясь разобрать написанное там. Попутно она каждые полчаса оглядывала окрестности вторым видением. Ничего страшного не произошло, и в четыре часа ночи она отправилась к себе в повозку, разбудив Назара. Рассказ Назара поверг меня в шок и вызвал чувство детской обиды и легкой зависти к его находчивости. Он не стал сидеть и читать, чтобы бороться со сном. Он отправился в главную сторожевую башню, где располагалось караульное помещение. Там он предупредил начальника стражи, чтобы его будили каждые полчаса для осмотра окрестностей, и лег спать. Начальник караула выполнил его просьбу с особой тщательностью и долей садизма, какую испытывают люди, вынужденные бодрствовать ночь, когда другие сладко спят. За время дежурства ничего не произошло. Когда Назар с усмешками заканчивал свой рассказ, у меня тоже возникло желание проявить долю садизма. В тот момент я испытывал сожаления о своей несообразительности и дал себе зарок это исправить.

По окончании завтрака мы общим решением распланировали свой день. Отдав чашки и кружки работникам кухни, мы вышли из лазарета, благо раненых и больных не было, и направились к кухне. Нужны были дрова. По пути мы зашли на площадку для тренировок. Пленник, увидев нас, попытался отползти подальше, но длина удерживающей его верёвки этого не позволяла. В его глазах вспыхнула злость. Объяснений не потребовалось. Назар и Алкима продолжили свои занятия. Поочередно они пытались накладывать на гоблина заклятия парализации. В течение часа Назар накладывал заклятия с переменным успехом, а я постоянно снимал их. Но через час он добился устойчивого результата. В конце первого часа у Алкимы получилось наложить своё первое заклинание, но, в отличие от заклятий Назара, парализация была полной. Я сразу же поздравил её. Прозанимавшись ещё один час, мы получили устойчивые результаты не только от Назара, но и от Алкимы. Теперь каждое их

парализующее заклятие было успешным. После этого мы закончили утренние занятия. К моменту окончания нашей тренировки гоблин уже не пытался сопротивляться, а только жалобно поскуливал от боли в суставах, подвергаемых регулярным спазмам. В какой-то мере мне было его жаль. Но его горящие от гнева глаза не были сломлены. Когда мы были в Академии, то нам для тренировок привозили преступников, которым публичную порку заменили иным наказанием. Их преступление было не столь значительным, чтобы бросать в тюрьму или казнить. После того, как на них потренировались юные волшебники, у многих больше не возникало желания нарушать законы.

Набрав дров, мы направились к моей башне. Описывать процедуру копирования книг нет смысла. Долгий, нудный и неинтересный процесс. Обновление пентаграммы, укладка дров, исполнение заклятия, подгибание переднего листа, изъятие книги. И так по новой. До обеда мы смогли скопировать «Книгу стихий», «Защиту от тёмных искусств», «Некротеленикон». Сначала «Некротеленикон» я хотел скопировать для себя. Что-то говорило мне, что эта книга может обязательно пригодиться. Но делать её в одном экземпляре было неудобно в присутствии моих спутников. Поэтому книга была скопирована в трёх экземпляров, чтобы никого не обидеть. Будут они его читать или нет, не важно. Я лично прочесть собирался, даже если использовать не придётся. После ударов гонга мы закончили нашу работу. Назар и Алкима забрали свои книги с собой, что меня устраивало. Я не знал, где они их хранят, но не считал важным об этом узнавать. Закрыв башню, мы направились в лазарет, чтобы там пообедать. Впереди нас ждало много работы. Теперь даже мои спутники это понимали.

После обеда мы снова заглянули на тренировочную площадку. Пленник уже не сопротивлялся. В глазах помимо злости появилось затравленное выражение обречённости. Он сильнее вжался в столб, ожидая боли. На этот раз я решил усложнить задачу. Чтобы сделать тренировку эффективнее, я решил ввести в неё новое заклинание. На этот раз заклинание «Фините Инкантатем». Прежде, чем приступить к работе, я долго и максимально доступно объяснял своим спутникам принцип его работы. Для обычного человека сложно понять, как можно снять с себя заклинание, перенастроив мозг и расслабив все мышцы тела, попутно вызвав поток внутренней энергии, промывающей блоки и комплексы заклятия. В конце я просто отчаялся это сделать и, как много раз после этого, просто объяснил им последовательность выполнения движений. Пришлось долго ходить вокруг них, поправляя их действия, и указывая начала двигательных и дыхательных циклов. Минут через двадцать, когда они вполне сносно усвоили последовательность движений, я разрешил им приступить к тренировкам на пленнике. Теперь они чередовались. Сначала Назар ставил на гоблина парализацию, а Алкима пыталась снять его заклятие. Затем они менялись местами. И всё повторялось. Так они отрабатывали оба заклятия. Поначалу, если им не удавалось выполнить снятие заклятия два — три раза подряд, я сам снимал заклятие, чтобы не мучить пленника. Через два часа работы им удалось продвинуться незначительно. И если заклятие парализации они освоили и проводили вполне уверенно, то контрзаклятие было ещё далеко от совершенства. Пока им удавалось освободить пленника не полностью. Приходилось самому доводить заклятие до конца. Но прогресса не было. По этой причине я решил прервать занятие до завтра. А ещё я обратил внимание на состояние пленника. Он был истощён. Ему нужен был отдых и пища с водой. Я отошёл к стражнику и спросил его, кормят ли пленника.

— Пытались — буркнул стражник, — отказывается и от пищи, и от воды. Не хочет

жить. Насильно кормить не будем, да и жалости к гоблинам у нас нет. Слишком много они причинили зла.

Я задумался. Сколько ещё он мог протянуть? Пленник предпочитал умирать, но не говорить и не помогать нам. Я знал, что это нормально для гоблинов. Времени у нас для обучения было мало. Надо было использовать его по полной программе. Но сейчас нужен отдых и для него, и для нас. По пути в магическую башню мы зашли в столовую и набрали дров. Работники кухни стали поглядывать на нас с подозрением. Людям было интересно, куда это мы таскаем дрова посреди лета, да ещё и в таком количестве. Но нам некогда было объяснять людям свои потребности.

Набрав дров, мы отправились по тропинке в башню. День опять превратился в сплошную работу с заклятиями. Работали мы уже достаточно быстро и эффективно. До ужина мы изготовили копии в трёх экземплярах по книгам «Книга бестиария», «Зельеварение», «Скрытое за гранью». Книги были достаточно толстыми, а потому выполнив по ним заклятия и получив копии, я чувствовал гордость от содеянного и, одновременно, усталость. Меня изрядно пошатывало. Поэтому было решено закончить на сегодня работу. Разобрав копии книг, мы направились в лазарет ужинать. Сейчас это кажется странным. Перечисляя свой сегодняшний распорядок дня, я указываю точное время в промежутке дня. Это связано, в первую очередь, с ведением мною занятий для учеников. Многие из этих уроков имеют своё расписание, чтобы упорядочить время преподавания для разных групп. Но тогда мы измеряли своё время в промежутках между приёмами пищи. Никто из нас не засекал время по часам. Мы просто работали. Каждый из нас ощущал опасность, нависшую над нами. Мы понимали, что наше выживание связано с нашей готовностью противостоять этой опасности. А когда работаешь, то время пролетает незамеченным. И об этом я размышляю сейчас, и размышлял тогда. Я вернул книги обратно на полки, а свои копии отнёс и уложил на стол в своей комнате. Теперь там скапливалась достаточно большая стопка книг. Оставалось только их переписать для себя, а если приживусь, то и создать повторные образцы для башни. Если когда-нибудь я отсюда уеду, то свои образцы я заберу с собой. И хочу, чтобы после меня осталась обновлённая магическая библиотека в башне. А если останусь здесь надолго, то постараюсь сделать копии и с остальной библиотеки. Или переложу это дело на писарей крепости. Капитан прозрачно намекал на такую возможность. Эти мои размышления были прерваны голосом Алкимы.

— А у тебя здесь уютно. Хотя добираться непросто. Мой домик одноэтажный. Но у нас и застава менее оборудована, чем ваша крепость.

— Чувствую зависть — попытался я пошутить.

Её брови изогнулись удивлённо.

— Какая зависть? Мой дом был деревянный и тёплый, а твой каменный и холодный. Дров не напасёшься. С семьёй здесь жить плохо. А беременной жене взбираться сюда — большая проблема.

— Так ведь я не женат — на этот раз удивился я. О таком я просто не думал.

— Это пока. В пограничных областях женщин больше, чем мужчин. Мужчины здесь долго холостыми не ходят.

Она хитро улыбнулась. Из лаза появилась голова Назара. Он осмотрелся и покачал головой. Но рта открыть не успел.

— Уже слышал. Каменный дом, холодный и непригодный для семьи.

Назар пожал плечами и проговорил

— Я хотел сказать, что идти надо.

Больше разговоров не было. Осторожно, следуя друг за другом, мы спустились на первый этаж, вышли на улицу, переступая через пентаграмму, чтобы не испортить её, и закрыли дверь. Оказавшись в лазарете за столом и вкушая ужин, я отметил ещё один временной промежуток. После ужина я собрал Назара и Акиму, чтобы обсудить порядок дежурства. Но Назар остановил меня, сказав, что эту ночь он может продежурить сам. Тем более что сегодня на дежурство выходят люди из его отряда. К тому же при таком методе дежурства проведение ночи не такое уж и напряжённое. В прошлую ночь он даже хорошо выспался. И в эту он тоже намерен выспаться, не смотря на частые просыпания. Что-то было в его словах неправильное, но я не стал уточнять, что именно. Прежде, чем отпустить людей, я включил у себя состояние второго видения и просмотрел окрестности крепости. Да, орки и гоблины были, но находились они достаточно далеко. Некоторые их отряды были на пределе моего видения. Враги не готовились к штурму, но учитывая их мобильность, это могло измениться в любой момент. Отряды в любой момент могли быть придвинуты к стенам крепости, а камнемётные машины снова откроют стрельбу по нам. Всё зависело от решения их военачальника. Но пока нам штурм не грозил, только осада. А учитывая пять уже павших крепостей, нашу крепость они постараются взять обязательно. Только осмотревшись, я отпустил людей. Вечер я решил провести в своей башне. Если мне предстоит переписывать книги, то я хотел начать пораньше. Я прихватил фонарь, взятый из моей башни, и вышел из здания лазарета.

Я двигался мимо площадки для тренировок. Был уже вечер. Солнце клонилось к горизонту. Скоро сумрак должен был накрыть крепость. Но на площадке продолжалась жизнь. Бойцы работали на мечах и копьях. Был слышен бодрый перестук оружия. На площадке для стрельбы продолжали работать лучники. Женщины, занимавшиеся два дня подряд, делали успехи. Нет, они не стали меткими стрелками, но с двадцати шагов, а именно столько было до их целей, они уже стали попадать в ростовую мишень. Ещё несколько дней, и они станут вполне приличными стрелками. Если у нас будут эти дни. Но то, как люди, находящиеся на грани смерти продолжали бороться за свою жизнь, было достойно уважения. Глядя на них, я задумался, а имел ли я право перестать бороться? Сесть, сложив руки и ожидать смерти, отдав другим право сражаться вместо меня? А ведь именно они рассчитывают на мою помощь. Уже несколько раз я спасал их жизни, отодвигая момент смерти. Они верили мне, надеялись на меня. Имел ли я право подвести их? А буду ли я уважать сам себя после этого? В памяти всплыли слова наставника: «Мало кто над этим задумывается, но каждый из нас остаётся личностью до тех пор, пока испытывает уважение к самому себе. По большому счёту, каждому из вас в конце пути будет безразлично чужое уважение в отношении к вам. Но, если вы перестанете уважать себя сами, вы перестанете быть личностью в своих глазах, а потом и в глазах окружающих». Уважение к себе — это то, что я не хотел потерять. Именно этот стимул заставлял меня двигаться всю мою жизнь, а в тот момент особенно.

За размышлениями я не заметил, как оказался внутри башни. Некоторое время я рассматривал входную дверь, пока не осознал, что должен её закрыть.

— Каструм — сказал я, приложив ладонь к прикрытой двери, и почувствовал, как дверь втянулась плотнее в дверной косяк. — Люмос.

Навершие моего посоха осветилось, и я продолжил путь в свою комнату. По пути я осмысливал дальнейшую свою работу. То, что мне предстояло заняться переписыванием

книг, сомнений не вызывало. Вопрос стоял лишь в том, что именно будет переписано в первую очередь. Именно с такими мыслями я и перешагнул с лестницы на пол своей комнаты. Книги лежали стопкой на моём столе. Вокруг были разбросаны мои бумаги, перья, чертёжные инструменты. Если заниматься работой, то сначала требовалось убрать. Я подошёл к столу, уже прикидывая, куда буду раскладывать вещи на поверхности стола. Стопка книг отправилась в дальний правый угол стола. Стопка чистых листов была аккуратно сложена в дальнем левом углу. Чернильница и чертёжные инструменты были расставлены между ними. Фонарь был повешен над столом на крюк, вделанный в стену слева от окна. Это было удобно ещё и тем, что, будучи зажжённым, фонарь освещал ближнюю ко мне часть стола, оставляя стопку книг и чистой бумаги в тени. Заканчивая раскладывать вещи по столу, я внезапно заметил, что с моей одежды осыпается мелкая пыль. Оглядев себя, я заметил, что одежда грязная. Требовалось постирать одежду, а заодно и помыться самому. Этим следовало заняться.

Осмыслив ситуацию, я решил, что всё равно придётся спускаться вниз за ведром. Это занятие отняло у меня примерно одну минуту, и вот уже ведро стояло наверху, в моей комнате. В него я собирался собрать грязь и воду с себя и своей одежды. Пора было приступать к стирке и мытью. Обряд стирки и мытья не сложный, но не все маги им пользуются. Особенно те, которые пользуются прислугой. А без постоянной практики это заклятие забывалось. Но я не собирался обзаводиться прислугой. И не мог бы это сделать, даже по желанию. Я был не настолько богат, да и происходил не из благородной семьи. Волшебники из благородных семейств были так воспитаны, что перекладывали всю грязную работу на чужие плечи. Моё мнение было однозначным — это плохо. Если не будет выбора, то обязанности следует разделить, передав часть своей нагрузки в другие руки. Но при любых обстоятельствах я хотел сам уметь делать всё. Неизвестно, как повернётся жизнь. В исторических анналах мне довелось прочитать о том, как благородные волшебники теряли своё имущество и прислугу, становясь после этого ещё более слабыми, чем обычные люди. А ещё я помнил слова наставника, обучавшего нас бытовой магии: «Тот, кто пользуется рабами — сам раб. А раб не хочет свободы, раб хочет собственных рабов. Ибо символ свободы для раба — это его хозяин. От него он берёт все дурные привычки рабовладельца, в том числе и не способность ухаживать за собою самим. Действительно свободный человек не зависит от прислуги, даже если пользуется её услугами». Он повторял эту фразу постоянно при каждой возможности, пытаясь донести до нас её смысл. Из всего этого я сделал вывод, что надо уметь пользоваться бытовой магией, не перекладывая этого на других. Ведь неизвестно, как повернётся твоя жизнь.

Закрыв дверь, я обошёл столб с винтовой лестницей так, чтобы под ступенями лестницы образовалось небольшое пространство, достаточное, чтобы поставить ведро, в которое будет стекать вода. Подойдя к камину, я осмотрел его содержимое. На дне камина было достаточное количество золы. Это радовало, ведь она была мне нужна для создания щёлока. Раньше, когда ещё не было изобретено мыло, люди мылись и стирали одежду именно в щёлоке — золе из костра, растворённой в воде. Теперь следовало раздеться. Конечно, некоторые волшебники мылись вместе с одеждой. Но я считал этот метод пригодным лишь для походной жизни, когда нет условий для мытья и стирки. Если же была возможность, то я предпочитал мыться отдельно, а стирать одежду отдельно. Мои личные наблюдения говорили, что так и одежда и тело становились чище. Если же одежда была на тебе, то она могла простирываться не полностью, также, как и тело отмывалось не полностью. А я хотел,

чтобы на мне не оставалось не постиранной до конца одежды и не промытых частей тела. Я достал из сундука чистую рубашку и треугольник нижнего белья и выложил их на кровать. После этого я стал снимать с себя грязную одежду и скидывать её прямо на пол. Только сняв с себя всё, я осознал, насколько моё тело было грязным. Описывать грязь моего нижнего белья даже не хотелось. Возникло сильное желание просто выкинуть его, но я сдержался, оставив принятие данного решения на потом, после стирки. Я был полностью обнажён и чувствовал от этого сильный дискомфорт. Меня примиряло с этим состоянием лишь осознание, что это ненадолго. Зачерпнув ладонью золу из кострища в моём камине, я поднялся по ступеням вверх вместе с посохом, пока не оказался прямо над ведром. Теперь надо было принять позицию, чтобы помочь заклятию отмыть моё тело. Мои ноги были слегка расставлены, чтобы между ними образовалось пространство. Я не хотел, чтобы моя промежность осталась грязной. Высыпав себе золу на голову, я направил посох на бочонок с водой и активировал заклятие. В бочонке забурлила вода, а потом в воздух поднялся водяной шар размером с голову взрослого человека. Вращаясь, шар двинулся в направлении моей головы. Теперь, когда заклятие было активировано, требовалось принять удобное положение. Я свёл руки в кольцо, удерживая в ладонях посох, нижний конец которого опустил в ведро. Теперь вода по посоху сольётся в него. Плечи развёл в стороны, чтобы открыть доступ к подмышечным впадинам. В тот момент, когда шар воды достиг моей головы, я вдохнул по глубже и закрыл глаза. Меня постигли неприятные ощущения, когда шар воды коснулся моей головы и стал опускаться вниз, вращаясь вокруг моего тела. Хотя вода и была комнатной температуры, но я вздрогнул от ощущения холода. Но с места я не сдвинулся. Это было бессмысленно. Заклятие всё равно не отменить, пока оно не закончится само. Шар воды медленно опускался вниз, растворяя с собой соду, грязь и пот моего тела, унося с собой излишки воды. Пришёл момент, когда я почувствовал, что шар сместился с моей головы вниз. Я вдохнул воздух и, убедившись, что воды на лице нет, открыл глаза. Вращающийся поток воды достиг моих подмышек и заставил меня содрогнуться ещё раз. Когда я проходил эту процедуру в первый раз, то кричал от неприятных ощущений. Но теперь я был к ним заранее готов. Хотя мне было и не очень приятно, но криков я уже не издавал. Поток воды растянулся, омыв мои руки. Постепенно опустился вниз, охладив мою грудь и спину. Впереди меня ждало самое неприятное, и оно случилось, когда поток достиг моей промежности. Непроизвольно я напрягся, крепко сжав зубы, чтобы не закричать от нахлынувших ощущений. Поток воды оставался растянутым, омывая не только меня, но и посох. Он опускался всё ниже, захватывая мои ноги. Достиг пола и по посоху спустился в ведро. Отмывание тела было закончено. Я ощущал одновременно шок от прохождения по телу холодной воды и радость от ощущения телесной чистоты. Пора было одеться. Подвязав и заправив треугольник нижнего белья, я надел на себя рубашку. Запасных штанов у меня не было, как и башмаков, но я надеялся оставаться без этой части одежды не долго.

Теперь следовало заняться одеждой. После того как я отмыл тело, прикасаться к грязной одежде было неприятно. Но нас учили укрощать свою брезгливость. Я выбрал место на лестнице, определившись по высоте. Под одеждой, повешенной на торчащую ступеньку, оставалось пространство для ведра под стекающую воду. Сначала я повесил треугольник нижнего белья. Поверх него уложил портянки и сверху повесил за воротник свою рубашку. И придавил всю свою одежду тяжёлой шерстяной мантией, повесив её за капюшон на ступеньку. Под эту странную конструкцию я поставил ведро, в которое будет стекать вода. Взяв из камина горсть золы, я поднялся по ступеням и высыпал эту золу на самый верх

конструкции. По моим прикидкам должно было сработать. Направив посох на бочонок с водой, я активировал заклятие. Из бочонка поднялся вращающийся шар воды и, подчиняясь движению моего посоха, направился в сторону ступеньки, на которой висела моя одежда. Достигнув этого места, вращающийся шар стал медленно опускаться вниз. Он впитался в ткань, растворяя золу. Я наблюдал движение воды, проникающей в ткань и выходящей наружу. Потоки воды, напитанные щёлоком, вымывали из ткани грязь и пот моего тела. Вода на глазах стала терять свою прозрачность, становясь серой массой. Я надеялся, что повторно мне не придётся проводить этот обряд. Надеялся, что ткани моей одежды недостаточно грязны для этого. Потоки воды сместились вниз, оставив верх одежды чистым. Я поставил нижний конец посоха на верхнюю часть капюшона, чтобы не допустить падения одежды на пол. То место, куда достигала вращающаяся вода, раздувало потоками воды в разные стороны. Казалось, что внутри моей одежды перемещается воздушный пузырь. Зрелище было завораживающим. Но мои надежды не оправдались. Даже с моего места было видно, что в ведро стала стекать грязная жижа. Спустившись, я осмотрел висящую одежду. Нижние полы моей мантии были измазаны грязными разводами. Взяв из камина ещё горсть золы, я повторил обряд стирки. Только осмотрев одежду вторично, я оказался доволен её чистотой. Мантию я повесил в шкаф. Пока она мне была не нужна. Штаны и носки я надел на себя. Заодно и башмаки. Теперь я чувствовал себя не только одетым, но и защищённым.

Ведро было полно почти до самых краёв. В ней плавала растворившаяся и не растворившаяся грязь. От этой воды шёл неприятный запах. Пора было избавиться от этой воды. В моей голове снова возник образ куста недалеко от крепости, куда я уже один раз сливал отходы. Произнеся заклятие трансгрессии, я взмахнул посохом и опустошил ведро. Его содержимое перенеслось прочь из крепости. Я заглянул в бочонок. В нём оставалось очень мало воды. Да и та, что была, содержала в себе осадок. Проговорив заклятие, я слил эту воду в тот же куст. Теперь требовалось наполнить его, чтобы я мог использовать эту воду для своих нужд. Мысленно я отыскал наш колодец. Почувствовал плескание в нём воды.

— Аква ментис.

Заклятие переноса сработало. Емкость бочонка стала наполняться водой из колодца. И скоро он был заполнен почти до краёв.

У меня оставалось ещё одно дело в моём пространстве чистоты. Нужно было постирать своё постельное бельё. Сняв постельное бельё со своей кровати, я воспользовался уже отработанным приёмом, который использовал для стирки одежды. На этот раз обряд стирки потребовался лишь единожды. Застелив постель обратно, я был готов приступить к работе над книгами. Ощущение чистоты принесло мне радость и удовольствие.

Заняв место за столом, я некоторое время морально настраивался на работу. Одновременно я делал выбор книги, которую буду переписывать в первую очередь. Выбор пал на «Общие заклятия». Книга была относительно толстой и сложной. Содержала много схем заклятий, на перерисовывание которых мне потребуется много времени. И эта книга была основной для использования. Выдернув её из самого низа стопки книг, я раскрыл её на первой странице. Несмотря на лень, я решил переписывать её полностью, от первой до последней страницы. Развернув стопку книг плоскостью ко мне, я прислонил к ней переписываемую книгу, вложив на раскрытую страницу снизу упор из линейки, чтобы избежать захлопывания книги. Так облегчалась моя работа. Взяв новый лист пергамента, я расположил его на столе, накрыв сверху черновым листом с испорченной схемой. В данном случае черновой лист меня интересовал как выравниватель строки и защита от грязи. Листы

не были разлинованы, и, чтобы создать на них относительно ровную строку, нужно было равняться на верхний ровный край чернового листа. К тому же поверх чернового листа располагалась моя рука. При написании строки, моя ладонь двигалась. Черновой лист не позволял оставлять на чистовике грязные и жирные разводы от моей ладони.

Обмакнув перо в чернильницу, я снял с пера излишки чернил. Прочитав вслух первую строку из книги, я стал аккуратно записывать эти слова на новый лист пергамента. При этом я старался выдерживать одинаковое расстояние от букв до верхнего края чернового листа. Когда-то давно, в Академии, нас учили работать каллиграфическим подчерком. Мы потратили много часов, выводя сложные, изошрённые буквы с завитушками. Среди нас были те, кому работа с каллиграфией давалась относительно легко. Но у меня с ней не заладилось с самого начала. Тем не менее, я потратил много времени, чтобы научиться работать в этом направлении.

***

Мой мозг отвлёкся, и я вновь ощутил себя на том далёком уроке. Наш наставник привёл нас в класс и ушёл, оставив пожилому волшебнику. Он был одет в серую, поношенную мантию. В руках он держал посох, покрашенный в чёрный цвет, в навершие которого был закреплён камень чёрного хрусталя размером с кулак взрослого человека. Седые волосы наставника каллиграфии опускались на его лоб из-под черного, выцветшего колпака. Густая, коротко постриженная борода обрамляла его старое лицо, сплошь изрезанное морщинами. Но его серые глаза смотрели на нас строгим, жёстким взглядом. Он заставил нас сидеть за партами неподвижно, сложив руки перед собой. Мы капризничали и отказывались от работы над каллиграфическим подчерком. И тогда наставник каллиграфии прочитал нам длинную лекцию о том, что мы приобретаем, научившись так писать. Я серьёзно отнёсся к сказанному на том уроке, и ни разу не пожалел об этом. Наставник был умён. Не надо говорить человеку, что он теряет. Многие относятся к потерям легкомысленно, особенно в детстве. Нужно рассказать человеку, что он приобретёт, в результате работы над собой. Ведь давно известно, что любое действие, выполняемое тобой постоянно, изменяет тебя и твой мозг. Прохаживаясь с посохом между парт, он говорил чётко и спокойно. Не было криков и грозных слов. Речь была абсолютно уравновешена, но никому не приходило в голову отвлекаться. Казалось, что он тщательно взвешивает каждое слово, прежде чем произнести его максимально внятно.

— Как будущие волшебники, вы должны очень хорошо понимать, что только правильные действия помогут вам получить правильное развитие. Если вы хотите стать полноценными волшебниками, вы должны развиваться только в правильном направлении, не отвлекаясь на глупые вещи. Не всё из того, что вы здесь изучаете, потребуется вам в жизни. Но вам очень сильно потребуются мозги, развитые этими «ненужными» занятиями. Именно поэтому обучение волшебника предполагает изучение дополнительных предметов, не дающих вам никаких нужных навыков. Но эти «ненужные» занятия развивают ваш мозг, создают необходимую базу, что делает нужные умения особенно эффективными. Многие волшебники, снискавших себе славу великих, уделяли много внимания упражнениям каллиграфией. Почему? Спросите вы. Да потому, что эти занятия развили у них навыки, усилившие их способности к занятиям магией. И что же это дало им?

Маги, которые изучают каллиграфию, гораздо быстрее остальных воспринимают и

запоминают информацию. Записывая текст от руки, маг лучше представляют себе в уме, о чем идёт речь. Материал, записанный от руки, лучше запоминается благодаря существованию мышечной памяти. Развивается способность к логическому мышлению, рассуждению; также укрепляется память, улучшается концентрация, ориентация в пространстве и координация движений. Развивается творческий потенциал. Каллиграфия заставляет ваш мозг чувствовать правильность линий, структуру симметрии, ритм и темп, развивает внимательность, наблюдательность и воображение.

При занятии каллиграфией используются участки мозга, отвечающие за понимание физических ощущений и формирование речи. А у тех, кто рукой не пишет, эти участки развиваются гораздо хуже. У нас в голове есть участок, отвечающий за складывание знаков в слова и их распознавание. То есть за умение читать и писать. При ручном письме этот центр развивается лучше. Люди, которые быстро пишут, лучше читают. Без письма мы будем хуже формулировать свои мысли. Ведь при записи речи человек ещё до касания пером пергамента складывает в уме предложение. На самом деле письмо от руки требует высшей формы абстрактного мышления.

Каллиграфия продлевает жизнь, маг, практикующий занятия каллиграфическим письмом, испытывает расслабление и эмоциональное спокойствие, выражающиеся в равномерном дыхании, замедлении пульса, снижении кровяного давления и уменьшении мускульного напряжения. Улучшаются ответная реакция, способность различать и определять фигуры, а также способность к ориентации в пространстве. У людей, которые мало пишут, плохо развит глазомер. В войсках, например, в лучники стараются брать каллиграфов. И, наоборот, лучников стараются обучать каллиграфии.

Из всех видов действий акт письма — наиболее сложный и трудоемкий. Положение пальцев, ладони и запястья для правильного обхвата пера, правильное положение запястья и руки при письме, движения пером, — все это не только тренирует мышцы рук и нервы, но и затрагивает все части тела: пальцы, плечи, спину и ноги. Этот процесс влияет на психическое и физическое здоровье, развивает тончайшие мышцы рук, стимулирует работу мозга и воображение. Процесс письма также восстанавливает дыхание.

Прежде чем заниматься магией, науками, искусством и ремеслами, необходимо с помощью каллиграфии заложить крепкую основу, состоящую из трёх важных элементов: терпения, умения работать и волевого импульса.

Художники сравнивают каллиграфию с особым видом изобразительного искусства. Одни видят в искусно прописанных знаках застывшую музыку, другие — пластику танца.

***

Почему я запомнил этот урок? Потому, что он заставил нас записать эту речь рукой на пергамент. И ведь он прав. Много лет спустя я помню этот урок слово в слово. Записав первую строку, я отклонился на табурете и полубовался своей работой. Первый, заглавный знак я украсил вензелями и завитушками, придавая ему особую красоту. Но все последующие знаки я писал, избегая излишних украшающих линий, стараясь придать своей работе лаконичность и простоту. Мой опыт общения с другими книгами здесь и в Академии научил меня ценить знаки, наиболее простые, удобные для различения и прочтения. Если так можно сказать — легко читаемые. Прости меня мастер каллиграфии за этот оборот. Но

записи в книгах должны быть легки для прочтения не только для меня, но и для других волшебников. Да, я странный. Я думал не только о себе, и эту странную особенность замечали ещё в Академии. Наставники отмечали, что эта особенность прекрасна и способна сделать меня великим волшебником. Но, они же мне говорили, что жить с такой особенностью тяжело. Я это понимал, но изменить себя не мог. Если этой книгой после меня будет пользоваться другой волшебник, то для него сложностей с прочтением и пониманием быть не должно. Вздохнув, я отодвинул черновой лист немного вниз, и, прочтя вторую строку вслух, принялся аккуратно её записывать на лист пергамента. Работа сдвинулась с места. Я вписывал строку за строкой, пока не переписал первую страницу книги полностью. После этого я отложил лист пергамента для просушки.

У меня было немного времени, и я решил использовать его на себя. Тело занемело от нахождения в одной постоянной позе. В горле пересохло. Я сделал несколько шагов к бочонку с водой и, зачерпнув ковшиком, напился. Теперь надо было размять тело, как нас учили в Академии. Я потянулся, прогнувшись назад, согнулся вперёд. Выполнил ряд интенсивных движений руками. Несколько раз присел и выполнил несколько выпадов вперёд ногами. Провёл дыхательную гимнастику для успокоения дыхания. Вернувшись к столу, я осмотрел лист и нашёл его вполне просохшим. Конечно, пергамент впитал часть воды, и она высохнет ещё не скоро, но подсохшие чернила уже не пачкались.

Взяв ещё один черновой лист пергамента, я подложил его чистой стороной под чистовик, а сверху наложил первый черновой лист. Вновь окунув перо в чернила, я продолжил писать текст. Работа шла. Незаметно один лист пергамента сменился другим. Потом я взял карандаш и принялся создавать схемы заклятий, обводя их впоследствии чернилами. На улице стало темнеть. Я зажёл фонарь, вновь пообещав раздобыть масла для него. При свете фонаря я работал, пока на улице гонг не пробил полночь. Пора было ложиться. Завтра нас ждал новый день.

Утром я поднялся с ударами гонга. Пробыло шесть утра. Поставив защиту на крепость, я выполнил утреннюю зарядку. В лазарете я появился незадолго перед завтраком. Примерно в это же время к лазарету подошла и Алкима, чуть позже пришёл Назар. Его лицо было заспанным, но необычайно довольным. Практически сразу за ним в лазарет вошли работники кухни с тележкой. За время завтрака каждый успел похвастаться своими достижениями. Я тем, что начал переписывать книгу, Алкима тем, что испытала заклятие парализации на слишком любвеобильном бойце, перепугавшем её с охочей дамой. Мне даже стало жаль несчастного. Назар сидел тихо, глядя на нас взглядом героя, покорившего полмира. Не выдержав, я спросил его о достижениях. Без слов Назар извлёк из-за пазухи серебряную цепочку, на которой болталась подвеска с встроенным в неё камнем горного хрусталя. Мы замерли от удивления. Рассказ Назара удивил нас ещё больше. Оказалось, что он не просто так напросился в ночное дежурство. Ещё днём он разглядел бойца из ополчения, который в сумке убитого гоблина нашёл несколько серебряных украшений. Среди них был и этот подвесок. Остальные ценности Назара не интересовали. Оказавшись с ним в одном дежурстве, Назар дождался, когда они останутся наедине, без свидетелей. После чего предложил бойцу сыграть в кости. Боец был не из их крепости. Он не знал одной особенности. Назару сильно везло при игре в кости. Ну, не просто так везло. Назар чувствовал кости и мог заставить их лечь правильной стороной. Играл он аккуратно, чередуя победы с поражениями, чтобы всё выглядело естественным. Очень быстро он обыграл ополченца и забрал у него всю добычу. Но сделал это так, чтобы к концу игры в караульном помещении появился начальник караула. После грозного выговора за игру на посту, Назар со скорбным видом вернул проигравшему всё его имущество, кроме подвеска, который оставил себе в утешение. Боец был так рад вернуть себе своё имущество, что не стал настаивать на возвращении ещё и подвеска. Теперь у него есть камень для записи заклятий. Улыбка Назара растянулась во все тридцать два зуба, но если бы была возможность, то он бы улыбнулся ещё шире. Мне только и оставалось, что поздравить его с приобретением. Радость от его хитрости у меня была замешана с осознанием добавившейся нагрузки.

После завтрака мы отправились на площадку для тренировок. Гоблин при нашем появлении уже не двигался, но в глазах его заметался страх, замешанный с обречённостью. Мы работали два часа. Назар и Алкима поочерёдно накладывали на него заклятие парализации и снимали его. Гоблин хрипел, но уже не шевелился, обречённо перенося боль. У обоих моих учеников результаты были хорошими. Теперь они ставили заклятия вполне уверенно, а также снимали их. Этим можно было гордиться. Подошёл капитан, осмотрел гоблина. Не прибегая ко второму зрению, можно было уверенно сказать, что гоблин умирал.

— Что вы намерены с ним делать? — Спросил капитан.

Я оглянулся на своих спутников. Они потупили глаза.

— Я не хочу его убивать. Это неправильно. — Я стал отводить глаза, опасаясь встречи с глазами капитана. — Может, отпустим его?

Капитан посмотрел на меня. Он знал, что мне уже доводилось убивать врагов, и я показал себя вполне достойно. Но, как человек опытный, он понял, что хладнокровное убийство я совершить не могу.

— Будь по-твоему. Отпустим. Парализуй его.

Я выполнил эту просьбу, ещё не зная, что может произойти. Гоблин дёрнулся и замер, вытянувшись во весь рост, с прижатыми к телу руками и сведёнными вместе ногами. Капитан грубо перевернул его на грудь и, немного повозившись, отвязал его от столба. Схватив его за одежду на спине, он поволок его в сторону южной стены. Почувствовав опасность, я последовал следом. Капитан поднялся вверх на стену по каменной лестнице. Выглянув за парапет, он размахнулся и вышвырнул его за пределы крепости в воду. Моё второе видение включилось непроизвольно. Я видел весь полёт тела гоблина с высоты стены и до воды. Он падал прямо на камни под стеной, на которых я до войны отрабатывал стрельбу зарядами. Капитан не нарушил своё слово. Он отпустил гоблина, но для последнего ничего не изменилось. Я понимал решение капитана. Для человека, много лет воевавшего с гоблинами и орками, это был враг. А лучший враг — это мёртвый враг. Но я ещё не настолько зачерствел. Это существо вызывало у меня жалость. Оно сослужило нам службу, с его помощью мы смогли подготовить двух магов на парализующих заклятиях. Остальные заклятия можно проводить и без принесения жертв. В тот миг время для меня замедлилось. Я действовал очень быстро. За мгновение я протянул силовую линию от тела гоблина к камню, лежащему на противоположном берегу. В следующее мгновение я стал сокращать эту линию. Я не успевал перекинуть гоблина полностью на противоположный берег, но мне хватило времени, чтобы слегка удалить его от нашего берега. Тело вошло в воду почти сразу за камнями нашего берега, лишь слегка стукнувшись ногами о ближайший камень. Раздался плеск. Я бросился к парапету, чтобы взглянуть. Парализованное тело гоблина камнем ушло под воду. Но я не собирался это так оставлять. Мой посох опустился. Я постарался, чтобы движение вышло естественным. Произнести вслух заклятие я не мог, чтобы не выдать себя. Я произнёс его невербально. Почувствовал истечение силы из посоха. Это всё, что я мог сделать для него. Мне оставалось только надеяться, что заклятие сработает.

— Понимаю тебя — проговорил капитан, — но и ты меня пойми. Так надо.

Он ушёл, оставив меня на стене. Я в последний раз глянул на круги, расходящиеся по воде. Второе видение уже отключилось, а включать его повторно мне не хотелось. Я не хотел увидеть чужую смерть. Я отошёл от парапета. Для тебя, гоблин, мною было сделано всё, что только можно. Оставь мне надежду, останься в моих мыслях живым. Я оглянулся на площадь. Назар и Алкима с этой дистанции выглядели маленькими фигурками. Пора было работать. Впереди нас ждало копирование книг. Но сначала надо зайти за дровами.

***

Кхарог понимал, что с ним произошло чудо. Падение с большой высоты на камни. Он уже успел попрощаться с жизнью, но боги милостивы. Видимо этот человеческий воин не рассчитал силы и перебросил его через неминуемую смерть. Ноги болели от удара о большой выступающий из воды валун, нависший уступом над водой в сторону противоположного берега. Но боль в ногах не большая плата за свою жизнь. Потом произошло ещё большее чудо. Его тело было парализовано и камнем пошло ко дну. Он дошёл почти до дна, но вода в тех водных слоях оказалась безумно холодной. И заклятие с него спало. Он слышал от стариков о подобном. Многие заклятия были предназначены под определённые условия. Видимо людское заклятие парализации и ледяная вода друг друга исключали. Его тело отпустило. Он смог двигаться и теперь осторожно всплывал. Жажда выплыть побыстрее и глотнуть воздух, была невероятной, но он себя держал в узде.

Остаться жить после всего перенесённого и погибнуть по собственной глупости он себе позволить не мог. Этот камень нависал над водой, значит, он может быть укрытием от людских глаз. Нужно только не выдать себя барахтаньем в воде. Всё после. По воде сейчас идут волны от его падения, нужно только подстроиться. Он нащупал руками поверхность камня и продолжил двигаться вдоль неё. Он почувствовал, как потеплела вода, увидел, как она стала прозрачной. Когда его рука вышла на воздух, желание дышать стало нестерпимым, но он его сдержал. Медленно, очень медленно он поднял голову над водой с раскрытыми глазами. Пространства между камнем и водой было очень малым. Его нос и рот оставались под водой. Он осторожно повернул голову вверх, высунув нос из воды. Столь же медленно он сделал первый вдох. Его лёгкие взрывались от недостатка воздуха, но он продолжал дышать очень медленно. Звук дыхания не должен выдать его. Предыдущие три дня его сильно мучила жажда. Он специально отказывался пить, чтобы убить своё тело раньше, чем они сломают его дух. Боль пыток была сильна, осознание своего позорного плена и содержание у позорного столба — унижительно. Но осознание приближающейся смерти позволяло ему с этим мириться. Ещё совсем недавно он страстно желал умереть, и сделал всё, чтобы это случилось. А вот сейчас он также страстно желал жить, и готов сделать всё, чтобы достичь этого. Он дышал медленно, чтобы не выдать себя. Воздуха не хватало. И всё равно, он задержал выдох, чтобы сделать глоток воды. Обезвоживание тела надо было исправлять. Вода влилась в его сухой рот. Он отчётливо почувствовал во рту вязкую слюну на фоне жидкой воды. Медленно сделал глоток. Так же осторожно сделал выдох. Он обязательно выживет. Назло всем, кто хотел его убить. Нет, он не будет мстить. Это глупо. Он знал многих воинов, которые погибли, пытаясь осуществить свою месть. Лучшей мстью для вас будет моя жизнь. Он внутренне улыбнулся. Оглядев камень, он увидел на его поверхности трещины и сколы. То, что надо. Осторожно вынув руки из воды, он вцепился пальцами в трещины камня. Так он мог обеспечить себе неподвижность и, одновременно, непотопляемость. Предстояло ждать до темноты. Он умел ждать. Повиснув под камнем за пределом видимости, он продолжал умирять своё дыхание и жажду. Постепенно он успокоился. Он знал, что теперь выживет. Сразу не убили, значит — не заметили. Он умел ждать.

Теперь он мог спокойно осмыслить всё, произошедшее с ним за последние дни. Блестящая идея главного военачальника о ночном штурме с помощью диверсионного отряда поначалу была хорошо осуществлена. Кхарог со своим отрядом разведал подходы к вражеской крепости. Для проникновения была выбрана восточная стена. Она казалась неприступной, а потому враги могли считать безопасной от нападения. Западная стена была признана непригодной самим военачальником. На этой стене люди сжигали трупы павших. Там должно было быть полно пепла от пожарищ. К тому же там располагалась башня мага. А тревожить его посреди ночи считалось неразумным. Его вступление в бой следовало отсрочить до последнего момента, когда исход боя уже будет предрешён. Под покровом ночи они пересекли водный ров, навели мостки, по которым должны были пройти остальные воины. Осторожно, цепляясь за вмятины и углубления в поверхности стены, его бойцы взобрались наверх и закрепили верёвки. По ним поднялся весь диверсионный отряд. Бойцы убили часового, не произведя ни единого звука, а его фонарём подсветили путь остальным воинам. Кхарог первым спустился во двор, чтобы проверить безопасность пути. Находясь уже во дворе, он подал сигнал остальным, приоткрывая дверцу маленькой лампадки. Отряд диверсантов направился к главным воротам, чтобы снять там охрану и

открыть ворота. Операция почти удалась, но всё испортил орк, поднимавшийся на стену. Идея усилить отряд диверсантов орками принадлежала одному из младших военачальников, который решил выделиться таким способом. Возражения самого Кхарога услышаны не были. Сильные и неукротимые в бою орки оказались непригодными для диверсий. Слишком большие и неспособные передвигаться бесшумно, они привлекли внимание вражеского мага и провалили операцию. Не зря же маг первым атаковал именно орка. Когда огонь, пущенный вражеским магом, накрыл стену и лестницу, Кхарог находился внизу, а потому сильно не обгорел. Отделался ожогом. И это в тот миг, когда весь его отряд сторал заживо. Ему удалось замаскироваться, но вражеский маг нашёл его. По чужой вине он потерял весь свой отряд, подготовкой которого он занимался с самого начала похода. Когда он вернётся, он постарается, чтобы об этом узнал главный военачальник. Тот, кто обрёк его отряд на гибель, не должен остаться безнаказанным. Он не собирается мстить. Это сделают другие. Он останется жить. А ещё он видел положение дел внутри крепости. Это тоже надо сообщить главному военачальнику. Люди пополняют свои потери из женщин, готовят их к битве, а ещё у них уже не один, а три мага. Это ценная информация. Он должен выжить. Он умел ждать.

***

День оказался на удивление плодотворным. До вечера нам удалось скопировать в трёх экземплярах всю магическую библиотеку. Кроме эльфийских книг. Эти были скопированы только в одном экземпляре. На моё предложение сделать копии себе, Назар ответил, что это бесполезно. Они не понимают по-эльфийски, а переводчика найти не смогут. Так что это для них просто бесполезный груз. Алкима согласно кивнула. Поэтому копии делали только для меня. В этот же день мы начали отрабатывать обезоруживающее и защитное заклятия. Выпросив у капитана провинившегося бойца, мы дали ему в левую руку деревянный нож, чтобы не калечить правую конечность. После этого я потратил некоторое время на объяснения принципа работы заклятия. Постановка тела с посохом наперевес, желательно в двух руках для быстроты, но если можешь, то возможно проведение одной рукой. Вращательное движение навершием посоха с последующим рывком, словно подсекание рыбы при рыбалке, как говорил один из наших наставников. Предшествующий этому движению дыхательный цикл. Наведение силовой линии между навершием и оружием противника. Вовремя сказанное активирующее слово, приводящее в действие импульс. От этого импульса у противника случается сокращение наружных мышц предплечий, что приводит к ослаблению сжатия ладоней. Это во взаимодействии с подсекающим движением и сокращением силовой линии приводит к выпадению оружия из руки противника. Если повезёт, то оружие прилетит к вам. Что я и продемонстрировал, выдернув оружие заклятием из руки бойца. Отлетевший нож я поймал левой рукой. После чего вернул оружие бойцу. Тот недоумённо смотрел на свою руку, отказавшуюся его слушаться. Начались занятия, но результатов к концу дня у моих учеников ещё не было. Нож в руке бойца дёргался, но покидать ладонь отказывался. Я объяснил, что это уже прогресс. Остальное после. При работе я старался чередовать отработку обезоруживающего заклятия и защитного. Пока один из них пытался обезоружить бойца, второго я пытался научить ставить защитное поле. Объяснив принцип прозрачного силового щита, почти сплошь состоящего из размазанной силовой линии, я приступил к тренировкам. Я кидал в ученика небольшие камешки, а тот на выдохе ставил защиту. Это заклятие давалось моим ученикам значительно легче

обезоруживающего. На этой ноте я отпустил их отдыхать, а сам вернулся в башню и предался переписыванию книги. Мне удалось перерисовать ещё несколько листов, прежде чем на башне прозвонил гонг, оповещая жителей крепости о полночи. Пора было ложиться спать.

***

Нор Дролл в бешенстве метался по шатру. Уже несколько раз он пытался успокоить себя глубоким дыханием. Но стоило взглянуть в сторону дальней стены шатра, и бешенство вновь одолевало его с новой силой. Ему хотелось рвать и метать, схватить топор и убить кого-нибудь. «Нельзя! Нельзя принимать решения в таком состоянии» — думал он. Надо успокоиться. Он опять делает глубокий вдох и задерживает дыхание. Потом медленно выпускает воздух через рот. Стояла глубокая ночь. Ночную тишину нарушали лишь крики потревоженных птиц. По этим крикам без всякой магии можно было определять положение его отрядов. Он закрыл глаза и попытался расслабиться. В возникшей тишине и темноте стал отчётливо слышен стук его сердца. Он почувствовал пульсацию крови по его кровеносным сосудам. На висках эта пульсация чувствовалась особенно сильно. Он попытался изгнать из своей головы все мысли. Но сделать это было не так просто. Мысли упорно возвращались к решаемой проблеме. Это бесило, уничтожало всю работу по успокоению мыслей и эмоций. Военачальник, потерявший контроль над собой губит себя и вверенных ему воинов. Однако, чем больше времени проходило от получения вестей, тем легче было воспринимать новости. Градус эмоций с каждой минутой понижался. Это хорошо.

Мозг Нор Дролла постепенно брал контроль над телом. Он открыл глаза. Придав лицу спокойное выражение, он снова посмотрел в сторону стены шатра. Там, сидя прямо на земле, находился один из лучших его разведчиков. После подтверждения сведений о могуществе человеческого мага в этой крепости, он приблизил его и назначил командовать отрядом диверсантов. Кхарог проявил себя как опытный и вдумчивый военачальник. Его воины стали быстро набираться опыта. Используя всю свою злобу и жестокость, помноженные на опыт, Кхарог подготовил свой отряд. Сделал его одним из самых боеспособных. И этот отряд погиб при странных обстоятельствах. Поначалу всё шло превосходно. Дождались глубокой ночи, переправились через ров. Взобрались на стену. Потом отряд вошёл внутрь и исчез. Военачальник, призванный обеспечивать этот рейд во вражескую крепость, обвинял во всём Кхарога.

Предпринимать новый штурм, не зная деталей провала, было неразумно. Нор Дролл откладывал штурм, раз за разом обдумывая детали. Но картина не складывалась. На четвёртую ночь после провала в его шатёр проник гоблин. Не нападал, не пытался что-то сообщить. Просто сел на землю и стал ждать. Он ещё успеет узнать, как этот гоблин обошёл его охрану, но сам факт его появления завораживал. Тайна манила, и военачальник решил сначала поговорить, узнать подробности, а потом уже убивать незваного гостя. В шатре они были вдвоём. Придерживая в одной руке топор, а во второй факел, военачальник шагнул к гоблину ближе, чтобы рассмотреть его. Одежда гоблина была изодрана. Тело было истощено и покрыто ожогами. Он тяжело дышал. Не зная его прошлого, военачальник понял, что тот пережил много боли. Гоблин поднял глаза на Нор Дролла. Взгляд был спокоен, но в нём читалась сильная усталость, отпечаток пережитой боли и страдания. Такие глаза Нор Дролл уже видел у пленников, которых пытали много дней подряд. Но в глазах тех пленников было ожидание смерти, а этот гоблин умирать не собирался. Всмотревшись внимательно,

военачальник с трудом узнал в этом измученном гоблине командира своих диверсантов Кхарога.

Нор Дролл потребовал доклада. Кхарог заговорил. Он говорил медленно. Было видно что каждая его фраза давалась ему тяжело. Он часто отдыхал, восстанавливая дыхание. Постепенно военачальнику стали известны все фазы боя. Кхарог указал причину провала. Один из младших военачальников послушался его приказа. Сам Нор Дролл не отдавал приказа усиливать отряд диверсантов орками. Нор Дролл ясно понимал, что его орки сильны в бою, но не приспособлены для разведки и диверсий, в отличие от гоблинов. Теперь картина провала сложилась. Факт послушания, приведший к провалу операции и гибели его воинов, взбесили военачальника. Он потерял контроль над собой. Потребовалось время, чтобы взять себя в руки. Но теперь он успокаивался. Военачальники перекладывали вину друг на друга. Но теперь, после появления новых фактов, он мог разобраться в этом более подробно. Теперь он мог провести очную ставку и узнать правду. Виновный будет наказан.

Однако дороже всего были данные, доставленные Кхарогом. Он весьма подробно описал расположение строений внутри крепости. Перечислил количество воинов, описал их главного военачальника. Перечислил число главных действующих лиц в обороне крепости. Сообщил расписание жизни жителей крепости. Сообщил про уменьшение пайка питания, нужное, чтобы пережить осаду. Сообщение о поражении демонических армий на восточных рубежах Империи было особо ценным. Старейшины не посчитали нужным его об этом известить. Теперь он знал, что армия Империи уже движется в его направлении. Пора было принимать меры по спасению своей армии. Кхарог сообщил, что защитникам крепости не хватает воинов, и они мобилизовали своих женщин на войну в качестве лучников. Эта новость удивила Нор Дролла, но осмыслив её, он пришёл к выводу о разумном решении людского военачальника. В сложной ситуации тот умудрился пополнить армию. Нор Дролл решил отложить это знание в копилку своей мудрости. Вдруг пригодится. А уж доклад старейшинам об этом действительно мог стать бесценным. Новость, которая больше расстроила Нор Дролла, заключалась в том, что на стороне противника теперь сражались не один маг, а три. При этом самым сильным из них оказался самый молодой. Остальных магов люди обучали боевым заклятиям уже в ходе войны. При этом, по словам Кхарога, в качестве мишеней использовали пленных гоблинов с прошлого штурма. Он оставался последним из гоблинов, оставшихся в живых. Остальных убили маги. История его спасения была столь же невероятна. Кхарог смог изобразить, что находится при смерти. Люди решили, что он для них теперь бесполезен и просто выкинули его из крепости на камни в реке. Он должен был либо разбиться о камни, либо утонуть. Он указал на недостаток человеческого заклятия парализации. Эта информация была бесценна. Мало кому удавалось выжить после наложения заклятия человеческим магом. Нор Дролл понимал решение человеческого военачальника. Убить врага на глазах своих людей важно. Это повышает твой авторитет, указывает на твою решимость идти до конца, показывает твою способность поддерживать дисциплину в отряде. Самому ему приходилось поступать и более жестоким образом, чем просто утопить или сбросить на камни. Нор Дролл понимал это, и не мог поверить в это. Перед ним сидело доказательство невероятного везения. Этот гоблин безумно ценен. Такую удачу нельзя отпускать от себя. А сведения его показали невозможность проведения ещё одного штурма. Бороться с одним магом было безумно тяжело, а против троих шансов вообще не было. Заваливать крепость трупами своих воинов он не собирался. Осаду он не снимет, но большую часть своих воинов отведёт в безопасное место, чтобы облегчить и

ускорить отступление. Подставлять своих воинов под удар имперской армии он тоже не собирался. Что ещё? Увезти каменётные орудия, чтобы не достались врагу. Он не оставит им инструменты для штурма орочьих городов. Но видимость их присутствия надо оставить. Ловушки на пути движущейся вражеской армии? Разумно. Пусть движутся медленно, опасаясь каждого шороха и поворота. Это замедлит их, и даст больше шансов нам. Он подумает об этом. Но сейчас надо решить проблему неповиновения.

Подойдя к выходу из шатра, он откинул полог. Стражники у выхода изобразили безумную преданность и бдительность. На их лицах не было сна ни в едином глазу. А также готовность исполнить любой приказ военачальника. Нор Дролл негромко позвал посыльного и тот появился мгновение спустя, растирая рукой остатки сна и преданно глядя в глаза военачальнику.

— Подними повара, пусть принесёт котелок похлёбки. Военачальников ко мне на совещание.

Сказано это было тихим, спокойным голосом. Но страх мгновенно отразился на лице посыльного, прогнав остатки сна. В армии все знали, что тихий голос военачальника означает крайнюю степень гнева и опасности для подчинённых. В безопасности можно было считать себя лишь тогда, когда он говорил громким командным голосом. Поняв, что других распоряжений не будет, посыльный исчез, растворился в ночи, будто его и не было. Нор Дролл загнул четыре пальца, в шатёр вошёл первый из военачальников. Следы сна на его лице быстро растворялись под напором воли. Нор Дролл не изменился в лице, но внутри удивился. Этот военачальник должен был прийти последним, его отряды располагались дальше всего. Через пол пальца стали подтягиваться и другие военачальники. Нор Дролл считал. Последний военачальник явился после шестого пальца. Это был военачальник, которого Нор Дролл считал виновником прошлого поражения. В голове заметался гнев, но на лице не дрогнул ни один мускул. Он оглядел шатёр. В сборе были все двенадцать военачальников, чьи отряды были расположены вблизи крепости. Последним в шатёр вбежал повар с котелком остывшей похлёбки. В его лице читалось удивление. Главный военачальник никогда не употреблял пищу после ужина. Нор Дролл жестом указал повару поставить котелок на стол и выйти за дверь. Жажда оказаться подальше от разгневанного начальства, повар быстро исполнил этот приказ. Когда за ним закрылся полог шатра, Нор Дролл предложил всем придвинуться к столу. Блики единственного факела в шатре придавали лицам военачальников причудливые выражения. Они с удивлением смотрели на котелок, стоящий на столе. Конечно, они не понимали причины сбора. Новый план штурма? А зачем котелок с похлёбкой? Постучав по столу, Нор Дролл привлёк внимание к себе. Когда все взоры обратились на него, он произнёс.

— Кхарог!

Из тени в углу шатра материализовалась фигура гоблина и, хромая на обе ноги, придвинулась к столу. Стол для него был велик. Над поверхностью стола возвышались лишь его плечи и голова. Все устремили взгляды на появившегося гоблина. На лицах военачальников изобразилось изумление. На совещания посторонние не допускались. Нахождение здесь этого гоблина было нелогичным, если только это не был особо важный посыльный. Возможно, что именно из-за него их собрали здесь. Облик гоблина был необычным. Он был ободран и обожжён. Его глаза смотрели безумно голодным взглядом на котелок. Посмотрев на военачальника, который должен был сопровождать отряд диверсантов в прошлом штурме, Нор Дролл задал вопрос.

— Пар Нак! — Тот вздрогнул. — Расскажи ещё раз о гибели диверсионного отряда.

Нор Дролл улыбался. Взгляды присутствующих обратились на указанного военачальника. В глазах Пар Нака заметался страх и беспокойство. Он попытался сделать шаг назад, но в спину ему упёрлось острие топора охранника.

Я проснулся ночью по непонятной причине. Какой-то звук привлёк моё внимание. Некоторое время я лежал неподвижно, пытаюсь понять причину происходящего. В комнате было достаточно темно. В окно проникала полоска лунного света, оставляя блики лунного света на предметах и погружая в непроглядную тьму неосвещённые участки. Что-то было не так. Ощущение неизвестности одновременно возбуждало и пугало. Я осмысливал ситуацию. Башня закрыта. Я здесь один. Или нет? В любом случае проникнуть сюда нельзя. Надо успокоиться и уснуть. Или подняться, зажечь свет и убедиться в безопасности. Хотя, можно включить второе видение и осмотреться. Я развернулся в постели и лёг удобнее. Я почти закончил подготовку к включению второго видения, когда это произошло. В одном из неосвещённых участков тьма сгустилась и начала двигаться. Я не успел испытать никаких эмоций, ни удивления, ни страха, ни ярости. Тьма вышла на освещённый участок, и передо мною оказалась Алкима. Я был шокирован и практически парализован от удивления. Мысли заметались в моей голове. Целый каскад образов хлынул в мой потрясённый мозг — от нового штурма врагов, предательства Алхимы, пришедшей меня убить, до серьёзного разговора про новые заветы, которые нам надо изучать и помощи в наших проблемах. Реальность оказалась более поразительной. Прежде, чем я смог сообразить сказать хоть слово, она совершила плавное движение руками, и платье Алхимы медленно спало на землю, обнажая её тело. У меня перехватило дыхание. Мысли заметались как бешенные. Вместе с восторгом от вида её тела в моём мозгу вспыхнул страх. Во мне родилась паника. Я почувствовал, как волосы зашевелились на моей голове. Возникло чувство неправильности ситуации. Так нельзя. Алкима сделала шаг вперёд, а платье осталось на полу, обозначая место, на котором она только что находилась. Она вошла в тень, и я перестал её видеть. На фоне светлого пятна лунного света обозначался лишь тёмный силуэт её тела. Но теперь она находилась значительно ближе ко мне. От страха я натянул на себя одеяло до самого подбородка, пытаюсь им отгородиться от происходящего, которое пугало меня. Моего обоняния коснулся лёгкий запах её тела. Было в этом запахе нечто неуловимое, необычное для той Алхимы, которую я знал в повседневной жизни. Моего тела поверх одеяла коснулась её рука, скользнула к моему лицу. Тонкие пальцы легли на мои губы.

— Тихо.

Еле слышно и протяжно проговорила Алкима. От прикосновения её ладони моё тело вздрогнуло, руки ослабли. Потянув за одеяло, она сняла его с меня. Руки Алхимы скользнули вдоль моего тела от груди к поясу. Жар окатил меня с головы до ног. Непроизвольно я сжался. Она помогла мне сесть и сняла с меня рубашку. Я почувствовал холод воздуха в помещении, но задрожал я не от него. Большой гибкой кошкой она скользнула в мою постель. Меня одновременно бил жар, озноб, страх. Я испытывал ужас от происходящего. Так не должно было быть, я не хотел здесь быть. Или хотел? Её тело прижалось к моему, и я содрогнулся. Руки Алхимы гибкими лианами обвили меня. Губы прикоснулись к моей щеке. И в этот момент во мне проснулось нечто дикое, первобытное, поглощающее весь мой разум. Оно рванулось наружу, затопив меня полностью, поглотив мой разум и вытесняя все остальные эмоции. Я развернул голову и прикоснулся губами к её губам. В тот миг я хотел слиться с ней, обладать ею, раствориться в ней и растворить её в себе. Я почувствовал дрожь и напряжение, но уже не от страха. Мои руки обвили её и притянули ко мне.

Много позже, когда мы уже утолили голод плоти, и мой разум взял контроль над телом, я задал вопрос.

— Зачем? У тебя же есть муж...

Её ладонь скользнула к моему лицу, и тонкие пальчики накрыли мои губы.

— Мой муж бесплоден. Есть болезни, после которых мужчина не может иметь детей. Он хочет ребёнка. Мы с ним говорили об этом. Он согласился с моим способом зачатия, но он не знает, от кого я понесу.

Чуть помолчав, она продолжила.

— Я прошу тебя молчать об этом. Я не хочу накладывать на тебя проклятие, чтобы не повредить ребёнку. Ведь он — наполовину ты.

Я дал слово и исполнил его. Она приходила ещё несколько раз, пока не поняла, что беременна. После этого наши встречи прекратились, оставив во мне тёплые воспоминания. Утром, после каждой нашей встречи, я принимал омовение всего тела, чтобы смыть с себя отпечаток её запаха. Я понимал, что наши встречи не правильны. Их быть не должно, гнал от себя мысли об этом. Но продолжал ждать этих встреч. Мы вместе пережили осаду. Потом наши пути разошлись. Больше я её не встречал. Двенадцать лет спустя, когда я проездом оказался в этих краях, мне сообщили, что она с семьёй переехала в другое место для жительства. Она стала полноценным магом, и её направили в одну из дальних крепостей, ближе к границе с демонами, исполнять свои обязанности.

***

Восемнадцать лет спустя, когда я уже был прославившимся магом, и меня пригласили в Академию, возглавить мою первую группу, среди выпускников я заметил высокого юношу. Было что-то неуловимо знакомое в его облике. Я приблизился, чтобы рассмотреть его. В его руках был посох Алкимы. Он повернулся. Его лицо было насмешливым и гордым. Голову венчала копна непослушных, растрёпанных волос. Он был выше меня ростом. На меня глянули глаза Алкимы. Я вздрогнул.

— Вам что-то надо? — поинтересовался он весёлым тоном, которым так славилась его мать.

— Я знал прежнего владельца этого посоха.

— Это посох моей матери. Он не мог принадлежать никому другому.

— О ней я и говорю. Алкима была могучим магом.

На этот раз вздрогнул он и внимательно посмотрел на меня. Мы разговорились. Он представился Маркусом. От него я и узнал, что Алкима погибла во время войны с демонами три года назад. Я вздрогнул. Ведь я тоже участвовал в той войне. Как мы не встретились? Я сообщил об этом юноше. От своей матери он получил посох в наследство. Он сам напросился отправить его в ту же крепость, где служила его мать. Я покачал головой и сказал, что месть — это плохое чувство. Мечь ослепляет, а волшебник должен оставаться зрячим. Мы расстались. Теперь, много лет спустя, когда всем стало известно, кто настоящий отец Маркуса, я вписал эту историю в свою рукопись. И ведь это не я выдал эту тайну. Это сделала сама Алкима, написав своему сыну прощальное письмо, на случай своей смерти. Он получил его, прибыв на место службы. Алкима! Именно твои подвиги стали причиной того, что сегодня старейшины Академии обсуждают вопрос обучения женщин-магов. Пока ещё не решено — будет ли это отдельная школа, или их станут принимать в Академию наравне с

мальчиками.

***

Наступило утро. На башне гонг отбил шесть ударов. В постели я был один. Открыв глаза, я не сразу смог понять, произошедшее ночью было правдой или сном. Я приподнял одеяло и осмотрел себя. На мне не было ни рубашки, ни треугольника нижнего белья. Картина прошлой ночи промелькнула перед моими глазами. Возникло чувство лёгкого сожаления. Пора было жить. Я поднялся. Моё тело источало лёгкий, но стойкий аромат Алхимы. Этот аромат надо было удалить с себя, и как можно скорее. Но сначала надо поставить щит на крепость. Всё-таки мы на войне. Продолжая оставаться обнажённым, я соединился со столбом магической башни. Столб ответил мне равномерным гудением. Я произнёс заклятие и активировал его. Крепость накрыл защитный купол. Теперь можно отмыться, а потом размяться. Я взял посох, зачерпнул горсть золы из камина и, поставив ведро под ступеньку, принял омовение.

К завтраку я был в лазарете. Туда же пришли Алкима и Назар. Я старался не встречаться взглядом с Алхимой. Она же вела себя, как ни в чём ни бывало. Мы обсудили прошлую ночь. Назар объяснил, что провёл ночь в башне с «гражданскими». Хитро улыбнулся, но отказался пояснить, чем он там занимался. Алкима заявила, что спала в своей повозке, предупредив начальника охраны, чтобы её будили каждые полчаса для осмотра окрестностей. Я сказал, что провёл ночь в башне. Мои подвиги никого не заинтересовали.

С этого дня наша жизнь стала размеренной. Жители крепости много времени уделяли воинским упражнениям. Мы не отставали. После освоения первого канона умиротворения, мы стали осваивать бытовую магию. Следом пошла стрельба зарядами из посоха. Манипуляции предметами. Пришлось долго и нудно объяснять способы построения заклятий. Без этого понять схемы заклятий, нарисованных на страницах магических книг, было невозможно. Назар понял принципы практически сразу, а вот Алхиме пришлось объяснять несколько раз подряд, с множеством уточнений. Но и она поняла эти принципы. Питание было скудным. Постоянно хотелось есть. Поэтому самым действенным способом бегства от голода для меня стало переписывание книг. Следом за мной подтянулись и остальные. Мы сделали копии книг по медицине и отнесли их в канцелярию. В присутствии капитана мы торжественно вручили эти книги для переписывания писарям. Счастливыми это их не сделало, но спорить с капитаном они не стали. Пообщавшись с Назаром, я выяснил, какие заклятия он хочет записать в свой кристалл, объяснив, что все заклятия туда не войдут. Назар осознал, что чем меньше заклятий в камне, тем легче этим камнем пользоваться. Взяв у него камень, я уединился в своей башне и, с помощью волшебной палочки, за один вечер сделал записи на его носитель. Теперь мы делали перепись книг все вместе, сидя в лазарете за операционным столом. Мы передавали друг другу чертёжный инструмент, принесённый мною из башни, а также позаимствованный в канцелярии. Делили чернила и карандаши. Попутно я объяснял принципы построения чертежей. Это было весёлое время, насыщенное опасностью, голодом и лишениями. Моя работа была особенно эффективной. К моменту окончания осады у меня уже было переписано девять книг из шестнадцати. Согласно своему плану, я вновь переписанные книги относил в библиотеку башни, а старые откладывал в свою копилку. Среди заклятий книги «Трансфигурация» я обнаружил редкие заклятия уменьшения предметов и увеличения их. Это навело меня на

мысль. Я обзавёлся небольшой деревянной шкатулкой, обтянутой кожей. В неё я стал складывать книги, уменьшенные с помощью заклятия «Редуцио». А когда они становились нужны для работы, я увеличивал их с помощью заклятия «Энгоргио». Мне нравилась моя задумка, потому что теперь моя библиотека спокойно помещалась в моей заплечной сумке. Время летело быстро. Менялась погода. Приходили новые вести о движении Императора и его армии. Мы ждали. Так устроена наша память, что она определяет время нашей жизни, опираясь на происходящие события. В нашем мозгу мы измеряем времени от одного эпизода, до другого эпизода. Когда нет крупных и ярких событий, мы воспринимаем эту жизнь как сплошную полосу в один отрезок. Поэтому наш мозг не запоминает рутину из работы, и повседневных мелочей.

Пришёл день снятия осады. В этот день армия Императора с ходу атаковала осаждающих орков и выбила их с позиций. В этот день, впервые за последние два месяца, ворота крепости были открыты, чтобы впустить Императора и его свиту. Стоял уже конец лета. Поля и луга были выжжены захватчиками. Даже после снятия осады нас ждала голодная зима. В крепости закончились почти все запасы сена и соломы. Часть скота, не пережившего голодный паёк и павшего, безжалостно добились и отправили на кухню, пополнив наши скудные пайки. Но выгонять на выпас скот было некуда. Луга и поля были покрыты пеплом. Отправлять скот на выпас в лесистую местность, пока не закончилась война, было небезопасно. Люди радовались освобождению, предчувствуя наступление тяжёлых времён.

Утром этого дня я, как всегда, поставил защитный купол на крепость. До лазарета мне дойти не удалось. Во дворе меня поймал радостный капитан. От него мы узнали, что армия Императора уже прибыла для снятия осады. На лицах истощенных людей отразились улыбки. Люди обнимались, поздравляя друг друга. Некоторые плакали. Мы выжили. Голод и истощение — не самая большая плата за свои жизни. Некоторым из нас пришлось заплатить более высокую цену — свою жизнь. Жизнь за то, чтобы мы смогли жить. Я отправился в лазарет на привычное место завтрака. Там меня ждали Алкима и Назар. Они улыбались, у них было праздничное настроение. Неизменные работники кухни, исхудавшие и озлобленные, вкатили нам тележку. Мы уже допивали свой чай, когда на башне грянул гонг, призывающий на битву. Побросав недопитый чай в кружках, мы схватили посохи и бросились на стены. Мы успели как раз вовремя, чтобы увидеть атаку людей по позициям орков.

Орки стояли небольшими плотными группами, распределившись по полю. Отряды людей вышли из леса, и пошли в атаку на врага. Вот только были это не имперские легионы, а баронские дружины. С рёвом, слышным даже отсюда, они бросились на орков, намериваясь охватить разрозненные отряды, окружить и перебить их. И когда они уже почти достигли врага, земля вздыбилась у них под ногами. Пришли в действие скрытые ловушки. Люди падали в волчьи ямы, срабатывали капканы, выстреливали колья. На поле крики ярости сменились воплями боли. Люди пытались остановиться перед ловушками, но напиравшие сзади бойцы опрокидывали их туда. На границе двух армий началось столпотворение, атакующий настрой был сбит. Именно в этот момент орочьи и гоблинские лучники стали засыпать строй баронских дружин стрелами. Раздались новые крики боли и ужаса. Люди заметались по площади и попытались сбежать обратно в лес. Но им преградили дороги свежие отряды. На этот раз имперские легионы. Ровные ряды имперских ратников вышли из леса, плотно сомкнув ряды, прикрывшись щитами и опустив копья. Баронские дружины остановились. В этот самый момент орки атаковали. Двинувшись вперёд, они нанесли удар по раненым бойцам. Оказавшись между молотом и наковальней, баронские ратники развернулись к оркам и выровняли строй. Подталкиваемые сзади имперскими войсками, они пошли вперёд, но уже организованно и медленно. Орки, не принимая бой, стали отступать. Они оставляли позиции и отступали к реке, огрызаясь стрелами. Люди наступали медленно, прикрываясь щитами и прощупывая землю под ногами. И, тем не менее, ловушки продолжали срабатывать, хотя количество жертв заметно снизилось. Орки

отступали быстрее, чем люди могли преследовать их. Инициатива была на стороне врага. Стало ясно, что враг ждал прихода наших войск и подготовился к нему.

Тем временем отступающие орки собрались в большую группу недалеко от стен нашей крепости. Я смотрел на это завораживающее зрелище безнаказанной гибели наших войск. Стрелы бесконечным потоком поднимались в воздух, чтобы потом упасть на головы наших воинов. От созерцания меня отвлек капитан. Указав на большую группу вражеских войск, стоящих плотно друг к другу, он прокричал.

— Бей молнией!

Это вырвало меня из прострации. Неосознанно я подчинился приказу. Приложив руку к камню башенных заклятий к голове в районе третьего глаза, я быстро отыскал нужное заклятие. Быстрый взгляд позволил мне вспомнить это заклятие до последнего фрагмента. Пора.

Мысленно я соединился с башней. Центральный столб башни откликнулся, и я услышал гул энергетического столба в своём мозгу. Мои руки разошлись в стороны. Тело стало вибрировать в такт энергетическому пульсу башни. Внутренним взором я окинул площадку под ногами орков, чтобы увидеть полярность энергетического поля в данном секторе земли. А после перевёл взор на воздушное пространство в поисках сгустков энергетического напряжения противоположной полярности. И нашёл то, что искал. Усилием воли я проложил ионный след между двумя полями напряжённости, а также обратный ионный след от земли сквозь башенный столб в поле небесного напряжения. Тело начало покалывать. Сознание расширилось. Набрал в лёгкие как можно больше воздуха, я заорал:

— Магис перисулосум фульгур!

Раздался гром. Моё тело сильно содрогнулось. Из сгустка облаков вырвалась могучая ветвистая молния и окутала отряд противника. У самой земли разряд молнии разветвился ещё сильнее и поразил сразу несколько десятков воинов врага. Было видно, как тела орков корчатся от удара разряда молнии. Строй врагов распался. Орки и гоблины шатались из стороны в сторону, пытаясь прийти в себя, обратились в бегство. Те, кто ещё держался на ногах, поднимали павших и пытались увести их с собой. По пути они бросали тяжёлые щиты и копья. Хорошо тренированные воины, они сохраняли на себе только лёгкое вооружение, удобное для битвы в лесу и на пересечённой местности. Но до леса им ещё предстояло добраться. Вот только преследовать врага наши воины не могли. Воины людей медленно просачивались через ловушки, вскрывая их и прокладывая безопасные пути. По этим путям двигались уже имперские войска.

— Ты молодец, капитан, — сказал я, и, ткнув пальцем на поле в сторону баронских воинов, добавил. — За что их?

— Как всегда за мятеж или пособничество. Бароны мутят воду, а под удар попадают простые ратники. Но это ослабляет баронские дружины, делает их хозяев более покладистыми и верными.

Повернувшись, капитан ушёл, показав, что разговор окончен. Из его поведения я понял, что тема для него неприятна. Я его понимал. Нам не хватало воинов для охраны границ, а бароны и сам Император спокойно жертвовали сотнями воинов в своих интригах и политических играх. Пока мы говорили, орки спокойно смогли отступить за грань леса. Да, конечно, мы изгнали врага со своей территории, но почему-то я не чувствовал вкуса победы. наших воинов пало значительно больше. И весь ход битвы напоминал западню. Враг спокойно заманил нас в устроенную им ловушку. А теперь он уходил на заранее устроенные

позиции. В этот момент наши воины добежали до шести конструкций, накрытых тканевыми чехлами. С радостными криками они сдёрнули с них чехлы. Даже отсюда было видно, что под чехлами находятся не каменётные машины, а деревянные конструкции, которым придали соответствующую форму. Свои машины орки своевременно увезли с собой. За всё время боя мы наблюдали перед собой не более трёх сотен вражеских бойцов. И только теперь стало понятно, что сразу после неудачных штурмов орки увели большую часть своей армии, оставив видимость осады. У тех, кто оставался под стенами крепости, не было ни каменётных машин, ни достаточных сил, чтобы причинить нам серьёзный вред. Да и занимались они, судя по всему, не осадой, а подготовкой будущего поля боя. Меня постигла досада. Наверное, капитан с его опытом войны понял это раньше меня. Смотреть на продолжение зрелища, происходящего за пределами крепости, мне расхотелось. Я осторожно спустился вниз по ступеням каменной лестницы. Внизу меня уже ждали Назар и Алкима. Посох Алкимы был замаскирован под метлу. Поверх наверхия был натянут тряпичный мешок и завязан верёвкой.

— Невил, — заговорила Алкима — наш капитан собирается. Мы готовим повозки. По первому приказу мы двинемся вместе с армией Императора на наше место дислокации. Император рассчитывает там сделать свою ставку, перед вторжением на вражескую территорию. Я не знаю, увидимся ли мы ещё. На всякий случай прощай.

— Книги взяла?

Она кивнула. Внезапно, поддавшись порыву, она обняла меня на несколько мгновений и, выпустив меня из объятий, ушла. Мне стало неловко от этого, и я стал пунцовый от смущения. Мы действительно больше не увиделись. Назар улыбнулся.

— Я ещё задержусь. Нам возвращаться некуда. Потребуется время на отстройку крепости. Встретимся в лазарете.

Куда он направился, я не знал, да и знать не хотел. Вокруг радовались люди, но у меня не было радости. Я направился в лазарет, в котором сейчас находились мои книги и письменные принадлежности. Я решил посвятить своё время работе. Расположившись за операционным столом, я продолжал писать книгу. Хорошо, что в последних книгах, что я писал, было мало схем и картинок. Работа шла намного быстрее. Вот только теперь я работал за этим столом в одиночестве. Здесь были только мои книги, и только мои схемы. Было ощущение пустоты. Сегодня наша весёлая компания прекратила существовать. Я оглянулся на свои книги. Спасибо вам друзья. В одиночестве я бы работал значительно медленнее. Было чувство, будто я потерял часть себя. И, чтобы не скулить от горя, я пытался завалить себя работой.

Ближе к обеду открылись главные ворота крепости. Из крепости стали выезжать повозки. Людям предстояло расположиться лагерем за пределами крепости. Чуть позже в крепость въехал обоз с продовольствием. Обед, который нам привезли работники кухни, я посчитал слишком сытным. Мои глаза так и остались голодными, но большую часть порции мне пришлось запихивать в себя насильно.

После обеда в лазарет стали привозить раненых бойцов. Появился Назар и передал приказ капитана Рогволда лечить их. Бойцы были не наши. Но для меня это не имело значения. Приказы я обсуждать не собирался. Аликс помогла мне собрать мои бумаги. Книга была почти дописана. Кожаная обложка для неё уже была приготовлена. Мысленно я уже дописал книгу и сшивал обложку, но на деле убирал листы вместе с обложкой на полку. Теперь следовало сосредоточиться на своих обязанностях. Мы договорились с Назаром, что

будем лечить по очереди. Раненых всё подвозили. Их было уже около пятидесяти человек. Пора было сократить это количество. Мы приступили к лечению. Раны были в основном от стрел. Лишь небольшое количество раненых было извлечено из ловушек. Боец, попавший в орочью ловушку, редко оставался жив. А многих из тех, кто туда попал, орки добились во время своей атаки. Тётя Вера руководила нами, мы с Назаром по очереди оперировали, а Аликс помогала, вовремя подавая инструменты и материалы. Она успевала бегать между кроватей с ранеными и делать перевязки. Во время одной из таких пробежек до меня донёсся девичий визг. В этот момент я проводил операцию по сращиванию тканей. Визг меня отвлек. Мои рукава были закатаны, а руки по локоть измазаны кровью. Я вышел из операционной, чтобы посмотреть на происходящее. Настроение у меня было не самое доброе. Увиденное разозлило меня ещё больше. Один из баронских дружинников, непонятно из каких побуждений, ущипнул Аликс за ягодицу. Может, ему было скучно, но я не разделял желание пошутить. Я оскалился и уже хотел подойти, но Назар меня опередил. Он двигался с посохом по проходу в сторону операционной и оказался на месте раньше меня. Он ударил шутника наверху по руке. Тот взвизгнул.

— Лапы держи при себе.

— Твоя что ли? — Огрызнулся шутник, тряся рукой.

— Это его невеста — Назар ткнул пальцем в меня.

— Такая маленькая?

— Так он тоже вроде не большой.

Эта ситуация стала меня раздражать.

— Назар, тащи его сюда. Я его лечить буду.

Мой голос не предвещал ничего хорошего для шутника. Дружинник сразу сник и попытался что-то промямлить, но было поздно. Назар взмахнул посохом и произнёс заклинание. Дружинник дёрнулся всем телом и вытянулся на постели. Схватив его за ноги, Назар грубо поволок его в операционную. Промыв свои руки, и протерев их полотенцем, я взял свой посох в тот момент, когда шутника уже подтащили к операционной.

— Вингардиум левиоса.

Тело шутника на небольшой срок потеряло вес и поднялось в воздух. Мы легко переместили его на стол операционной и пристегнули ремнями, чтобы не улетел. Он получил стрелу в бедро, как раз недалеко от паха. Обломок стрелы до сих пор торчал из бедра. Сделав надрез скальпелем, я грубо вырвал обломок из раны. Раненый издал протяжный звук слышный даже сквозь парализованные челюсти. Я выполнил расслоение реальности и ввёл руку в его бедро. Я выполнял операцию предельно долго и болезненно для пациента. В палате наступила тишина. Протяжные стоны боли раненого были слышны на другом конце палаты. Но моя злость требовала большего.

— Назар, как думаешь, яйца ему оторвать?

Жизнь среди военного гарнизона научила меня, при необходимости, разговаривать грубо.

— Дык... тогда мне одно на память. — Подхватил мои слова Назар.

Теперь раненый уже не стонал, а заголосил во всю мощь своих лёгких. Именно в этот момент в палату вошёл капитан. Услышав крик раненого, он тут же вмешался.

— Прекратить!

В этот момент я произвёл последнее сращивание. Поэтому я сразу прекратил операцию, оставив на теле дружинника уродливый шрам. Я отошёл от стола. Назар снял заклятие и

растянул ремни. С воем, дружинник пополз прочь от операционного стола. Он двигался в сторону капитана.

— Что? — Спросил капитан.

— Они — дружинник показал пальцем в нас — хотели мне яйца оторвать.

Последнее слово вышло у него с протяжным завыванием. Капитан поднял глаза, горящие недобрым светом на меня. Его бровь вопросительно изогнулась.

— Он приставал к моей невесте — проговорил я внятно.

Капитан медленно скосил глаза вниз на дружинника. Лицо капитана стало перекашиваться от злости. Момента, когда у капитана в руке возник нож, я не заметил. Произнеся несколько крепких выражений, он двинулся в сторону дружинника. Шутник был достаточно умён и сразу оценил угрозу для себя. Несмотря на только что перенесённую операцию, он проявил изрядную прыть. Он метнулся между кроватей и щучкой выпрыгнул в окно. Вслед ему капитан произнёс длинное предложение, состоящее сплошь из крепких слов. Мне даже в голову не приходило, как это выражение можно перевести на литературный язык. В палате возникла тишина. Все в палате постарались выглядеть менее заметными. Капитан был ещё в гневе, а попадать под горячую руку никто не хотел.

— Ты зачем пришёл, сынок.

Подала голос тётя Вера. Этот вопрос помог капитану переключить внимание, и он стал остывать. Нож исчез также мгновенно, как и появился. Через некоторое время он смог произнести.

— Император хочет видеть магов. — Посмотрев на нас, он произнёс. — Идём, потом долечите. Тяжёлых всё равно нет.

Мы с Назаром переглянулись. На лице Назара было написано удивление. Видимо на всём протяжении его жизни такого не случилось никогда. Я тоже никогда не слышал о подобном. Капитан ждал. Мы отмыли руки и лица, оделись и, взяв посохи, вышли следом за капитаном. Он шёл твёрдой походкой, но в нём чувствовалось особенное напряжение. Мы не понимали ситуацию. В конце нас стало это пугать, но мы продолжали путь. Именно в таком напряжении мы и оказались на площади.

Площадь была заполнена людьми. Воины и мирное население, ещё не покинувшее крепость, растянулись полукольцом вдоль стен. На верхней площадке крепостной стены располагались воины, наши и не наши, а также женщины, вооружённые луками и ножами. От изначального состава воинов в нашей крепости осталось не более тридцати человек, ещё пятнадцать человек относилось к отряду погибшего капитана Милоша. Остальные воины пришли вместе с Императором и составляли его охрану. Они перемешались с нашими воинами по периметру всей крепости. В обрамлении этого кольца находилась компания конных воинов. Все они были богато одеты, а их лошади были отборными скакунами, крепкими и сильными. В центре этой группы воинов на прекрасном, крупном скакуне восседал крепкий, седой воин с короной на голове. До этого момента эту корону я видел только на рисунках, но сразу узнал её. Носить её мог только один человек в Империи — сам Император. Я испытал трепет. Вокруг него располагались несколько крупных, сильных воинов, чьи мускулы бугрились от постоянных силовых и воинских упражнений. Эти мускулы было видно даже сквозь пластины доспехов. Взгляд этих воинов был жёстким и свирепым. От них отдавало некой природной дикостью и опасностью. В волосах многих из них проглядывали серебряные нить седины, говоривших об их большом жизненном опыте. Прямо за спиной Императора располагалось ещё два персонажа, привлёкших моё внимание.

Один из них был молодой юноша, примерно шестнадцати лет от роду. Одежда на нём была простой, но сшита из дорогих тканей. На его плечах был накинут меховой плащ, как символ его положения, хотя погода была очень даже тёплой. Его гордый взгляд говорил о его высоком происхождении. Он выглядел бы красивым, не будь у него такого презрительного взгляда на окружающих. Черты его лица были слишком правильными для простого человека, а сквозь светлые волосы мне удалось разглядеть лёгкое заострение ушей. Именно по этому признаку я определил его как наследника престола. Всем нам было известно, что его мать была эльфийской крови, и отпечаток своего рода носил и её сын.

Второй персонаж свиты Императора был не менее колоритен. Это был человек в летах, покрытый сединой. Несмотря на возраст, он не разжирел. Тело носило отпечаток постоянных тренировок с оружием и без него. В отличие от своих спутников, он не носил доспехов и оружия, по крайней мере, явного. Он восседал на красивом гнедом жеребце, нетерпеливо стучавшем о землю копытом. Всадник сидел спокойно, лишь слегка подправляя коня, чтобы тот не ушёл со своего места в свите Императора. Одет он был в дорогие наряды, сшитые из самых дорогих тканей и украшенных вензелями и нашивками. Меховой плащ из меха соболя в сочетании с его одеждой, показывали богатство этого человека. На груди его, прямо напротив сердца, был вышит герб с баронской короной.

Между ним и наследником находился ещё один воин, поражавший своим размером. Конь с трудом удерживал вес этого воина. В левой руке воина, обращённой к барону, был надет большой круглый щит с шипом в центре умбона. Воин сидел в напряжении, скашивая глаза на барона. По другую сторону барона находился ещё один воин. Он был меньше в размерах, чем воин в центре группы, но нарочитая медлительность в движениях и жесткий, спокойный взгляд говорили о его немалом искусстве во владении мечом. Император считал ниже собственного достоинства ограждать себя от барона, но позаботился, чтобы защитить своего отпрыска. По одному взгляду на эту группу было видно, что любое движение барона — неосторожное или намеренное — немедленно принесёт ему гибель.

Мы с Рогволдом подходили к кортежу Императора. Я обратил внимание, что Император внимательно осматривает нашу крепость. Я был впечатлён и взволнован появлением Императора и совершенно растерялся. Мои ноги стали ватными, из головы совершенно вылетели все приёмы этикета, которому нас обучали в Академии. Я совершенно не представлял, что буду делать, когда окажусь в непосредственной близости от него. Это была моя первая в жизни встреча с представителем высшей власти в нашей Империи. Голова была пуста, а всплеск эмоций мешал думать здраво. Ситуацию исправил капитан Рогволд. Оказавшись в десяти шагах от императорской свиты, он опустился на одно колено и преклонил голову. После чего снял шлем и остался стоять на колене со шлемом в левой руке. При этом он знаком указал нам встать рядом по правую руку от него. Я шёл первым и занял место ближе к капитану. Справа от меня расположился Назар. Мы сняли свои шляпы, встали на колени и поклонились. После чего подняли головы и поглядели на Императора. Было ясно, что сейчас решается наша судьба.

Император обратил на нас внимание. Его лицо было изрезано морщинами и мелкими шрамами, выдавая опытного и бывалого воина. Взгляд был спокойный. Без злости, ярости, агрессии или угрозы. Но в безопасности я себя не ощущал. Было чувство, что это хищник смотрит на добычу. Он был уже стар, но безопаснее не становился.

— Молодец, Рогволд. — Заговорил Император. — Хорошо содержишь крепость, в исправности. Давно делали ремонт?

Его голос приводил в трепет.

— Два месяца назад, мои Император. Сразу после того, как орки пробили брешь в стене, маг восстановил крепость с помощью магии.

Император медленно перевёл взгляд сначала на меня, а потом на Назара. Протянув руку, он указал на Назара.

— Этот восстановил?

Рогволд усмехнулся, что можно было расценить как дерзость. В свите Императора послышался ропот. Но Император поднял вверх руку и голоса стихли.

— Нет, мой Император, мой маг восстановил. — При этом он протянул руку и хлопнул меня по плечу, отчего я потерял равновесие и чуть не упал. Но, тем же неуловимым движением, Рогволд поймал меня за воротник и поставил на место. — Но Назар тоже не плох.

Император перевёл взгляд на меня, и я почувствовал себя неудобно. Захотелось немедленно исчезнуть из-под его взгляда. Выждав немного времени, Император продолжил.

— И зовут его, конечно же, Невил.

— Я вижу, что Император знает моего мага по имени — скромно проговорил Рогволд.

— А кто ударил орков на поле молнией?

Император, не поворачиваясь, поднял руку и указал себе за спину.

— Он же и ударил. А ещё он поставил защитный купол на всю крепость и уничтожил двух магов предателей.

Наступила звенящая тишина. Рогволд продолжал держать меня за плечо. Все взгляды в крепости обратились на меня. Мне было сильно неловко от всеобщего внимания, и я почувствовал, как начинаю краснеть от смущения. Мы продолжали смотреть на Императора, решавшего нашу судьбу. Император не изменился в лице, но в его глазах появились злые огоньки. Медленно он повернул голову в сторону барона из своей свиты. Вид барона был весьма довольным. Он смотрел на меня, как на свою собственность и улыбался той странной улыбкой, какой мог бы улыбаться кот, дорвавшийся до большой миски со сметаной. Но заметив на себе взгляд Императора, он сразу попытался придать себе скромность. Император снова вернул взгляд на нас.

— Мы обдумаем, как вас наградить.

После этих слов свита развернулась и стала выстраиваться в колонну, одновременно выезжая за ворота крепости. Приём был окончен. Я и Назар вернулись в лазарет. Там мы продолжили лечить раненых. Было ощущение какой-то неправильности, нерациональности. Лечение мы проводили молча. После встречи с Императором разговаривать не хотелось. К вечеру мы закончили лечить почти всех бойцов. Но на их место принесли новых раненых. Армия понесла тяжёлые потери.

В свою башню я вернулся поздно вечером, и принёс с собой все свои записи. День меня утомил, но желание закончить книгу было сильнее усталости. Внутренне я ощущал, что моя тихая жизнь подходит к концу. Поэтому стремился не оставлять долгов. Книгу следовало закончить раньше, чем произойдут хоть какие-то события. Этим же вечером я сшил книгу в обложку и отнёс её в библиотеку, а старую книгу забрал в собственную коллекцию. Одновременно я избавился от магической копии. С написанием новой книги я решил повременить. Пусть сначала улягутся страсти, и определится моя судьба. Меня раздирало беспокойство. Вопросы роились в моей голове. Почему Император хотел видеть магов? Ведь мы не имениты, не совершили никаких услуг ему лично. Почему барон смотрел на меня так

по-собственнически?

Именно с такими мыслями я и лёг спать.

Утром меня разбудил гонг. Я нарочно не торопился. Не спеша поднялся, выполнил зарядку, провёл все упражнения на концентрацию и с дыханием. Медленно собрался и направился в сторону лазарета. Я шёл не спеша, наслаждаясь каждым мгновением своей жизни. На площади меня ждал Назар. От него я узнал, что нам приказано позавтракать в столовой, а потом, не заходя в лазарет, зайти в канцелярию, в личный кабинет капитана. Я был озадачен. Капитан презрительно относился к своему кабинету, предпочитая разговаривать с подчинёнными непосредственно на местности. Это означало, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Было удивительно, что капитан поставил разговор с нами при закрытых дверях впереди лечения раненых. Обычно было наоборот. Если была нужда отдать тот или иной приказ, он приходил в лазарет лично, или присылал посыльного. Ощущение опасности и беспокойства стало возрастать. Выслушав Назара, я направился следом за ним в столовую. Пища не лезла в рот, но я настырно заталкивал кусочки из своей порции, даже не ощущая вкуса. В животе возникло ощущение тяжести. Как будто камень появился в районе моего желудка. С тяжёлым чувством я покинул столовую. Лицо Назара также не выражало радости. Взгляды воинов, провожавшие меня и Назара, были полны интереса. Но были и такие, кто испытывал к нам жалость. Старые воины понимали, что героев Император в прошлом награждал публично и сразу после боя. Такая отложенная награда означала немилость и, возможно, опалу. Я был не столь опытен, но шестым чувством угадывал смысл происходящего.

В кабинете капитана помимо нас собралась группа из капитана Ревина, обоих сыновей тёти Веры Бранибора и Ладислава, Хедина, самого капитана Рогволда и нас. Закрыв двери Рогволд сел за стол. На столе громоздилась гора свитков. Мы сели вокруг стола на лавки. Возник момент ожидания. Капитан не спешил. Медленно он разматывал шнурок на первом свитке. На сургучных печатях свитков стояла императорская печать. По идее этот момент должен был быть торжественный, но никто не испытывал особой радости. Если свитки передавали не публично из рук Императора, или хотя бы одного из его приближённых придворных, то ожидать от этих посланий можно было всего, что угодно. И вот, первая печать сорвана.

— Император хотел, чтобы назначения были сделаны без лишнего шума. — Сказал Рогволд. — Слишком много желающих получить эти должности. При публичном разделе начнётся грызня. Итак...

Рогволд зачитал свиток. Это было награждение за заслуги перед Империей, за славную оборону границ. Этим свитком воин Бранибор назначался сотником и получал под своё владение нашу крепость. С обязательством служить Империи и охранять её границы. Печать и подпись.

Рогволд развернул второй свиток и зачитал его. Это тоже было награждение. За заслуги перед Империей и славную оборону границ воин Ладислав получал должность сотника и получал под своё владение восточную крепость, ближайшую к нашей. С обязательством её отстроить, служить Империи и охранять её границы. Печать и подпись.

Рогволд передал оба свитка их владельцам Бранибору и Ладиславу. Развернул третий свиток. За заслуги перед Империей и славную оборону границ воин Хедин получал должность сотника и получал под своё управление восточную крепость, расположенную

дальше крепости Ладислава. С обязательством её отстроить, служить Империи и охранять границы. Печать и подпись. Свиток перешёл в руки Хедина. Тот посмотрел на него широко раскрытыми глазами. Ему было сложно поверить в происходящее.

— Бери. Заслужил. Я Императору тебя расписал как героя. Это же ты выбил тогда ночью гоблинов со стены. Этим спас крепость и много жизней. Вот и получай награду.

Рогволд развернул третий свиток. Этот наградной приказ за заслуги перед Империей возводил полусотника Ревина в полные сотни и передавал в его управление западную крепость ближайшую к нам. С обязательством её отстроить, служить Империи и охранять границы. Печать и подпись. Свиток перешёл в руки Ревина. В глазах пожилого воина появилась искра благодарности. Он заслужил и должность, и место.

— На дальнюю крепость Императору пришлось назначить одного из сынов графа, поддержавшего его в сражении на границах демонов. Военное поселение, в котором правил до сих пор Ревин, тоже передали сыночку одного из благородных союзников Императора. На наши крепости были и другие заявки от благородных родов для своих отпрысков. Но Императора не беспокоит карьерный рост отпрысков благородных фамилий. Его интересуют крепкие границы. Эти благородные отпрыски пяток лет поправят и попросятся в Столицу, а граница ослабнет. Да и не хочет Император садить здесь временщиков. Ему нужны постоянные гарнизоны и постоянные военачальники. Тем более что большинство благородных родов его в этой войне не поддержало. Переждали в тепле и уюте, а теперь хотят получить часть добычи и должностей. Император раздражён, поэтому и назначает нас, испытанных в боях на эти должности. Пока есть возможность.

— Капитан, — Подал голос Бранибор — А тебя куда?

— Уже не капитан.

Рогволд развернул свиток и зачитал его. Это было награждение за заслуги перед Империей, за славную оборону границ капитан Рогволд получал должность и пожизненное звание полковника-тысячника и получал под управление участок границы с прилегающими территориями, на котором находится девять крепостей вдоль границы от моря. (Включая наши крепости). А также гарнизоны поселений на этих территориях. Список прилагается. Печать и подпись.

В кабинете повисла тишина. Произошедшее было невероятным. Безродный мальчишка, подобранный воинами на развалинах города в Великой войне. «Сын полка», живший при обозе впроголодь наравне с воинами той войны. Прошедший путь от простого воина до капитана пограничной крепости. Теперь становился военачальником целого района. По уровню власти он мог теперь сравниться с баронами Империи. Тишина сменилась рёвом радости. Воины бросились поздравлять Рогволда. На столе осталось два свитка.

— А эти что? — Ревин ткнул пальцем в оставшиеся свитки.

— А это для них. — Рогволд кивнул головой в сторону нас.

Полковник Рогволд развернул свиток. Волшебнику Назару за заслуги перед Империей, присваивалось полное звание волшебника. (За магическим аттестатом уже послан в Академию посыльный). Назар направляется для прохождения службы на границу и назначается магом в нашу крепость. (На моё место). Три печати и подписи. (Две печати поставили имперские маги). Свиток перекочевал к Назару. Он смотрел на него не верящими глазами. В уголках его глаз появились капельки слёз. Спустя много лет он получил признание.

— А... он — с трудом выговорил Назар, ткнув в меня пальцем и пытаюсь проморгать

слёзы.

— На него особый приказ. — Полковник развернул последний свиток.

Он зачитал свиток. Это был приказ о назначении полковника Рогволда командующим карательного рейда вглубь территории орков. Ему предписывалось взять под своё командование тысячу бойцов из имперской гвардии. Волшебник Невил придавался полковнику Рогволду в качестве магического усиления армии. Печать и подпись.

О моём дальнейшем назначении ничего сказано не было.

— Похоже, Невил, что твои таланты замечены. — Прищёлкнув языком произнёс Рогволд. — После похода тебя, возможно, заберут на повышение.

В кабинете воцарилась тишина. Никто не стремился меня поздравить. И самому мне не было радостно. Я не чувствовал себя победителем.

— Скажи — продолжил Рогволд — можно ли подключить Назара к башне?

— Да.

— А ты? — удивился Назар.

— Башня, в отличие от посоха, позволяет подключить на себя несколько человек. Сколько? Точно не знаю. Но вдвоём мы там поместимся. — Ответил я, посмотрев на Назара.

— Тогда так. Подключи Назара, пока вы здесь. Сдашь ему башню и все дела. Пока он будет лежать больной, полечишь здесь людей. — Отдал приказ Рогволд. — За это время я утрясу дела, осмотрю вверенные мне войска, обговорю снабжение. Ещё надо договориться о поставках материалов для строительства разрушенных крепостей — лицо полковника становилось задумчивым и погружённым в себя — Нужны люди для обороны крепостей и строительства.

— С людьми я помочь не смогу, — проговорил я — но со строительством могу подсказать.

Все уставились на меня. Дождавшись тишины, я продолжил.

— В основании моей башни лежит магический кристалл. В нём записано... заклятие для строительства крепости. Именно с его помощью я отстроил нашу крепость. После того, как Назар подключится к башне, надо отправить туда его осмотреться. Если он найдёт там такие кристаллы, то используя силу нашей башни можно попробовать отстроить разрушенные крепости. Главное, чтобы кристаллы были на месте. Но потребуются материалы: дерево, камень и раствор для связывания камней. Этого магия дать не сможет. Отстроенную крепость можно будет заселять людьми.

Лица людей выглядели потрясёнными.

— Вот этого я не знал. — Задумчиво проговорил Полковник. — Когда мы в них въезжали после войны, крепости уже были построены. Ходили слухи, что это сделали маги, но как-то не верилось.

— Попробовать всё равно стоит. — Ответил я. — При удаче мы восстановим свою оборону в течение года.

— Тогда так и сделаем.

Мы стали расходиться.

***

В тот же день я подключил Назара к магической башне. Несколько бойцов были извещены заранее, и мы все вместе отнесли его в лазарет. Посмотреть на шоу подключения

собралась вся крепость и множество народа из армии Императора. Подобное зрелище не часто увидишь в этом мире. А жители нашей крепости наблюдали его второй раз за этот год.

Я продолжил лечить раненых в лазарете, но на их место постоянно приносили новых, и времени на себя не было. Однако вечером я изготовил одно кольцо памяти специально для Назара. В это кольцо я записал все башенные заклятия, какие только были в библиотеке башни. Палочку и последнее кольцо я оставлять в башне не собирался. Я собрал все свои вещи в дорожную заплечную сумку. Туда же я вложил свою библиотеку и волшебную палочку в кожаном тубусе, который специально заказал для неё.

Отряд собирался уходить. На третий день Назар поднялся и, с трудом передвигаясь, приступил к своим обязанностям. На вопрос, что ему делать с копиями магических книг, я пожал плечами и предложил отдать магу в одну из восстанавливаемых крепостей, если такого пришлют. В его распоряжении теперь будет подлинная библиотека. Пусть не забывает делиться с Аликс литературой для чтения и отдаст медицинскую литературу для копирования. Она обязательно понадобится в новых крепостях. Я заказал для себя лично чертёжные принадлежности и получил их в тот же день. В канцелярии я получил большую стопку пергамента для своих записей и десять кожаных листов для обложек. Всё это я уменьшил в размере и поместил в свою заплечную сумку.

В день отъезда у меня состоялся разговор с тётёй Верой.

— Невил, ты серьёзно говорил про Аликс?

Мои брови изогнулись дугой от удивления.

— Ты назвал её невестой. Ты хочешь жениться на ней?

— Почему нет?

— Но она ещё маленькая, ей ещё надо подрасти.

— Так я никуда не спешу. Годков пять можно и подождать. А за это время многое может измениться. Но пока пусть так и остаётся.

***

Отряд собирался уходить. Бедная Аликс. Из этого похода мне было не суждено вернуться. Меня признали погибшим. Отряд пришёл без меня. Рогволд принёс извинения, что не смог сберечь. Мы увиделись только двенадцать лет спустя. В тот год в этих краях бушевала чума. Меня направили в этот регион для оказания помощи. Тогда я уже знал, какой эликсир в годы Великой Войны сварил мой наставник Хаттон. Прибыв на место, я сверил симптомы действующей чумы с указанными Хаттоном, и убедился в их совпадении. Демоны опять использовали своё оружие против Империи. Я вновь встретил Аликс, когда приехал в крепость. Я был уже знаменитым волшебником, а она зрелой женщиной с тремя детьми. Её мужем стал писарь крепости. Её дети болели, а она сильно осунулась. Увидев меня, она бросилась на меня и стала бить меня кулаками в грудь.

— Мы тебя похоронили! Ты, подонок, как ты мог!

Поймав её за руки, я громко проговорил.

— Я тоже думал, что умер! Меня за это время хоронили много раз!

Она заплакала и уткнулась мне головой в грудь.

— Ты спасёшь нас?

— Я за этим приехал...

Я гладил её волосы, а потом попросил помочь в создании эликсира. Мы втроём — я,

Назар и Аликс — изготовили лекарство. Напили всех жителей крепости, в том числе и себя. Поездка для меня в зону чумы была в один конец, если бы мне не удалось найти противоядие. После этого я и Назар отправились развозить противоядие в другие крепости. Но это было потом. А в тот день, попрощавшись с Аликс, я выехал в повозке за пределы крепости. Рогволд настоял, чтобы я путешествовал исключительно в повозке, защищённый от случайной стрелы. Отряд уходил на войну.

Повозка тряслась и переваливалась на ухабах. Мне приходилось стойко переносить все тяготы пути. Помимо моих вещей и коробок с лекарственными травами и флажечек с лекарственными настойками, повозка была почти доверху набита сухим сеном и мешками с овсом. Полковник старался рационально использовать любое пространство в своём обозе. Разместившись на самом верху, я старался найти место, где меня не будет швырять из угла в угол. Моё предложение сесть на козлах, было воспринято бойцами негативно. Приказ полковника был однозначен. В отряде не было обозных мужиков. Полковник брал только воинов и накладывал на них обязанности по уходу за повозками, животными и багажом. Два бойца сидело на козлах спереди и регулярно поглядывало за мной. Стены и крышу повозки я уже рассмотрел на несколько раз. Мне было скучно, но делать было нечего. Уже несколько раз я включал второе видение и просматривал окрестности на много верст вокруг. Ничего интересного рассмотреть не удавалось и мне снова приходилось бороться за возможность удержаться и не стукнуться о борт повозки. И так длилось уже много часов подряд. Но что радовало, так это то, что с каждым таким часом мы всё ближе и ближе приближались к намеченной цели. Этот поход запомнился мне именно бесконечными переездами в повозке, лечением многочисленных раненых и лишь краткими мгновениями отдыха в шатрах. Спать мне приходилось в той же повозке, и к концу пути я стал основательно её ненавидеть. Но это тогда, а впоследствии я имел возможность вспоминать о ней с великой ностальгией, ночуя на земле под открытым небом.

Император не поспешил и действительно выделил отряд бойцов. Чуть более тысячи человек. По его мнению, и мнению его военачальников, этого количества должно было хватить для карательного рейда. Почти двадцати тысячная армия оставалась на нашей стороне реки. Тысяча воинов! Полковник принял командование молча. Но оставшись в кругу доверенных лиц, он разразился нецензурной бранью. Нам пришлось двадцать минут выслушивать его негодование, пока он не успокоился. Его можно было понять. Даже моего неопытного взгляда было достаточно, чтобы понять, что все бойцы отряда являлись новобранцами. Не было ни одного представителя благородного рода. Около трёхсот сквайров, юных мальчишек, только что окончивших военную школу. Остальную часть отряда составляли лучники. В основном ополченцы. Большинство из них было взято из городов и не умело ходить по пересечённой местности. Лишь малая часть из лучников была взята из деревень. Непосредственный разговор с ними показал, что почти все они были браконьерами. Их отправили в армию Империи вместо тюрьмы. Отряд был полностью небоеспособен. По мнению полковника, такие отряды предназначались для жертвоприношения. Отряд отправляли на убой, заранее обрекая его на поражение. Для этого отбиралась не самая боеспособная часть армии. С помощью таких отрядов в прошлых войнах «прощупывали» возможности войск противника или ослабляли его перед ударом основной армии. Но тот, кто задумал такое, сильно ошибался в отношении нас. Полковник не собирался приносить в жертву своих воинов и себя в том числе.

Получив отряд под своё командование, полковник сразу отделил его от основной массы армии и принялся за подготовку, пока утрясались последние нюансы с бумагами и снабжением. Он запросил на время из основной армии инструкторов и получил их с благословения Императора. Браконьеров он отделил в отдельные отряды, создав из них

подразделения разведки. Опытные инструкторы с криками и руганью, избивали разведчиков палками, пытались привить им навыки маскировки и беззвучного передвижения. Обучали их вести наблюдение за местностью и запоминать нужную информацию. Лучников заставили день и ночь отрабатывать стрельбу, построения, перестроения, рассредоточения по команде. Над лагерем нашего отряда день и ночь слышались крики и ругань. Сквайры оказались самой подготовленной частью нашего отряда. Для них были заказаны большие пики и щиты. Хорошие доспехи имперская казна выдать отказалась, пришлось довольствоваться кожаными шлемами, нагрудниками и наручами. Лошадей для создания конного отряда нам тоже не выделили. Военные задачи нашему отряду предстояло решать без кавалерии. Одновременно мы занимались и обозами, отбирая пригодные для похода повозки, проверяя состав имущества и забивая повозки под самую крышу. Отбирали животных. Полковник старался отобрать не самых породистых и быстроходных лошадей, а здоровых и выносливых. По его приказу со складов армии были выписаны толстые попоны из грубой ткани, которые должны были сберечь лошадей от стрел-срезней с широким листообразным наконечником. И так продолжалось, пока обозы не были собраны полностью, а войска не получили определённую степень начальной подготовки. Инструкторы вернулись обратно в свои подразделения. Пришёл день, когда меня снова запихнули в повозку. После долгого ожидания, повозка, наконец, двинулась с места. Так для меня начался поход.

Под непрерывное раскачивание из стороны в сторону, наша повозка двинулась в путь. Стоял невообразимый шум, крики бойцов, ругань, ржание лошадей, скрип колёс на осях, временами разрываемые свистом ударов кнута. Над всем этим шумом раздавался рёв полковника, отдававшего команды и пытавшегося навести в отряде относительный порядок. Меня трясло, но я стойко держался, пытаюсь уцепиться в борта покрепче. Моё имущество перекатывалось по поверхности плотно утрамбованного сена. Посох несколько раз больно ударил меня по голове. Каждый раз, пытаюсь его поймать, я терял опору и съезжал в сторону. После чего снова пытался за что-нибудь ухватиться. Сквозь какофонию шума слышался плеск речных волн, запахло водой. Движение на время стало плавным. Спустя малый промежуток времени снова затрясло. Мы продолжили движение. Но не долго. Спустя короткий срок повозка остановилась. Судя по звукам, отряд вставал лагерем. Через некоторое время мне позволили выбраться наружу.

Мы пересекли реку и уже находились на вражеской территории, немного углубившись в неё. Отряд остановился лагерем. Повозки выставляли в круг, образуя небольшую передвижную крепость. О том, что отряд принял бой, я понял, увидав раненых. Один из сквайров находился при смерти. Ещё двое были тяжело ранены, но умирать не собирались. Три десятка человек получили лёгкие ранения. Мне в помощь выделили двух крупных и крепких сквайров. Я приступил к лечению с умирающего воина. Через два часа все бойцы, кроме излеченных тяжелораненых, вернулись в строй. Поздно вечером нам приготовили пищу. Она была не так вкусна, как у нас в крепости, но обильна и сытна. Это был мой первый ужин в походе. Уже позже, путешествуя по свету, мне приходилось ложиться спать голодным. У меня была возможность оценить сытность этого походного ужина. После ужина полковник поблагодарил нас за удачно проведённый бой, выставил посты и отправил остальных спать. Предупредив, чтобы меня будили каждые полчаса, я забрался в повозку и почти сразу уснул.

Мы стали втягиваться в походную жизнь. Леса кишели гоблинами и отрядами орков. Я заблаговременно предупредил полковника об их нахождении. Полковник использовал эти

небольшие отряды врага для тренировки своих воинов. Так отряд получал боевой опыт. Всех бойцов, хоть раз побывавших в бою, полковник отправлял во второй эшелон, а на их место ставил неопытных бойцов. И всё повторялось заново. Это привело к тому, что к моменту генерального сражения наш отряд был вполне «обстрелян» и готов к сражению. Воины получили боевой опыт. Отряд стал настоящим боевым, состоящим если не из ветеранов, то из бойцов, испытанных в бою. Всё это время я провёл в своей повозке. Полковник берёт свои важные активы.

***

Нор Дролл отводил свои войска. Войска понесли сильные потери, но те, что остались, получили боевой, бесценный опыт. Если удастся сохранить их, то в другой раз, более благоприятный для набега, потери этого отряда будут значительно меньшими. Кхарог, которого он сделал начальником разведки, каждый вечер делал доклад о положении дел, исходя из которого, он планировал свои дальнейшие действия. Войска удачно вырвались из захвата имперских войск. Опережая события, он отвёл большую часть войск сначала в выступ имперской территории, затем вывел на свою территорию. Отступающий отряд арьергарда опередил имперские войска буквально на два часа. Имперская конница вышла к мостам, которые уже пылали. Для переправы на наш берег теперь требовалось создавать свои мосты. Арьергард, пополненный свежими силами, укрепился на нашем берегу, давая возможность основной армии отступить. Рисковать своими бойцами и вступать в бой с десятикратно превосходящим противником, Нор Дролл не собирался. Отступая, его войска увозили с собой каменётные машины, пленников, скот и зерно, захваченные на фермах. Длинная вереница повозок медленно тянулась по дороге, чётко обозначая их маршрут. На всём протяжении пути в лесистой местности устраивались засеки, готовые в любой момент обрушиться под ударом топора, чтобы перекрыть дорогу и затруднить проезд по ней повозкам армии противника. Это должен был сделать отступающий вслед за основной армией арьергард.

Нор Дролл надеялся, что принял все меры для безопасности своего отряда. На пятый день пути Кхарог принёс две новости. Карательный отряд имперцев, численностью в тысячу воинов, перешёл реку вброд. Был нанесён удар по арьергарду. Приняв удар и понеся определённые потери, арьергард отступил в соответствии с планом. Идущие налегке воины, заваливали дорогу деревьями на засеках, затрудняя быстрое продвижение противника. О том, что противник их догонит, Нор Дролл не сомневался. Оставалось только выбрать удобное место для боя. Удобное место для себя. Вторая новость оказалась неприятной. Разведчики разглядели в составе карательного отряда военачальника, командовавшего обороной, не взятой крепости, и молодого мага, по описанию похожего на мага той крепости. Противники были серьёзные. Требовалось очень удобное место.

Ещё одной новостью, принесённой Кхарогом и его разведчиками, было большое количество мелких отрядов орков и гоблинов, расположенных на территории, по которой они сейчас проходили. Это означало, что совет благородных семейств не внял его предупреждению о приближении большой имперской армии. Они готовились не к обороне, а к нападению на вражескую территорию. По их мнению, большая армия, двигаясь к вражеским границам, должна была собрать все эти отряды в большой кулак. Его слова не были услышаны благородными вырожденками. Нор Дроллу было жаль эти отряды. Они были

обречены стать смазкой для клинков имперских воинов. Через своих посыльных и разведчиков он передал им приказ присоединиться к своему отряду. Ответ был таким, какой он и ожидал. Почти все отказались. Лишь малое число гоблинов подчинилось приказу старшего по званию. Они усилили его отряды лучников. Остальные отказались сняться с места без приказа высших вождей. Сообщения поступали каждый день. Отряды орков и гоблинов гибли в большом количестве. Вражеский военачальник оказался опытным и умным. Он сменял побывших в боях воинов на свежих, давая отдых бойцам и обкатывая новобранцев. Вражеский маг быстро возвращал в строй раненых. Атаковать врага мелкими группами, в надежде истощить его армию было большой глупостью. Необходимо было сразу отводить войска для генерального сражения, не оставляя врагу шанса для подготовки своих воинов. Навалившись большой массой на этот отряд, можно было быстро разгромить его, не давая вражескому магу вернуть в строй раненых. А его магию сламывать камнемётными машинами. Хорошо бы ещё призвать на помощь своих шаманок. Но этот козырь был для Нор Дролла недоступен. Эти размышления ещё больше укрепили желание Нор Дролла идти на соединение с основной армией. Ему было жаль гибнущих воинов, но он не мог ничего изменить, да и свои воины были для него дороже. Своей гибелью те сдерживали продвижение вражеской армии, а значит, помогали ему вывести свой отряд из-под удара.

Тридцать дней пути пролетели как одно большое напряжённое усилие. Армия вымоталась, но была цела и сохранила боеспособность. Ближе к обеду его передовые отряды вышли на равнину вблизи города Торо, одного из главных коммуникационных пунктов вблизи Имперских территорий. Карательный отряд врага почти догнал их. Разрыв составлял не более половины дня пути. Но самое главное его воины вышли к своим. Равнина была забита войсками. Шатры густым ковром покрывали равнину. На взгляд Нор Дролла здесь скопилось не менее шести тысяч воинов. Были видны камнемётные машины. Его отряд длинной вереницей повозок втягивался на равнину. Оставался небольшой нюанс — найти место для дислокации. От этого зависело, будет его отряд жить, или погибнет в самом начале сражения. Противник должен был свалиться на головы орочьей армии уже к вечеру.

Приказав отряду продолжать движение, Нор Дролл опытным взглядом вычленил в палаточном городке шатёр для военачальника и направился к нему. Его воеводы получили приказ, несмотря ни на что двигать череду повозок отряда в самый дальний угол от места въезда, мимо всего лагеря. Противник шёл за ними, и Нор Дролл хотел поставить между своим отрядом и отрядом врага всю орочью армию. Это было жестокое и циничное решение, но если благородные военачальники не прислушаются к его мнению, то жертвовать своими воинами он не станет. Теперь оставалось переговорить с высшим военачальником и добиться от него разрешения на эту дислокацию.

С такими мыслями он и подъехал к командному шатру. Сообщив о своём прибытии, он стал ждать. Ждать пришлось достаточно долго. Высший военачальник со своими приближёнными изволили обедать. Ожидая окончания обеда, Нор Дролл смотрел на движение своих повозок. Как всегда для него поход получился удачным, чтобы там ни говорили его завистники. Он сжёг пять из шести вражеских крепостей в пограничной зоне. Взял трофеи и пленников, сохранил своих воинов. Вышел из-под удара. Можно было, жалуясь на усталость своих воинов, просить об отдыхе. Отвести отряд ещё дальше. Зависть благородных военачальников могла заставить их совершить один из двух поступков. Или послать его на убой, или убрать его и его воинов подальше, чтобы не мешал им заполучить всю славу от победы. Прикинувшись слабым и измотанным, он надеялся толкнуть их на

второе решение. А сейчас он ждал. Ждал до тех пор, пока повар не вынес из шатра поднос с серебряной посудой на нём. Низкорослый повар в шапочке и переднике, одетым на большой округлый живот, шёл с такой важностью, будто являлся здесь самой важной персоной. Он осмотрел Нор Дролла с высокомерием, точно на пустое место. Нор Дролл посчитал это хорошим признаком. Одетый в свои походные, запylённые доспехи и местами потёртую и грязную одежду, он производил далеко не самое лучшее впечатление. Слуга гоблин, вышедший из шатра, с презрением осмотрел его грязную одежду и пыльные сапоги, осведомился, он ли является военачальником прибывшего отряда. Получив утвердительный ответ, он пригласил Нор Дролла войти. Убранство шатра снаружи было предельно простым. Придержав полог шатра, слуга впустил его вовнутрь. Нор Дролл шагнул туда и на некоторое время ослеп после яркого света улицы.

Он стоял неподвижно, привыкая к полутьме шатра и, одновременно, давая присутствующим возможность себя рассмотреть. Вокруг центрального столба шатра располагался стол, за которым в данный момент располагалось несколько орков. Их внешний вид и надменные взгляды, которыми они наградили вошедшего, красноречиво говорили об их высоком происхождении. Он представился. Один из военачальников, находящихся в шатре, представился как высший главнокомандующий данной армией по имени Гос Огхх. При этом он не потрудился подняться со своего места. Но Нор Дролла было безразлично. Он пришёл сюда не за тем, чтобы к нему относились с почетом. А их уважение к себе он ценил очень низко. Как и положено, на военном совете Нор Дролл постарался произнести отчёт о проделанной операции. Он старался говорить достаточно кратко, и при этом подробно акцентируя на нужных моментах. Он вскользь упомянул о взятых и разрушенных крепостях, выжженных поселениях. Но при этом подробно описал добычу, взятую с рейда. Указал на большое количество раненых в своём отряде. Его выслушали молча, но без необходимого внимания и уважения. У него сложилось мнение, что находящиеся здесь воины находятся не на войне, а на увеселительной прогулке. Они не обратили внимания на его предупреждение о приближающемся карательном отряде Империи. Описание возможностей вражеского мага не произвело на них впечатления вообще. Нор Дролл постарался сделать акцент на то, что его измотанный отряд не в состоянии сейчас сражаться с преследующим его карательным отрядом. Он добился того, на что рассчитывал. Его подвиги не впечатлили высших военачальников, но, после описания добычи, в их глазах зажёгся огонёк жажды славы и богатства. И делиться им они не захотели с ним. Имея под руководством почти восемь тысяч бойцов, верховный военачальник не сомневался в своей победе над тысячным отрядом врага. Ставить потрёпанный отряд Нор Дролла между вражеским отрядом и своими войсками он не захотел, опасаясь, что тот при поддержке остальной армии одолеет врага, и ему достанется слава. Нор Дролла приказали отвести свой отряд вглубь территории для отдыха и излечения раненых. Обещали восполнение потерь из новобранцев.

Нор Дролл догнал свой отряд. Оказавшись в его голове, он уверенно повёл его дальше. Следовало сейчас же отгородить своих воинов от преследователей. Выбрав удобное место на склоне холма для построения бойцов и расположения камнемётных машин, он отдал приказ располагаться лагерем у подножия этого холма как можно ближе к месту предполагаемой позиции. Теперь оставалось только ждать.

Во второй половине дня наш отряд выехал на небольшую равнину недалеко от орочьего города Торо. Об этом я узнал значительно позже. Но в тот момент для меня это была просто небольшая равнина, окружённая низкими холмами. Снаружи были слышны крики людей, ржание животных, скрип повозок, сменивших своё положение, и над всей этой какофонией звуков раздавался рёв полковника. Наконец повозка остановилась. Послышался звук распрягаемых лошадей, гремящих толстых цепей, которыми повозки соединяли вместе во время ночного отдыха, крики команд. Не было похоже на то, что мы останавливаемся для ночного отдыха. Время тоже было не вечернее. Мне позволили выбраться из повозки.

Я ждал, что этот день настанет, и всё равно испытывал лёгкий шок. Армия готовилась к бою. Организовав походный лагерь из повозок, полковник с ходу производил построения отрядов. Заканчивая привязывать повозки вместе, лучники разбежались по своим местам. Перед нами в отдалении располагался большой палаточный городок орков. Даже отсюда я разглядел присутствующие в нём камнемётные машины. Рогволд выводил свой отряд сквайров и строил его снаружи походного лагеря. Внутри этого построения располагались лучники. Небольшой отряд лучников оставался охранять повозки и наше имущество. Напротив нашей армии в полуверсте от нас спешно производили построение вражеские воины. Их численность была очень высока. Даже по моим скромным оценкам численность армии врага в пять-шесть раз превосходила нашу. Камнемётные машины вражеские военачальники оставили в лагере. Но было ясно, что в случае нужды их быстро подвезут к месту сражения. Позади наших позиций располагался каменистый холм, сплошь усеянный мелкими камнями, размером от валунов с мою голову, до мелкого щебня с ноготь. На вершине холма располагалось странное строение, по всей видимости, очень древнее. Оно представляло собой большую округлую арку. Вокруг холма растительность разрослась весьма буйно, покрывая зелёным холмом всю долину, но на склоне холма не было видно ни одного зелёного листика. Холм смотрелся чем-то инородным среди буйства жизни, словно происходил из другого мира. И мы были прижаты к этому холму. Решение полковника можно было понять. Убрав отряд с дороги, удобной для движения войск, он старался избежать возможной атаки со спины. Теперь нас можно было удобно атаковать только с фронта и флангов. Попытка провести атаку с тыла, означала, что противник будет двигаться по склону каменистого и неудобного холма, оставаясь хорошей мишенью для наших стрелков. Выбрав удобную позицию, полковник практически загнал нас в ловушку. Вырваться отсюда мы могли только с боем. Подъехал полковник.

— Невил, скоро орки пойдут в атаку. Дождись, когда они окажутся в десяти шагах от наших отрядов и ударь молнией по их передовым отрядам прямо напротив нашего построения. Не вылезай, ты нам нужен живым, или вернуться не удастся.

— Разве мы не в ловушке? — спросил я с удивлением.

— Я надеюсь, что враг тоже так думает — на лице полковника отразился хищный оскал. — Видишь эту арку у нас за спиной?

Я обернулся и поглядел с удивлением на строение, которому раньше придавал мало значения. На мой удивлённый взгляд он ответил.

— Это то, ради чего мы здесь. У нас приказ разрушить это строение. Поэтому они не могут использовать камнемётные машины против нас, опасаясь попасть в эту арку. А против

их пеших войск мы ещё потягаемся.

Он уехал, оставив меня размышлять над сказанным. Время шло. Я взобрался на повозку, ближайшую к предполагаемому месту схватки, чтобы видеть всё происходящее и помогать. Свои построения мы закончили раньше и ждали. Наши воины по приказу Рогволда спокойно сидели на земле, сберегая силы. В отрядах противника слишком долго наводился порядок. Наконец их армия двинулась на наш отряд.

Пришло время для моих действий. Путешествуя в повозке, я имел много времени для размышлений. Я решил установить башенные заклятия на наш отряд. Конечно, здесь башни не было. Но это было неважно. Важно было моё подключение к ней. Оказавшись в двухстах вёрстах от нашей крепости, я не утерял связь с ней. За это время мои чувства показали, что Назар уже один раз разрядил башню под свои нужды. По моим расчётам выходило, что одну крепость они уже должны были отстроить. Это сложно и крайне тяжело объяснить не-магу, что наше пространство является почти бескрайним, и при этом конечным, свёрнутым в маленькую, тугую глобулу. Трудно объяснить, что в пространстве астрала расстояния измеряются по-другому. Мы ещё не вышли за пределы действия нашей башни, поэтому я мог попытаться использовать её энергию. Меня этому никто не учил, преподавание в Академии было весьма ограниченным. Свитки и книги башни тоже давали мало информации. Я мог опираться только на свои внеклассные чтения академической литературы. И теперь я пытался реализовать свои знания на практике. От того, насколько я прав, насколько я угадал, сегодня зависели наши жизни. Шансов на победу и выживание у нас было очень мало, но я собирался увеличить эти шансы насколько мог.

Я мысленно соединился с магической башней. Это потребовало времени и усилий. Сказывалось расстояние между нами. Наконец мне это удалось, и столб магической энергии отозвался мощным гудением в моём мозгу. Пора было накладывать заклятия на своих воинов и походную крепость. Не отрываясь от столба энергии, я протянул руку с кольцами и приложил башенное кольцо к голове в районе третьего глаза. Моё второе видение было включено во время поисков магической башни и появление в зоне видимости колец отозвалось целой гаммой видений. Я одновременно видел два кольца с вращающимися по кругу листами заклятий. Я выбрал кольцо башенных заклятий и заглянул в него.

— Броню на крепость — прошептал я.

Круг с заклятиями повернулся и остановился передо мной листом пергамента. Я взгляделся в лист. Да, оно. Я уставился на заклятие и мысленно стал исправлять его схему, чтобы подогнать под наши условия. Я распрямил тело. Развёл руки в стороны. Постарался максимально очистить сознание, продолжая мысленное соединение с магической башней. Это было сложно, но когда схема в моём сознании стала максимально четкой, я произнёс с выдохом на распев.

— Магикус экстремус Протего максима.

Сначала мне казалось, что ничего не произошло. Потом я почувствовал высвобождаемые силы, приведённые в движение силой магического столба. Я понимал, что сила течёт через столб, но ощущение было такое, будто вся эта сила протекает через меня, будто я и есть столб магии. Моё сознание раскрылось, и я увидел, как наши повозки, стоящие кругом в подобие передвижной крепости, накрывает прозрачный магический купол. Сила, создающая этот купол, вышла из верхней площадки моей башни, прошла сквозь астрал, скопилась над нашей позицией и стала растекаться во все стороны, опадая и двигаясь к земле вдоль внешних бортов повозок. Зрелище было завораживающим. Во мне стали

разливаясь удовольствием от удачного заклęcia и восторг от моей правоты. Мне пришлось подавить эти эмоции. Щит был уже достаточным аргументом в борьбе с вражеской армией, но далеко не весь арсенал башни. А если на кону стояли наши жизни, то я собирался использовать всю мощь башни без остатка.

Я снова заглянул в камень кольца. Щит, строительство, молния, настройка на башню, быстрота. Да, сначала это заклęcie.

— Асселератио омнис.

Я почувствовал, как потекла энергия из магического столба. Но при этом никаких изменений в себе не заметил. Однако энергия, выделившаяся из столба, растеклась волной по окрестности и затихла, накрыв наших воинов. Я снова приложил камень кольца ко лбу и заглянул в него. Лечение, Сила атаки.

— Потентиа Сумма Эним Омниа.

Вновь выделилась энергия и растеклась по окрестности. Опять заглянул в камень кольца. Заклęcie точности.

— Сублимтер Плюс Эним Омниа.

Вновь выделилась энергия и растеклась по окрестности. Опять заглянул в камень кольца. Броня для воинов.

— Лорика Ферреа Ад Омнес.

Вновь выделилась энергия и растеклась по окрестности. На этом возможности башни были исчерпаны. Но оставались те заклęcia, что я перенял у Алхимы и дописал в свой камень. Вот только время ещё для них не пришло. Враги ещё не сошлись с нашим отрядом. Я вернулся в наш мир, но связи с магической башней разрывать не стал.

В этот момент враги подошли к нашим воинам на расстояние пятидесяти шагов. Раздались команды, и бойцы поднялись с земли, приняв боевое построение. Наши бойцы стояли молча. Над армией орков пронёсся громкий крик, мгновение спустя подхваченный многими сотнями голосов. С диким рёвом орки пошли на штурм наших позиций. Здесь не было крепких стен крепости, за которыми могли укрыться наши воины. Поэтому враг стремился атаковать всей массой, стремясь по быстрее смять наш строй, чтобы перебить поодиночке. Я вызвал в кольце нужное заклївание. Кольцо заклїтий повернулось передо мной нужным листом. Схема предстала во всей красе. Теперь ждать. Полковник хотел, чтобы удар произошёл за десять шагов от нашего строя. Время замедлилось. Враги слишком медленно бежали к нашим воинам. Наконец они достигли нужной отметки, указанной полковником. Мои руки разошлись в стороны. Тело стало вибрировать в такт энергетическому пульсу башни. Внутренним взором я окинул площадку под ногами орков, чтобы увидеть полярность энергетического поля в данном секторе земли. А после перевёл взор на воздушное пространство в поисках сгустков энергетического напряжения противоположной полярности. И нашёл то, что искал. Усилием воли я проложил ионный след между двумя полями напряжённости. Я почувствовал треск разрядов и нарастающую вибрацию. Повторный ионный след я проложил от земли сквозь башенный столб в поле небесного напряжения. Тело начало покалывать. Ионный след получился слишком длинным, но на силу удара это повлиять не должно. Сознание расширилось. Я был и небом, и землёй. Разряд шёл через меня. Я повысил внимание и концентрацию, выбрал цели для поражения, почувствовал пульсацию жизни в их телах. Набрав в лёгкие как можно больше воздуха, я заорал:

— Магис перисулосум фульгур!

Раздался гром. Моё тело сильно содрогнулось. Могучая ветвистая молния и окутала отряд противника. У самой земли разряд молнии разветвился ещё сильнее и поразил сразу несколько десятков воинов врага. Строй врагов распался. Орки шатались из стороны в сторону, пытаясь прийти в себя. Однако остановить такую ораву было непросто. Задние ряды напирали вперёд, опрокидывая и затаптывая стоящих впереди, спотыкаясь и падая рядом, а идущие следом затаптывали уже их самих. На границе моего удара образовалась большая груда шевелящихся и лежащих орочьих тел. Рёв ярости смешался с криками боли и отчаяния умирающих.

Снова наступила пора моих заклятий. Связь с башней я не разрывал, она могла пригодиться в любой момент. Нырнув в камень кольца подборки для личного пользования, я нашёл заклятия, перенятые у Алхимы. Для начала слабость. Вытянув руки вперёд и сосредоточившись, я прокричал, используя дикие визжащие нотки в словах.

— Кират Мотуурз!

Я взмахнул посохом, очерчивая круг поражения, стремясь, чтобы в этом круге не оказались наши воины. Зрелище, представшее перед моим внутренним взором, было потрясающее. От линии, очерченной моим посохом и дальше по кругу, стала расползаться энергетическая волна. Я почувствовал истечение силы, но не из посоха, а из башни. Сила выброса была столь велика, что волна усилилась в несколько раз. Попавшие под эту волну орки сразу теряли в скорости движения. Они замедляли свои движения.

В этот момент, перекрывая грохот поля боя, послышался рёв нашего полковника. Его подхватили три сотни голосов наших сквайров и около пятисот лучников. Отряд в едином порыве рванулся вперёд, сократив разрыв между армиями, и вклинился в ряды орков. Раздался грохот боя, рёв воинов и крики умирающих. Копья сквайров обильно стали собирать жатву жизней, не пришедших в себя орков. Наш отряд действовал как единый организм. Несколько сотен орков было убито или смертельно ранено в считанные мгновения. Раздался визг орочьих команд. Орки попятились, пытаясь перестроиться для атаки. Но сзади напирали новые отряды, мешавшие исполнить команду. Ряды смешались. Со стороны нашего отряда послышался новый рёв полковника. Сквайры встали на колени. Создалось ощущение, что где-то там выдернули подставки, и вся конструкция щитов просто рухнула вниз. За их спинами стояли лучники. Едва шеренга щитов опустилась вниз, они спустили стрелы с тетивы. Воздух наполнился свистом смерти и воплями раненых, опавших на землю. А напиравшие сзади орки снова стали затаптывать павших воинов. Лучники опустошали свои колчаны, прикрытые щитами сквайров. Поток стрел непрерывно впивался в орочью массу. Снова раздалась команда полковника. Стрельба остановилась. Строй щитов поднялся вверх, образуя живую крепость. И эта крепость сделала шаг назад. Полковник отводил свой отряд к повозкам, не желая уходить из-под их прикрытия. Достигнув повозок, отряд быстро отодвинул одну из них, как оказалось не привязанную к другим, и стал организованно просачиваться внутрь. Сначала вошли лучники, за ними по отрядам вошли сквайры. Повозка была вдёрнута назад и привязана к остальным. Лучники быстро разбежались по своим местам. Против численно превосходящей армии, полковник собирался дать оборонительный бой.

Я опасался только обстрела из камнемётных машин. Повозки долго не выдержат, даже под щитом. Понимал это и капитан. На что он рассчитывал? За время нашего вхождения в походную крепость, орки перестроились. И теперь готовились к решительному штурму. Мне было только непонятно, что они ждали. Ответ, полученный мною, оказался для меня

неприятным сюрпризом. С высоты повозки я смог разглядеть на расстоянии трёхсот шагов странную группу орков возле непонятого предмета. Включив второе видение, я приблизил к себе изображение. В большом круге из орочьих воинов находились десять орочьих женщин. Они стояли вокруг большого казана по кругу и, вращая вокруг себя небольшие кадила, источавшие дым, пели странную песню. При этом они покачивались в стороны, и делали это синхронно. Орочьи военачальники решили использовать против нас магию. Из казана стало подниматься большое облако, состоящее из огненных искр, но при этом не гаснущих. Облако стало накапливаться над казаном, становясь всё более густым и ярким. Вопреки всем ожиданиям ветер подул в нашу сторону. Я понимал, что этот ветер вызван магически. Я не знал, да и не хотел узнавать, как производится это заклятие, и какие последствия оно даёт при поражении противника, но мой мозг отчаянно заметался, пытаюсь найти выход из создавшегося положения. Облако медленно двинулось в нашу сторону. Среди орочьей армии раздались крики радости и возбуждения. Они уже предвкушали сожжение нашей крепости и последующее добивание нашего отряда. Это был мой не первый бой. Паники не было, но поиск решения не приходил, не смотря на отчаянные попытки моего мозга.

В этот момент облако достигло нашей крепости. Но вопреки моим ожиданиям, оно не проникло внутрь, сквозь защиту. Плавно обтекая по поверхности моего щита, густое и светящееся облако огненных искр стало стелиться дальше по местности. Щит звонко и натужно загудел. О таком свойстве своего щита я не знал. Оказалось, что он мог отражать магию огня. Но, судя по гудению щита, это было ненадолго. Скоро огонь мог прожечь наш щит, и тогда мы все погибнем. Но, не смотря на опасность, мой мозг так и не мог найти решения проблемы. Неосознанно я повернулся посмотреть в том направлении, куда продолжало лететь облако. Моё внутреннее любопытство хотело увидеть, что происходит, когда облако достигает живого пространства. Увиденное меня поразило. Облако огня, опустившись на траву, сожгло её полностью, покрыв землю пеплом. Основная масса облака падала на склон холма. Я поднял глаза, чтобы увидеть, что же происходит с камнями при попадании на них этого заклятия. Моё внутреннее видение показало, что камни нагревались, но не плавилась. Температуры для этого не хватало. Но при этом камни посерели, и стали напоминать кучу мусора из бочки возле моей башни. Пришла странная ассоциация, а вместе с ней и решение проблемы. Теперь я знал, как мне справиться с моими противниками. Я уже сражался с вражескими магами, и побеждал. Подняв руки с посохом, и, установив связь между точками трансгрессии, я выполнил вращательное движение и произнёс заклятие. Я с наслаждением наблюдал, как большой пласт камней исчез с вершины холма для того, чтобы мгновением позже появиться на высоте в пять человеческих ростов над головами шаманок и их казана с огненным варевом. Результат превзошёл все мои ожидания. Вся эта масса камней рухнула на землю, опрокинув казан и изранив шаманок. Казан опрокинулся, и огненное варево вылилось прямо на трёх танцорок, которым повезло меньше остальных. Их объяло пламенем, чтобы через мгновение они смогли осесть на землю пеплом. Ветер стих, и облако стало оседать на землю, накрыв собой орочью армию. Раздались дикие вопли сгоравших за живо живых существ. Стройная армия орков сразу потеряла свой строй, и, дав друг друга, орки стали разбегаться в разные стороны. Но их всё равно было ещё очень много, а дать им возможность опомниться я не хотел. С вершины каменистого холма продолжали исчезать камни, чтобы мгновение спустя упасть на головы мечущегося врага. Заревел полковник, и лучники крепости поддержали мою атаку. Крепость огрызнулась потоком

стрел. Армия врага на пространстве близком к нам превратилась в разъярённую и обезумевшую толпу. Наши стрелы основательно прореживали её число. Армия орков попятилась.

Именно в этот момент раздался первый удар. Кто-то из орочьих военачальников не выдержал вида погибающей армии и, подкатив к походной крепости камнемётные машины, приказал по нам стрелять. Магический щит возмущённо загудел и пошёл волнами. Принять хоть какие-то меры и усилить щит я не успел. После третьего выстрела всё было кончено. Орки стреляли, целясь выше голов своих воинов. Третий камень, летящий на огромной скорости, ударил в мой магический щит слишком высоко. Оставив глубокий след волн, он срикошетировал и улетел в вершину холма. К несчастью для орков, он попал в одну из колонн арки, разрушив её. Потеряв одну из своих колонн, арка мгновение стояла неподвижно, но потом стала накреняться в сторону. Через три секунды странная арка была разрушена полностью и пала на землю. Я успел повернуться к ней, чтобы заморожено наблюдать, как запасённая в ней сила вырвалась на свободу. В центре арки возник большой бледно-голубой шар энергии. Вокруг него возник ореол из множества светящихся молний. Послышался треск разрядов. Я успел подумать, что пришла наша смерть. Как замороженный я смотрел на растущий во все стороны шар энергии. Земля задрожала. Увидев, куда смотрю я, сначала полковник, а следом за ним и большинство воинов обернулось на звук разрядов и источник дрожи земли. С холма посыпались камни. А потом быстро движущаяся стена бледно-голубого пламени двинулась вперёд, поглотив под собой холм, а следом и нас. Купол магического щита возмущённо затрещал и разлетелся на множество энергетических осколков. Но к этому времени стена пламени уже прошла через нас и накрыла орков. Я провожал её глазами. Мысли о смерти не посетили меня тогда, это пришло позже. Я в тот момент восторгался красотой и величием необузданной магической силы. Моё сознание расширилось. Но оно отгородило от меня звуки. Я видел ужас, написанный на лицах орков. Видел, как стена пламени достигает живых существ. Как они под ударом пламени изгибаются от нестерпимой боли. Как их одежда и плоть воспламеняются, чтобы через мгновение превратиться в пепел. Как от жара разрушаются кости, превращаясь в пыль. Рукояти топоров и древки стрел сгорали, оставляя после себя только металлические детали. Армия орков попыталась бежать, но волна двигалась намного быстрее. Я видел, как орочьи воины бегут, унося на себе бесчувственных шаманок. Как стена пламени достигла камнемётных машин, и они рассыпались, вспыхнув огнём. Но огненная стена стала слабеть. Уже через триста шагов от нашей полевой крепости стали оставаться обгоревшие костяки орков. А через пятьсот уже оставались обгоревшие трупы. Обезумевшая армия орков покидала поле боя. Я смотрел на это, не веря собственным глазам. Трудно было даже сосчитать погибших. А ведь за весь поход наш отряд потерял всего пять человек. Против нескольких тысяч погибших орков. Я много раз рассказывал об этом походе, но никто мне не верил. Таких удачных походов не бывает. Эту битву и войну целиком мы выиграли.

***

Нор Дролл смотрел на разгром армии орков. Смотрел спокойно, эмоции бушевали внутри. Его отряды, расположившиеся на склоне холма, наблюдали за ходом битвы очень эмоционально. Но криков никто не поднимал. Месяцы похода под его руководством вбили в эту разрозненную массу железную дисциплину. Младшие военачальники беспокойно

оглядывались на него. Уже поступали предложения присоединиться к основной армии, но он ответил отрицательно. Войска действительно были измотаны. Рисковать своими воинами он не собирался. Верховный военачальник не прислушался к его словам, теперь за это платили его воины своими жизнями. Вносить в эту плату и своих бойцов Нор Дролл не собирался. Он внимательно следил за ходом битвы, стараясь запомнить её в мельчайших подробностях. Ещё предстояло сделать отчёт о прошедшем сражении. Одновременно он подмечал ошибки командующего. Благородное происхождение не сделало его умным и талантливым военачальником. Нор Дролл не считал себя гением войны, но таких ошибок он бы совершать не стал, ни при каких условиях. Это следовало запомнить. Дождавшись, когда армия орков начнёт отступление, он дал команду на передислокацию. Следовало расположить отряд по другую сторону холма, за пределом видимости противника. Это хорошо, что, накормив бойцов, он не позволил ставить шатры лагеря. Теперь он разобьёт лагерь там. Нужно собрать остатки армии под своё руководство. Теперь, когда большинство военачальников погибло, а главный военачальник бежал, следовало позаботиться об остальных воинах. Одновременно он отдал приказ Кхарогу выставить наблюдательный пункт на этой стороне холма, чтобы наблюдать за противником. К лагерю врага не приближаться. После того, что он увидел, ему не хотелось жертвовать остатками армии. Также Кхарог получил приказ отправить разведчиков, чтобы найти и привести в лагерь сбежавших воинов. Нор Дролл надеялся, что они послушаются и придут на его зов. Кхарог, чьё лицо было отмечено шрамами от ожогов, исчез сразу после получения приказа. Эта его особенность всегда впечатляла Нор Дролла. Недаром он считал того выдающимся разведчиком. Он оглянулся. Его отряды поднимались со своих мест и угрюмо брели за холм к месту новой дислокации. Обычный вид армии, понёсшей поражение. Глупцы. Самая большая победа в том, что вы живы и на свободе.

***

За столом шла напряженная игра. Сражение развернулось между Всевышним и Морготом. Казалось, что вся ситуация складывается неудачно для Всевышнего. Моргот имел в данном регионе абсолютное превосходство. Но сегодня Всевышний был на высоте. Если существовала такая девка, как Фортуна, то сегодня она не просто была со Всевышним. Она буквально повисла на нём. Обвила руками, сидя у него на коленях и обмотала его своим плащом. За невероятным ходом событий наблюдали все игроки. Притом с удивлёнными лицами и отвисшими челюстями. Моргот потерял большую часть своих фишек. Они лежали на краю стола, ожидая, когда их заберёт Хмурый Жнец. Только одно достижение было за Морготом. Портал в область эльфов был разрушен. Теперь магическая помощь не придёт к остроухим. Его орки добьют тот мелкий отряд. За последним броском Всевышнего наблюдали все с замиранием сердца. Все кости легли удачно, кроме кости мага. Эта кость катилась по столу дольше остальных и, угодив в щель стола, встала на ребро. Грани, обращённые вверх, опять показывали огонь и полёт. Так выпала кость.

— Но ведь портал уничтожен! Как он попадёт туда!

Завопил от ярости Моргот.

— Я тоже это хочу увидеть. А потом и вам расскажу.

Никто не успел заметить, когда в комнате возник Смерть. Все замерли. Смерть аккуратно смёл со стола фишки и отправился выполнять свои обязанности.

***

Я сидел на крыше повозки, удивлённо озираясь. Поверить в такое было сложно. Мы остались живы. Мы выиграли бой против значительно превосходящего по численности противника. Нас даже не убила энергия, запасённая в арке. Когда рассыпался на осколки мой защитный купол, я уже решил, что нам конец. Я попрощался с жизнью и... ошибся. Вокруг меня озирались с такими же удивлёнными глазами другие воины, как доказательство моей ошибки в расчетах со смертью. Наши повозки стояли посреди большого выжженного пространства, покрытого пеплом. Когда-то это была цветущая долина, покрытая ковром из густой травы. Теперь на расстояние в полторы версты от вершины каменистого холма простиралась мёртвая равнина. Всё живое на этой выжженной прогалине было уничтожено. Единственным пятчком жизни оставался наш лагерь. Только здесь сохранилась растительность. И мы. Я поймал на себе спокойный взгляд полковника. Война, огромная мощь магии, разгул смерти. Ничто не могло его возмутить. Он оставался спокойным и рациональным. Он ждал объяснений. Вот только я в тот момент был не готов их давать.

— М... мой купол... он погиб... нужно ставить новый — с трудом промямлил я.

— Думаю, что новый не потребуется — сказал полковник. — Главное, что он спас нас от гибели.

Полковник спрыгнул с повозки вниз на внутреннюю площадку. Он стал отдавать команды, возвращая людей к жизни. Люди приходили в сознание и принимались за работу. Солнце клонилось к закату. Оно опускалось всё ниже к горизонту, грозя наступлением темноты. Требовалось подготовиться к ночёвке. А ещё, полковник не собирался оставаться здесь, в землях орков. Завтра, прямо с рассветом следовало отправиться в обратный путь. Поэтому сейчас он отдал приказ провести полную ревизию всего имеющегося имущества. В лагере развернулась бурная деятельность. Бойцы проверяли и перепроверяли своё личное имущество, раскладывая и вновь аккуратно укладывая его в заплечные сумки. Имущество снова подгоняли по фигурам воинов. Я не стал исключением. Проверялось войсковое имущество, строительный и ремонтный инструмент, походные котлы и вёдра. Из повозки были изъяты ящики и фляги с лекарствами. Требовалось осмотреть их состояние и провести учёт содержимого. Осматривалось состояние повозок. С них снимали колёса и подмазывали оси жиром. Особому осмотру подлежали две повозки, разбитые ударом камней из каменётных машин. Следовало уточнить возможность их починки. В противном случае имущество, перевозимое в них, подлежало перераспределению по другим повозкам.

Несколько лучников, стоявших во время боя на этих повозках, было ранено. Их следовало лечить. Это возложили на меня. Осмотрев раненых, я приступил к работе. Когда я закончил сначала лечение, а затем проверку имущества, наступили сумерки. Длинные тени ложились от предметов на землю. Стало заметно холодать. Солнце висело над самым горизонтом. Наступило время позднего ужина. Бойцы, незанятые в наряде, подтягивались к кострам. Пора было и мне отужинать. Я уже был на пути к костру, когда расслышал разговор, который вели бойцы. Несмотря на запрет, они раздобыли алкоголь и уже распили его между собой. Они обсуждали меня и мои возможности. Кто-то хвалил меня, кто-то сомневался в моих талантах, приписывая всё произошедшее случайному стечению обстоятельств. Что-то знакомое было в этой ситуации. Я остановился и задумался. В моей памяти всплывали картинки и рассказы о подобном. Внезапно я нашёл то, что искал, и

похолодел изнутри. В моей памяти всплыл рассказ, который нам рассказал Джокер в мой первый день поступления на службу. Передо мною сидели пьяные солдаты. Они ещё не видели меня, но уже хвастали моими достижениями и желали их проверить. Перед моим внутренним взором предстало тело предыдущего мага, разрубленное пьяными солдатами. Мне стало дурно. Разделять его судьбу мне не захотелось.

Я медленно двинулся от костра назад. Я был голоден, но умирать ради чашки похлёбки мне не хотелось. Выдавать пьяных солдат полковнику мне тоже не хотелось. Мой путь постепенно привёл меня к стене повозок на северной стороне. Что меня туда привело, мне и сейчас неизвестно. Наверное, я просто брёл, куда глаза глядят. На мне было всё моё имущество. После того, как я сложил вещи в заплечную сумку, мне посоветовали походить в полном снаряжении, как это делали другие бойцы, чтобы привыкнуть к сумке, или понять, что у меня уложено неправильно. В руках был посох, на поясе чехол с ножами, фляга и поясная сумка. Моя полная экипировка никого не удивляла, потому что по лагерю в данный момент в таком виде разгуливало много воинов. Я не знал, куда пойду, чем займусь. Просто шёл в неизвестном направлении. Но оказавшись возле ворот, я понял, чего хочу. Меня занимала загадка магических ворот, и мне хотелось рассмотреть их ближе.

В данный момент на вершине холма располагался наш сторожевой пост. Полковник опасался подхода с этой стороны врага для ночного штурма, поэтому и расположил здесь группу часовых. Подъём по склону холма был не тяжёлым, склон бы пологим, но приходилось постоянно следить за ногами, чтобы не поскользнуться, наступив на плохо лежащий камень. Подъём занял некоторое время. Только оказавшись наверху, я понял, почему противник даже не пытался атаковать нас с этой стороны. Мы этого не знали, но орки были осведомлены, что, атакуя здесь, можно переломать себе ноги. Но, не смотря ни на что, вскоре мне удалось достигнуть вершины холма и оглядеться. Там меня ждал ещё один сюрприз. На вершине холма стоял полковник и рассматривал окрестности через уменьшенную подзорную трубу, очень похожую на ту, что я отдал мастеру для ремонта. Я был восхищён. Мастеру удалось не только отремонтировать саму подзорную трубу, но и разобраться в сложной системе стеклянных линз. А также изготовить походный аналог, уменьшенный в размерах. Заметив меня, полковник спросил.

— Зачем пришёл?

Я понимал его мысли. На мне было много работы по лечению. Висело большое количество медицинского имущества. А ещё, по мысли полковника, я был очень ценным, чтобы рисковать мною и отпускать из-под присмотра. Пришлось объяснить, что хотел осмотреться вокруг, увидеть всё своими глазами. Полковник показал на подзорную трубу, объяснив, что и сам мог это сделать. Пожав плечами, я указал на обломки арки. Пришлось объяснить, что мне придётся сделать отчёт об этом магическом артефакте в Академию. Обо всех подобных предметах мы сообщаем совету магов, а по возможности изучаем, чтобы развивать нашу магию. Это нужно, чтобы научиться создавать такие артефакты самим, а заодно научиться противодействовать им. Сегодня нам повезло, но могло быть иначе. Он кивнул и разрешил мне осмотреть артефакт. Но перед этим я включил второе видение и осмотрел окрестности. Мне не хотелось попасть в руки врага, пока я буду здесь возиться. Вершина холма давала прекрасный обзор. Медленно осмотревшись, я успокоился. Полковник попросил меня сообщить, что я видел. Пришлось сообщить, что на расстоянии двух верст нет ни одного орка или гоблина. На противоположном холме, я указал направление, находится наблюдательный пост врага. За тем холмом находится большое

скопление войск. Примерно в две тысячи бойцов. Ещё много орочьих отрядов и отдельных воинов рассыпаны по окрестности дальних лесов. Я указал лесные массивы по обе стороны противоположного холма. Но, судя по ауре этих воинов, можно не беспокоиться о нападении, по крайней мере, сегодня. Полковник кивнул головой.

Я отошёл к развалинам арки. Пришлось перешагивать через обломки конструкции. Я внимательно рассматривал обломки вторым зрением, пытаюсь уловить нюансы этого строения. Я понимал, что внешняя, физическая форма в этих строения имеет мало значения. Она высчитывается технически, соответственно пропорциям. Самое важное было спрятано внутри, являясь начинкой данной конструкции. Своим вторым видением я пытался рассмотреть эту начинку. Здесь всё могло быть важным. И особое строение внутренних деталей, и разные виды излучений, преломляемые физическими линзами, и место расположения накопителя энергии. Через некоторое время мне стало известно, что передо мной находится сложный прибор. Внутри обломков известкового камня располагались тонкие пластинки кварца и гранита, совмещенные в безумно сложную мозаику. Между пластинками наблюдались тонкие полоски гранитных соединений. Роль накопителя энергии выполняли столбы, выполненные слоями гранита и кварцита, покрытые снаружи и между собой слоем известняка. Ныне накопители были разрушены. Я изучал обломок за обломком, откладывая картинку в своей памяти. Много лет после этого я пытался воссоздать картины на пергаменте. Даже обращался к мастерам проникновения в память, но воссоздать механизм мне так и не удалось.

Дополнительной проблемой стало то, что, разрядившись, накопители снова стали накапливать энергию. Вернее, та часть, что ещё оставалась целой. В центре бывшей арки стало появляться свечение. По мере того, как становилось темнее, это свечение становилось видимым. Я старался обходить это место стороной.

— Смотри-ка, а тут светец!

Раздался прямо надо мною голос одного из лучников, стоявших в дозоре. Я обернулся вовремя, чтобы увидеть, как он тянется рукой прямо в зону свечения. Я не мог его достать рукой, чтобы остановить, а потому ударом посоха по руке обозначил его место.

— Ты чаво? — возмутился боец.

— Руками не трогать! Видел, что этот огонёк наделал на поле? — я мотнул головой в сторону равнины. — Хочешь остаться без руки?

— Так, вы оба, марш оттуда! — скомандовал полковник.

Солдат испуганно попятился назад, тряся рукой. Я повернулся, чтобы успокоить полковника уверением, что сам я близко к опасности не подхожу. И замер в изумлении. Моё второе видение ещё не было отключено. По площадке вершины холма, прямо в моём направлении шёл Смерть. Его худая длинная фигура буквально плыла над поверхностью земли, хотя он и переставлял ногами. Под его капюшоном были видны кости черепа, а в глубине его глаз был виден зеленоватый свет. Я мгновенно побледнел от страха. Мои волосы на голове зашевелились, а по спине потекла тонкая холодная струйка пота. Смерть шёл прямо на меня. Время замедлилось. Вспомнились сказки о том, что когда волшебник умирает, то Смерть лично приходит за ним. Неужели моё время пришло? Умирать в самом начале жизни совершенно не хотелось. Я попятился назад, пытаюсь отодвинуться от того, кто хотел оборвать мою жизнь. Я попытался сделать шаг назад и споткнулся о лежащий камень. Я потерял равновесие и стал заваливаться. К несчастью для меня, моё тело падало прямо в центр бывшей арки, прямо туда, где находился «светец». Раздался истошный вопль

полковника: «Лови его!», обращённый к бойцу. Боец пытался меня поймать, но не успел. Я вместе со своим снаряжением упал на землю. В следующий миг меня объяло пламенем бледно-голубого цвета, мир вокруг меня свернулся по спирали и стал уменьшаться в размерах. Его уносило от меня.

***

Я умер? Пронеслось у меня в мозгу. И совсем не больно. Я оглянулся. Вокруг было пространство белого сияния с едва заметными разводами голубого цвета. Оно плыло мимо меня. Пространство было хорошо освещено. Или мне так казалось. Меня несло сквозь это пространство в неизвестном направлении. В моих мыслях пронеслись картинки древних легенд. Одна из них подтвердилась — за мною пришёл Смерть лично. Я погиб глупо, по собственной неосторожности, упав в «светец». Смерть забрал мою жизнь. Значит сейчас я уже на «том свете». А что же меня там ждёт? Ответ пришёл в виде картинки. Люди, побывавшие за гранью смерти, и вернувшиеся, рассказывали разные сюжеты, но сходились в двух основных вариантах: либо падение во тьму, а потом — ад; либо светлый туннель, а потом тебя в конце ждёт Всевышний. Судя по всему, я был в светлом туннеле. А значит, меня в конце должна была ждать встреча со Всевышним. Надо повернуться и встретиться с ним лицом, а не спиной, как сейчас. А то ведь может посчитать за невежливость. Я приложил усилия воли, и меня развернуло в сторону предполагаемого конца пути. Второе видение было включено и там, в конце пути, я разглядел окно, по форме напоминающее внутренний проход арки. И в этом проходе меня ждали... орки. Я летел в ад! Ужас охватил меня.

Дальнейшие мои действия были продиктованы инстинктом и отчаянием. Связь с башней не потребовалась. Вокруг было море энергии. Гул энергетических полей уже давно вибрировал в моём мозгу, только до этого мгновения я не обращал на него внимания. Мои руки разошлись в стороны. Тело стало вибрировать в такт энергетическому пульсу окружающих полей. Искать полярности под ногами орков и их противоположности на небе у меня не было никакой возможности, поэтому я произвёл чистый выплеск энергии. Усилием воли я проложил ионный след между энергетическими полями вокруг меня и орками снаружи. Я почувствовал треск разрядов и нарастающую вибрацию. Повторный ионный след не потребовался. Набрав в лёгкие как можно больше воздуха, я заорал:

— Магис перисулосум фульгур!

Раздался грохот. Моё тело сильно содрогнулось. Я почти оглох. Я был молнией и нёс смерть своим врагам. Я видел, как вытянулся разряд от меня к ним. Но это была не молния, а то самое бледно-голубое свечение, сгубившее армию орков. Я видел, как их тела содрогнулись от моего удара, как на них обуглилась одежда, а следом за ней плоть, начали рассыпаться кости. Зрелище было завораживающим и ужасным. А в следующий миг меня выкинуло наружу, прямо в окно арки, вместе с разрядом моего удара.

Много позже я узнал, что полковник жестоко избил бойца, повинного в моей «смерти». Рано утром отряд снялся со своего места и отправился в обратный путь. Армия орков шла следом, сохраняя дистанцию. Но не атаковала. Без проблем наш отряд вышел на нашу территорию. Полковник был в бешенстве и отчаянии. Он за один год потерял двух магов. А

вот Император оказался в восторге от результатов этого похода. Длительный рейд. Уничтожение артефакта. Разгром вражеской армии. И за всё это было заплачено всего шестью жизнями. В том числе и мною. На радости он позволил полковнику сохранить под своим командованием весь свой отряд, расселив его по крепостям. О моей «смерти» горевали только бойцы нашей крепости и нашего отряда. Плакала Аликс. Люди осознавали, что обязаны мне жизнями. Среди расстроенных людей оказался и барон Филип де Бурнажак. Это был тот самый барон, которого я видел в свите Императора. Он поднял мятеж. По приказу Хозяина послал двух своих магов для усиления армии орков. А когда мятеж провалился, решил из него получить для себя пользу. Он сел за стол переговоров и выложил свои условия. Одно из условий этих переговоров, вернее просьба, была передать барону молодого, неопытного волшебника по имени Невил, только что закончившего Академию Магических Искусств, и попавшего служить на границу. Император отверг половину этих условий, а по остальным был найден компромисс. Император не хотел проливать кровь. Надо было срочно оказывать помощь пограничным крепостям, оказавшимся в осаде. Он тогда ещё не знал обо мне ничего. Решив, что большой беды не будет, с этим условием он согласился. Только прибыв на границу, он понял, в какую ловушку его поймали. Отдавать такого сильного мага как я, такому ненадёжному союзнику, как барон, было неразумно. Он постарался оттянуть этот момент, отправив меня в поход. Моя «смерть» устраивала Императора. В расстроенных чувствах барон отправился обратно домой в свои владения. По дороге на его кортеж напал «случайный отряд орков». Сам барон и его охрана погибли. Свидетелей не осталось. Поиск отряда орков, напавших на баронский отряд, результатов не дал. Император высказал семье барона соболезнования. Он не любил, когда его ловят в ловушки.

Атака была внезапной. Орки появились, словно из ниоткуда. Их маленький, измотанный отряд распался в считанные мгновения. Многим бойцам даже не удалось схватиться за оружие. В этом была её вина. Многие часы тяжёлой, изнурительной ходьбы по пересечённой местности измотали её, и она расслабилась от усталости. Отключила третий глаз, а потому и не заметила, когда они угодили в ловушку. Плохо подготовленные бойцы их отряда слишком сильно надеялись на неё, и вот она их подвела. Теперь им всем предстояло заплатить своими жизнями за её оплошность. Орки бросились на бойцов с разных сторон и многих сразу же повалили на землю. Кому-то удалось даже изготовиться к бою, но только для того, чтобы его сразу смяли числом и опрокинули. Эльфы её отряда ещё пытались бороться, но было видно, что это ненадолго. Многочисленные враги скручивали им руки, лишая возможности продать свои жизни по дорожке. Раздались жуткие крики. Орки пустили в ход излюбленный приём. Они выкалывали глаза пленникам. Теперь им предстояло много дней провести в пытках, будучи незрячими. Это то, чего боялись все эльфы, мечтая умереть в бою, но не пережить этого.

Прямо перед ней вырос гигантский орк. Его сильное, крупное тело было обнажено по пояс и иссечено многочисленными шрамами. В руке он держал булаву, чьё навершие было усеяно стальными шипами. В попытке защититься, она выставила вперёд свой жезл. Лёгкий взмах булавой выбил его из руки и отбросил в сторону. Движение орка вперёд было стремительным. Он схватил её за горло и опрокинул на ступени постамента, на котором находилась арка. Именно из-за неё они пришли сюда, а теперь заплатят своими жизнями. Уничтожить источник появления орков в этих землях не удалось. А это значит, что остатки эльфийских племён, укрывшихся в болотах и за стенами последних городов — обречены на уничтожение. Вместо того чтобы добить её, орк отбросил булаву в сторону и вцепился второй рукой в ворот её туники. Его глаза масляно заблестели, а на лице отразилась плотоядная улыбка. Рванув руку на себя, он стал разрывать на ней одежду. Она пыталась закричать, но горло было сдавлено. Ужас происходящего охватил всё её существо. Она заметалась, пытаясь вырваться из его захвата. Улыбка орка стала ещё шире. Он поднял ногу и придавил коленом её к ступеням, одновременно раздвигая в стороны ноги. Она продолжала метаться, но была уже обречена. Слезы обильно хлынули из её глаз. Она не могла кричать, но мысленно взмолилась всем богам, прося их помочь ей, или забрать её душу, прежде, чем осквернят её тело. Перед внутренним взором промелькнула вся её жизнь.

Её мать была последней магичкой своего Рода. Она вышла замуж за воина лучника по любви задолго до начала Последней войны. Тогда магов было много. Удар нежити смёл практически всех воинов и магов некогда могучего народа. Пришлось бежать и прятаться. Она родилась ещё до этой войны и была пятым ребёнком в их семье. И единственной дочерью. Все мальчики, рождённые в их семье, не переняли магического дара матери. Мать решила на ещё одного ребёнка из отчаяния. Осмотрев её после рождения, жрицы рождений сообщили матери, что её мольбы были услышаны. Девочка родилась с задатками волшебницы. Мать плакала и смеялась от счастья. Было кому передать свои знания. Отец, безумно любивший мать, назвал дочь Элентитта, что означало звездочка на языках других народов. Ей было пятнадцать, когда нежить поднялась из могил и напала на поселения эльфов. Все Рода поднялись на защиту своих земель. И где они? Отец и старшие братья

сгинули в той войне. Воинам с большим трудом удалось вынести с полей сражений жезлы погибших магов. Вот только передать их было некому. Она тогда только начала обучение. А потом было бегство, длительные переходы, жизнь в изгнании. От Рода остались жалкие остатки. Несколько сотен живых эльфов, в основном детей. Лишь несколько взрослых мужчин и женщин. Мать передала ей все свои небольшие знания. Но их было очень мало. Большая часть знаний была утеряна, осталась на проклятых территориях. После окончания войны им пришлось ютиться в двух городах на окраинах болот. Но даже здесь их беды не закончились. Нежить их не тревожила больше, но через болота на их поселения стали небольшими группами нападать орки. Гибли эльфы, но хуже всего было то, что они уводили пленников. Число орков постоянно росло. Это создавало угрозу, с которой надо было разобраться. Один из пленных орков выдал тайну о том, что на острове среди болот находится арка-портал, через которую они и проходят на наши земли. Встал вопрос о её уничтожении. Из нескольких Родов смогли собрать полсотни бойцов. Для повышения боеспособности отряду требовался волшебник или волшебница. Её мать Галадонет никто не отпустил из Рода. Другие Рода испытывали те же проблемы. Тогда Элентитта решилась. Она выкрала один из магических жезлов и сбежала из дома, чтобы присоединиться к отряду. Она не умела пользоваться жезлом, но её способностей хватало, чтобы усилить выживание отряда. Её умение остановить кровотечение и обеззараживать раны, уже спасло несколько жизней. А владение третьим глазом, своевременно предупреждало отряд о присутствии врагов. К острову пришлось пробиваться с боями. До острова с аркой-порталом дошли лишь шесть бойцов. Остальных пришлось оставить на другом острове. Почти все они были ранены. Десять бойцов отряда были убиты. Невосполнимая потеря. А шестеро погибли сейчас из-за её оплошности, включая её саму.

В последнем движении она запрокинула голову вверх, стремясь избежать вида орка. И в этот миг боги услышали её молитву. Сначала из арки вытянулся большой пузырь энергии ярко белого цвета с голубыми разводами. От удивления орк прекратил рвать на ней одежду и поднял голову, чтобы разглядеть невиданное зрелище. Его лицо перекошилось от удивления. И в следующий момент пузырь лопнул, выплеснув наружу ярко белое пламя энергии. Орка объяло пламенем, и он закричал от боли и ужаса. Рядом громко вопили его соратники. Пламя стелилось над землёй на высоте пояса. Оно сжигало все предметы, торчащие выше этого уровня. Крик орка прекратился, а он сам замер на мгновение, прежде чем рассыпаться в прах. На грудь Элентитты пала дымящаяся рука орка, всё ещё сжимавшая её горло. На ноги ей упали его обугленные ноги. Всё остальное тело превратилось в прах. Как замороженная она смотрела на гаснущее пламя, уничтожившее большую часть орков. После этого раздался грохот падающих камней. Арка, не выдержавшая удара энергии изнутри, разрушалась на части. Камни арки падали вниз и раскатывались в стороны. Но за мгновение до этого из арки вылетел тёмный комок. В следующий миг он упал на землю и поднял целую тучу пыли. Перекатившись по земле, он встал на ноги и обратился в человеческого мага. Элентитта оторвала от себя руку орка и отбросила её в сторону. Она судорожно вздохнула. Сердце бешено билось. Одежда была разорвана. Она стянула обрывки одежды на груди и прижала их к себе, пытаясь прикрыться. Маг тем временем шагнул вперёд и поднял с земли сначала Ханона, а вслед за ним и Тирона. Оба ещё шатались, приходя в себя. Подняв с земли луки, он вручил по одному каждому. Сделав шаг назад, он прикоснулся наверху своего посоха к земле перед собой. После чего поднял посох вверх и, совершив круговое движение над головой, прокричал.

— Акции Стрелы!

Произошедшее дальше поразило Элентитту. Все стрелы, валяющиеся на земле, или находящиеся в колчанах орков, стоявших ниже по склону и не попавших под удар энергии, выпрыгнули из своих мест и понеслись по небу широкой волной вперёд к магу. В полёте они разворачивались и стали втыкаться в землю возле того места, куда маг касался наверху. Скоро все стрелы оказались уже торчащими в земле возле ног мага. Ханон и Тирон ещё шатались, глядя вокруг ошалевшими глазами. Поэтому маг ударил их своим посохом и, указав на торчащие стрелы, выполнил горизонтальное движение рукой с растопыренными пальцами в сторону врагов. Бойцы поняли, что от них требуется, и потянулись за стрелами. Орки быстро приходили в себя. Теперь они пытались исправить положение, переходя в атаку. После этого маг прикоснулся наружной частью ладони ко лбу. Отняв руку, он вытянул руки с посохом вперёд и прокричал.

— Кират Мотуурз!

Он взмахнул посохом, очерчивая круг поражения, стремясь, чтобы в этом круге не оказались наши воины. Ничего не происходило, но Элентитта почувствовала выброс силы. Она почувствовала, как от линии, очерченной посохом и дальше по кругу, стала расползаться энергетическая волна. Попавшие под эту волну орки сразу теряли в скорости движения. Они замедляли свои движения. Орки упорно продолжали двигаться вперёд, а навстречу им засвистели стрелы эльфийских воинов. Годы тренировок прошли не зря. Орки, попавшие под удар эльфийских стрел, скатывались вниз и больше не шевелились. И не имело значения, что стрелы эти изначально принадлежали самим оркам. Орков было ещё много, но эльфийские воины не собирались просто так отдавать свои жизни.

Маг развернулся к ней. Его лицо было измазано грязью и пылью, мешая определить его возраст. Одежда была запылена. Элентитта разглядела горящие от гнева глаза. Он шагнул к ней. Она сжалась ещё больше. Удерживая посох в левой руке, он протянул к ней правую руку и, схватив её за плечо, поднял на ноги. Она судорожно сжимала на себе обрывки своей одежды, пытаясь прикрыться ими и при этом сгорая от стыда. Сделав шаг назад, маг протянул в её сторону посох и проговорил.

— Туника Репаро!

После чего сразу же развернулся и направился в сторону битвы. Элентитта испытала ужас, когда остатки одежды зашевелились на её теле и поползли навстречу друг к другу. Не смея даже кричать, она отпустила из рук лохмотья, бывшие когда-то её одеждой. Туника расправилась, обнажив огромные разрывы. Её тело на мгновение обнажилось, но уже через мгновение обрывки одежды сошлись в единое изделие. Разрывы зарастали, не оставляя даже намёков на их наличие когда-то. Через несколько секунд она потрясённо смотрела на совершенно целую тунику, покрывавшую её тело. У неё осталась только память о рваной одежде и попытке изнасилования. Она подняла жезл и направилась в сторону битвы. Когда она оказалась там, битва уже заканчивалась. Два лучника при поддержке мага уже перебили почти всех орков. Остальные, осознав, что битва проиграна, пытались сбежать, но эльфийские стрелки не собирались дать им такую возможность. Последний живой орк успел добежать до кромки леса, когда ему в спину впилась стрела. Взмахнув руками, он рухнул и больше не шевелился.

Элентитта и два её товарища, не веря своим глазам, смотрели на поле битвы. С поля раздались крики раненых. Человеческий маг уверенной походкой направился в ту сторону. Переглянувшись между собой, три эльфа поспешили следом. Первым они нашли Альтона.

Он лежал, обхватив лицо руками, и громко стонал. Из-под пальцев его ладоней вытекала кровь, она текла из его глазниц. Услышав шаги, он отнял ладони от лица и громко спросил.

— Кто здесь?

В его голосе звучали истеричные нотки.

— Это мы. — Отозвался Ханон. — Мы выиграли битву. Все орки мертвы.

Лицо Альтона расслабилось. Он лёг на землю и проговорил.

— Добейте меня. Я всё равно не смогу...

Дальше нам не удалось расслышать его слова, потому что маг вытянул руку с посохом в сторону раненого воина и произнёс.

— Пертификус Тоталус.

Тело Альтона дёрнулось и вытянулось, его руки притянуло к туловищу, а ноги стянуло друг к другу. Он захрипел. Маг, не церемонясь, сел верхом прямо на тело Альтона и, перехватив посох в левую руку, он опёрся левой рукой с зажатым в ней посохом об лоб Альтона, а правую ладонь он вытянул, сжав пальцы вместе, и вонзил ими в опустевшую глазницу Альтона. Даже сквозь магические пути мы слышали приглушённый рёв Альтона от боли. Его лицо полностью перекосилось. Ханон и Тирон попытались броситься ему на помощь, но Элентитта вцепилась в их одежду. Что-то заставило её удержать их. Они повернулись к ней с удивлёнными лицами.

— Подождите!

В этот миг звук крика на склоне стал стихать. Мы удивлённо оглянулись. Альтон ещё был связан заклятием и стонал, но его лицо изменилось. На этом лице с выражением ужаса и боли вращался его правый глаз. Слизь из глаза и кровь уже втянулись внутрь. Маг отвёл руку назад и, не разжимая пальцев, стал опускать их в левую глазницу Альтона. Когда Альтон увидел движущуюся к нему руку мага, он забился в истерике и замычал от страха. Над склоном снова раздался жуткий вопль. Но на этот раз никто из нас не стремился прийти ему на помощь.

Поднявшись, маг некоторое время пытался отдышаться, отпил воды из своей фляги. Его глаза были наполнены шоком и усталостью, лицо измазано грязью, мешая рассмотреть его внимательно. Он дождался, когда Альтон перестанет биться в истерике от боли, и проговорил заклятие, проведя посохом над телом.

— Фините Инкантатем.

После этого Альтон зашевелился. Его руки потянулись к лицу. За это движение маг ударил его по рукам посохом. Альтон поднял обезумевшие глаза на мага. Тот протянул левую руку к нему и заговорил. Мы не понимали ни единого слова из сказанного. Альтон молча смотрел на мага. Маг щёлкнул пальцами и, сложив пальцы вместе, повел рукой сначала вправо, потом влево. Поняв, что от него ждут, Альтон проводил глазами пальцы мага, давая понять, что он их видит. Успокоившись, маг направился к другому раненому.

Вэон, также лишённый глаз, шарил вокруг себя. Его лицо имело обезумевшее выражение. Он явно не понимал происходящего вокруг себя. Шум, стоны и крики его не касались. Хуже всего, что он нащупал на теле мёртвого орка нож и, достав его, пытался вонзить его себе в живот. Маг двигался стремительно. Он выбил посохом нож из рук раненого. После чего наложил на него парализующее заклятие. Прежде чем его лечить, он развернулся к нам и заговорил. Мы не понимали его, но жесты были красноречивы. Маг хотел, чтобы мы нашли последнего раненого. Ребята ушли, а Элентитта осталась наблюдать. Прямо там, на камнях, он совершил ещё одно лечение. Бойцы принесли тело Охтарона. Он

был также лишён глаз и изранен ударами ножа. Жизнь покидала его. Маг сразу принялся за лечение умирающего. Вэон лежал, связанный заклятием, с безумным взглядом. Маг не стал его отпускать. На моих глазах раны Охтарона стягивались магической силой под воздействием рук мага. Потом ему вернули глаза. Отпустив Охтарона, маг сел на землю. По его лицу тёк пот, размазывая грязь. Это мешало определить его возраст. Отдышавшись, маг снял с излечённых бойцов заклятия, и те стали шевелиться.

Он встал и направился на холм к монументу. Арка была разрушена. Но на вершине холма, лишённого растительности, оставался пьедестал, на котором она находилась. Поднявшись на пьедестал, он стал бродить вокруг остатков арки, вглядываясь в них. Видимое там его сильно разочаровало. Арка была разрушена окончательно. Орки перебиты. Воины целы. Задание отряда было выполнено, вот только победителями они себя не чувствовали. Было что-то неправильное в этой ситуации.

Оглядевшись, маг спустился с пьедестала и направился к подножию холма. Туда, где из ближайшего болота в сторону реки протекал небольшой ручеёк. Мы шли за ним. Оказавшись возле ручья, он опустил его на колени и стал смывать с себя грязь и кровь. Мы присоединились к нему. Скоро все мы отмывали свои лица и руки, растянувшись вдоль берега и отложив в сторону своё оружие. Он закончил первым и отошёл в сторону. Потихоньку мы возвращались к жизни. Боль, страдания и ужас прошедшего дня были позади. Когда Элентитта закончила умываться и оглянулась, то увидела, что человеческий маг сидит на одном из камней, лежащих у подножия холма, согнувшись и уронив голову в ладони. Переживая боль и страдания, она думала только о своих собственных чувствах. Внезапно смысл ситуации стал понятен ей. Придя им на помощь и спасая их жизни, он оказался лишён возможности вернуться назад, к себе домой. Было что-то горестное в его позе. Она решила подойти к нему и поговорить, или попытаться. Она подошла к нему и прикоснулась к его плечу. Он отнял лицо от ладоней. Маг плакал. Его лицо было перекошено от обиды. По щекам текли слёзы. Внезапно Элентитта осознала, насколько этот маг был молод, даже юн. А по меркам эльфов так вообще ребёнок. Она испытала жалость к нему, потерянному в чужом мире.

***

За столом царило необычное состояние. Галеан, Вотан и Фрея смотрели на Всевышнего с восторгом. Моргот и Бетрезен испытывали прямо противоположные чувства. Злость и обида — лишь самое слабое описание их состояния. Бетрезен пытался сохранять спокойствие, а Моргот порывался вскочить и метаться по помещению. Даже Мортис проявила интерес к происходящему, разглядывая разыгравшуюся партию. И всё это на фоне громкого смеха, издаваемого Всевышним. Только когда был сделан последний ход, стал виден изначальный замысел Всевышнего. Пытаясь противодействовать ему, Моргот и Бетрезен сами выполнили за него всю работу. Атака крепости позволила магу получить необходимый опыт и поднять свой уровень, сделав его тем, кто мог совершить всю необходимую работу. Деятельность барона, служащего Бетрезену, его желание заполучить юного мага себе, заставило Императора отправить его в этот поход. Превратности войны привели мага к точке нахождения портала. Бездарность военачальников зеленокожих позволило магу оказаться рядом с порталом. И даже появление Смерти сработало на Всевышнего, загнав мага в портал. Маг отправился за две тысячи верст через магический портал на помощь эльфийскому отряду. Всевышний пребывал в благодушном состоянии. Его бодрый и радостный смех оглашал тишину комнаты.

